

A. C.
H. H. H. H. H.

A. C. H. H. H. H. H.

9

ACADEMIA

1837—1937

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДЕВЯТИ ТОМАХ

ПОД
ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

Т О М
ІХ

А С А Д Е М І А
1 9 3 7

А. С. ПУШКИН
Автолитография Г. А. Васильева

А. С. ПУШКИН

**КРИТИКА·ИСТОРИЯ
АВТОБИОГРАФИЯ**

**Материалы записных книжек
и черновые наброски**

А С А Д Е М І А

1 9 3 7

Марка и переплет
Н. И. Пискарева

**ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ,
ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ
НАБРОСКИ**

МАСКА А. С. ПУШКИНА
Автолитография Г. А. Васильева

Мои замечания об русском театре

Должно ли сперва поговорить о себе, если захочешь поговорить о других? Нужна ли старая маска Лужницкого пустынника для безымянного критика Истории Карамзина? Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою? Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски? Думаю, что нет, и потому не прилагаю здесь ни своего послужного списка, ни свидетельства о рождении, ни росписи своим знакомым и друзьям, ни собственной аполгии. Читатель, которому до меня нет никакой нужды, этим нимало

не оскорбится, и если ему нечего делать, то пробежит *мои замечания об Русском Театре*, не заботясь, по какому поводу я их написал и напечатал.

Публика образует драматические таланты. Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми.

«Откуда ты?»—«От Семеновой, от Сосницкой, от Колосовой, от Истоминой».—«Как ты счастлив!»—«Сегодня она играет—она танцует—похлопаем ей—вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!..»—Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таковых судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей публики, фальшиво дотягивают арию Боэльде или della *Magia*. Знатоки примечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. *Прочие* хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Трагический актер заревет громче, сильнее обы-

кновенного; оглушенный раек приходит в иступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актрис по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (т. е. кресел) слишком занята судьбою Европы и Отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же, русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее—движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Большого каменного театра, но все не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей.

Еще одно замечание. Сии великие люди нашего времени, носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучных с образом их занятий, сии всегдаш-

ние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие в операх, внимательные, может быть, в одних только балетах, не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов и наводить лень и томность на их души, если природа одарила их душою?

Но посмотрим, достойны ли русские актеры такого убийственного равнодушия. Разберем отдельно трагедию, комедию, оперу и балет и постараемся быть снисходительными и строгими, но особенно беспристрастными.

Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой—и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотой, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная французская актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, всё сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано. Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измеренные строки Лобанова; в ее устах понра-

вились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах, составленных общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается по-одиночке. Семенова не имеет соперницы. Пристрастные толки и минутные жертвы, принесенные новости, прекратились, она осталась единодержавною царицею трагической сцены. Было время, когда хотели с нею сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая в роли Дидоны живо напомнила нам жеманную Селимену (так, как в роли *Ревнивой жены* напоминает она и теперь Карфагенскую царицу)*. Но истинные почитатели ее таланта забыли, что видали ее в венце и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья с шлейфом и шляпки с перьями.

В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены.

* Иные почитают лучшею ролью г-жи Валберховой — роль *Ревнивой жены*. Совершенно несправедливо. Разве они не видали ее в *Мизантропе*, в *Нечаянном закладе*, в *Пустодомах* и проч.?

Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно — частая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов. Приговор почти единоголосный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой. Во всё продолжение игры ее рукоплесканья не прерывались. По окончании трагедии она была вызвана криками иступления, и когда г-жа Колосова большая

*Filiae pulchrae mater pulchrior*¹

в русской одежде, блистая материнскою гордостью, вышла в последующем балете, всё загремело, всё закричало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Пример единственный в истории нашего театра. Рассказываю просто, не делая на это никаких замечаний. Три раза сряду Колосова играла три разные роли с равным успехом. Чем же всё кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало-по-малу охолодел, похвалы стали умереннее, рукоплескания утихли; перестали ее сравнивать с несравненно Семеновой; вскоре стала она являться пред опустелым театром. — Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры, — все заснуло, и проснулись только тогда,

¹ (Прелестной дочери прелестнейшая мать.)

когда христианка Заира, умерщвленная в 5-м действии трагедии, показалась в конце довольно скучного водевиля в малиновом сарафане, в золотой повязке, и пошла плясать по-русски с большою приятностию на голос: *Во саду ли, в огороде.*

Если Колосова будет менее заниматься флигель-адъютантами е. и. в., а более своими ролями; если она исправит свой однообразный напев, резкие вскрикивания и парижской выговор буквы *P*, очень приятный в комнате, но неприятный на трагической сцене; если жесты ее будут естественнее и не столь жеманными, если будет подражать не только одному выражению лица Семеновой, но постарается себе присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях, — то мы можем надеяться иметь со временем истинно хорошую актрису, не только прелестную собой, но и прекрасную умом, искусством и неоспоримым дарованием. Красота проходит, таланты долго не увядают. Кто нынче говорит об Каратыгиной, которая, по собственному признанию, никогда не могла понять смысла ни единого слова своей роли, если она писана была стихами? Было время, когда ослепленная публика кричала об чудном таланте прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду с его законною вдовою, и никто не возьмет на себя решить, которая из них непонятнее и неприятнее. Скром-

ная, никем не замеченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагической наперсницы, предпочитается им обоим простым, равнодушным чтением стихов, которое, по крайней мере, никогда не вредит игре главной актрисы.

Долго Семенова являлась перед нами с диким, но пламенным Яковлевым, который, когда не был пьян, напоминал нам пьяного Тальма. В то время имели мы двух трагических актеров! Яковлев умер; Брянской заступил его место, но не заменил его. Брянской, может быть, благопристойнее вообще, имеет более благородства на сцене, более уважения к публике, тверже знает свои роли, не останавливает представлений *внезапными своими болезнями*; но зато какая холодность! какой однообразный, тяжелый напев!

По мне, — уж лучше пей,
Да дело разумеи.

Яковлев имел часто восхитительные порывы гения, иногда порывы лубочного Тальма. Брянской всегда, везде одинаков. Вечно улыбающийся Фингал, Тезей, Орозман, Язон, Димитрий — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: расшевелись, батюшка, развернись, рассердись, — ну! ну! Неловкий, размеренный, сжатый во всех движениях, он не умеет владеть ни своим голосом, ни

своей фигурою. Брянской в трагедии никогда никого не тронул, а в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комической актер, он имеет преимущество и даже истинное достоинство.

Оставляю на жертву *бенуару* Шеникова, Глухарева, Каменогорского, Толченова и проч. Все они, принятые сначала с восторгом, а после падшие в презрение самого райка, *погибли без шума*. Но из числа сих отверженных исключим Борецкого. Любовь, иные думают, несчастная, к своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Он не имеет величественной осанки Яковлева, даже довольно приятной фигуры Брянского; его напев еще однообразнее и томительнее, вообще играет он хуже его. Certes! c'est beaucoup dire¹ — со всем тем я Борецкого предпочитаю Брянскому. Борецкой имеет чувство, мы слышали порывы души его в роли Эдипа и старого Горация. Надежда в нем еще не пропала. Искоренение всех привычек, совершенная перемена методы, новый образ выразаться могут сделать из Борецкого, одаренного средствами душевными и физическими, актера с великим достоинством.

Но оставим неблагоприятное поле трагедии и приступим к разбору комических талантов.

(1820)

¹ (Конечно, это много сказано.)

**⟨Заметки по поводу суждения о «Проекте
вечного мира» Сен-Пьера⟩**

1. Il est impossible que les hommes ne conçoivent avec le temps la ridicule atrocité de la guerre comme ils ont conçu l'esclavage, la royauté etc. Ils verront que nous sommes destinés à manger, à boire et à être libre.

2. Les constitutions qui sont un grand pas de l'esprit humain et qui n'en sera pas l'unique tendent nécessairement à diminuer le nombre des troupes d'un état, l'esprit de la force armée étant directement opposé à toute idée constitutionnelle, il serait très possible qu'avant 100 ans l'on n'eût plus d'armée permanente.

3. Quant aux grandes passions et aux grands talents militaires on aura toujours la guillotine — la société se soucie fort peu d'admirer les grandes combinaisons d'un général, victorieux — on a bien autre chose à faire — et ce n'est que pour cela qu'on s'est mis sous l'égide des lois.

Rousseau qui ne raisonnait pas mal pour un Cr. de prot. dit en propres termes: «ce qui est utile au public ne s'introduit guère que par la force, attendu que les intérêts particuliers y sont presque toujours opposés. Sans doute la paix perpétuelle est à présent un projet bien absurde; mais qu'on nous rende un Henri IV et un Sully,

la paix perpétuelle redeviendra un projet raisonnable; ou plutôt, admirons un si beau plan, mais consolons-nous de ne pas le voir exécuter; car cela ne peut se faire que par des moyens violents et redoutables à l'humanité». Il est évident que ces terribles moyens, dont il parlait, c'étaient les révolutions — or nous y sommes. Je sais bien que toutes ces raisons sont très mauvaises, le témoignage d'un petit garçon comme Rousseau qui n'a jamais gagné seulement une pauvre bataille ne peut avoir aucun poids — mais la dispute est toujours une très bonne chose en ce qu'elle aide à digérer — du reste elle n'a jamais persuadé personne — [il n'y a que les imbéciles qui pensent le contraire].¹

(1821)

Note sur la révolution d'Ipsylanti

Le hospodar Ipsylanti trahit la cause de l'Hétairie et fut cause de la mort de Riga etc.

Son fils Alexandre fut hétéairiste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur); ses frères, Кант(акузен), Кантогони, Сафианос, Мано. Michel Suzzo fut reçu hétéairiste en 1820; Alexandre Suzzo, hospodar de Valachie, apprit le secret de l'hétairie par son secrétaire (Valette)

¹ (Переводы иностранных текстов см. в комментариях к соответствующим страницам.)

qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alexandre Ipsylanti en janvier 1821 envoya un certain Aristide en *Servie* avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople—cela fit que les plans furent changés (tout) de suite. Michel Suzzo écrivit à Kichéneff. On empoisonna Alexandre Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

Les capitans sont des indépendants — corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu *Formaki*, Iordaki-Olimbiotti, Калакотрони, Кантогони, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers les frontières de la Hongrie. Alexandre Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 hommes combattit 5 fois l'armée turque, et s'enferma enfin dans le monastère (de Sekou). Trahi par les juifs, entouré des turcs, il mit le feu à sa poudre et sauta.

Formaki, capitain, hétériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople.

(1821)

⟨Note sur Penda-Déka⟩

Penda-Déka fut élevé à Moscou—en 1817 il servit de truchement à un évêque grec réfugié, et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. Deux cents grecs assassinèrent 150 turcs, 60 de ces derniers furent brulés dans une maison où ils s'étoient réfugiés. Penda-Déka vint quelques jours après à Ibraïl comme espion.—Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitch: celui-ci l'envoya calmer les troubles de Yassy—il y trouva les grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1.500 h. tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузин arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka. Kant. envoya Penda-Déka reconnaître les ennemis; l'avis de Penda-Déka fut de se fortifier à Barda (1-re station vers Yassy). Kant. se retira à Skoulian et demanda que Penda-Déka fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta.

Penda-Déka nomma son second Papas-Ouglou arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre Ibrahim et Jourja. Les turcs fuy-

aient de toute part croyant voir les russes à leur trousses. A Boucharest les députés bulgares (entre autre Capigi-bachi) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays—il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti en cas que les turcs ne voulûssent pas rendre les armes.

(1821)

⟨Заметки по русской истории XVIII в.⟩

№ 1

По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, всё еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-по-малу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русской кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы,

в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе*.

Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть более, чем Наполеон. [В самом деле, история представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким, и письмо с берегов Прута приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось.]

* Доказательства тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы.

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III *о вольности дворян*, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравствен-

ное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила (их) на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в северной Турции*.

* *Бесплодными*, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россиею. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале французской революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия, а изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот.

Униженная Швеция и уничтоженная Польша — вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономике, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.

Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой доньше в одном из присутственных мест государства*, об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Куракина и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолю-

* Потемкин послал однажды адъютанта взять из казенного места 100.000 рублей. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. Потемкин на другой стороне их отношения своеручно приписал: «дать, е.... м...»

бию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностью пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство.

Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского* в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами, и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого

* Домашний палач кроткой Екатерины.

состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии [которые зависели от монастырей, а ныне от епископов] пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностію. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушные к отечественной религии, ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек насчет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и богом. Мы обязаны монахам нашей исторіею,

следственно и просвещением. Екатерина знала всё это и имела свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами: очень естественно, — они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; Наказ ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но, перечитывая сей лицемерный Наказ, нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де-Сталь за основание нашей конституции. *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation**.

2 авг. 1822

* Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою.

〈Начало статьи о русской прозе〉

Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: не выхваляйте мне Бюфона [этот человек] пишет: «Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное, гордое, пылкое и проч.» Зачем просто не сказать — лошадь? — Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер был очень умный человек — и, признаюсь, я почти согласен с его мнением.

Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне — великом живописце природы. Слог его, цветущий, полный, всегда будет образцом описательной прозы. Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами! Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: «сие священное чувство, коего благородный пламень, и проч.» — Должно бы сказать: рано поутру, — а они пишут: «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба». Как это всё ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее?

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: «сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном...» Боже мой! да поставь: «это молодая хорошая актриса», и про-

должай—а будь уверен, что никто не заметит [высокопарных] твоих выражений, никто спасибо не скажет.

«Презренный завистливый зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостью...» Боже мой, зачем просто не сказать *лошадь*; не короче ли—«Г-н издатель такого-то журнала...»

Вольтер может почестся лучшим образцом благоразумного слога.—Он осмеял в своем Микромегасе изысканность тонких выражений Фонтенеля, который никогда не мог ему того простить*.

Точность и краткость—вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей—без них блестящие выражения ни к чему не служат; стихи дело другое—(впрочем в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется).

* Кстати о слоге. Должно ли в сем случае сказать: не мог (*простить*) ему и проч. или (*простить его*)? Кажется, что слова сии зависят не от глагола *мог*, управляемого частицею *не*, но неопределенного наклонения *простить*, требующего *винит.* падежа. Впрочем. Н. М. Карамзин пишет иначе.

Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? — Ответ: *Карамзина*. Это еще похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтенном...

⟨1822⟩

⟨Только революционная голова...⟩

Только революционная голова, подобная М. Ор⟨лову⟩ или Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке.

⟨1822⟩

О французской словесности

Изо всех литератур она имела большое влияние на нашу. Ломоносов, следуя немцам, следовал ей. Сумароков — (Тредьяковский нехотя отделил стихосложением) — Дмитриев, Карамзин, Богданович. Вредные последствия — манерность, робость, бледность. Жуковский подражал немцам — Батюшков и Баратынский — Парни. Некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов, коего слог русский. Князь Вяземский имеет свой слог. Катенин — пиесы в немецком роде — слог его свой.

Что такое французская словесность? Трубадуры. Малерб держится 4 строками оды к Дю-

перье и стихами *Буало*. Менар, чистый, но слабый. Ракан, Воатюр—дрянь. Буало, Расин, Мольер, Лафонтен, Ж. Б. Руссо, Вольтер. Буало убивает французскую словесность, его странные суждения, зависть Вольтера—французская словесность искажается—русские начинают ей подражать—Дмитриев—как можно ей подражать: ее глупое стихосложение—робкий, бледный язык—вечно на помочах, Руссо в одах дурен. Державин.

Не решу, какой словесности отдать (предпочтение), но есть у нас свой язык; смелее!—обычай, история, песни, сказки—и проч.

(1822 — 1824?)

⟨Заметки о французских историках и поэтах⟩

⟨1⟩

Французы ничуть не ниже англичан в Истории.—Если первенство чего-нибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге—и внес светильник философии в темные архивы истории. Робертсон сказал, что если бы Вольтер потрудились указать на источники своих сказаний, то бы он, Робертсон, никогда не написал своей истории. 2-е. Лемонте есть гений 19-го столетия—прочти его *Обозрение царство-*

вания Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де С. Этьен—дрянь.

⟨2⟩

Век романтизма не настал еще для Франции.— Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля— Он ученик трагика Вольтера, а не природы.

Tous les recueils de poésies nouvelles dites romantiques sont la honte de la littérature française¹.

Ламартин хорош в Наполеоне, в Умиравшем поэте—вообще хорош какой-то новой гармонией.

Никто более меня не любит прелестного André Chénier—Но он из классиков классик—от него так и несет древней греческой поэзией. Вспомни мое слово: первый гений в отечестве Расина и Буало—ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм—что твои немцы—а покамест поэзии во Франции менее, чем у нас.

⟨1824⟩

⟨Причинами, замедлившими ход нашей словесности...⟩

Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее упо-

¹ ⟨Все сборники новейшей, так называемой романтической, поэзии—позор французской литературы.⟩

требление французского языка и пренебрежение русского. Все наши писатели на то жаловались,— но кто же виноват, как не они сами. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен—у нас еще нет ни словесности, ни книг; все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке (метафизического языка у нас вовсе не существует); просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись: проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны.

Но русская поэзия, скажут мне, достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения, что в *Душеньке* Богдановича встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех

нам известных баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для италийского; что Жуковского перевели бы все языки, если бы он сам менее переводил.

(1824)

〈Заметки к поэме «Цыганы»〉

〈1〉

Долго не знали в Европе происхождения цыганов, считали их выходцами из Египта — доньше в некоторых местах называют их египтянами. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения — доказано, что цыганы принадлежат к отверженной касте индейцев, называемых *париа*. Язык и то, что можно назвать их верою, и даже черты лица и образ жизни — верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностию, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг — они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, песнями и плясками.

В Молдавии цыганы составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние только между ими: там [нет крепостных людей, кроме] сих приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им однако же вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Дань их составляет необрочный доход супруги господаря. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой; они не промышляют, например, обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами.

⟨2⟩

П р и м е ч а н и е. Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

*Она Державиным воспета
И славой русскою полна.*

[От Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была театром наших вечных войн.]

Но донныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выйдет ли когда-нибудь Историческое и статистическое описание оной, со-

ставленное И. П. Липранди, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека.

(1824)

〈Заметка к элегии «Андрей Шенье»〉

André Chénier погиб жертвою французской революции на 31 году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, и два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. — Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года. — Нельзя воздержаться от горестного чувства.

(1825)

〈Возражения на статью А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в 1824 и начале 1825 годов»〉

Бестужев предполагает, что словесность всех исторических народов следовала общим законам природы. (*Что это значит?*). Первый век ее был возрастом *гениев*.

Кажется, автор хотел сказать, что всякая словесность имеет свое постепенное развитие и упадок. — Нет. Автор первым ее периодом предполагает век *сильных чувств и гениальных тво-*

рений. По времени круг сей (какой?) (стесняется) etc. Следовательно настает новый период, но г-н Бестужев сливает их в одно и продолжает: За сим (веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета. Песенники последовали за лириками, комедия вставала за трагедиею; но история, критика и сатира были всегда младшими ветвями словесности) и проч. *Так было везде.*—Нет. О греческой поэзии судить нам невозможно, до нас дошло слишком мало памятников оной. О греческой критике мы не имеем и понятия, но мы знаем, что Геродот жил прежде поэзии Эсхила — гениального творца трагедии.

Невий предшествовал Горацию, Энний Virгилию, Катулл Овидию, Гораций Квинтилиану, Лукан и Сенека явились гораздо позже. Все это не может подойти под общее определение г-на Бестужева.

Спрашивается, которая из новейших словесностей являет постепенность, своевольно определяемую г-ном Бестужевым?—

Романтическая словесность началась триолетами. Таинства, мистерии, фаблио предшествовали созданиям Ариоста, Кальдерона, Данте, Шекспира.

После *(нрзбр)* Marini явился Alfieri, Monti и Foscolo, после Попа и Аддисона — Байрон, Мур

и Соувей? Во Франции романтическая поэзия долго младенчествовала — Marot и проч.

— Спрашивается, где видим и тень закона, п(редполагаемого) г. Бестужевым?

У нас есть критики? Где ж они?

Где наши Аддисоны, Лагарпы, Шлегели,— что мы разобрали? Чьи литературные мнения сделались народными? на чью критику можем мы сослаться, опереться? Но г-н Бестужев сам же говорит ниже...

(1825)

〈Изо всех родов сочинений самые неправдоподобные...〉

Изо всех родов сочинений самые (*invraisemblance*) неправдоподобные сочинения драматические, а из сочинений драматических — трагедии, ибо зритель должен забыть — по большей части, время, место, язык, должен усилием воображения согласиться в известном наречии — к стихам, к вымыслам. Французские писатели это чувствовали и сделали свои своенравные правила — место, время (действие). Занимательность, будучи первым законом драматического искусства, единство действия должно быть соблюдаемо. Но место и время слишком своенравны — от сего происходят какие неудобства, стеснение места

действия. Заговоры, свадьбы, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества — всё происходит в одной комнате! — Непомерная быстрота и стесненность происшествий — наперсники... а *parte*¹ столь же не сообразны с рассудком — Принуждены были в двух местах — и проч. И всё это ничего не значит. Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства? Интерес — единство.

Смещение родов комического и трагического — напряжение, изысканность необходимых иногда простых выражений.

(1825)

О поэзии классической и романтической

Наши критики не согласились еще в ясном определении различий между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму всё, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное. Стихотворение может являть все сии

¹ (Речи «в сторону».)

признаки, а между тем принадлежать к роду классическому. Если же вместо *формы* стихотворения будем [брать] за основание только *дух*, в котором оно писано, — то никогда не выпутаемся из определений. Гимн Ж. Б. Руссо духом своим, конечно, отличается от оды Пиндара, сатира Ювенала от сатиры Горация, «Освобожденный Иерусалим» от «Энеиды» — однако ж все они принадлежат к роду классическому. К сему роду должны отнести те стихотворения, коих *формы* известны были грекам и римлянам, или коих образцы они нам оставили; следственно сюда принадлежат: эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и баснь.

Какие же роды стихотворения должно отнести к поэзии романтической? — Все те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян: каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности. Взглянем на происхождение и на постепенное развитие поэзии новейших народов.

Западная Империя клонилась быстро к падению, а с нею науки, словесность и художества. Наконец, она пала; просвещение погасло, неве-

жество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота; в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Вергилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды.

Поэзия проснулась под небом полуденной Франции — рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значущее, имело сильное влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным повторениям звуков, побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие — любить размеренность, соответственность (*simetria*) свойственно уму человеческому. Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились *virlet*, баллада, рондо, сонет и проч.

От сего произошла необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним; мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться в триолетах. Мы находим несчастные сии следы в величайших гениях новейших времен.

Но ум не может довольствоваться одними игрушками гармонии, воображение требует картин и рассказов — трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и вой-

ну, оживили народные предания, — родился ле, роман и фаблю.

Темные понятия о древней трагедии и церковные празднества подали повод к сочинению *таинств* (*mystères*). [Они] почти все писаны на один образец и подходят под одно уложение, но к несчастью в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии.

Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы.

Мавры внушили ей иступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие востока. Рыцари сообщили свою набожность и простодушие, свои понятия о геройстве и вольность нравов походных станов Годфреда и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзии. Если бы она остановилась на сих опытах, то строгие приговоры французских критиков были бы справедливы, но отрасли ее быстро и пышно процвели, и вскоре она является нам соперницею древней музы.

Италия присвоила себе ее эпопею, полу-африканская Гишпания завладела трагедией и романом, Англия противу имен Dante, Ариосто и Кальдерона с гордостью выставила имена Спен-

сера, Мильтона и Шекспира, в Германии (что довольно странно) отличилась новая сатира, едкая, шутливая, [коей памятником остался Ренике Фукс.]

Во Франции тогда поэзия всё еще младенчествовала; лучший стихотворец времени [Франциска I]

rima des triolets, fit fleurir la ballade¹.

Проза уже имела сильный перевес: Монтань, Рабле были современниками Марота.

В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Она пошла по дороге уже проложенной: были поэмы прежде Ариостова Орlando, были трагедии прежде созданий de Vega и Кальдерона.

Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве, без всякого направления, безо всякой силы. Образованные [умы] века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили ее к древним образцам. Буало обнаружил свой коран — и французская словесность ему покорилась.

Сия лжеклассическая поэзия, образованная в передней и никогда не доходившая далее гостиной, не могла отучиться от некоторых врожден-

¹ (Слагал триолеты, писал мастерские баллады.)

ных привычек, и мы видим в ней всё романтическое жеманство, облеченное в строгие формы классические.

P. S. Не должно думать однако ж, чтоб и во Франции не осталось никаких памятников чистой романтической поэзии. Сказки Лафонтена и Вольтера и Дева сего последнего носят на себе ее клеймо. Не говорю о многочисленных подражаниях тем и той, подражаниях, по большей части посредственных: легче превзойти гениев в забвении всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве.

⟨1825⟩

⟨Замечания на «Анналы» Тацита⟩

⟨1⟩

Тиберий был в Иллирии, когда получил известие о болезни престарелого Августа — Неизвестно, застал ли он его в живых — Первое злодеяние его (замечает Тацит) было умерщвление Постумы Агриппы, внука Августова. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью, — то Тиберий прав. Агриппа, родной внук Августа, имел право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума — Таковые люди всегда могут иметь большое число приверженцев — или сделаться орудием

хитрого мятежника. Неизвестно, говорит Тацит, Тиберий или его мать Ливия уби́йство сие приказали. Вероятно Ливия — но и Тиберий не пощадил бы его.

⟨2⟩

Когда сенат просил дозволения нести тело Августа на место сожжения, — Тиберий позволил сие *с насмешливой скромностию*. Тиберий никогда не мешал изъявлению подлости, хотя и притворялся иногда будто бы негодовал на оную — Но и сие уже впоследствии. Вначале же, решительный во всех своих действиях, казался он запутанным и скрытным в одних отношениях своих к сенату.

⟨3⟩

Август, вторично испрашивая для Тиберия трибунства, точно ли в насмешку и для невыгодного сравнения с самим собою хвалил наружность и нравы своего пасынка и наследника?

В своем завещании из единой ли зависти советовал он не распространять пределов империи, простиравшейся тогда от — до —

⟨4⟩

Тиберий отказывается от управления государством, но изъявляет готовность принять на себя ту часть оно́го, которую на него возложат.

Сквозь раболепство Галла Азиния видит он его гордость и предприимчивость, негодует на Сква, нападает на Гатерия, который подвергается опасности быть убиту воинами и спасен просьбами Августы Ливии.

Тиберий не допускает, чтобы Ливия имела много почестей и влияния, не от *зависти*, как думает Тацит; не увеличивает вопреки мнению сената число преторов, установленное Августом (12).

⟨5⟩

Первое действие Тибериевой власти есть уничтожение народных собраний на Марсовом поле — следственно, и довершение уничтожения республики. Народ ропщет. Сенат охотно соглашается. (Тень правления перенесена в сенат.)

⟨6⟩

35. Германик, тщетно стараясь усмирить бунт легионов, хотел заколоться в глазах воинов. Его удержали. Тогда один из них подал ему свой меч, говоря: *Он востре*. Это показалось (говорит Тацит) слишком злобно и жестоко самым яростным мятежникам. По нашим понятиям слово сие было бы только грубая насмешка; но самоубийство так же было обыкновенно в древности, как поединок в наши времена, и вряд ли бы мог

Германик отказаться от сего предложения, когда бы прочие не воспротивились.

Мать Мессалины советует ей убиться. Мессалина в нерешимости подносит нож то к горлу, то к груди, и мать ее не удерживает. Сенека не препятствует своей жене Паулине, решившейся последовать за ним, и проч. Предложение воина есть хладнокровный вызов, а не неуместная шутка.

⟨7⟩

52. Тиберий не мог доволен быть Германиком, оказавшим много слабости в погашении бунта [легионов]. Германик соглашается на требования мятежников, ограничивает время службы, допускает самовольные казни, даже междоусобную битву. Блестящие поражения неприятеля при Марсорских селениях не заглаживают столько явных ошибок.—Тиберий в своей речи старался их прикрыть риторическими украшениями—меньше хвалил Друза, но откровеннее и вернее. Счастливые обстоятельства благоприятствовали Друзу, но сей оказал и много благоразумия, не склонился на требования мятежников, сам казнил первых возмутителей, сам водворил порядок.

⟨8⟩

53. Юлия, дочь Августа, славная своим распутством и ссылкой Овидия, умирает в изгнании,

в нищете, может быть, но не *от нищеты и голода*, как пишет Тацит. — Голодом можно заморить в тюрьме.

⟨9⟩

С такими глубокими суждениями не удивительно, что Тацит, *бич тиранов*, не нравился Наполеону, удивительно чистосердечие Наполеона, в том признававшегося, не думая о добрых людях, готовых видеть тут ненависть тирана к своему мертвому карателю. —

Тацит говорит о Тиберии, что он не любил сменять своих проконсулов ⟨и⟩ наместников, однажды назначив. Ибо, прибавляет он важно, злая душа его не желала счастья многих. —

⟨1825 — 1827⟩

**⟨Je suppose sous un gouvernement
despotique...⟩**

Je suppose sous un gouvernement despotique des esclaves et des gens libres — c'est à dire ceux dont la propriété et la volonté dépendent des lois du souverain et ceux qui sont la propriété de quelques individus.

Cet état de choses rentre dans le régime patriarcal, épargne aux gouvernements une infinité d'embar ras, de procès, simplifie l'administration et lui donne beaucoup de vigueur.

Gardez-vous donc d'abolir l'esclavage, surtout dans un état.

La liberté des paysans.

⟨1825 — 1826 ?⟩

⟨О народности в литературе⟩

С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, — но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность.

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной Истории (— — —), другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения (— — —).

Но мудрено отъять у Шекспира в его *Отелло*, *Гамлете*, *Мера за меру* и проч. — достоинства большой народности; Vega и Кальдерон поминутно переносят во все части света, заедают предметы своих трагедий из итальянских повестей, из французских etc. Ариосто воспеваает Карломана, французских рыцарей и китайскую ⟨красавицу⟩. — Трагедии Расина взяты им из древней ⟨истории⟩.

Мудрено однако ж у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности. Напро-

тив того, что *есть народного* в Р(оссиаде?) и в *Ксении* (Озерова), рассуждающей шестистопными ямбическими (стихами) о власти родительской с наперсницей посреди стана Димитрия, как справедливо заметил (Державин).

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками—для других оно или не существует, или даже может показаться пороком—ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Всё это носит однако ж печать народности.

Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию—которая более и менее отражается в зеркале поэзии.—Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу.

(1826)

**(Заметки по поводу статьи Кюхельбекера
«О направлении нашей поэзии»)**

Статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» и «Разговор с г. Булгариным», напечатанные

в *Мнемозине*, [обратили на себя внимание многих и] послужили основанием всего, что сказано было противу р(омантической) литературы в последние два года.

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. Он везде прилагает доказательства своих суждений и даже причины своего образа мыслей, дело довольно редкое в нашей литературе. Никто не стал опровергать его — потому ли, что все с ним согласились, потому ли, что никто не надеялся сладить с атлетом, повидимому, сильным и опытным.

Несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях. Он разделяет русскую поэзию на лирическую и эпическую. К первой относит произведения старинных поэтов наших, ко второй Жуковского и его последователей.

Теперь положим, что разделение сие справедливо и рассмотрим, каким образом критик определяет степень достоинства сих двух родов.

«Мы например» — выписываем сие мнение, потому что оно совершенно согласно с нашим, что такое *сила* в поэзии? сила в изобретеньи, в расположении плана, в слоге ли? *Свобода*? в слоге, в расположении. — Но какая же свобода в слоге

Ломоносова и какого плана требовать в торжественной оде?

Вдохновение? есть расположение души к живому принятию впечатлений, следственно к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии.

Критик смешивает вдохновение с восторгом.

Нет; решительно нет — *Восторг* исключает *спокойствие*, необходимое условие *прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частями в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно, не в силе произвести истинное великое совершенство — (без которого нет лирической поэзии). *Гомер* неизмеримо выше Пиндара — ода стоит на низших степенях — не говоря уже об эпосе, трагедия, поэма, комедия, сатира все более ее требуют творчества (*fantaisie*¹) воображения — гениального знания природы.

Но *плана* нет в оде и не может быть — единый план Ада есть уже плод высокого гения. Какой план в Олимпийских одах Пиндара? Какой план в *Водопаде*, лучшем произведении Державина?

¹ (Фантазии.)

Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого.

Восторг есть напряженное состояние единого воображения, вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения.

(1826 — 1827)

〈Есть различная смелость...〉

Есть различная смелость: Державин написал: «орел, 〈сын грома〉, на высоте паря...», когда счастье «тебе хребет свой с грозным 〈смехом〉 повернуло, ты видишь, видишь, как мечты сиянье вокруг тебя заснуло».

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора.
С высот и проч.

Жуковский говорит о божестве:

Он в дым Москвы себя облек.

Крылов говорит о храбром муравье:

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней...

Мы находим эти выражения смельми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические.

Французы доньше еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *pavé*, помост.

Et baiser avec respect le pavé de tes temples¹.

И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vache*². Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике! Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость. Смелость изобретения, создания, где план обширный объемлетя творческою мыслию—такова смелость Шекспира, Dante, Milton, Гете в *Фаусте*, Молиера в *Тартюфе*.

(1827)

(Отрывок заметки о «Демоне»)

...Многие того же мнения. Иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Ка-

¹ (И благоговейно лобызать помосты твоих храмов.)

² (Корова.)

жется, они неправы. По крайней мере вижу я в Демоне цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-по-малу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда надежды и лучшие и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух— *отрицания или сомнения?* и в сжатой картине начертать оно и печальное влияние на нравственность нашего века?

(1827)

〈Об альманахе «Северная Лира»〉

Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков—имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех Северной Лире, первенца московских альманахов.

Из стихотворений греческая песнь Туманского, к Одесским друзьям (его же) отличаются

гармонией и точностью слога и обличают решительный талант. Между другими поэтами в первый раз увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостью. О г. Шевыреве умолчим, как о своем соотруднике.

Заметим, что г-ну Абраму Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье. Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-ом Делибюрадером, — что касается до нас, то мы находим его преложения изрядными для татарина.

Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна и остроумна. В самом деле сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы. — Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходятся твердостью, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников. Но г-н Раич — глубокомысленно замечает, что Петрарка был влюблен в Лауру, а Ломоносов уважал Петра и Елисавету; что Петрарка писал на латинском языке, написал поэму Сци-

пион Африканский (т.е. Africa), а Ломоносов латинской поэмы не написал. Он в любопытном отступлении рассказывает, что старик приходил из Испании в Рим к Титу Ливию и что *такой же* старец, но к тому ж *слепой*, приходил *видеть* Петрарку—каковой чудесный пример наш Ломоносов не может представить. Наконец, что Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и проч., но что он (г. Р.) не знает, что бы сказал Ломоносов в таком случае.

Долго г-н Р. не знал, почему «у нашего холмогорца такая свежесть, такая сладость в стихах,— не говорю уже о силе, которою, без сомнения, обязан он древним, но, перечитавши всё, написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые, так называемые, *soncetti*»). Сомнительно.

⟨1827⟩

⟨0 Байроне и его подражателях⟩

⟨1⟩

Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма *Корсар*, несмотря на то, что она в достоинстве уступает многим другим: *Гяуру* в

пламенном изображении страстей, *Осаде Коринфа*, *Шильонскому узнику* в трогательном развитии сердца, в трагической силе *Паризине*, наконец 3 и 4-ой главам *Child Harold* в глубокомыслии и высоте парения истинно лирического и в удивительном Шекспировском разнообразии *Дон-Жуану*. — *Корсар* неимоверным своим успехом был обязан характеру главного лица, таинственно напоминающего нам человека, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой.

По крайней мере, английские критики предполагали в Байроне сие намерение, но вероятнее, что поэт и здесь вывел на сцену лицо, являющееся во всех его созданиях и которое наконец принял он сам на себя в Чильд-Гарольде... Как бы то ни было, поэт никогда не изъяснил своего намерения, сближение с Наполеоном нравилось его самолюбию.

Байрон мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них; несколько сцен, слабо между собою связанных, составляют *(нрзбр)* *(и)* были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин.

Критики оспаривали у него гений драматический, и Байрон за то всё и досадовал — Дело в том, что он постиг, полюбил один токмо характер — etc. — —

Вот почему, несмотря на великие красоты поэтические, его трагедии вообще ниже его гения, и драматическая часть в его поэмах (кроме разве одной Паризины) не имеет никакого достоинства.

Что же мы подумаем о писателе, который из поэмы *Корсар* выберет один токмо план, достойный нелепой испанской повести—и по сему детскому плану составит драматическую трилогию, заменив очаровательную глубокую поэзию Байрона прозой надутой и уродливой, достойной наших несчастных подражателей покойного Коцебу? Вот что сделал г-н Олин, написав свою романтическую трагедию *Корсар*,—подражание (Байрону).—Спрашивается: что же в байроновой поэме его поразило—неужели план? о *miratores*...¹

(1827)

⟨2⟩

Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант; они кажется правы—Байрон, столь оригинальный в *Чильд-Гарольде*, в *Гяуре* и в *Дон-Жуане*, делается подражателем коль скоро вступает на поприще драматическое—в *Manfred*'е он подражал *Фаусту*, заменяя простонародные сцены и субботы другими,

¹ ⟨Поклонники.⟩

по его мнению, благороднейшими; но *Фауст* есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как *Илиада* служит памятником классической древности.

В других трагедиях, кажется, образцом Байрону был Alfieri.—*Каин* имеет одну токмо форму драмы, но по бессвязности сцен и отвлеченным рассуждениям в самом деле относится к роду скептической поэзии Чильд-Гарольда.—Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. В *Каине* он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё кроме некоторых [сатирических выходов, рассеянных в его творениях] etc. отнес к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал по одной из составных частей сложного и сильного характера—и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных.

Байрон чувствовал свою ошибку и в последствии времени принялся вновь за *Фауста*, подражая ему в своем *Превращенном Уроде* (думая тем исправить le chef d'œuvre).

(1827)

〈Если звание любителя отечественной литературы...〉

Если звание любителя отечественной литературы само по себе достойно уважения, и что-нибудь да значит, то и я в мнении публики, не смотря на убожество дарований, имею право на некоторое ее внимание. Произошед в 1751 году от честных, но недостаточных родителей, я не мог пользоваться источниками просвещения, открытыми в последствии времени в столь великом изобилии, и должен был довольствоваться уроками приходского дьячка, человека, впрочем, весьма образованного в смиренном своем звании. Сему-то почтенному мужу обязан я благородною страстию к изящному вообще и к российской словесности в особенности. Вверенный мне им Письмовник г. Курганова не выходил из моих рук и 8-ми лет знал я его наизусть. С того времени смело могу сказать, что не вышло из печати ни одного русского творения, ни одного перевода, ни одного русского журнала (включая тут хозяйственные и поваренные сочинения, также и месяцесловы), коих бы я не прочитал или о коих, по крайности, не получил достаточного понятия. Старых людей обвиняют вообще в слепой привязанности к прошедшему и отвращении от настоящего. Но я не заслуживаю такого упрека. — Успехи нашей словесности всегда радовали

[патриотическое] мое сердце, и я не мог без негодования слышать в нынешних журналах нападки, столь же безумные, как и несправедливые, на произведения писателей, делающих честь не только России, но и всему человечеству, — и вообще на состояние просвещения в любезнейшем нашем отечестве. Сии журналы не суть ли сами красноречивые доказательства исполинских успехов нашего просвещения. Какой из иностранных превзойдет в глубокомыслии «Вестник Европы», в учености — «Северный Архив», в приятном разнообразии [«Московский Телеграф»] и в прочих достоинствах [«Сын Отечества», «Московский Вестник»], «Сев. Пчелу» и другие. В чем конечно согласятся почтенные издатели «Вестника Европы», «Северного Архива», «Московского Телеграфа» и проч. Сии-то несправедливые и без(умные) нападения принудили меня в первый раз выступить на поприще писателей, надеясь быть полезным любезным моим соотечественникам, пока неумолимые Парки прядут еще нить жизни, как говорит г. Ф(илимонов) в одном трогательном газетном объявлении о поступившей в продажу книжке своего сочинения. (1827)

〈О романах Вальтера Скотта〉

Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим

временем, не с *enflure*¹ французских трагедий,— не с чопорностию чувствительных романов— не с *dignité*² истории, но современно, но домашним образом— *Ce qui me dégoûte c'est ce que*³— Тут наоборот *ce qui nous charme dans le roman historique— c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons— Sh(akespeare), Гете, Walter Scott*⁴ не имеют холопского пристрастия к королям и героям.— Они не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих *la dignité et la noblesse— Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral même dans les circonstances solennelles— car les grandes circonstances leur sont familières.*

On voit que Walter Scott est de la petite société de Rois d'Angleterre⁵.

⟨1827 — 1830 ?⟩

¹ ⟨Напыщенностью.⟩

² ⟨Достоинством.⟩

³ ⟨То, что меня отталкивает, это...⟩

⁴ ⟨Что нас очаровывает в историческом романе — это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим,— Шекспир, Гете, Вальтер Скотт.⟩

⁵ ⟨*Достоинство и благородство.* — Они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны. Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей.⟩

〈Ignorance des seigneurs Russes...〉

Ignorance des seigneurs Russes, tandis que les mémoires, les écrits politiques, les romans: Napoléon gazetier, Canning poète, Brougham, les députés, les pairs — les femmes. — Chez nous les seigneurs ne savent pas écrire. — Le tiers état — L'aristocratie¹.

〈1827—1830〉

〈Наброски статей о Баратынском〉

〈1〉

Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше 〈мнение〉 об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание. — Знатоки с удивлением увидели в первых опытах зрелость и стройность [необыкновенную].

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей может быть зависело от об-

¹ 〈Невежество русских бар, между тем как мемуары, политические сочинения, романы — Наполеон газетчик, Каннинг поэт, Брум, депутаты, пэры, женщины. У нас баре не умеют писать. Третье сословие. Аристократия.〉

стоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом¹.

Первые произведения Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии—как в старину старались осмеять оды; но если вялые подража(тели) Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии.

Да к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход лирический—чему в новейшее время видим примеры у Гете.

⟨1827⟩

⟨2⟩

Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее.—Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики—напротив. Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оногo, уже тотчас

¹ Далее набросок плана: Corrige le valet, mais respecte le maître. Соперники Баратынского—Батюшков и Жуковский.

спешим приветствовать его титлом Гения, за гладкие стишки—нежно благодарим его в журналах *от имени человечества*, неверный перевод, бледное подражание сравниваем, без церемонии, с бессмертными произведениями Гете и Байрона*: добродушие смешное, но безвредное; истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели мало-обдуманному решению записных Аристархов— [Зачем] лишать златую посредственность невинных удовольствий журнальным торжеством.

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностью журналов.—Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение (*exagération*) модной поэзии—потому (ли), что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной,—как бы то ни было, критики изъясляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение.—Не упоминая уже об известных шуточках покойного «Благонамеренного», известного весельчака—замечтим, что появление Эды, произведения столь

* Таким образом набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов и десятка три писателей, делающих *истинную честь нашему веку*.

замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок—и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление Эды подало только повод к неприличной статейке в Северной Пчеле и слабому возражению, кажется, в Московском Телеграфе.

Как отозвался Московский Вестник об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! (Упоминаю обо всем этом для назидания молодых писателей.)—Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался—последние его произведения являются плодами зрелого таланта.

Последняя поэма Баратынского, на(печатанная) в Северных Цветах, подтверждает наше мнение—Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной—Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию.

Поэма начинается описанием московского бала—Гости съехались, пожилые дамы сидят в пышных уборах, сидят около стен и смотрят на толпу *с тупым вниманием*. Вельможи в лентах и звездах сидят за картами, и встав из(-за) ломберных столов, иногда приходят

Взглянуть на (мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков.)

Молодые красавицы кружатся около их.

Гусар крутит свои усы,
Писатель чоп (орно острится.)

Вдруг все смутились; посыпались вопросы.
Княгиня Нина вдруг уехала с бала.

〈Вся зала шопотом полна:
«Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей». Ужели?
— В кадрили весело вертаться,
Вдруг помертвела! — Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной.〉

— Бог знает, отвечает с супружеским равнодушием князь, занятый своим бостоном. Поэт отвечает вместо князя — ответ и составляет поэму.—

Нина исключительно занимает нас. Характер ее новый, развит соп апоге¹, широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно сво(бодный?) язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики — для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии.

(Выписки)

Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принужденной холодностью говорит о ее смерти, сатирически

¹ 〈С увлечением.〉

описывает нам ее похороны, и шуткою кончает поэму свою—мы чувствуем, что он любит свою бедную страстную героиню—Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе павшего, но еще очаровательного создания.

Арсений есть тот самый, кого должна была полюбить бедная Нина.—Он сильно овладел ее воображением, и никогда вполне не удовлетворяя ни ее страсти, ни любопытству—должен был до конца сохранить над нею роковое свое *влияние* (ascendant).

(1828)

⟨3⟩

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален—ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одаренного вкусом ⟨и⟩ чувствами. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более

зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех. Постараемся объяснить причины. Первой должно почтить самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия (и) чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут—юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются—Песни его уже не те—А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни—Поэт отделяется от них, и мало-по-малу уединяется совершенно. Он творит—для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, затерянных в свете, как он уединенных.—Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения.—У нас литература не есть потребность народная—Писатели получают известность посторонними обстоятельствами—Публика мало ими занимается—Класс читателей ограничен—и им управляют журналы, которые судят о литературе, как о политической экономии, о политической экономии, как о музыке, т. е. наобум,

по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частию по личным расчетам. Будучи предметом их неблагосклонности, Баратынский никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что с другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки — тем не менее их приговоры имеют решительное влияние.

Третья причина — эпиграммы Баратынского — сии мастерские, образцовые эпиграммы не щадили правителей русского Парнаса — Поэт наш не только никогда не нисходил к журнальной полемике и ни разу (не) состязался с нашими Аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не мог удержаться, чтоб сильно не выразить иногда своего мнения в этих маленьких сатирах столь забавных и язвительных. Не смеем упрекать его за них. Слишком было бы жаль, если б они не существовали* —

* Эпиграмма, определенная законодателем французской пиитики *Un bon mot de deux rimes orné*, скоро стареет и живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении — Напротив, в эпиграмме Баратынского сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободней, сильнее — Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства.

Сия беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики — очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению (*exagération*) для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудами неблагодарными, редко замеченными, трудами отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам свой век увлекающего Гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своей дорогой один и независим. Время ему занять степень, ему принадлежащую — и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды.

Перечтите его Эду (которую критики наши нашли *ничтожной*; ибо, как дети, от поэмы требуют они происшествий); перечтите сию простую восхитительную повесть; вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцелуя предприимчивого обольстителя.

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал —
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах —

Она любит как дитя, радуется его подаркам,
резвится с ним, беспечно привыкая к его лас-
кам—но время идет, Эда уже не ребенок.

⟨На камнях розовых твоих⟩
Весна ⟨игриво засветлела,
И ярко зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей серебристый,
И лес прохладю душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится:
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна,
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица⟩
Не обращай ⟨и в дол прекрасный
Не приходи и сверх всего
Беги гусара своего.⟩

Какая роскошная черта, как весь отрывок
исполнен неги. Эда влюблена... (1830 — 1831)

⟨Наброски предисловия к «Борису Годунову»⟩

⟨1⟩

Благодарю вас за участие, принимаемое вами
в судьбе «Годунова»: ваше нетерпение видеть его
очень лестно для моего самолюбия; но теперь,

когда по стечению благоприятных обстоятельств открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось однако довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в коем роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признание ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону.

Обряды и формы должны ли суеверно порабощать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира, и, принеши ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранил последнее. Кроме сей пресловутой тройственности есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспаривать его необходимость), единство слога—сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы почувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрийский стих переменял я на пятистопный белый; в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия,—и думал уже, что публика скажет мне *большое спасибо*.

Отказавшись добровольно от выгод, мне предоставляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий, словом, написал трагедию истинно романтическую.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют (произведения, носящие печать уныния или мечтательности)¹, что, следуя сему своевольному определению, один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очарованных читателей, не усумнился включить Озерова в число поэтов романтических, — что, наконец, наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Данте и Ламартина, самовластно разделяют европейскую литературу на классическую и романтическую, уступая первой — языки

¹ (Определение романтизма не было выписано и для него оставлен пробел. Заимствуем его из заметки Пушкина «Французские критики имеют свое понятие об романтизме» (1830).)

латинского юга и приписывая второй германские племена севера, так что Данте (*il gran Padre Alighieri*¹), Ариосто, Лопец де Вега, Кальдерон и Сервантес попались в классическую фалангу, которой победа, благодаря сей неожиданной помощи, доставленной издателем *Московского Телеграфа*, кажется, будет несомненно принадлежать.

Всё это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм.

Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в их не видел и следов искреннего и свободного хода романтической поэзии, но жеманство лжеклассической Франции. Скоро я в том удостоверился.

Вы читали в первой книге *Московского Вестника* отрывок из «Бориса Годунова», сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: умилительная кротость, простодушие, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность к власти царя, данной им богом—совершенное отсутствие суетности пристрастия—дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского

¹ (Великий отец наш Алигиери.)

отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену *Бориса Годунова* на картинку *Дамского Журнала*. Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики.

Что ж из этого следует? Что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою, и неохотно смотрят на всё, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны.

Хотите ли знать, что еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применения, намеки, *allusions*. Благодаря французам мы не понимаем, как дра-

матический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с *Constitutionnel* или с *Quotidienne* перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Каннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходов, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что кроме *Эсфири* и *Вереники* нет их и у Расина. Летописец французского театра видел в *Британике* смелый намек на увеселения двора Людовика XIV.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc.¹

Но вероятно ли, чтоб тонкий придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал, как Юм или Вальполь (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном же случае.

(1827 — 1828)

¹ (Он говорит и делает лишь то, что ему предписывают.)

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonne plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là comme nos sous-œuvres de Kïov et de Kamenka. Il faut les comprendre *sine que non*.

A l'exemple de Shêkspeare je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtraux, le pathétique romanesque etc... le style en est mélangé.— Il est trivial et bas là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers— quand aux grosses indécences n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume, disparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entroit beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрий amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir goûté de la royauté voyez-la

ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventuriers — partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus. Voyez-la braver la guerre, la misère, la honte, en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai si dieu me prête vie.—Elle me trouble comme une passion.—Elle est horriblement polonaise comme le disait [la cousine de M-me Lubomirska].

Гаврила Пушкин est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille.— Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assuré le succès du Самозванец par une audace inouïe.—Après je l'ai retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la défendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à côté de Козьма Minine, puis воеводой à Нижний, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur.— Il a été tout, même incendiaire comme le prouve une Грамота que j'ai trouvée à Погорелое Городище—ville qu'il fit brûler (pour la punir de

je ne sais quoi) à la mode des proconsuls de la Convention Nationale.—

Je compte revenir aussi sur Шуйский.— Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounof il est un des premiers boyards à passer du côté de Дмитрий. Il est le premier qui conspire et c'est lui même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu.— Il est prêt à perdre la tête, Дмитрий lui fait grâce déjà sur l'échafaud, il l'exile et avec cette générosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs.— Que fait Шуйский qui avait frisé de si près la hache et le billot? Il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire tsar, de tomber et de garder dans sa chute plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en a eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri IV dans Дмитрий.— Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion— tout deux abjurant leur foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux se donnant dans des projets chimériques— tout deux en butte aux conspirations. Mais Henri IV n'a pas à se

reprocher Ксения — il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire. —

Грибоедов a critiqué le personnage de Job — le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Годунов j'ai réfléchi sur la tragédie — et si je me mêlais de faire une préface, je ferais du scandale — c'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les lois sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du temps, des lieux etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches?

2) *La langue*. Par exemple le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit. Et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profon-

dément frappé du ridicule de l'a *parte*, il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puériorité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire.—Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin si le diable me tente de faire une préface.

30 Jan. 1829

⟨3⟩

С величайшим отвращением решаю я выдать в свет *Бориса Годунова*. Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму и чтоб она тем самым не замедлила хода —

Хотя успех *Полтавы* ободряет меня.

19 июля 1829. Арзрум.

⟨4⟩

С отвращением решаю я выдать в свет [свое] (сочинение).

И хотя я вообще всегда был довольно равнодушен к успеху или неудаче своих сочинений, но признаюсь, неудача *Бориса Годунова* будет мне чувствительна, а я в ней почти уверен. Как Монтань, могу сказать о своем сочинении: c'est une œuvre de bonne foi¹.

¹ ⟨Это — честное произведение.⟩

Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, плод постоянного труда, добросовестных изучений, трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец одобрение малого числа [людей избранных].

Трагедия моя уже известна почти всем тем, коих мнениями я дорожу. В числе моих слушателей одного недоставало, того, кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня; чье ободрение представлялось воображению моему сладчайшею наградою и единственно развлекало меня посреди уединенного труда.

〈1829〉

〈5〉

Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен. Источники бо-

гатые! Умел ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны.

Долго не мог я решиться напечатать свою драму.— Хороший или худой успех моих стихотворений, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести слабо тревожили донныне мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его; читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения.— И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы *il est indifférent*¹, что такая-то глава *Онегина* выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина, и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены—(*Ермак* А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом своим оно обязано прекрасным стихом, коим оно написано).

¹ (Безразлично.)

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами.— У нас первый пример оному находим мы, кажется, в *Аргивянах*; А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его.— Я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе—и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия. Есть шутки грубые, сцены простонародные.—Хорошо, если поэт может их избежать, если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным. Поэту не должно быть площадным из доброй воли.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *сop amore*¹, но [без всякой дворянской спеси]. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права его уравнены с правами прочих состояний, великие имена давно раздроблены, уничтожены и (*нрзбр*) и проч.—Принадлежать старой аристокрации не

¹ (Охотно.)

представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нареkanie в странности или бессмысленном подражании иностранцам.

⟨1829 — 1830 ?⟩

⟨6⟩

Je me présente ayant [renoncé à] changé ma manière première—n'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli.—Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue.—Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc.—d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur. [C'est donc avec] j'éprouvais [donc] une grande répugnance à livrer au public ma tragédie, je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes.—Mais je trouve tout cela fort inutile.

⟨1830⟩

⟨7⟩

Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть, и они обманут надежды преобразователей. Поэт, *живущий на высотах создания*, яснее видит, может быть, и недостатки справедливых требований, и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом Лопе de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку, но гений, какое направление ни изберет, останется всегда гений—суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси.

⟨1830⟩

⟨8⟩

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я не имею главной привлекательности—молодости и новизны литературного имени. К тому же, главные сцены уже напечатаны или искажены в подражаниях. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что у него о появлении Самозванца приходит объявлять царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, у г. Булгарина так же. Всё это—драматический вымысел, а не истори-

ческое сказание. Один у другого... Но это еще не беда. Les beaux esprits se rencontrent ¹.

(1830)

(9)

Pour une préface. Le public et la critique ayant accueilli avec une *indulgence passionnée* mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quittes envers moi—leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux ¹.

(1831)

(**Ответ на статью в «Атенее» об «Евгении Онегине»**)

В 4-ой книге Афедея напечатан разбор 4-ой и 5-ой главы Онегина.

Под романтизмом Автор понимает оговорку, выручающую поэта. Разбирая характеры в романе, он их находит вообще безнравственными—порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной, в него влюбленной, и что жмет руку у Ольги с дурным намерением подразнить своего приятеля.

¹ (Мысли умных людей встречаются.)

Ему странно, что *тихий* (?), *мечтательный* (?) Ленский за сущую безделицу хочет вызывать Онегина на дуэль и называет свою бесстрастную невесту кокеткой и ветреным ребенком, ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело и любовники никогда не поревнуют по пустякам.

Негодует на Татьяну за то, что, раз увидев Онегина, она влюбилась без памяти и пишет ему любовное письмо; что, конечно, очень неприлично.

Наконец находит он, что две главы никуда не годятся, о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзывается о нем снисходительно и с похвалою— хотя и находит в 2-ой главе Онегина 91 мелочь и еще сотни других, которые цепляют (?) людей, учившихся по старым грамматикам.

Из 291 мелочи—многие достойны осуждения, многие не требуют от Автора милостивого отеческого заступления.—Вольно всякому хвалить и порицать всё, что относится ко вкусу,—но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла—и я решился объяснить ему правила грамматики и риторики не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Времян. Следственно Державин ошибся, сказав

глагол времен. Но Батюшков, который впрочем ошибался почти столь же часто, как и Державин, сказал:

То древню Русь и Нравы
Владимира Времян.

Что звук пустой, вместо подобно звуку, как звук. Частица *что* вместо грубого *как* употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет *что*.

NB. Кстати о критиках. Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели—вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах.

*Так одеваает бури тень
Едва рождающийся день.*

Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно, по крайней мере, писать всё предложение в естественном его порядке (*sine inversione*¹).

Стесняет сожаление, безумные страданья, есть весьма простая метафора.—

Два века ссорить не хочу.

Кажется, есть правило об отрицании *не*: а то вместо ссорить кого, выйдет—*много ли времени?*

¹ (Без инверсии.)

Грамматика наша еще не пояснена. Замечу во-первых, что так называемая стихотворческая вольность допускает нас со времен Ломоносова употреблять *indifféremment*¹ после отрицательной частицы *не* родительный и винительный падеж. Во-вторых—в чем состоит правило: что действительный глагол, непосредственно управляемый частицею *не*, требует вместо винительного падежа родительного. Например:—*Я не пишу стихов.*—Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного.—Например, *я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи.*—В следующем предложении.—*Я не могу позволить ему начать писать стихи.*—Ужели частица *не* управляет глаголом *писать*?

Если критик об этом подумает, то, вероятно, со мной согласится. *Младой и свежий поцелуй,* вместо поцелуя молодых и свежих уст—очень простая метафора.

*Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.*

В извлечении для смысла: *ребятишки катаются по льду.*

¹ (Безразлично.)

Точно так — сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора...

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.

Лоно не означает глубины, лоно значит *грудь*.

*Теплотою
Камин чуть дышит.*

Опять простая метафора.

Кибитка удалая.

Опять метафора.

Людская молвь и конский топ.

(Выражение сказочное. Бова Королевич.)

Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтоб видеть свойства русского языка.

Как приятно будет читать:

Роп вм. *ропот*
Топ вм. *топот*
Грох вм. *грохот*
Сляк вм. *слякоть...*

На сие замечу моему критику, что роп, топ и прочее употребляют простолюдины во многих наших губерниях.

NB. Мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина.

Что скажут они о поэме сего последнего, который

взвесить смел
Дух Росса, мощь Екатерины
И, опершись на них, хотел...

или о войне, который

Поник лавровою главой.

Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы, по крайней мере, иметь школьные сведения о грамматике и риторике—и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка.

⟨1828⟩

⟨В зрелой словесности приходит время...⟩

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим

вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному.—Так некогда во Франции светские люди восхищались музою Ваде, так ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собою мнение многих.—Но Ваде не имел ни воображения, ни поэтического чувства, его остроумные произведения дышат одною веселостию, выраженной площадным языком торговков и носильщиков.—Произведения английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина.—У нас это время, слава богу, еще не пришло, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Прелесть нагой простоты [так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями], поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем.

Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность.—Опыты Жуковского и Катенина были неудачны не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняло достоинство переводов из Гебеля и еще менее силу и ориги-

нальность *Убийцы*, баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея.—Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния: «Гляди, гляди, плешивый» — стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас умножается, когда выражается смехом.—Сцена тени в Гамлете вся писана шутивым, даже низким слогом, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток.

⟨1828⟩

⟨Торвальдсен, делая бюст известного человека...⟩

Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного — верх грозный, нахмуренный, низ же, выражаемый всегдашней улыбкою. Это нравилось Торвальдсену.

*Questa è una brutta figura*¹.

⟨1828⟩

⟨Несколько московских литераторов...⟩

Несколько московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку, как своими

¹ (Это — отвратительная фигура.)

произведениями, так и нравственностью, видя беспомощное состояние нашей словесности и на-скупа звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здоровой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности.

Общество имело первое свое заседание на Малой Бронной в доме г. Х., бывшего корректора типографии, 17 октября сего года, при стечении многочисленной публики. Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием.

Председателем был избран единогласно г-н Трандафырь, знаменитый переводчик одного бессмертного романа.

Секретарем был избран единогласно же Никодим Невеждин, молодой человек из честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статей.

Ждали г-на Срамцова—но он не мог притти по причине флюса, полученного им на ярмонке во время метания чрезвычайно счастливой тальи.

Г-н Трандафырь открыл заседание прекрасною речию, в которой трогательно изобразил

он беспомощное состояние нашей словесности, недоумение наших писателей, подвизающихся во мраке, не озаренных светильником критики г-на Трандафырина.—Красноречиво убеждал он приняться за дело. «Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели» сказал он, «перевели романы, доставлявшие нам 700 рублей от Ширяева, и разобрали заглавный лист Истории Государства Российского — труды бессмертные бесспорно, но совершенно недостаточные [для полного преобразования словесности и для истребления неутомимых наших врагов]».

После речи г-на председателя г-н Невеждин прочел проект нового журнала, имеющего быть издаваемым в следующем 1830 году, под названием *Азиатский Рак*. Журнал сей будет выходить каждый месяц по одной книжке — каждая книжка будет заключать в себе четыре отдела.

Отделение I. Изящная словесность. Переводы Байрона с польского; стихи молодых семинаристов; отрывки из записок г-на Трандафырина (для примеру г-н секретарь общества прочел пленительное описание отрочества почтенного г-на Трандафырина. Все с удовольствием слушали милые проказы маленького купчика, и тогда уже столь много обещавшего).

Отделение II. Критика.

⟨1829⟩

⟨Многие недовольны нашей журнальной
полемикою...⟩

Многие недовольны нашей журнальной полемикою за дурной ее тон, незнание приличий и т. п. Неудовольствие очень несправедливое. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в размышления, может не иметь времени являться в обществе и приобретать навык суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости—залог добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда легкомыслие и невежество выражаются языком [«Вестника Европы» и «Атеней»] пьяного семинариста.

⟨1829⟩

⟨Заметка о публикациях Ап. в «Северной
Звезде»⟩

Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев-Рюмин, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманахе.

Неуважение к собственности авторской сделалось так у нас обыкновенно, что поступок г-на Бестужева ни мало не показался мне странным.

Так например, г-н Федоров напечатал под моим именем однажды комичную [неблагопристойность] идиллическую нелепость, сочиненную вероятно камердинером г-на П(ан)аева.

Но когда альманах нечаянно попался мне в руки, и когда в предисловии прочел я нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему (г. Бестужеву) п(иесы), из коих 5 и удостоились печати—признаюсь удивление мое было чрезвычайно.

В числе пьес, доставленных г-ном Ап., некоторые принадлежат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап. собрал давно написанные и мною к п(ечати не предназначенные) стихотворения, и заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои пр(оказы отрочества) и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап., что при первом таковом же случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов.

⟨1829⟩

⟨Альманашик⟩

— Господи боже мой, вот уже четвертый месяц живу в Петербурге, таскаюсь по всем передним, кланяюсь всем канцелярским начальникам, а до

сих пор не могу получить места. Я весь прожил-ся, задолжал, а я ж отставной, того и гляди в яму посадят.—

А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части?—Господи боже мой! да разве я не русский человек? Я на всё гожусь—разумеется, хотелось бы мне местечка потеплее, но дело до петли доходит, теперь я и всякому рад.—

Неужто у тебя нет таки ни единого благодетеля?

— Благодетеля! Господи боже мой! да в каждом министерстве у меня по три благодетеля сидит—Все обо мне хлопочут, все обо мне докладывают—а я всё-таки без куска хлеба—

Служба тебе знать не дается— Возьмись-ка за что-нибудь другое.

— А за что прикажешь?

Например за литературу—

— За литературу? Господи боже мой! в сорок три года начать свое литературное поприще—

Что за беда? а Руссо?—

— Руссо вероятно ни к чему другому не был способен. [Ему не обещали вице-губернаторства.] Он не имел в виду быть винным приставом—да к тому же он был человек ученый, а я учился в Московском университете—

Что за беда, затевай журнал—

— Журнал? а кто же подпишется.

Мало ли кто, Россия велика, охотников до-вольно.

— Нет, брат: нынче их не надуешь. Их отучили: все говорят: деньги возьмет, а журнала не выдаст или не додаст. Кому охота судиться из 35 рублей. [К тому же я честный человек, и плутовать публично не намерен.]

Ну, так пиши Выжигина—

— Выжигина? Господи боже мой: написать Выжигина не штука; пожалуй я вам в четыре месяца отхватаю 4 тома, не хуже Орлова и Булгарина, но покамест успею с голоду околеть—

Знаешь ли что? Издай Альманак.

— Как так?—

Вот как: выпроси у наших литераторов по несколько пьес, кой-что перепечатай. Закажи в долг виньетку, сам выдумай заглавие, да и тисни с богом.

— В самом деле. Да я ни с кем из этих господ не знаком.

Что нужды: ступай себе к ним—скажи им, что ты юный питомец муз; впервые выступаешь на поприще славы и решил издать Альманак, а между тем просишь их вспоможения и покровительства—

— А что ты думаешь—ей богу я с отчаяния готов и на Альманак.

Советую дела не откладывать.
— Сегодня ж начну свои визиты.
И дело: желаю тебе всякого успеха.

К а б и н е т с т и х о т в о р ц а .

(Всё в большом беспорядке. Посредине стол. Стихотворец и трое молодых людей играют в кости.)

Стихотворец, гремя стаканчиком. Я в руке. Sept à la main... neuf... Sacredieu... Neuf et sept... neuf...¹ мое... кто держит.

Г о с т ь. Экое счастье: держу.

Стихотворец. Sept à la main... *(про себя)*. Это кто?

Входит А л ь м а н а ш н и к *(одному из гостей)*. Я давно желал иметь счастье представиться вам—Позвольте одному из усерднейших ваших почитателей... Ваши прекрасные сочинения...

Г о с т ь. Вы ошибаетесь: я кроме векселей ничего не сочиняю: вот хозяин.

А л ь м а н а ш н и к. Позвольте одному из усерднейших...

Стихотворец. Помилуйте... радуюсь, что имею честь с вами познакомиться... садитесь, сделайте милость...

¹ (Семь в руке... девять... Проклятие... Девять и семь... девять.)

А л ь м а н а ш н и к. Вы заняты... Извините: я вам помешал.

С т и х о т в о р е ц. О нет... мы будем продолжать — — Sept à la main... 3 крепс — — Какое несчастье. (*Передает кости*).

Г о с т ь. Сто рублей à prendre¹.

С т и х о т в о р е ц. Держу... (*Играют*). Что за несчастье... (*Смотрит косо на Альманашника*).

А л ь м а н а ш н и к. Я в первый раз выступаю на поприще славы и решил издать Альманак... я надеюсь, что вы...

С т и х о т в о р е ц. Пятую руку проходит!.. и всегда я попадусь... Вы издаете Альманак? под каким заглавием?... Прошел—я более не держу.

А л ь м а н а ш н и к. *Восточная звезда*. — — Я надеюсь, что вы не откажетесь украсить ее драгоценными...

С т и х о т в о р е ц *берет стаканчик*. Позвольте: сто рублей à prendre... Sept à la main... крепс—так. Это удивительно; первой руки не могу пройти—(*плюет, вертит стул*). Несносный альманашник; он мне принес несчастье.

А л ь м а н а ш н и к. Надеюсь, что вы не откажетесь украсить мой Альманак своими драгоценными произведениями...

¹ <Разыгрываются.>

Стихотворец. Ей богу—нет у меня стихов,—все разобраны журналистами, альманашиками... Держу всё... что? прошел опять!.. Это непостижимо—Проклятый альманашик.

Альманашик (*вставая*). Позвольте надеяться, что если будут у вас свободные пьески...

Стихотворец (*проводя его до дверей*). Отыщу непременно, и буду иметь счастье вам доставить.

Альманашик. Поверьте, что крайность, бедственное положение, жена и дети—

Стихотворец (*его выпроводив*). Насилу отвызался—Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? твое или его.

Стихотворец. Уж верно мое хуже. Отдавай стихи одному дураку в Альманах, чтоб другой обругал их в журнале. Жена и дети—чорт его бы взял... человек, кто там?

Входит слуга.

Стихотворец. Я говорил тебе, альманашиков не пускать.

Слуга. Да кто их знает, альманашик ли, нет ли.

Стихотворец. Дурак, это по лицу видно. Я в руке: Sept à la main...

(Играют).

Х а р ч е в н я .

(Бесстыдин, Альманашник обедают.)

— Гей водки.

9 рюмка! И я за всё плачу—а что толку!

— Увидишь, как пойдет наш Альманах: с моей стороны даю 34 стихотворения, под пятью подпишу А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В. Остальные пушу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения.—Прозы у нас вдоволь: лихое обозрение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы... знаешь.

Никак нет-с, не знаю—

— Не знаешь, о, да ты видно журнала моего не читаешь... Вот видишь ли, аристократами (разумеется в ироническом смысле) называются те писатели, которые с нами не знают, полагая вероятно, что наше общество не завидное—Мы было сперва того и не заметили, но уже с год как спохватились, и с тех пор ругаем их наповал... Теперь понимаешь...

Понимаю.

— Водки! Эти аристократы... (разумеется, говорю в ироническом смысле) вообразили себе, что нас в хорошее общество не пускают. Желал

бы я посмотреть, кто меня не впустит; чем я хуже другого—Ты смотришь на мое платье...

Никак нет, ей богу...

— Оно немного поношено; меня обманули на вшивом рынке... К тому же я не стану франтить в харчевне—[но на балах, о, на балах] я великий щеголь, это моя слабость. Если б ты видел меня на балах... Я славно танцую, я танцую французскую кадрили. Ты не веришь... (*встает шатаясь, танцует*). Каково?

Прекрасно.

(*Бесстыдин зацепляет стакан и роняет его*).

— Боже мой—стакан в дребезгах... Его поставят на счет—и еще граненый—

— Как на счет?—его склеят... вот и всё (*подбирает стекло и подает*).

(*Расплачивается охая, выводит под руку Бесстыдина, он на ногах не стоит*).

— Так и быть, взять извозчика—

Б е с с т ы д и н. Сделай одолжение... посади меня верхом—сам садись поперек, да поедем по Невскому, люблю франтить, это моя слабость—

— И вот моя последняя опора! Господи боже мой!

— Можно видеть барина?

Никак нет—он почивает.

— Как, в 12-ть часов?

Он возвратился с балу в 6-м часу.

— Да когда же его можно застать?

Да почти никогда.

— Когда же ваш барин сочиняет?

Не могу знать.

— Экое несчастье! — — — Доложи своему барину, что приходил рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя...

(1830)

Детская книжка

(1.) В е т р е н ы й м а л ь ч и к

Алеша был очень неглупый мальчик, но слишком ветрен и заносчив. Он ничему не хотел порядочно научиться. Когда учитель ему за это выговаривал, то он старался оправдываться разными увертками. Когда бранили его за то, что он пренебрегал французским или немецким языком, то он отвечал, что он русский, и что довольно для него, если он будет понимать слегка иностранные языки. Латинский, по его мнению, вышел совсем из употребления, и одним педантам простительно было им заниматься; русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой, философической. Логика казалась ему наукой прошлого века, недостойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за

вокабулы, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч.—Что же? при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые 4 правила арифметики и читал довольно бегло по-русски, прослыл невеждою, и все его товарищи смеялись над Алешею.

⟨2.⟩ М а л е н ь к и й л ж е ц

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок—он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок астроном, фореитор историк и его птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случалось ему сказать и правду.

⟨3. В а н ю ш а , с ы н п р и х о д с к о г о д ь я ч к а ⟩

Ванюша, сын приходского дьячка, был ужасный шалун. Целый день проводил он на улице

с мальчишками, валяясь с ними в грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходил мимо их порядочный человек, Ванюша показывал ему язык, бегал за ним и изо всей силы кричал: «пьяница, урод, развратник! зубоскал, писака! безбожник, нигилист!» — и кидал в него грязью. — Однажды степенный человек, им замаранный, рассердился и, поймав его за вихор, больно побил его тросточкой. Ванюша в слезах побежал жаловаться своему отцу. Старый дьячок сказал ему: поделом тебе, негодяй; дай бог здоровья тому, кто не побрезгал поучить тебя. Ванюша стал очень печален, почувствовал свою вину и исправился.

(1830)

⟨Наброски письма в редакцию «Литературной Газеты»⟩

Отдавая полную справедливость благонамеренности и беспристрастию вашей *Газеты* — признаюсь не мог я согласиться с мнениями, которые обнаруживает она касательно критики и полемики.

Во-первых, что значат вечные толки о *вежливости*? Если бы критики наших журналов погрешали единой своею грубостью, то беда была бы еще небольшая.

Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете, что могут ⟨и⟩ чего не

могут читать наши *паркетные* дамы, какое выражение принадлежит гостиной (или будуару, как говорят эти господа). Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда, вероятно, им и некогда и вовсе не нужно являться.— Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на *паркетных дам*.— Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки.— Почему им знать, что в лучш(ем обществе?) жеманство и напыщенность нестерпимы, еще более выказывают мелкое общество, чем простонародность (*vulgarité*), и что оно-то именно и обличает незнание света. Почему им знать, что откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха—между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку*.—Хоро-

* Отчего происходит эта смешная стыдливость и жеманство, эта чопорность [просвирни в гостях у приезжей горожанки] деревенской дьячихи, пришедшей в гости к петербургской барыне?

Потому что нашим литераторам хочется доказать, что и они принадлежат высшему обществу (*high life, haute*), что и им известны его законы; не лучше ли было бы им постараться по своему тону и своему поведению принадлежать просто к хорошему обществу (*bonne société*)?

шее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членов высшего общества вводила иногда наших журналистов в забавные промахи. Один из них думал, что невозможно говорить при дамах о блохах, и дал за то строгий выговор — кому же — одному из молодых блестящих царедворцев. — В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент* разбирал ее как самую вольную сказку Бокаччио иль Лафонтена — все петербургские дамы читали ее и знали целые отрывки наизусть. Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее и отвлек на несколько дней всех наших дам от fashionable tales и исторических записок. Что же? Газета дала заметить автору, что в его простонародных сценах находятся слова ужасные: *сукин сын*. Возможно ли — что скажут дамы, если паче чаяния взор их упадет на это неслыханное выражение — Что б они сказали Фонвизину, который императрице Екатерине читал своего *Не-*

* Кажется, молодой критик имеет столь же неосновательное понятие о чистоплотности, как и о литературе.

доросля, где на каждой странице эта невежливая Простакова бранит Еремеевну *собачьей дочерью*?— Что сказали б новейшие блюстители нравственности и о чтении *Душеньки*, и об успехе сего прелестного произведения?— Что думают они о шуточных одах Державина, о прелестных сказках Дмитриева?— *Модная жена* не столь же ли безнравственна, как и *Граф Нулин*.

[Вы поминутно говорите о приличии журналистов], но позвольте дать заметить, что и *Газета*, стараясь быть равно учтива и важна в отношении ко всем книгам, ею разбираемым, без сомнения погрешала бы противу правил приличия, [как и прочие наши журналы].— В обществе вы локтем задели вашего соседа, вы извиняетесь — очень хорошо.— Но гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: *mille pardons*. Вы зовете извозчика — и говорите ему: пошел в Коломну, а не — *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*.— Разница критиковать Историю Государства Российского — и например ***.

У нас вошло в обыкновение между писателями, заслужившими доверенность и уважение публики, не возражать на критики. Редко кто-нибудь из них подаст голос, и то не за себя. Обыкновение вредное для литературы. Таковые анти-критики имели двоякую пользу: исправление оши-

бочных мнений и распространение здравых понятий касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани, что публика, etc. — —

Возразят, что иногда нападающее лицо само по себе так презрительно, что честному человеку никак нельзя войти в сношение с ним, не марая себя. В таком случае объяснитесь, извинитесь перед публикою. Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никаким образом отвечать ему не намерены. В этом отношении мне нравится одна из статей вашего журнала как доброе дело.

Вы советуете...

⟨1830⟩

⟨Французские критики...⟩

Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, налитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать французскому языку формы греческого стихосложения, — попал у них в романтические поэты.

⟨1830⟩

⟨Заметки о критике и полемике⟩

⟨1⟩

Литература у нас существует, но критики еще нет—у нас журналисты бранятся именами *классик* и *романтик*, как старушки бранят повес франмасонами и волтеррианцами, не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве. (1830)

⟨2⟩

Критика вообще. Крит. наука.—

Критика—наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы. Она основана 1) на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, 2) на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Не говорю о беспристрастии—кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими корыстными побуждениями.

Где нет любви к искусству, там нет и критики. «Хотите ли быть знакомым с художеством?—говорит Винкельман.—Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях».

(1830)

А. Читали вы в последнем № *Газеты* критику?

В. Нет, я не читаю русской критики.—

А. Напрасно. Ничто иное не даст вам лучшего понятия о состоянии нашей литературы.

В. Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд произведениям нашей словесности?

А. Нимало! У нас никогда критика не имеет почти никакого влияния на судьбу какого-нибудь произведения. Но она дает понятие об отношениях писателей между собою, о большей или меньшей их известности, наконец о мнениях, господствующих в публике.

В. Мне не нужно читать [*Вестник Европы*], чтобы знать, что поэмы Пушкина в моде—и что романтической поэзии у нас никто не понимает—что же касается до отношений г-на Раича к г. Полевому, г-на Каченовского к г. Булгарину—это вовсе не любопытно...

А. Однако же [иногда] забавно.—

В. Вам нравятся кулачные бойцы.

А. Почему же нет. Державин их воспевал. Наши бояре ими тешились.—Мне столь же нравится князь Вяземский в схватке с каким-нибудь записным журнальным буяном, как граф

Орлов в бою с ямщиком. — — Это черты народности. —

В. Вы упомянули о князе Вяземском. — Признайтесь, что из высшей литературы он один пускается в полемику.

(1830)

(А.) Тем хуже для литературы. — Если бы все писатели, заслуживающие уважение [доверенность] публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть. Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о [романтизме] или Крылова об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина [дающего отчет о произведениях Баратынского], разбирающего трагедию Хомякова? Эти господа в короткой связи между собою и вероятно друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях *sans mettre en confidence*. — Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах.

(В.) Публика довольно равнодушна к успехам словесности — истинная критика для нее не занимательна. Она изредка смотрит на драку двух журналистов, мимоходом слушает монолог раздраженного автора — и пожимает плечами.

(А.) Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца и аплодирую тому, кто сбил

своего противника. Если бы я сам был автор, то почел бы за малодушие не отвечать на нападение—какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухенрейторских пистолетах или снять с себя фрак и box'овать на перекрестке с извозчиком.— Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны.

⟨В.⟩ Критика не имеет у нас никакой гласности (?), вероятно и писатели высшего круга не читают русских журналов и не знают, хвалят ли их или бранят.—

⟨А.⟩ Извините, Пушкин читает все №№ *Вестника* **, где его ругают, что значит по его энергическому выражению — *подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей*.—

⟨В.⟩ Куда как любопытно!

⟨А.⟩ Любопытство, по крайней мере, очень понятное!— Пушкин и отвечает эпитаграммами, чего вам более.

⟨В.⟩ Но сатира не критика—эпитаграмма не опровержение.— Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии.—

⟨1830⟩

〈4〉

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs¹, люди, понимающие свое дело, но не только не критики, но даже и не литераторы.

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа*. У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

〈1830 — 1831〉

〈5〉

Писатели, известные у нас под именем аристократов, ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики.—Редко кто из них отзовется и подаст голос, и то не за себя. Что же это в самом деле? Разве и впрямь они гнушаются своим братом-литератором; или они вообразили себя и в самом деле аристократами. Весьма же они ошибаются: журналы назвали их так в шутку, иронически (смотри *Северную Пчелу*, *Северный Меркурий* и проч.); а если они и принадлежат хорошему обществу, как благовоспитанные и порядочные люди, то эта статья особая и литературы не касается.

¹ 〈Предприниматели.〉

* Сии, с любовью изучив новое творение, изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащее.

Один аристократ (всё-таки разумею сие слово в ироническом смысле) извинялся тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение; что разница-де между поединком и дракой; что, наконец, никто-де не в праве требовать, чтобы человек разговаривал, с кем не хочет разговаривать. Всё это не отговорка. Если уже ты пришел в кабац, то не прогневайся—какова компания, таков и разговор: если на улице шалун швырнет в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто,— а если ты будешь молчать с человеком, который с тобой заговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина.

(1831)

Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений

Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого рода, но еще не отрекся я совершенно от права самозащиты.

Southey.

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критику.—Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков.—Если будем

судиться перед публикою, вероятно, и она нас не поймет.— Это напоминает старинную эпиграмму:

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: моя им сведена корова.
Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: Почто идти вам брат на брата:
Не тот и не другой, а девка виновата.

Можно *не удостоивать ответом своих критиков* (как аристократически говорит сам о себе Издатель Истории Русского Народа), когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбраненной книги. Но из уважения к себе не должно оставлять без внимания, по лености или добродушию, оскорбления личные и клеветы, ныне к несчастью слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило конечно не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах.

Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). Как наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года, перевод Илиады, несколько цветов элегической поэзии,—так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния.—Время их еще не пришло.—

Не отвечал я моим критикам не потому такоже, чтоб и не доставало во мне веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику.

Я заметил, что самое глупое ругательство, неосновательное суждение, получает вес от волшебного влияния типографии. Нам всё еще *печатный лист кажется святым*. Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

Но признаюсь, мне совестно было идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться

там, где не было обвинений, а, что всего затруднительнее, важно говорить:

Et moi, je vous soutiens que mes vers sont très bons¹.

[Например, один из моих критиков, человек впрочем добрый и благонамеренный, разбирая кажется *Полтаву*, выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют*. Что бы мог я отвечать ему на это! А так поступали почти все его товарищи, ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно, а это дурно потому, что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина и главная: лень. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нынче, в несносные часы карантинного заключения, имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не могу решиться), но на обвинения не литературные, которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

¹ (А я утверждаю, что мои стихи очень хороши.)

Один из великих наших сограждан сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспаривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Всё имеет свою злую сторону — и неуважение к чести и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно *обиняки*. Первым примером обязаны мы **, который в своем журнале напечатал уморительный Анекдот о двух Китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот Китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частью из-за Китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного, или безыменного писателя. Большею частью сии Китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей, по злости, с каковой они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием.

Тот, о котором напечатают, что человек такого-то звания, таких-то лет, таких-то примет — крадет например платки из карманов— всё-таки должен отозваться и вступить за себя, конечно не из уважения к газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость, позволять всякому негодяю швырять в вас грязью. Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухенрейтерских пистолетах с учтивым джентельменом и от кулачного боя с пьяным конюхом. Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил. Отговорка забавная, но в таком случае, что прикажете делать с тем, который, по выражению Шатобриана, *comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas?*¹

Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в Литературной Газете, человек подлый и безнравственный, а что такой-то журналист, человек умный, *скромный*, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч.

¹ (Как человек благородного происхождения оскорбляет и не дерется.)

Фр(анцуз) отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить. *On en rit, j'en ris encore moi-même*¹.

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен, и что портреты мои слишком льстивы.—На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под.—Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (*hommes publics*), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу.—Мало-по-малу образуется и уважение к личной чести гражданина и возра-

¹ (Над этим смеются, я сам еще смеюсь.)

стает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом дружина ученых и писателей, какого б (рода) они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности [ремесла].

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать—но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам.—Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что говорят за ним важивалось) или, тихонько взяв рукопись из шкатулки мандарина (что в старину таюже с ним случилось), склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смиренный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесстыдным образом. Тра-

гик Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч. и проч.

*Сам съешь**. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтливое, но столь же затейливое выражение: *обратите это на себя*. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. *Сам съешь* есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики.—Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе—и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью: *сам съешь*.

Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*.—Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки.—*Сам съешь*.

Господа чиновные журналисты вздумали было

* Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для *будуарных* или даже для *паркетных* дам, как журналисты называют дам, им незнакомых).

напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостью дворян-журналистов. — Осмелились спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, господа чиновные журналисты с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное *Сам съешь!* К несчастью в *Литературной Газете* отыскали, кто были аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика-то что? — А публика, как судия беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она, покамест, совершенно согласна с нашим мнением: т. е. что *сам съешь* вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспамятство читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском анекдоте № 1.

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат. Но что сказали бы мы, прочитав, например, следующий разбор *Федры*, если б к несчастью написал ее русский и в наше время. Извольте.

«Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковёрность супруга своего, вносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклинает своего собственного сына (!!!) — после чего Ипполита разбивают лошади (!!!); Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется — и точка. Вот что пишут не краснея писатели, которые» и проч. (тут личности и ругательства); «вот до какого разврата дошла у нас литература — кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!»

Шлюсь на совесть самих критиков. — Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно, не равные

достоинством произведениям Расина, но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении.

Спрашиваем: должно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и полатыни, а приятели называли этот [вздор] глубокомыслием.

Если б *Недоросль*, сей единственный памятник народной сатиры, если б *Недоросль*, которым некогда восхищались Екатерина и весь ее блестящий двор, явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *каналей* и *собачьей дочерью*, а себя сравнивает с *сукою* (!!!). «Что скажут дамы, воскликнул бы критик, ведь эта комедия может попасться дамам!»—В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого Вальтер Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным,—разумеется в журналах (в свете приняли его

благосклонно), и никто из журналистов не захотел за него вступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину. Какой ужас! Как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бедной сказке (писанной, будь сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом)—подняли против меня всю классическую древность и всю европейскую литературу. Верю стыдливости моих критиков; верю, что *Граф Нулин* точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шуточных повестей: Ариост, Бокаччио, Лафонтен, Касты, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? Ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить *Душеньку* в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать *Модную жсону*, сей прелестный образец легкого и шуточного рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Но, отстранив неравенство поэтического достоинства, *Граф Ну-*

лин должен им уступить и в вольности, и в живости шуток*.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая, и всё, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным! Как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Благоразумный наставник, вероятно, не даст в руки ни им, ни даже их братцам ни единого из полных сочинений классического поэта, особенно древнего; на то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под., но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она, слава богу, может себе прочесть без опасения и сказку доброго Лафонтена, и эклогу доброго Виргилия, и всё, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают кроме корректурных листов своих журналов.

* В «Вестнике Европы» с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цап-царапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем *Графе Нулине* этого сравнения не находится, так же как и глагола: цап-царапствую; но хоть бы и было, что за беда?

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusque en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas.

Безнравственное сочинение есть то, коего целью или действием бывает потрясение правил, на коих основано общественное счастье или достоинство человеческое.— Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу—в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостию и минутною игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многие

желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей. — — По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче, за чужие проказы. В альманахе, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана *Идиллия*, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева. Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, *Она мила, скажу меж нами*), или которые простительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, *Послание к Юрьеву*).

Отчего издателя *Литературной Газеты* и его сотрудников называют аристократами (разумеется в ироническом смысле, пишут остроумно журналисты)? В чем же состоит их аристократия?

В том ли, что они дворяне? — Нет; все журналисты побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? Нет; в *Литературной Газете* доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства и заставили чиновных литераторов уважать собратиев мещан. Может быть, в притязаниях на тон *высшего общества*? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего общества*; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне. Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей*, и т. п. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (*niaiserie*) (NB не одно просторечие). Не они провозгласили себя опекунами высшего общества. Не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они *comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas*¹. Не они находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными — разбирают дворянские грамоты и провозглашают такого-то ме-

¹ (См. выше, стр. 128.)

щанином, такого-то аристократом. Не они толкуют вечно о *будуарных читательницах*, о *паркетных (?) дамах*. Отчего же они аристократы (разумеется в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II), отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Ф. Орлову), генерал-аншеф и проч.— был куплен шкипером за бутылку рому*.

Прадед мой, если был куплен, то вероятно дешево, но достался шкиперу, коего имя всякой русской произносит с уважением и не все.

Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку [клеветать] русский характер, марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

* Голиков говорит, что он был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметив в нем дарования и проч... Голиков ошибся. У Петра I не было камердинеров, прислуживали ему денщики, между прочим, Орлов и Румянцев — родоначальники исторических фамилий.

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю **..... В свете оно тотчас было замечено и были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата,— а в статейке, заимствованной у Мерсье, заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы*.

Род мой один из самых старинных дворянских. Мы приходим от прусского выходца Радши или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжения святого Александра Ярославича Невского (см. *Русский Летописец* и *Историю Российского Государства*). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости (к) покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Василье-

* Будем справедливы: г. Полевого нельзя упрекнуть в низком подобострастии перед знатными, напротив, мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым.

вича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи—столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин во время междоцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*. При избрании Романовых на *(царство)* 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольный, под *(сборным деянием)* о уничтожении местничества (что мало делает ему чести). При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшей дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах.—Единственный сын его, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине—и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странна судьба *(и)* союз сих имен!). См. Рюлиера и Кастера.

Через 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением, он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях.

Если быть дворянином значит подражание английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностью лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства? Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил — от разночинцев, вышедших во дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде доньше я его не обнаруживал и никому до него дела нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотри около себя

и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние даже разночинцам, вышедшим во дворяне, и досужим [журнальным] балагурам!

Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины. Но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные—но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами.

(1830)

〈Разговор〉

А. Читал ты замечание в *Литературной Газете*, где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унижительного сравнения!

Б. А так извини: я с тобою несогласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными демократических писателей XVIII столетия, которых (как очень хорошо сказано в *Газете*) с нашими никаким образом сравнивать (невозможно) — а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти французские писатели такие люди, что боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть им уподобленными этим господам.

Б. Да кто же эти французские писатели, о коих упомянуто в *Литературной Газете*?

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как <и> честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом.

А. Зачем же обруганы они в *Литературной Газете*?

Б. То-то я и говорю.

А. Как можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станут кричать: повесим их, повесим! и аристократов к фонарю.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в *Газете* не сказано.

А. Как не сказано? постой, она на мне... (*вынимает из кармана Газету*). А ты прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приутоновили крики, etc.—Так неужто в самом деле эпиграммы приутоновили Французскую Революцию?

Б. О Французской Революции *Литературная Газета* молчит, и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай: les aristocrates à la lanterne¹ и повесим <их, повесим> и т. д. Ça ira.

Б. И ты видишь тут Французскую Революцию?

¹ <Аристократов к фонарю!>

А. А ты что тут видишь, если смею спросить?

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. Вот, я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. Потому, что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным.—

А. Следственно я и прав. В крике *les aristocrates à la lanterne* вся Революция.

Б. Ты не прав. В крике *les aristocrates à la lanterne* один жалкий эпизод Французской Революции—гадкая фарса в огромной драме.

А. И честные и добрые писатели были тому причиною. Если и в самом деле, то уж конечно неумышленно!

Б. Вероятно.

А. А *propos*¹, какого ты мнения о [Лафайете,] Полиньяке?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю.

[А. Итак, *revenons à nos moutons*², обратимся к литераторам. Неужто в самом деле эпиграммы

¹ (Кстати.)

² (Вернемся к нашим баранам.)

французских писателей приутоновили крики les aristocrates à la lanterne?

Б. Таково по крайней мере мнение *Литературной Газеты*.

А. А твое мнение? нельзя узнать.

Б. Экой лукавый! заманивает опять меня в политику. Не узнаешь!

А. И ты мне не будешь отвечать?

Б. Нет.]

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделала *Пчела* всю *Литературную Газету*, издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так прочти же (*дает ему журналы*).

Б. Что значат эти точки?

А. Ах! я спрашивал—тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. (*отдавая журнал*). Жаль, в этих ругательствах может быть был смысл, а в строках печатных его нет.

А. Вот тебе еще что-то (*дает другой журнал*).

Б. (*прочитав*). Тут и ругательства есть, а смысла всё таки не более.—

А. Так ты видно стоишь за *Литературную Газету*. Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? о, да ты журналов

не читаешь! Вот видишь ли: издатель *Литературной Газеты* и сотрудники его и читатели его—все аристократы (разумеется в ироническом смысле).

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу.—Будучи сам литератором, я читаю *Литературную Газету*: ибо мне любопытно знать ее мнения; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литературным башкирцам; но никогда я не видал в *Литературной Газете* ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли: барон Дельвиг, князь Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр. мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступаясь за грамотное купечество, в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступаясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше.

А. Это замечание могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь или сам такой невинный.— Кто же сии невинные?

А. Как, кто? Издатели *Северной Пчелы*.

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей *Северной Пчелы* слишком хорошо известен, и *Литературная Газета* повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит *avis au lecteur*?¹ к кому это относится? ты скажешь к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж если существует у нас цензура, то не худо оградить и сословия, как ограждены частные лица от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия, но смеяться над сословием потому только, что оно такое-то сословие, а не другое, нехорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию—*pas si bête*². Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состоянию, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официальной газете) не хорошо—и даже неблагоприятно. [Положим, что

¹ (Предупреждение читателю.)

² (Они не настолько глупы.)

эпиграммы демократических французских писателей приутожили крики *les aristocrates à la lanterne*; у нас таковые же эпиграммы, хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие...] Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу...

А. Кажется, ты прав. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностью за *Северную Пчелу*.

Б. Потому, что свой своему поневоле брат.

А. Отчего же замечание *Газеты* показалось сначала столь предосудительным, даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали у нас разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступив на один из таковых вопросов, сами испугались движения, ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой не занимаешься, а это тебе понятно, не правда ли?—Демократические наши журналы, напав на дворянство...

А. Опять демократические журналы! Какой ты неблагонамеренный.

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы, объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, всё-таки они демократические журналы. Итак, эти журналы, на-

падая на дворянство, должны были найти отпор и нашли его в *Газете Литературной*. Всё это естественно и даже утешительно. Но повторяю, вопросы политические еще для нас новость...

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать издателю *Литературной Газеты*, чтоб он напечатал его себе в оправдание.

Б. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они впрочем ни происходили.

⟨1830⟩

⟨Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений»⟩

⟨1. О цене «Евгения Онегина»⟩

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою *Евгения Онегина* и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал, или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели *Северной Пчелы*? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю

экземпляр, всё-таки продавали б по 5 рублей. — Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам писателям, очень известны.—Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной, или совершенную оставку в продаже.

Спрашиваю: что выгоднее напечатать—20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 копеек, или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (*le plus national et le plus populaire*¹) не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светской человек, и дамы, и горничные, и дети.—Но стихотворение лирическое читает токмо любитель поэзии.— А много ли их?—

⟨2. Ш у т к и н а ш и х к р и т и к о в⟩

Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анек-

¹ ⟨Самого национального и самого популярного.⟩

дот: в лицее один из младших наших товарищей, и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему лицую:

Ха ха ха, хи хи хи
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Дельвигу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного *Вестника Европы* найти следующую шутку. Альманах *Северные Цветы* разделяется на прозу и стихи.— Хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это *хи хи* показалось видно столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в *Северной Пчеле*: «*хи хи*, как весьма остроумно сказано было в *Вестнике Европы*» etc.

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: «древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния». Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто.—В стихах Дельвига отзывает иногда уныние новейшей поэзии? Журналисты наши, о ко-

торых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно,—обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, всё та же шутка каждый раз им и удаётся; но какая им от того прибыль? Публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здоровой критики и беспристрастия.

(1830)

**〈Проект предисловия к последним главам
«Евгения Онегина»〉**

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни Онегина журналы вообще отозвались об ней весьма неблагоприятно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили

они о прежних главах моего романа. После умеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали шесть частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

«...Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII Евгения Онегина? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя «Руслана и Людмилы», пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII—два маленькие печатные листика—испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже *Евгений Вельский* кажется чем-то похожим на дело.* Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной вззрения! Совершенное падение, chute complète... Читатели наши спросят, каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи *Онегина* увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

* Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят Евгения Онегина ниже Евгения Вельского.

Ну, как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!
Мать плачется, скучает дочка;
Конец *седьмой главе* — и точка*.

Точно так, любезные читатели, всё содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!»—и т. д.

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеха, ибо наш век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться,—но поэзия остается на одном месте. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими—произведения истинных поэтов остаются свежими и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато уж, верно, да-

* Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает.

рование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что Евгений Онегин и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искутить ее терпение. Вот еще две главы *Евгения Онегина*— последние, по крайней мере, для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутовскую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти,—также удерживала меня. Но *Чайльд-Гарольд* стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла у меня родиться.

21 ноября 1830. Болдино.

〈Наброски возражений критикам языка
и стиля «Евгения Онегина»〉

〈1〉

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко и в обстоя-

тельстввах неблагоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни *Евгения Онегина*.

Разбор сих глав, напечатанный в *Атене*, удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане? камин дымит*, вместо *пар идет из камина? Не слишком ли смело ревнивое подозрение? неверный лед?* Как думаете, что бы такое значило:

*Мальчишки
Коньками звучно режут лед?*

Критик догадывается, однако ж, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках. Вместо:

*На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед*

критик читал:

*На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть...*

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винительный, а не родительный падеж; *времен* вместо *времен*, как например, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира времен...

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражал его стих:

Людскую молвь и конский топ.

«Так ли изъясняем мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «Вестнике Европы». *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение** и *хлоп* вместо *хлопанье* (следственно вовсе не противно духу русского языка)...

На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

«И вышел он за ворота градские, и услышал конский топ и людскую молвь». *Бова Королевич*.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств

* Он шип пустил по-змеиному — *Древние Русские Стихотворения*.

русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих: *Два века ссорить не хочу* критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: *я не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицей *не*, а глаголом *хочу*. Ergo¹, правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: *Я не могу вам позволить начать писать... стихи*, а уж, конечно, не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*, *татаре*, а не *татары*. Почему? Потому что все имена существительные, кончающиеся на *анин*, *янин*, *арин*, *ярин*, имеют свой родительный во множественном на *ан*, *ян*, *ар* и *яр*, а именительный множественного на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Все же существительные, кончающиеся на *ан* и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множественном именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительный на *анов*, *янов*, *аров* и *яров*.

¹ (Итак.)

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

У нас многие (между прочими и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: *решаю, решаешь, решает, решаем, решаете, решают*. Вместо *решу, решишь* и проч. *Решу* спрягается как *грешу*.

*

Иностранные собственные имена, кончающиеся на *е, и, о, у*, не склоняются. Кончающиеся на *а, ъ* и *ь* склоняются в мужеском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем, и проч.

*

Как надобно писать *турков* или *турок*? То и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

*

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо). Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г***.

*

Многие пишут *юпка, сватьба* вместо *юбка, свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница, свадебный*.

*

Двенадцать, а не *двънадцать*. *Две* сокращено из *двое*, как *три* из *трое*.

*

Пишут: *тьлега, тельга*. Не правильнее ли: *телега* (от слова *телец*—телеги запряжены волами)?

*

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований.

*

Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

*

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими

согласными в нем изменены. Мы даже говорим *женщины, нослег* (см. Богдановича).

*

Шпионы подобны букве *ль*. Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтись, а они привыкли всюду соваться.

⟨1830⟩

⟨2⟩

Г. Федоров, в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу *Онегина*, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *уж*, что и называл он ужами, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осудил он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных, назвал *девчонками* (что, конечно, неучтиво). Между тем как простую деревенскую девку назвал девою:

В избушке распевая, дева
Прядет.

⟨1830⟩

⟨3⟩

Шестой песни (*Онегина*) не разбирали, даже не заметили в «Вестнике Европы» латинской опе-

чатки. Кстати: с тех пор, как вышел из лица, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык.—Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другою, а никто ныне по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

⟨1830⟩

⟨4⟩

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в *Евгении Онегине*, которые я не мог или не хотел напечатать — этому удивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означает место, где быть им надлежало. Лучше бы было заменять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненные.

Но виноват, на это я слишком ленив. Смирно сознаюсь также, что в *Дон-Жуане* есть 2 выпущенные строфы.

⟨1830⟩

⟨5⟩

Критику 7-ой песни в «Северной Пчеле» пробежал я в гостях и в такую минуту, когда было мне не до *Онегина*... Я заметил только очень

хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку об *жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критиков я не читал, ибо, право, мне было не до них.

В Эту критику «Северной Пчелы» напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из *Ивана Выжигина* (весь отрывок этот был напечатан в «Северной Пчеле» года два прежде появления *Выжигина*), ибо г. Булгарин не рассказывает, что трагедия *Борис Годунов* взята из его романа.

(1830)

⟨Заметки о ранних поэмах⟩

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в *Вестнике Европы*, в которой побранили весьма неосновательно, и весьма дельных вопросов, изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней

сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О, страшный вид! Волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой...

За вступление, не помню которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию *Двенадцати спящих дев*. За последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было, особенно в мои лета, пародировать в угождение черни девственное, поэтическое создание. Были прочие упреки, довольно пустые. Есть ли в *Руслане* хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями, хоть например Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень смягченное подражание Ариосту (*Orlando, canto V и VIII*¹).

Кавказский Пленник — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря

¹ («Неистовый Роланд», песни V и VIII.)

некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним смеялись.

Бахчисарайский Фонтан слабее *Пленника* и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Всё это смешно, как мелодрама.

Не помню кто заметил мне, что невероятно, чтобы скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Всё это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

О *Цыганах* одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь.

Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазющей публики.—Вяземский повторил то же замечание. Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее. Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы: *ta tanto meglio*¹.

⟨1830⟩

⟨Заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина⟩

⟨1⟩

Драматическое искусство родилось на площади—для народного увеселения. Что нравится народу, что поражает его? Какой язык ему понятен?

С площадей, ярманки (вольность мистерий) Расин переносит ее во двор. Какое было ее появление?

(Корнель, поэт испанский).

Сумароков, Озеров—(Катенин).

Шекспир, Гете—влияние его на нынешний французский театр, на нас. Блаженное неведе-

¹ ⟨Но тем лучше.⟩

ние критиков, осмеянное Вяземским; они на словах согласились, признали романтизм, а на деле не только его не держатся, но детски нападают на (него).

Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки.

Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения. Никакого предрассудка, любимой мысли. *Свобода.*

Ошибочное понятие об поэзии вообще, и драматическом искусстве в особенности.—Какая цель драмы?—Что есть драма?—Как они образовались.

(2)

Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы всё еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда; мы всё еще повторяем, что *прекрасное* есть подражание изящной природе, и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи раскрашенные нра-

вятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами? И какая польза в Тициановой Венере и Аполлоне Бельведерском?

Правдоподобие всё еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие.

Читая поэму, роман, мы часто можем забыть и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина. В оде, в элегии можем думать, что поэт изображал свои настоящие чувствования, в настоящих обстоятельствах. Но [может ли сей обман существовать] в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок, времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает перчатку. У Расина полу-скиф Ипполит говорит языком молодого благовоспитан-

ного маркиза. А Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Римляне Корнеля суть если не испанские рыцари, то гасконские бароны. Со всем тем Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недосыгаемой—и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов...

Какого же правдоподобия требовать должны мы от драматического писателя? Для разрешения сего вопроса, рассмотрим сначала, что такое драма и какая ее цель.

Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия—драма представляет ему происшествие необыкновенное, истинное. Народ требует сильных ощущений—для него и казни—зрелище. Трагедия преимущественно выводила пред ним тяжкие злодеяния, страдания тяжкие, сверхъестественные, даже физические (например, Филоктет, Эдип, Лир). Но привычка притупляет ощущения—воображение привыкает к убийствам и казням, смотрит на них уже равнодушно, изображение же страстей и излишней души человеческой для него всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала заведывать страстями и душою человеческою.

Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством. Но смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия.—Древние трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драматическую более как пародию. Таким образом родилась комедия—со временем столь усовершенствованная. Заметим, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что (она) нередко близко подходит к трагедии.

Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах,— вот чего требует наш ум от драматического писателя.

Драма оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного избранного общества. Поэты переселились ко двору. Между тем, драма остается верною первоначальному своему назначению—действовать на толпу, занимать ее любопытство. [Что привлекает внимание образованного, просвещенного зрителя, как не изображение великих государственных происшествий. Отселе история, перенесенная на театр, и народы и цари, выведенные перед нами драматическим поэтом].

[В чертогах драма изменилась, голос ее понижился. Она не имела уже нужды в криках. Она оставила маску преувеличения, необходимую на площади, но излишнюю в комнате. Она явилась проще, естественнее. Чувства более утонченные уже не требовали сильных потрясений. Она перестала изображать отвратительные страдания, отвыкла от ужасов, мало-по-малу сделалась благопристойна и важна].

Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностью в своей возвышенности—и публика [это чувствовала]. Признание беспрекословно. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере, так думал и он и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унижить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей—отселе робкая чопорность, смешная надутость, вошедшая в пословицу (*un héros, un roi de comédie*¹), привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то

¹ (Герой, король комедии.)

подобострашием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяснения. У Расина (например) Нерон не скажет просто, *je serai caché dans ce cabinet*¹—но *caché près de ces lieux je vous verrai, Madame*².—Агамемнон будит своего наперсника, говорит ему с напыщенностью: *Oui, c'est Agamemnon*...³

Мы к этому привыкли, нам кажется, что так и быть должно. Но надобно признаться [у Шекспира этого незаметно]. И если герои выражаются в его трагедиях как конюхи, то нам это не странно, ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия, как простые люди.

Драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное.

Не имею целию и не смею определять выгоды и невыгоды той и другой трагедии—развивать существ. разницы систем Расина и Шекспира, Кальдерона и Гете. Спешу обозреть историю драматического искусства в России.

Драма никогда не была у нас потребностью народною. Мистерии Дмитрия Ростовского, тра-

¹ (Я спрячусь в этой комнате.)

² (Спрятанный вблизи этих мест, я буду вас видеть, сударыня.)

³ (Да, это Агамемнон...)

гедии царевны Софии Алексеевны были представляемы при царском дворе и в палатах ближних бояр—и были необыкновенным празднеством, а не постоянным увеселением. Первые труппы, появившиеся в России, не привлекли народа, не понимающего драматизма и не привыкшего к его условиям. [Попытки Волкова не имели успеха.] Явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противу смысла, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы, как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие. Театр оставался поприщем, чуждым нашим обычаям. Озеров это чувствовал. Он попытался дать нам трагедию народную—и вообразил, что для сего довольно будет, если выберет предмет из народной истории, забыв, что поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и еврейской истории, и что самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из итальянских новеллей.

После *Дмитрия Донского*, после *Пожарского*, произведения незрелого таланта, мы всё не имели трагедии.—*Андромаха* Катенина (может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому)

не разбудила однако ж ото сна сцену, опустелую после Семеновой.

Ермак, идеализированный, лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем всё чуждо нашим нравам и духу, всё, даже самая очаровательная прелесть поэзии.

Комедия была счастливее. Мы имеем две драматические сатиры.

Отчего же нет у нас народной трагедии? Не худо было бы решить, может ли она и быть. Мы видели, что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную, Сумароковскую трагедию низвести на площадь—но какие препятствия!

Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расина, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек? Как ей перейти от своего разговора размеренного, важного и благопристойного к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади? Как ей вдруг отстать от подобострастия, как ей обойтись без правил, к которым она привыкла, где, у кого выучиться наречию, понятному народу, какие суть страсти сего народа, какие

струны его сердца, где найдет она себе созвучие—словом, где зрители, где публика?

Вместо публики встретит она тот же малый, ограниченный круг—и оскорбит надменные его привычки (*dédaigneux*), вместо созвучия, отголоска и рукоплесканий, услышит она мелочную, привязчивую критику. Перед нею восстанут непреодолимые преграды—для того, чтоб она могла расставить свои подмости, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий...

Перед нами, однако ж, опыт народной трагедии.

Прежде, чем станем судить **, поблагодарим неизвестного автора за добросовестность его труда, поруку истинного таланта. Он написал свою трагедию не по расчетам самолюбия, жаждущего минутного успеха, не в угождение общей массе читателей, не только не приуготовленных к романтической драме, но даже решительно ей неприятствующих.* Он написал свою трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимому вдохновению, уединясь в своем труде. Без сего самоотверже-

* Не говорим уже о журналах, коих приговоры имеют влияние не только на публику, но даже на писателей, которые, хотя ими пренебрегают, но опасаются печатных насмешек и ругательства.

ния в нынешнем состоянии нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойного внимания.

Автор *Марфы Посадницы* имел целию развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода, решившего вопрос о единодержавии России. Два великих лица представлены ему были историею. Первое—Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе—Новгород, коего черты надлежало угадать.

Драматический поэт—беспристрастный, как судьба—должен был изобразить столь же искренно отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии,—но люди минувших дней, [их] умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные, необходимые условия автор *Марфы Посадницы*? Отвечаем: исполнил—и если не везде глубокое добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужило, то

изменило ему не желание, не убеждение, не совесть, но природа человеческая, всегда несовершенная.

Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю машину, все страсти, все пружины.— В первой сцене Новгород узнает о властолюбивых его притязаниях и о нечаянном походе. Негодование, ужас, разногласие, смятение, произведенное сим известием, дают уже понятие о его могуществе. — Он еще не появлялся, но уже тут,—как Марфа, мы уже чувствуем его присутствие. Поэт переносит нас в московский стан, среди недовольных князей, среди бояр и воевод. И тут мысль об Иоанне господствует и правит всеми мыслями, всеми страстями. Здесь видим могущество его владычества, укрощенную мятежность удельных князей, страх, наведенный на них Иоанном, слепую веру в его всемогущество. Князья свободно и ясно понимают его действия, предвидят и изъясняют высокие замыслы; послы новгородские ожидают его. Является Иоанн. Речь его послам не умаляет понятия, которое поэт успел внушить. Холодная твердая решимость, обвинения сильные, притворное великодушие, хитрое изложение обид.— Мы слышим точно Иоанна, мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его

века. Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города! Иоанн не заботится о том, правы ли они или нет. Он предписывает свои последние условия. Между тем готовится к решительной битве. Но не одним оружием действует осторожный Иоанн. Измена помогает силе. Сцена между Иоанном и вымышленным Борецким — (кажется нам) невыдержанною. Поэту не хотелось совсем унижить новгородского предателя — отселе заносчивость его речей и недраматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Иоанна. Скажут: он терпит, ибо ему нужен Борецкий — правда. Но пред его лицом не смел забыться бы Борецкий, и изменник не говорил бы уже вольным языком новгородца. Зато с какой полнотою, с каким спокойствием развивает Иоанн государственные свои мысли! — и заметим, откровенность — вот лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Последняя речь Иоанна

Российские бояре, вожди, князья, и проч.

кажется нам не в духе властвования Иоанна. Ему не нужно воспламенять их усердия, он не станет им изъяснять причины своих действий. Довольно, если он скажет им — завтра битва, будьте готовы.

Мы расстаемся с Иоанном, узнав его намерения, его мысли, его могущую волю—и уже видим его опять, когда молча въезжает он победителем в преданный ему Новгород. Его распоряжения, переданные нам историею, сохранены и в трагедии без добавлений затейливых, без объяснений. Марфа предрекает ему семейственные несчастья и гибель его рода. Он отвечает:

Что господу угодно — да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.

Таково изображение Иоанна, изображение согласное с историей, почти везде выдержанное—в нем трагик не ниже своего предмета. Он его понимает ясно, верно, знает коротко—и представляет нам без театральных преувеличений, без надутости, чопорности, без противусмыслия, без шарлатанства.

(1830)

〈Об Альфреде Мюссе〉

Между тем как сладкозвучный, но однообразный Ламартин готовил новые благочестивые размышления под заслуженным названием *Harmopies religieuses*, между тем как важный Victor Hugo издавал свои блестящие, хотя и натянутые *Восточные стихотворения* (*Les orientales*), между тем как бедный скептик Делорм воскре-

сал в виде исправляющегося неопита, и строгость нравов и приличий была объявлена в приказе по всей французской литературе, вдруг явился молодой поэт с книжечкой сказок и песен и произвел ужасный соблазн—Musset взял, кажется, на себя обязанность воспевать одни смертные грехи, убийства и прелюбодеяние. Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живою самыми обнаженные описания покойного Парни. О нравственности он и не думает, над нравоучением издевается и, к несчастью, чрезвычайно мило, с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что ужас и жалость. Воспевает луну такими стихами, какие осмелился бы написать разве только поэт блаженного XIV века, когда не существовали еще ни Буало, ни гг. Лагарп, Гофман и Кольне. Как же приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналов и все ферулы, поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезного повесы так изумила, так понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать, объявила, что *Испанские сказки* ничего не доказывают, что можно описывать разбойников и убийц, даже не имея целию объяснить, сколь непохвально это

ремесло— а быть, между тем, добрым и честным человеком; что живые картины наслаждений простительны 20-летнему поэту, что, вероятно, семейство его, читая его стихи, не станет разделять ужас газет и видеть в нем изверга, что, одним словом, поэзия— вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет. Слава богу! давно бы так, м. г. Не странно ли в XIX веке воскрешать чопорность и лицемерие, осмеянные некогда Молиером, и обходиться с публикою, как взрослые люди обходятся с детьми, не позволять ей читать книги, которыми сами наслаждаетесь, и впопад и невпопад ко всякой всячине приклеивать нравоучение. Публике это смешно, и она своим опекунам уж верно спасибо не скажет.

Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостию необыкновенной. Из них *Porcia*, кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, поседевшего вдруг; разговор двух любовников на море,— всё это прелесть. Драматический очерк *Les marrons du feu* обещает Франции романтического трагика. А в повести *Mardoche* Musset первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка. Если будем понимать слова Горация, как понял их английский поэт, то мы

согласимся с его мнением: трудно прилично выражать обыкновенные предметы.

В в эпиграфе к *Дон-Жуану*—

*Difficile est proprie communia dicere*¹.—*Communia* значит не обыкновенные предметы, но *общее всем* (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих, в противоположность предметам вымышленным. См. *ad Pisones*). Предмет *Дон-Жуана* принадлежал исключительно Байрону.

⟨1830⟩

⟨Наброски третьей статьи об «Истории
Русского Народа» Н. А. Полевого⟩

⟨1⟩

Противуречия ⟨и⟩ промахи, указанные в разных журналах, доказывают, конечно, не невежество г. Полевого (ибо сих обмолвок можно было избежать, дав себе время подумать или справиться), но только непростительную опрометчивость и поспешность. Презрение, с каким г-н Полевой отзывался в своих примечаниях о Карамзине, издеваясь над его трудом,—оскорбляло нравственное чувство уважения нашего к великому соотечественнику.— Но сия опрометчивость и

¹ ⟨Трудно хорошо выразить общеизвестные вещи.⟩

необдуманность сильно повредили г. Полевому в мнении малого числа просвещенных и благоразумных читателей, ибо они поколебали, если не вовсе уничтожили, доверенность, которую обязан он был им внушить.—Теперь мы читаем *Историю Русского Народа*, не полагаясь на добросовестность труда и верность разысканий,—но на каждое слово невольно требуем подтверждения постороннего, если не имеем терпения или способов справляться сами.—*История Русского Народа* состоит из отдельных отрывков, часто не имеющих между собою связи по духу, в коем они писаны, и походит более на разные журнальные статьи, чем на книгу, обдуманную одним человеком и проникнутую единством духа.

Несмотря на сии недостатки, *История Русского Народа* заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям (NB Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недалекому и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований.—

Второй том, ныне вышедший из печати, имеет, по нашему мнению, большое преимущество перед первым.

1) В нем нет сбивчивого предисловия и гораздо менее противуречий и многоречия.

2) Тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее.

3) Самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому.

II том начинается взглядом на всеобщее состояние Европы в XI столетии.

⟨2⟩

Г. Полевой предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать и вьется около.

Он видит, что Россия была совершенно отделена от Западной Европы. Он предчувствует тому и причину, но вскоре желание приноровить систему новейших историков и к России увлекает его.— Он видит опять и феодализм (называет его семейственным феодализмом) и в сем феодализме средство задуть феодализм же, полагает его необходимым для развития сил юной России.— Дело в том, что в России не было еще феодализма, как первые *⟨нрзбр⟩* не суть еще бароны феодальные, а были уделы, князья и их дружина; что драки княжеские не развили никакой силы, доказательство — нашествие татар; что Россия не окрепла и не развилась во время *княжеских* драк (как энергически назвал Карамзин удельные

междоусобия), но, напротив, ослабела и сделалась легкою добычею татар, что аристокрация не есть феодализм и что аристокрация, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка. Объяснимся.

Феодализм частность. — Аристокрация общность.

Феодализма в России не было. Одна фамилия, Варяжская, властвовала независимо, добываясь великого княжества.

Феодальное семейство одно (Vassaux).

Бояре жили в городах, при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, — не сосредоточиваясь в малом семействе, — не враждуя против королей, — не продавая своей помощи городам.

Но они были вместе, придворные товарищи составили союз, — считались старшинством, — крамольничали.

Великие князья не имели нужды соединяться с народом, дабы их усмирить.

Аристокрация стала могущественна. Иван Васильевич III держал ее в руках при себе. Иван IV казнил. В междоусобице она возросла до величайшей степени. Она была наследственная — отселе местничество, на которое до сих пор привыкли смотреть самым детским образом. Не Федор, но Языков, т. е. меньшее дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие

слово не в смысле одного (?) чина, но в смысле аристокрации.

Феодализма у нас не было, и тем хуже.

⟨3⟩

Освобождение городов не существовало в России. Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не *общины* (*communes*), удаленные от великого княжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей.—Феодализм мог бы, наконец, родиться, как первый шаг учреждений независимости (общины второй), но он не успел. Он развился во время татар, был подавлен Иоанном III, гоним, истребляем Иоанном IV, стал развиваться во время междуцарствия, постепенно упразднялся искусством Романовых и наконец разом уничтожен Петром и Анною Ивановною, указом 1731 года уничтожившей указ Петра.

⟨4⟩

История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир.—История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима.—

История новейшая есть история христианства.— Горе стране, находящейся вне европейской системы! Зачем же г-н Полевой за несколько страниц выше повторил пристрастное мнение 18-го столетия и признал концом древней истории падение Западной Римской империи,—как будто самое распадение оной на Восточную и Западную не есть уже конец Рима и ветхой системы его?

Гизо объяснил одно из событий христианской истории: *европейское просвещение*. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя всё отдаленное, всё постороннее, *случайное*, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, тяжелые и порою расцветающие века.

Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада.— Не говорите: *Иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом, и события жизни человеческой были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра.— Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправ-

данные временем, но невозможно ему предвидеть случая. Один из остроумнейших людей XVIII столетия предсказал Камеру французских депутатов и могущественное владычество России, но никто не предсказал ни Наполеона, ни Полиньяка — мощного, мгновенного орудия провидения.

⟨ 1830 — 1831 ⟩

⟨Заметки о русских журналах⟩

Определяйте значение слов, говорил Декарт, — [и вы избавите свет от половины его заблуждений]. Некоторые из наших писателей видят в русских журналах представителей народного просвещения, указателей общего мнения и проч. — и вследствие сего требуют для них того уважения, каким пользуются «Journal des Débats» и «Edinburgh review».

Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление — свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных. Они знают это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью. По причине вели-

кого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, и человек без истинного дарования не выдержит l'эреuve¹ издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противуборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джеффри, Питт. Что же тут общего с нашими журналами и журналистами? Шлюсь на собственную совесть наших литераторов—спрашиваю, по какому праву *Северная Пчела* будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь *Северный Меркурий*?

(1831)

〈Заметки по истории французской
революции〉

〈1〉

Прежде, нежели приступим к описанию преоброта, ниспровергшего во Франции все до него существовавшие постановления, должно сказать, каковы были сии постановления.

Феодальное правление было основано на праве завоевания. Победители присвоили себе землю и собственность побежденных, обратили их самих

¹ 〈Испытания.〉

в рабство и разделили всё между собою. Предводители получили большие участки, — слабые прибегнули к покровительству сильнейших.

Каждый владелец управлял в своем участке по-своему, устанавливал свои законы, соблюдая свои выгоды, и старался окружить себя достаточным числом приверженцев для удержания в повиновении своих вассалов или для отражения хищных соседей. Для сего избирались большею частию вольные люди, составлявшие некогда войско завоевателей. Современем они смешались с побежденными; установились взаимные обязательства между владельцами и вассалами, и стихия независимости сохранилась в народе.

Короли, избираемые вначале владельцами, были самовластны токмо в собственном своем участке; в случае войны с неприятелем, новых налогов или споров между двумя могущими соседями, они созывали сеймы.

Сеймы сии составляли сначала одни знатные владельцы и военные люди; духовенство было призвано впоследствии властолюбивыми палатными мэрами (*maires du palais*), а народ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противопоставить новую силу дворянству, соединенному с духовенством.

Судопроизводство находилось в руках владельцев. Для записывания их постановлений изби-

рались грамотей из простолюдинов, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умели читать. Когда же война призывала баронов к защите королевских владений или собственных замков, то в их отсутствии сии грамотей чинили суд и расправу сначала от имени баронов, а впоследствии са(ми от себя).

(2)

Мало-по-малу народ откупился, владельцы обеднели и стали проситься на жалование королей. Они выбрались из феодальных своих вертепов и стали являться *arprivoisés*¹ в дворцовые передние.—Короли почувствовали всю выгоду сего нового положения; дабы (*subvenir au frais de nouvelle dépense*) прикрыть новые необходимые расходы, они прибегнули к продаже судебных мест, ибо доходы от прав, покупаемых городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сия мера утвердила независимость *de la Magistrature* (гражданских сановников), и сие сословие вошло в соперничество с дворянством, которое возненавидело его.

Продажа гражданских мест упрочила правление достаточной части народа, следственно столь же благоразумна и представляет такое же [осно-

¹ (Прирученные.)

вание], как и нынешние законы о выборах.— Писатели XVIII века напрасно вопили противу сей меры, будто бы варварской (и) нелепой.

Но вскоре короли заметили, до какой степени сия мера ограничила их самовластие и укрепила независимость сановников.— Ришелье установил комиссаров, т. е. сановников, временно уполномоченных королем. Законники возроптали как на нарушение прав своих и злоупотребление общественной доверенности—Их не послушали и самовластие министра подавило и их и феодализм.

⟨3⟩

Ф е о д а л ь н о е п р а в л е н и е

Его основание

Les grands Fiefs.—Les petits Fiefs.—Les vassaux.—Le peuple.—Le clergé.

Elisoient un chef. Le domaine avoit part commune au butin.¹

Сношения

Короля с владельцами, владельцев между собою, владельцев с вассалами, вассалов между собою.

¹ (Большие лены. Малые лены. Вассалы. Народ. Духовенство. Избирали предводителя. Все владение имело общую долю в добыче.)

Assemblée de la Nation. Guerre et redevance au Roi. Redevance des vassaux. Justice, coutumes, loix, privilèges. Independance, protection.¹

Droits des seigneurs.

Изб. королей, судили распри, battoient monnay, faisoient la guerre entre eux, pretoient hommage aux Rois, les servitut des jours marqués.²

У п а д о к ф е о д а л и з м а

Croisades. St. Louis. Papes, Philippe le bel, Etats généraux. Parlements.³

(4)

Феодальное правление, основанное на праве завоевания.

Что были предводители.

Что был народ.

Короли. Телохранители.

Продажа вольн(ости городам).

Власть королевская.

¹ (Национальное собрание. Война и обязательства в отношении короля. Обязательства в отношении вассалов. Правосудие, обычаи, законы, привилегии. Независимость, покровительство.)

² (Права владельцев... чеканили монету, вели войну друг с другом, приносили присягу королям, обязанность нести службу по определенным дням.)

³ (Крестовые походы. Людовик Святой. Папы, Филипп Красивый, Генеральные Штаты. Парламенты.)

Парламенты.

Vénalité des charges¹.

Ришелие—

Споры аристократии с парламентами.

Уничтожение феодализма.

Людовик XIV.

(1831)

⟨0 народном представительстве в 1789 г.⟩

«C'était bien le moins que 24 millions d'hommes contre 200 000 eussent la moitié des voix». *Bailly*.

Mais les 200 000 étaient déjà en quelque sorte l'élite de la nation, élite revêtue de privilèges, excessifs à la vérité, mais représentant la partie éclairée et propriétaire. C'était donc un contre-sens de la neutraliser, tandis qu'il ne fallait qu'y apporter une modification. C'était un contre-sens de ne pas les considérer, ces 200 000 h., comme partie de 24 millions.

Le tiers état=la nation—moins la noblesse—le clergé! *Rabaut* St. E. c. à. d. la nation=le peuple—ses représentants.

Le mode établi par les états généraux était essentiellement républicain—le clergé et la noblesse figurant la chambre haute n'étant pas un degré

¹ ⟨Продажа должностей.⟩

entre la royauté et le peuple, mais seulement un des côtés d'une même chambre.

(1831?)

⟨Заметки о русском дворянстве⟩

⟨1⟩

Attentat de Феодор.—Lâcheté de la haute noblesse (между прочим и моего пращура Никиты Пушкина). Pierre I.—Son Указ de 1714.—Les rangs—Chute de la Noblesse.

Opposition des Dolgorouky (niaise, dans le genre de celle de Panine).

Pierre III—Истинная причина Дворянской грамоты. Екатерина—Александр—Новосильцов, Чарторижский—Кочубей—Spéransky—Popovitch turbulent et ignoré.—

Les moyens avec lesquels on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident—Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (La Révolution incarnée).

La haute noblesse n'étant pas héréditaire (de fait). Elle est donc noblesse à vie; moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués—et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de haute noblesse est une garantie de son indépendance—le contraire est nécessairement moyen de tyrannie, ou plutôt d'un despo-

tisme lâche et mou. Despotisme: lois cruelles, coutumes douces.¹

(1830)

(2)

Что такое дворянство? Потомственное сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его представителями. С какою целию? С целию иметь мощных защитников или близких и непосредственных к властям предстателей.—Какие люди составляют сие сословие? Люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? Люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? Богатство доставляет ему способ

¹ (Покушение Феодора... — Трусость высшего дворянства... — Петр I. — Его указ 1714 г. — Чины. — Падение дворянства. Оппозиция Долгоруких (нелепая, вроде оппозиции Панина). Петр III... — Александр... — Сперанский — пряткий и безвестный попович.

Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления. — Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции).

Высшее дворянство не потомственное (фактически). Следовательно, оно пожизненное; деспотизм окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость.

Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией, или вернее — с низким и дряблым деспотизмом. Деспотизм; жестокие законы и мягкие нравы.)

не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du Souverain. Образ жизни, т. е. не ремесленный или земледельческий, ибо всё сие налагает на работника или земледела различные узы. Почему так? Земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник—от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? Нужно.—Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить—или задуть.—Нужны ли они в народе, так же как например трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde¹ трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества.

Кто составляет дворянство в республике? Богатые люди, которыми народ кормится.

А в государстве? Военные люди, которые составляют гвардию и войско государево.

Чем *кончается* дворянство в республике? Аристократ. правл(ением). А в государстве? Рабством народа. А=Б.

Что составило в России древнюю аристокрацию?—Варяги, богатые военные славяне и воин-

¹ (Охрана.)

ственные пришельцы. Какие были права их? Равные княжеским, ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому. Отчего г. Полевой говорит, что они были наравне со *смердами*? Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем не ограничены. Какое время *силы* нашего боярства? Во время уделов, удельные князья соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? При Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться. Были ли дворянские грамоты?.. (Минин). Было ли зло местничество? Натурально ли оно? Везде ли существовало оно? Зачем уничтожено было оно? И было ли оно в самом деле уничтожено? *Петр*. Уничтожение дворянства чинами. Майоратства—уничтоженные плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? Восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.

⟨1830-е годы⟩

⟨3⟩

Русское дворянство что ныне значит?—Какими способами делается дворянство?—Что из этого следует?—Глубокое презрение к сему званию.—Дворянин помещик.—Его влияние и важность—рекрутство—права. Дворянин в службе—дво-

рянин в деревне.—Происхождение дворянства.
Дворянин при дворе.

⟨1833 — 1835⟩

⟨Заметки по истории Украины⟩

⟨1⟩

Sous le nom d'Ukraine ou de *Petite Russie* l'on entend une grande étendue de terrain réuni au colosse de la Russie et qui comprend les gouvernements de Tchernigov, Kiov, Harkov, Poltava et Kamenetz-Podolsk.

Le climat y est doux, la terre féconde, elle est boisée vers l'occident, au midi s'étendent ces plaines immenses traversées par de larges rivières et où le voyageur ne rencontre ni bois ni colline.

Les Slaves ont de tout temps habité cette vaste contrée. Les villes de Kiov, Tchernigov et Lubetch sont aussi anciennes que Novgorod-Veliki, ville libre et commerçante, dont la fondation remonte au premiers siècles de notre ère.

Les Polanes habitaient les bords du Dniepre, les Severiens et les Soulitches les bords de la Desna, de la Seme et de Soula, les Radimitchs sur les rivages de la Soge, les Drégovitchs entre la Dvina occidentale et le Pripete, les Drevliens en Volynie; les Bouges et les Doulebes sur le Boug;

les Loutitchs et les Tiverces à l'embouchure du Dniestre et du Danube.

Vers le milieu du 9 siècle Novgorod fut conquise par les Normands, connus sous le nom de Varègues-Rousses. Ces hardis aventuriers portèrent plus loin leur invasion, subjuguèrent tour à tour les peuplades qui habitaient les bords du Dnièpre, du Boug, de la Desna. Les différentes peuplades Slaves qui adoptèrent le nom de Russes grossirent l'armée de leurs vainqueurs. Ils s'emparèrent de Kiov où Oleg établit le siège de sa domination. Les Varègues-Rousses se rendirent terribles au Bas-Empire et plus d'une fois leur flotte barbare vint menacer la riche et faible Byzance. Ne pouvant les repousser par la force des armes elle se flatta de les attacher au joug de la religion: l'évangile fut prêché aux sauvages adorateurs de Peroune et Vladimir subit le baptême. Ses sujets adoptèrent avec une stupide indifférence la religion que préférait leur Chef.

Les Russes devenus formidables aux peuples les plus éloignés étaient toujours en butte aux invasions de leurs voisins: les Bolgares, les Petchenegues et les Polovtzi. Vladimir partagea entre ses fils les conquêtes de ses ancêtres.

Ces princes dans leurs apanages étaient des délégués du souverain, chargés de contenir les émeutes et de repousser l'ennemi. Ce n'était pas

là, comme on voit, le gouvernement féodal, système basé sur l'indépendance des individus et le droit égal au butin.

Mais bientôt les rivalités et les guerres éclatèrent et pendant plus de deux cents ans durèrent sans interruption. La résidence du souverain fut transportée dans la ville de Vladimir. Tchernigov et Kiov perdirent peu à peu leur importance. Cependant d'autres villes s'élevèrent au midi de la Russie: Korsoune et Boguslave sur la Rossi (gouvernement de Kiov), Starodoub sur le Babentza (gouv. de Tchernigov), Strezk' et Vostrezk (gouv. de Tchernigov), Tripol (près de Kiov), Loubny et Chorol (gouv. de Poltava), Prilouk (gouvernement de Poltava), Novgorod-Seversky (gouv. de Tchernigov). Toutes ces villes existaient déjà vers la fin du XIII siècle.

Tandis que les petits fils de Vladimir le tyran se disputaient entre eux son héritage, et que les peuplades guerrières qui habitaient à l'Est de Mer Noire venaient servir d'auxiliaires aux uns et partager les dépouilles des autres—un fléau inattendu vint frapper les princes et les peuples de la Russie.

Les Tartares se présentèrent aux frontières de la Russie; ils étaient précédés de ces mêmes Polovtsi qui chassés de leurs pâturages se refugiaient en foule auprès des princes qu'ils avaient tour à

tour servis et dépouillés. Les princes s'assemblèrent à Kïov; la guerre y fut résolue; la multitude accourut de toute part et se rangea sous leurs drapeaux. Georges, grand prince de Vladimir, fut le seul qui ne voulut pas prendre sa part des dangers de cette expédition. L'affaiblissement des apanages était les fruits qu'il en attendait.

L'armée des princes réunie aux Polovtsi s'avança contre un ennemi inconnu et déjà redoutable. Des envoyés Tartares parurent sur les bords du Dnièpre au moment où l'armée Russe en effectuait le passage. Ils proposèrent aux princes l'alliance contre les Polovtsi; mais ceux-ci usèrent de leur influence et les envoyés furent égorgés. L'armée avançait toujours: cependant les dissensions ne tardent pas à s'y élever. Les deux Mstislav, le prince de Kïov et celui de Galitz en vinrent à une rupture ouverte. Arrivé sur les bords du Kalka (rivière du gouvernement de Iekaterinoslâv) Mstislav de Galitz le passa avec ses troupes, tandis que le reste de l'armée sous la conduite du prince de Kïov se retrancha sur le bord opposé. Le lendemain (31 mai 1224) l'ennemi parut—et la bataille s'engagea entre l'armée Tartare et le corps avancé composé des troupes du prince de Galitz et des Polovtsi. Ceux-ci plièrent d'abord et portèrent le désordre dans les rangs des Russes. Ceux-ci combattaient encore, animés par l'exemple du

brave Daniel de Volynie, mais l'orgueil insensé des princes fut cause de leur perte; Mstislav de Kiov n'envoya pas de secours au prince de Galitz et celui ne voulut pas en demander.

Bientôt tout fut en déroute, les Polovtsi en fuyant tuaient les Russes pour les dépouiller à la hâte. Les Russes repassèrent le Kalka poursuivis par les Tartares et dépassèrent le camp du prince de Kiov, qui, spectateur immobile de leur défaite, comptait encore sur ses propres forces pour repousser les vainqueurs qui bientôt l'entourèrent. Les Tartares entamèrent une négociation à la faveur de laquelle ils s'emparèrent du camp. Le carnage fut horrible. Mstislav et quelques autres princes subirent un sort affreux: les Tartares, après les avoir liés et couchés par terre, les couvrirent d'une planche et s'assirent dessus en écrasant tout vifs.

Ainsi périt une armée naguère si formidable. Les Russes furent poursuivis jusqu'à Tchernigov et Novgorod-Seversky; tout fut livré aux fer et aux flammes. Tout à coup les vainqueurs s'arrêtèrent et leur horde se retira vers l'Est où elle rejoignit la grande armée de Tchingis-han campée alors en Bukharie.

(2)

(1831?)

Что ныне называется Малороссией?

Что составляло прежде Малороссию?

Когда отторгнулась она от России?
Долго ли находилась под владычеством татар?
От Гедемина до Сагайдачного.
От Сагайдачного до Хмельницкого.
От Хмельницкого до Мазепы.
От Мазепы до Разумовского.

(1831?)

⟨Удельные князья...⟩

Удельные князья, наместники при Владимире, независимы потом. Святополк II учреждает княжеские съезды, прекратившиеся при татарах. Митрополит Алексей учреждает *третейский суд*.

Боярство (родовое?) поддерживалось местничеством (первый боярин *Свенельд*).

При царе *Феодоре Алексеевиче* знатных родов 507, а прочих дворян до 315.

Кабальный холоп. Всякий имел одного за долг свыше 15 р.

Полный пленный, купленный при свидетелях, убежавший кабальный, преступник.

(1831?)

⟨Владетельные феодалы...⟩

Les seigneurs féodaux avaient les uns envers les autres les devoirs et les droits¹.

¹ ⟨Владетельные феодалы имели одни по отношению к другим обязанности и права.⟩

Удельные князья зависели от единого великого князя, и то весьма неопределенно (но меж собою—) — бояре их не были в свою очередь владельцы, но их придворные сподвижники.

⟨1831 ?⟩

⟨Заметка о Дмитрии Самозванце⟩

Мнение митрополита Платона о Дмитрии Самозванце, будто бы восп(итанном) у езуитов, удивительно детское и романическое. Всякой был годен, чтоб разыграть эту роль: доказательство: после смерти Отрепьева Тушинский вор и проч. Езуиты довольно были умны, чтоб знать природу человеческую и невежество русского народа.

6 июля 1831.

⟨В древние времена...⟩

В древние времена при объявлении войны *жилыцы* рассылались с грамотами царскими по всем воеводам и другим земским начальникам *спросить о здоровье* и повелеть всем дворянам вооружаться и садиться на коней с своими холопами (по 1 со 100 четвертей).— Ни для кого не было исключения, кроме престарелых, увечных и малолетних. Не имевшим способов для пропитания давалось жалованье; кочующим племенам

и казакам также—и сие войско называлось *кормовым*. На зиму все войска распускались.

Царь Иван Васильевич во время осады Казани учредил из детей боярских регулярное войско под названием стрельцов.— Оно разделялось на пешее и конное, равно вооруженное копьями и ружьями. Стрельцы получали жалование и провиант—и комплектовались наборами неопределенными—когда и с какой области (в¹ году по 1 ч(еловеку) с двух дворов).

Впоследствии число их простиралось до 40 000. Они разделялись на московские и городовые.— Городовые обыкновенно оставались для обережения границ;—но московские жили в праздности и неге и мало-по-малу потеряли совершенно дух воинственного повиновения.— Они пустились в торги, и государи не только терпели такое злоупотребление, но даже указами подтверждали оное. Несмотря на выгоды, дворяне гнушались службою стрелецкою и считали оную пятном для своего рода—по сей причине большая часть их начальников была низкого происхождения.

⟨1831?⟩

⟨Москва была освобождена...⟩

Москва была освобождена Пожарским, польское войско удалилось, король шведский думал

¹ ⟨Пропуск в тексте.⟩

о замирении, последняя опора Марины, Заруцкий, злодействовал в отдаленном краю России. Отечество отдохнуло и стало думать об избрании себе нового царя. Выборные люди ото всего государства стеклись в разоренную Москву и приступили к великому делу. Долго не могли решиться; помнили горькие последствия двух недавних выборов. Многие бояре не уступали в знатности родам Шуйских и Годуновых; каждый думал о себе или о родственнике; вдруг, среди прений и всеобщего недоумения, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаил Феодорович был сын знаменитого боярина Феодора Никитича, некогда сосланного царем Борисом и неволею постриженного в монахи; в царствование Лже-Дмитрия (1605) из монастырского заточения возведенного на степень митрополита ростовского и прославившего свое иноческое имя в истории нашего отечества.

Юный Михаил по женскому колену происходил от Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Иоанна Васильевича. С самых первых лет испытал он превратности судьбы. Младенцем разделял он заточение с матерью своею, Ксенией Ивановной, в 1600 году под именем инокини Марфы постриженною в пустынном Онежском монастыре. Лже-Дмитрий перевел их в костромской

Ипатский монастырь, определив им приличное роду их содержание.

⟨1831 — 1832⟩

⟨Заметка о «Моцарте и Сальери»⟩

В первое представление Дон Жуана, в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта — раздался свист — все обратились с изумлением и негодованием, и знаменитый Салиери вышел из залы — в бешенстве снедаемый завистью.

Салиери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать Дон Жуана, мог отравить его творца.

⟨1832 ?⟩

О новейших романах

Barnave, Confession, Femme guillotinée — Eugène Sue. — De Vigny, Hugo. — Balzac, Scènes (de la vie privée), Peau de chagrin, Contes bruns, drolatiques — Musset, Tables de nuit. — Поэзия французская — Byron

Муравьев. — Полевой (Пол. — романист). — Свиньин. — Карамзин.

⟨1832⟩

〈Все́м известно, что французы народ самый антипоэтический...〉

Все́м известно, что французы народ самый антипоэтический. Лучшие писатели их, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа, Montagne, Voltaire, Montesquieu, Лагарп и сам Руссо, доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно.

Если обратим внимание на критические результаты, обращающиеся в народе и принятые за литературные аксиомы, то мы изумимся их ничтожности или несправедливости. Корнель и Вольтер, как трагики, почитаются у них равными Расину; Ж. Б. Руссо доныне сохранил прозвище великого. Первым их лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок, не имеющих ничего страстного, вдохновенного, а в веселости и остроумии далеко отставших от прелестных шалостей Колле. Не знаю, признались ли, наконец, они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром. — *Cinq Mars*, посредственный роман графа де Виньи, — равняют с великими созданиями Вал. Скотта.

Разумеется, что их гонения столь же несправед-

ливы, как и любовь. Между мало известными молодыми талантами нынешнего времени Сент-Бев менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный.

Стихотворения его, конечно, очень оригинальны и, что важнее, исполнены искреннего вдохновения. В Литературной Газете упомянули о них с похвалою, которая показалась преувеличена.— Ныне Victor Hugo, поэт и человек с истинным дарованием, взялся оправдать мнения петербургского журнала, он издал под заглавием *Les feuilles d'automne* том стихотворений, очевидно писанных в подражание книге Сент-Бева: *Les Consolations*.

⟨1832⟩

⟨0 «Путешествии ко св. местам»
А. Н. Муравьева⟩

В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь, где решалась судьба Греции, целые 8 лет занимавшей помышления всего просвещенного мира.— Греция оживала, могущественная помощь Севера возвращала ей независимость и самобытность.—

Во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах св. храма, о Иерусалиме, ныне забытом христиан-

скою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликейя. — Ему представилась возможность исполнить давнее желание, *(нрзбр)* любимую мечту отрочества. Г. М*(уравьев)* через г*(енерала)* Дибича получил дозволение посетить св. места — и к ним отправился через Константинополь и Александрию. Ныне издал он свои путевые записки.

С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г*(осподин)*а М*(уравьева)*. Здесь..., говорит другой русский путешественник — — —¹. Но молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места, как верующий, как смиренный простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя. — Он *traverse*² Грецию, *gréossuré*³ одной великой мыслию, он не старается, как Шатобриан, воспользоваться противоположными [красотами мифологии] Библии и Одиссеи — Он не останавливается, он спешит, он [мимоходом] беседует с ст*(рашным?)* преобразователем Египта, проникает в глубину

¹ *(Место для вставки цитаты.)*

² *(Переезжает через.)*

³ *(Охваченный.)*

пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Ерусалим — —

(1832)

⟨План издания русских песен и статьи о них⟩

Вступление.

Но есть одно в осн(овании?)

Оригинальность отрица(ния?)

Исторические песни

О Ив(ане Грозном).—О Мас(трюке Темрюковиче)—О Стеньке Разине.—О Цыклере.—О Петре.—О Шереметеве.—О Меншикове.—Казацкие песни. Далее про Фермора, про Суворова.

Новейшее влияние. Мера, рифмы ⟨нрзбр⟩ Сумароков.

Свадьба:—Семейственные причины. Элегический их тон. Лестница чувств.

(1832 — 1833 ?)

⟨Заметка к «Графу Нулину»⟩

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая *Лукрецию*, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал,—что если б Лукреции пришло в голову дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчи-

вость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.—

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарями, [войнами, завоеваниями] мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.—

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Граф Нулин писан 13 и 14 декабря.— Бывают странные сближения.

⟨1833?⟩

⟨Заметки о приказах⟩

Приказы: 1) *Надворный* ведал дела переносные (cour de cassation): *Расправная палата* (сенат); *Золотая палата* ведала службу дворян. *Приказ посольский*, кроме дел иностранных, ведал таможи, аптеки, врачей. *Приказ Большая казна*— Департамент уделов. *Земский*—управа благочиния московская. *Житный, Бронный, Монастырский, Стрелецкий, Пушкарский, Ямской, Холопий; Казанский дворец* ведал царства Астрахан-

ское, Казанское и Сибирское. *Каменный приказ*, учрежденный Годуновым, ведал постройку каменных зданий. Сверх того временные приказы, напр. *Приказ о прекращении разбоев*.

При удельных князьях *тиуны*, судьи, посадники, *волостели*, тысяцкие.

Городничий — *Дворской*.

Губернский предводитель — *воевода*, впоследствии главный уездный судья. Губной староста, судья; целовальник — заседатель уездного суда. *Объездной* — исправник. *Приказчик посадский* — председатель городской думы. *Поместный приказчик* — дворянский предводитель (сбивчиво, дурно).

(1833?)

⟨Заметки о Дельвиге⟩

⟨1⟩

Д е л ь в и г

Дельви́г родился в Москве (⟨6 августа⟩ 1798 года). Отец его, умерший генерал-майором в 182⟨8⟩ году, был женат на девице Рахмановой.

Дельви́г первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. На 14-ом году он не знал ника-

кого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора В. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покаместь он сам не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет от роду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В детях, одаренных игривостию ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямоте. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдании какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием. Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходились с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды: *к Диону, К Лилете, Дориде* писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. [В то время (1814 год) покойный Влад(имир) Измайлов был издателем *Вестника Европы*. Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима.] Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь

прекрасного таланта! Никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены, как некоторое чудо. Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; но он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

⟨1833—1834⟩

⟨2⟩

Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел меня проводить до Царского Села.

10 августа 1830 поутру мы вышли из городу. Вяземский должен был нас догнать на дороге.

Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но в этот день встал он в осьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее, ему стало легче, головная боль прошла, он стал весел и говорлив.

Завтрак в трактире напомнил ему повесть, которую намеревался он написать. Дельвиг долго обдумывал свои произведения, даже самые

мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными.—

Таким образом русская его Идиллия, написанная в самый год его смерти, была в первый раз рассказана мне еще в лицейской зале, после скучного математического класса¹.

⟨1834⟩

⟨«Путешествие из Москвы в Петербург»⟩

⟨I.⟩ Ш о с с е

Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября, в десять часов утра, выехал из тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о про-

¹ ⟨Приписка Пушкина:⟩ La raison de ce que D(elvig) a si peu écrit tient à sa manière de composer. ⟨Причина, по которой Дельвиг так мало написал, кроется в его манере сочинять.⟩

гонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург по старой дороге. Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый. Мои приятели смеялись над моей изнеженностью, но я не имею и притязаний на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал.

Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились. Например: дерн есть уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землею, которая при первом дожде обращается в слякоть? Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам. Возьмите первого мужика, хотя крошечку смышленного, и заставьте его провести новую дорогу: он начнет, вероятно, с того, что пророе

два параллельные рва для стечения дождевой воды. Лет 40 тому назад один воевода, вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящиками для грязи. Летом дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы. Таких воевод на Руси весьма довольно.

Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться.

Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно.

Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастись книгою, надеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из Английского клуба или соби-

раясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадется вам в каземате или в поспешном дилижансе. Скажу более: в таких случаях, чем книга скучнее, тем она предпочтительнее. Книгу занимательную вы проглотите слишком скоро, она слишком врежется в вашу память и воображение; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением — оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания, etc. Книга скучная представляет более развлечение.— Понятие о скуке весьма относительное. Книга скучная может быть очень хороша; не говорю об книгах ученых, но и об книгах, написанных с целью просто литературною. Многие читатели согласятся со мною, что *Клариса* очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство.

Вот на что хороши путешествия.

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман, утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга

очень любопытна в отношении участи ее в публике, но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирических романов. «Постой», сказал мне **, «есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, повидимому, изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее», сказал он таинственным голосом. «Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее и прочел заглавие: *Путешествие из Петербурга в Москву*. С. П. Б. 1790 году, с эпиграфом:

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя.

Тилимахиды. Кн. XVIII, ст. 514.

Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика.

Я искренно благодарил ** и взял с собою *Путешествие*. Содержание его всем известно. Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка.

В Черной Грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург.

⟨ II. ⟩ М о с к в а

«Москва! Москва!»... восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью напитанное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной. Вот уже Всесвятское... Он прощается с утомленным читателем; он просит своего спутника подождать его у околицы; на возвратном пути он примется опять за свои горькие полуистины, за свои дерзкие мечтания... Теперь ему некогда: он скачет успокоиться в семье родных, позабыться в вихре московских забав. До свидания, читатель! Ямщик, погоняй! Москва! Москва!..

Многое переменялось со времен Радищева. ныне, покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, я заранее встревожен при мысли переменить мой тихий образ жизни на вихрь и шум, ожидающий меня; голова моя заранее кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani¹. Некогда сопер-

¹ ⟨Была некогда Троя, были и мы, троянцы.⟩

ничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди познакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками; московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким) вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудаков выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рошу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой.

Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудачки и проказники — всё исчезло. Остались одни невесты, к которым нельзя, по крайней мере, применить грубую поговорку: *vieilles comme les gues*¹: московские улицы благодаря 1812 году моложе московских красавиц, всё еще *цветущих розами*! Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина; плоски и цветные фо-

¹ (Стары, как улицы.)

нари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой, а бывало, уставленных миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленной после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец управитель и хлопочет о проволочном заводе. Обеды даются уже не хлебосолами старинного покроя, в день хозяйских именин или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобрать наверное юношу, вышедшего из-под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где—и что за кавалеры! *Горе от ума* есть уже картина обветшала, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад*—и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова—в могиле; Репетилов—в деревне.
Бедная Москва!..

Петр I не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, законенелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно; и на дальнем берегу Балтийского моря искал досуга, простора и свободы для своей мощной и беспокойной деятельности. После него, когда старая наша аристократия возымела свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургом его недавние права.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства, происшедшее *частию* от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, *частию* от других причин, о которых успеем еще потолковать.

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шува-

лов основал университет по предначертанию Ломоносова.

Московский журнализм убьет журнализм петербургский. Литераторы петербургские, по большей части, не литераторы, но предприимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы.

Московская критика с честью отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских *Reviews*¹, между тем как петербургские журналы судят о литературе, как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впазд и остроумно, но большею частью неосновательно и поверхностно.

Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!

¹ (Обозрений.)

Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости.

*Москва и Петербург.*¹

⟨ III. ⟩ Л о м о н о с о в

В конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе *Росского Пиндара*. Достоин замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властью, на которую напал с такой безумной дерзостью. Он более тридцати страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтоб в конце своего слова поместить следующие мятежные строки:

«Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог.

¹ (Статья эта в бумагах Пушкина не сохранилась.)

Бакон Веруламский недостоин разве напоминания, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие для того, что не могли избавить человечество из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова, для того, что *не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпосе, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда пронизателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей*».

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полу-славенская, полу-латинская, сделалась было необходимостью: к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства,

ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности—вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокопраздничный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, *об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмичесестве не думает...* Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении! Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и пр.

Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт, поданный им Шувалову, о своих упражнениях с 1751 года по 1757:

«По ордеру вашего сиятельства велено всем академическим профессорам и адъюнктам, чтобы рапортовали вашему сиятельству о своих трудах и упражнениях в науках с 1751 года поныне. В силу оного рапортую, что с того времени до нынешнего числа по моей профессии и в других науках я учинил погодно.

В 1751 году.

Химии. 1) Произведены многие опыты химические, по большей части огнем для исследования природы цветов, что значит того ж году журнал лаборатории на 12 листах и другие записки. 2) Говорил сочиненную свою речь о пользе химии на русском языке. 3) Вымыслил некоторые новые инструменты для физической химии.

Физике. 1) Делал опыты в большие морозы для изыскания: какую пропорциею воздух сжимается и расширяется по всем градусам термометра. 2) Летом деланы опыты зажигательным стеклом и термометром, коль высоко втекает ртуть в разных расстояниях от зажигательной точки. 3) Сделаны опыты, как разделять олово от свинца одним плавлением, без всяких посторонних материй простою механикою, что изрядный успех имеет и весьма дешево становится.

Истории. Читал книги для собрания материй к сочинению российской истории: Нестора, законы Ярославли, Большой летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейсея, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные excerpty или выписки и примечания, всех числом 653 статьи, на 15 листах.

Словесных науках. 1) Сочинил трагедию, *Демофонт* называемую. 2) Сочинял стихи на иллюминации. 3) Собранные прежде сего материи к сочинению грамматики зачал приводить в порядок. Давал private лекции студентам в русском стихотворстве; а особливо Поповскому, который ныне профессором. 4) Диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги красноречия — о стихотворстве вообще.

В 1752 году.

Химии. 1) Деланы многие химические опыты для теории цветов, о чем явствует в журнале сего года на 25 листах. 2) Показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля. 3) Для ясного понятия и краткого познания всей химии диктовал студентам и толковал сочиненные мною в физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах.

в 150 параграфах, со многими фигурами на шести полулистах. 4) Изыскал способы и практикою доказал, как составлять мусию. 5) По канцелярскому указу обучал составлению разноцветных стекол присланного из канцелярии строений ученика Дружинина для здешних стеклянных заводов.

В ф и з и к е. 1) Чинил электрические воздушные наблюдения с немалою опасностью. 2) Зимой повторял опыты о разном протяжении воздуха по градусам термометра.

В и с т о р и и. Для собрания материалов к российской истории читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье.

В с л о в е с н ы х н а у к а х. 1) Сочинил оду на восшествие на престол ее императорского величества. 2) Письмо о пользе стекла. 3) Изобретал иллюминации и сочинял к ним стихи: на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября. 4) Оратории, второй части красноречия, сочинил 10 листов.

В 1753 году.

В х и м и и. 1) Продолжались опыты для исследования природы цветов, что показывает журнал того же года на 56 листах. 2) По окончании лекций делал новые химико-физические опыты, дабы привести химию сколько можно к философскому познанию и сделать частью основательной физики; из оных многочисленных опытов, где мера, вес и их пропорция показаны, сочинены многие цифирные таблицы на 24 полулистных страницах, где каждая строка целый опыт содержит.

В ф и з и к е. 1) С покойным профессором Рихманом делал химико-физические опыты в лаборатории для исследования градуса теплоты, который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных. 2) Чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностью. 3) Говорил в публичном собрании речь о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, с истолкованием многих других свойств природы. 4) Делал опыты, коими оказалось, что цвета, а особливо красный, на морозе ярче, нежели в теплоте.

В и с т о р и и. 1) Записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2) Читал Российские Академические Летописцы, без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских.

В с л о в е с н ы х н а у к а х. 1) Для российской грамматики привел глаголы в порядок. 2) Пять проектов со стихами на иллюминации и фейерверки: на 1 января, на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября и на 18 декабря.

В 1754 году.

В х и м и и. 1) Сделаны разные опыты химические, которые содержатся в журнале сего года на 46 листах. 2) Повторением поверены физико-химические таблицы, прошлого года сочиненные.

В ф и з и к е. 1) Изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе. В практике исследовать сего без адмиралтейства невозможно. 2) Деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может. Притом были разные химические растворы морожены для сравнения. 3) Деланы опыты при пильной мельнице в деревне, как текущая по наклонению вода течение свое ускоряет и какую силою бьет. 4) Делал опыт машины, которая бы, подымаясь кверху сама, могла поднять с собою маленький термометр, дабы узнать градус теплоты на вышине, которая хотя слишком на два золотника облегчалась, однако к желаемому концу не приведена.

В и с т о р и и. Сочинен опыт истории славянского народа до Рюрика: Дедикация, вступление; глава 1 — о старобытных жителях в России; глава 2 — о величестве и поколениях славянского народа; глава 3 — о древности славянского народа, всего 8 листов.

В с л о в е с н ы х н а у к а х. 1) Сочинил оду на рождение государя великого князя Павла Петровича. 2) Изобрел фейерверк, который был представлен на новый 1754 год, и стихи сделал. Также делал проекты на иллюминацию и фейерверки: к 25 апреля, к 5 сентября, к 25 ноября.

В 1755 году.

В х и м и и. Деланы разные физико-химические опыты, что явствует в журнале того ж года на 14 листах.

В ф и з и к е. 1) Сочинил диссертацию о должности журналистов, в которой опровергнуты все критики, учиненные в Германии против моих диссертаций, в комментариях напечатанных, а особливо против новых теорий о теплоте и стуже, о химических растворах и упругости воздуха. Она диссертация переведена господином Формеем на французский язык в журнале, называемом: *Немецкая библиотека* (Bibliothèque germanique), на оном языке напечатана. 2) Сочинил письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном.

В и с т о р и и. Сделан опыт описанием владения первых великих князей российских: Рюрика, Олега, Игоря.

В с л о в е с н ы х н а у к а х. 1) Сочинил и говорил в публичном собрании слово похвальное блаженной памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинив большую часть грамматики, привел к концу, которая в нынешнем году печатью к концу приходит. 3) Сочинил письмо о сходстве и переменах языков.

В 1756 году.

В х и м и и. 1) Между разными химическими опытами, которых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать: прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Биция мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере. 2) Учинены опыты химические со вспоможением воздушного насоса, где в сосудах химических, из которых был воздух вытянут, показывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще неизвестны. 3) Ныне лаборатор Клементьев под моим смотрением изыскивает по моему указанию, как бы сделать для фейерверков верховые зеленые звездки.

В ф и з и к е. 1) Изобретен мною новый оптический инструмент, который я назвал никоптической трубою (tubus puscorticus); оный должен служить к тому, чтобы ночью

видеть можно было. Первый опыт показывает на сумерках ясно те вещи, которые простым глазом не видны, и весьма надеяться можно, что старанием искусных мастеров может простереться до такого совершенства, какого ныне достигли телескопы и микроскопы от малого начала. 2) Сделал четыре новоизобретенные мною пендула, из которых один медный, длиною в сажень, однако служит чрез механические стрелки против такого, который бы был вышиною с четвертью на версту. Употребляется к тому, чтобы узнать, всегда ли с земли центр, притягающий к себе тяжкие тела, стоит неподвижно или перемещает место. 3) Говорил в публичном собрании сочиненную мною речь о цветах.

В и с т о р и и. Собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских.

В с л о в е с н ы х н а у к а х. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую: *Петр Великий*. 2) Сделал проект со стихами для фейерверка к 18 декабря сего года.

Сверх сего в разные годы зачаты делать диссертации: 1) О лучшем и ученом мореплавании. 2) О твердом термометре. 3) О трясении земли. 4) О первоначальных частицах, тела составляющих. 5) О градусах теплоты и стужи, как их определить основательно, со мнением о умеренности растворения воздуха на планетах. К совершению привесть отчасти препятствуют другие дела, отчасти протяжным печатанием комментариев охота отнимается».

Сумароков был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина. Его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками. Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве. Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приез-

жал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Немногим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым по случаю *Гимна бороде*, не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника. Со всем тем Ломоносов был добродушен. Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана! В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. Вдова старого профессора, услыша, что речь идет о Ломоносове, спросила: «О каком Ломоносове говорите вы? не о Михаиле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! Бывало от него всегда бегали к нам за кофейником. Вот Тредьяковский, Василий Кирилович — вот этот был конечно почтенный и порядочный человек». Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает

ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В *Тилимахиде* находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений А. Радищева). Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

Корабль Одиссеев,
Бегом волны деля, из очей ушел и сокрылся.

Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского, — *habent sua fata libelli*¹.

Радищев укоряет Ломоносова в лести и тут же извиняет его. Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспеваает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии; он пишет: *Его сиятельство граф М. Л. Воронцов по своей высокой ко мне милости изволил взять от меня пробы мозаических составов для показания ее величеству.* — Ныне всё это вывелось из

¹ (Книги имеют свою судьбу.)

обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину, он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, *предстателю муз, высокому своему патрону*, который вздумал было над ним пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу».* В другой раз, заспорив с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» — «Нет, — возразил гордо Ломоносов, — разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году, поднес все свои прекрасные поэмы to his grace the

* См. его письмо графу Шувалову.

Duke etc.¹ В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и высоком покровительстве, коих он удостоился, etc. В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частью дворяне («En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature»²). Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями. Что же из этого следует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? Позвольте в том усумниться.

Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги, или хвалебным объявлением заманить покупателей. Ныне последний из писак,

¹ (Его светлости герцогу и т. д.)

² (В России несколько дворян стали заниматься литературой.)

готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквилы на людей, перед которыми расстилается в их кабинете.

К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Как бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значат; Ломоносов и Кребб достойны уважения всех честных людей, несмотря на их смиренные посвящения, а господа NN все-таки презрительны—несмотря на то, что в своих книжках они проповедуют независимость и что они свои сочинения посвящают не доброму и умному вельможе, а какому-нибудь шельме и вралю, подобному им.

(IV.) Б р а к и

Радищев в главе *Черная Грязь* говорит о браках поневоле и горько порицает самовластие господ и потворство *градодержателей* (городничих?). Вообще несчастье жизни семейной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание—или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный. Спрашивали однажды у старой

крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? «По страсти,—отвечала старуха:—я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь».—Таковые страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло. Недавно правительство обратило внимание на лета вступающих в супружество: это уже шаг к улучшению. Осмелюсь заметить одно: возраст, назначенный законным сроком для вступления в брак, мог бы для женского пола быть уменьшен. Пятнадцатилетняя девка и в нашем климате уже *на выдании*, а крестьянские семейства нуждаются в работницах.

(V.) Русская изба

В *Пешихах* (на станции, ныне уничтоженной) Радищев съел кусок говядины и выпил чашку кофею. Он пользуется сим случаем, дабы упомянуть о несчастных африканских невольниках и тужит о судьбе русского крестьянина, не употребляющего сахара. Всё это было тогдашним модным красноречием. Но замечательно описание русской избы:

«Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажено; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!).

Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей, коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода».

(*Путешествие*, стр. 412 — 413.)

Наружный вид русской избы мало переменялся со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его *Путешествию*. Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 (году), как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор — даже эта елка, это печальное тавро северной природы — ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют Comfort¹. Очевидно, что Радищев начертал карикатуру; но он упоминает о бане и о квасе как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь.*

¹ (Комфорт.)

Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю. Вспомним описание Лабриера*. Слова госпожи Севинье еще сильнее тем, что она говорит без негодования и горечи, а просто рассказывает, что видит и к чему привыкла. Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы английских фабричных ра-

* «L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, répandus par la campagne, noirs, livides et tout brûlés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible; ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine, et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines; ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manger ce pain qu'ils ont semé». *Les Caractères*. (По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные, побагровевшие, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; между ними как будто слышна членораздельная речь, а когда они выпрямляются, то мы видим человеческое лицо; и действительно — это люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания, и в награду за всё это лишены возможности есть тот хлеб, который сами сеют. *Характеры*.)

ботников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смида или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что всё это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию... У нас нет ничего подобного. Говинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст выработать себе деньгу... Злоупотреблений везде много; уголовные дела везде ужасны.

Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют *un badaud*¹; никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего *собственного* жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по нескольку раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже

¹ (Простофиля.)

довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...

〈VI.〉 С л е п о й

Слепой старик поет *стих об Алексее, божием человеке*. Крестьяне плачут; Радищев *рыдает вслед за ямским собранием... О природа! колико ты властительна!* Крестьяне дают старику милостыню. Радищев *дрожащею рукою* дает ему рубль. Старик отказывается от него, потому что Радищев дворянин. Он рассказывает, что в молодости лишился он глаз на войне в наказание за свои жестокости. Между тем баба подносит ему пирог. Старик принимает его с *восторгом*. *Вот истинная благостыня*, восклицает он. Радищев, наконец, дарит ему шейный платок и извещает нас, что старик умер несколько дней после и похоронен с этим платком на шее.—Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку.

Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если (бы) Радищев, кстати о старом и всем известном *Стихе*, поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc.

(VII.) Рекрутство

«Городня — Въезжая в сию деревню, пишет Радищев, не стихотворческим пеннем слух мой был ударяем, но проназающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошел к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: «Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши порастут травкою, мохом наша хижина. Я, бедная, престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да всё то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери — сырой земле? Кто придет вспомнить меня над могилою? Не капнет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той».

Подле старухи стояла девка, уже взрослая. Она также вопила: «Прости, мой друг сердечной, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты, мой милый друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение».

Парень им говорил: «Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина.

Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку». — Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова вял слух мой в близ стоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

«Услышал господь молитву мою», вещал он. «Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жеребей мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!»

Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он отвечал: «Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река, и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было итти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избрал бы броситься в реку в надежде, что, переплыв на другой брег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертию, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчушу, жаждушу, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим именем, нередко хуже скотов, но, к несчастью их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян».

(Путешествие, стр. 370 — 374.)

Самая необходимая и тягчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор. Образ набора везде различествует и везде влечет за собою

великие неудобства. Английский *пресс* подвергается ежегодно горьким выходкам оппозиции, и со всем тем существует во всей своей силе. Прусское Landwehr¹, система сильная и искусно приноровленная к государству, но еще не оправданная опытом, возбуждает уже ропот в терпеливых пруссаках. Наполеоновская конскрипция производилась при громких рыданиях и проклятиях всей Франции.

Чудовище, склоняясь на колыбель детей,
Считало годы их кровавыми перстами.
Сыны в дому отцов минутными гостями
Являлись etc.

Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего. Довольно упомянуть о законах противу крестьян, изувечивающихся во избежание солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народ к рекрутству! Но может ли государство обойтись без постоянного войска? Полумеры ни к чему доброму не ведут. Конскрипция по кратковременности службы, в течение 15 лет, делает изо всего народа одних солдат. В случае народных мятежей, мещане бьются, как солдаты; солдаты плачут и толкуют, как мещане. Обе стороны одна с другой тесно связаны. Русский солдат, на 24 года отторжен-

¹ (Ополчение.)

ный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу. Он возвращается на родину уже в старости. Самое его возвращение уже есть порука за его добрую нравственность: ибо отставка дается только за беспорочную службу. Он жаждет одного спокойствия. На родине находит он только несколько знакомых стариков. Новое поколение его не знает и с ним не братается.

[Власть помещиков в том виде, в каком она теперь существует, необходима для рекрутского набора. Без нее правительство в губерниях не могло бы собрать и десятой доли требуемого числа рекрут. Вот одна из тысячи причин, повелевающих нам присутствовать в наших поместьях, а не разоряться в столицах под предлогом усердия к службе, но в самом деле из единой любви к рассеянности и к чинам.]

Очередь, к которой придерживаются некоторые помещики-филантропы, не должна существовать, пока существуют наши дворянские права. Лучше употребить сии права в пользу наших крестьян и, удаляя от среды их вредных негодяев, людей, заслуживших тяжкое наказание и проч., делать из них полезных членов обществу. Безрассудно жертвовать полезным крестьянином, трудолюбивым, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу обнищало́го—

из уважения к какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значит эта жалкая пародия законности! Радищев сильно нападает на продажу рекрут и другие злоупотребления. Продажа рекрут была в то время уже запрещена, но производилась еще под рукою. *Простодум* в комедии Княжнина говорит, что

Три тысячи скопил он дома лёт в десяток
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток,
Но кстати в рекруты торгуючи людьми.

Но запрещение сие имело свою невыгодную сторону: богатый крестьянин лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бедняков, коими торговал безжалостный помещик, вряд ли чрез то улучшилась.

⟨VIII.⟩ Русское стихосложение

«*Тверь*. — Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подал хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию случилось, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя

оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов преложил Иова или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков *Семиру* или *Димитрия* написал хорееми, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, опричь ямбов, и более бы славы в осьмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпоее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покровом; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, гекзаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Тредияковский не мало к тому способствовал своею *Телемахидою*. Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнасс окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредияковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредияковского выруют из поросшей мхом забвения могилы, в *Телемахиде* найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо к краесловию. Слышав долгое время единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французской язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того, в стихотворении, так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но всё модное мгновенно, а особливо в стихотворстве.

Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры, в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод *Генриады* не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

(*Путешествие*, стр. 350 — 354.)

Радищев, будучи нововводителем в душе, силится переменить и русское стихосложение. Его изучения *Телемахиды* замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его *Осьмнадцатое столетие*, *Сафические строфы*, басню, или вернее элегию *Журавли* — всё это имеет достоинство. В главе, из которой выписал я приведенный отрывок, помещена его ода на *Вольность*. В ней много сильных стихов.

Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо та-

щит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудный* и *чудный*, *верной* и *лицемерной*, и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию (и) сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным.

(IX.) М е д н о е . (Р а б с т в о)

«Медное. — «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок — пляшут — подойдем поближе, говорил я сам себе, разворачивая найденные бумаги моего приятеля. Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задержались печалью, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О, мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздано, потеряно в огне или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. Публикуется — «Сего... дня по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под Но... и при нем шесть душ мужского и женского полу; продажа будет при оном доме... Желающие могут смотреть заблаговременно».

(*Путешествие*, стр. 341—342.)

Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях, с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...

⟨X.⟩ О цензуре

Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием *Торжок*. В ней дело идет о свободе книгопечатанья; любопытно видеть о сем предмете рассуждения человека, вполне разрешившего самому себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит из всех пределов.

Один из французских публицистов остроумным софизмом захотел доказать незаконность и безрассудность цензуры. Если, говорит он, способность говорить была бы новейшим изобретением, то нет сомнения, что правительства не замедлили б установить цензуру и на язык: издали бы известные правила, и два человека, чтоб поговорить между собою о погоде, должны были бы получить предварительное на то позволение.

Конечно, если бы *слово* не было общей принадлежностью всего человеческого рода, а только миллионной части оного,—то правительства необ-

ходимо должны были бы ограничить законами права мощного сословия людей говорящих. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная богом всему человечеству, как язык или зрение. Человек *безграмотный* не есть урод и не находится вне вечных законов природы. И между грамотеями не все равно обладают *возможностию* и *самою способностию* писать книги или журнальные статьи. Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный из всего народонаселения. Печатный лист обходится около 35 рублей; бумага также чего-нибудь да стоит. Следственно печать доступна не всякому. (Не говорю уже о таланте etc). Аристократия самая мощная, самая опасная — есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнение с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно.

Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека как не мысль? Да будет же она

свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом.*

«Мы в том и не спорим,—говорят противники цензуры.—Но книги, как и граждане, ответственны за себя. Есть законы для тех и для других. К чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдет из типографии, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить к заключению и к положенному штрафу».

Но мысль уже стала гражданином, уже ответственна за себя, как скоро она родилась и выразилась. Разве *речь* и *рукопись* не подлежат закону? Всякое правительство в праве не позволять проповедывать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона.

Действие человека мгновенно и одно (*isolé*); действие книги множественно и повсеместно. Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона: не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить то и другое.

〈XI.〉 Э т и к е т

Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу. Истина неоспоримая, коею Радищев заключает начертание о уничтожении придворных чинов, исполненное мыслей, большею частью ложных, хотя и пошлых.

Предполагать унижение в обрядах, установленных этикетом, есть просто глупость. Английский лорд, представляясь своему королю, становится на колени и целует ему руку. Это не мешает ему быть в оппозиции, если он того не хочет. Мы всякой день подписываемся *покорнейшими слугами*, и кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые некогда при дворе наших царей, уничтожены у нас Петром Великим при всеобщем перевороте. Екатерина II занялась и сим уложением и установила новый этикет. Он имел перед этикетом, наблюдаемым в других державах, то преимущество, что был основан на правилах здравого смысла и вежливости общепонятной, а не на забытых преданиях и обыкновениях, давно изменившихся. Покойный государь любил простоту и непринужденность. Он ослабил снова этикет, который, во всяком случае, не худо возобновить. Конечно, государи не имеют нужды в обрядах, часто для них уо-

мительных; но этикет есть таюже закон; к тому же, он при дворе необходим, ибо всякому, имеющему честь приближаться к царским особам, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Где нет этикета, там придворные в поминутном опасении сделать что-нибудь неприличное. Не хорошо прослыть невежею; неприятно казаться и подслужливым выскочкою.

〈XII.〉

В Вышнем Волочке Радищев любуется шлюзами—благословляет память того, кто, уподобясь природе в ее благодеяниях, сделал реку *руководельною*—и все концы единой области привел в сообщение. С наслаждением смотрит он на канал, наполненный нагруженными барками; он видит тут истинное земли изобилие, избытки земледельца и во всем его блеске мощного пробудителя человеческих деяний, *корыстолюбие*. Но вскоре мысли его принимают обыкновенное свое направление. Мрачными красками рисует состояние русского земледельца и рассказывает следующее:

«Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастья или не желая оногo в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или в двести душ, определил себя искать прибьтка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обрабатыванию земли. Способом

к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудю, устремляющимся на бою грудю, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своей цели, он отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин Некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян пировали вместе на господском дворе, употребляя для соблюдения желудка в мясоед пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговены бывали разве на Святой неделе.

Таковым урядникам производилась также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то-есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которые господин иногда брал себе, платя за них цену по своей воле.

При таком заведении не удивительно, что земледелие в деревне г. Некто было в цветущем состоянии. Когда у всех был худой урожай, у него родился хлеб сам-четверт; когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам-десять и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и поступая с сими равно, как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стнящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец».

(Путешествие, стр. 272 — 275.

Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет пятнадцать тому назад. Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению с целию, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности—он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он сажился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина—словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика. Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал

постепенно их обогатить, возратить им собственность, даровать им права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара.

(1833 — 1835)

0 ничтожестве литературы русской

(1)

1) Быстрый отчет о французской словесности в 17 столетии.

2) 18 столетие.

3) Начало русской словесности.—Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация.—Умирает 28 лет.—Ломоносов, плененный гармонией рифма, пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости etc.,—и обращается к точным наукам, *dégouté*¹ славою Сумарокова.—Сумароков.—В сие время Тредьяковский, один понимающий свое дело.—Между (тем) 18 столетие *allait son train*². Voltaire.

4) Екатерина—ученица 18-го столетия, она одна дает толчок своему веку. Ее угождения философам. Наказ. Словесность отказывается за нею следовать, точно так же как народ [Члены—

¹ <Отвращенный.>

² <Шло своим ходом.>

депутаты комиссии]. Державин, Богданович, Дмитриев, Карамзин (Радищев). Екат., Фонвизин и Радищев.

Век Александров—Карамзин уединяется, дабы писать свою Историю. Дмитриев—министр. Ничтожество общее. Между тем французская обмелевшая словесность *envahit tout*¹.

Voltaire и великаны не имеют ни одного последователя в России, но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корней дубов,—Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, М-de Жанлис овладевают русской словесностью. Sterne нам чужд, за исключением Карамзина. Парни и влияние сластолюбивой поэзии на Батюшкова, Вяземского, Давыдова, Пушкина и Баратынского. Жуковский и *двенадцатый год*, влияние немецкое превозмогает.

Нынешнее влияние критики французской и юной словесности.—Исключения.

Если русская словесность представляет мало произведений, достойных наблюдения критики литературной, то она, сама по себе (как и всякое другое явление в истории человечества), должна обратить на себя внимание добросовестных исследователей истины.

⟨1834⟩

¹ ⟨Затопляет все.⟩

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...*

Духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно — в течение двух мрачных столетий — питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою непрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боя-

* А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы, — но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагоприятна.

рами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадежности. Но внутренняя жизнь поработанного народа не развивалась. Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля. Свержение ига, споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения. Европа наводнена была невероятным множеством поэм, легенд, сатир, романов, мистерий и проч.—(но) старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и Слово о Полку Игореве возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности.

Но и в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европой. Отселе отношения Ивана Васильевича с Англией, переписка Годунова с Данией, условия, поднесенные польскому королевичу аристократией XVII столетия, посольства Алексея Михайловича... Наконец явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в пору мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но пронизательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича, не взлюбил Татищева за легкомыслие и вольнодумство и угадал в бедном школьнике *вечного труженика* Тредьяковского. Сын молдавского господаря воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, бежав от берегов Белого моря, стучался в двери Заиконоспасского училища.

Семена были посеяны. Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться.

В начале 18-го столетия французская литература обладала Европою. Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние. Прежде всего надлежит нам ее исследовать.

Рассмотрев бесчисленное множество мелких стихотворений, баллад, рондо, вирле, сонетов и поэм, аллегорических, сатирических, рыцарских

романов, сказок, фэблио, мистерий etc., коими наводнена была Франция в начале XVII столетия, нельзя не сознаться в бесплодной ничтожности сего мнимого изобилия. Трудность, искусно побежденная, счастливо подобранное повторение, легкость оборота, простодушная шутка, искреннее изречение — резко вознаграждают усталого изыскателя.

Романтическая поэзия пышно и величественно расцветала во всей Европе, Германия давно имела свои *Nibelungen*, Италия — свою тройственную поэму, Португалия — *Лузиаду*, Испания — Лопе де Вега, Кальдерона и Сервантеса, Англия — Шекспира, а у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом! Наследник его Марот, живший в одно время с Ариостом и Камоенсом,

Rima des triolets, fit fleurir la ballade.¹

Проза уже имела решительный перевес. Скептик Монтань и циник Рабле были современники Тассу.

Люди, одаренные талантом, будучи поражены ничтожностью и, должно сказать, *подлостью* французского стихотворства, выдумали, что ску-

¹ (Слагал триолеты, писал мастерские баллады.)

дость языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древнего греческого. Образовалась новая школа, коей мнения, цель и усилия напоминают школу наших славяно-руссов, между коими также были люди с дарованиями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Язык отказался от направления ему чуждого и пошел опять своей дорогою.

Наконец пришел Малерб, с такой яркой точностью, с такою строгою справедливостию оцененный великим критиком:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence.
D'un mot mis à sa place enseigna le pouvoir
Et réduisit la Muse aux règles du devoir.
Par ce sage écrivain la langue réparée
N'offrit plus rien de rude à l'oreille épurée —
Les stances avec grâce apprirent à tomber
Et le vers sur le vers n'osa plus enjamber.

Но Малерб ныне забыт подобно Ронсару, сии два таланта, истощившие силы свои в усовершенствовании стиха. Такова участь, ожидающая писателей [которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей от употребления!].

Каким чудом посреди [общего ничтожества французской поэзии, недостатка истинной крити-

ки и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса] вдруг явилась толпа истинно-великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века? Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное ли покровительство Людовика XIV были причиною такого феномена? Или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев вдруг является, блескит и исчезает? Как бы то ни было, вслед за толпою бездарных, посредственных и несчастных стихотворцев, заключающих период старинной французской поэзии, тотчас выступают Корнель, Паскаль, Боссюэт и Фенелон, Буало, Расин, Молиер и Лафонтен. Иладычество их над умами просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

У других европейских народов поэзия существовала прежде появления бессмертных гениев, одаривших человечество своими великими созданиями. Сии гении шли по дороге уже проложенной. Но у французов возвышенные умы XVII столетия застали народную поэзию в пленках, презрели ее бессилие и обратились к образцам классической древности. Буало, поэт, одаренный мощным талантом и резким умом, обнаружил свое уложение, и словесность ему покорилась. Старый Корнель один остался пред-

ставителем романтической трагедии, которую так славно вывел он на французскую сцену.

Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней [и далее гостиной не доходила] etc. Это слово было повторено и во французских журналах и замечено как жалкое мнение (*opinion déplorable*). Это не мнение, но истина историческая, буквально выраженная: *Marot* был камердинером Франциска I-го (*valet de chambre*), Мольер камердинером Людовика XIV... Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостиной, но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах говорить нечего. Они, конечно, на площади, с чем их и поздравляем.

Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию принаравливаться к господствующему вкусу и мнениям публики.—Замечательно, что ни один из известных французских поэтов (*nrзбр*) из Парижа. Вольтер, изгнанный из столицы тайным указом Людовика XV, полушутливым, полуважным тоном советует писателям оставаться в Париже, если дорожат они покровительством Аполлона и бога вкуса.

Ни один из французских поэтов не дерзнул

быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы.

Расин перестал писать, увидя неуспех своей *Гофолли*. Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы составить публику), легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они, дабы вновь взойти в доверенность, обратились к народу, лаская его любимые мнения, или фиглярствуя независимостию и странностями, но с одной целию: выманить себе [репутацию] или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!

Несмотря на ее видимую ничтожность, Ришелье чувствовал важность литературы. Великий человек, униживший во Франции феодализм, захотел также связать и литературу во Франции. Писатели (класс бедный и насмешливый, дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне. Людовик XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили свою должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспе-

вал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, Босюет и Флешье проповедывали слово божие в его придворной капелле, камердинер Мольер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения: бедный дворянин Лафонтен (несмотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях, а сладкоречивый епископ в книге, наполненной смелой философией, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование... Зато Лафонтен умер без пенсии, а Фенелон в своей епархии, отдаленный от двора за мистическую ересь. Отселе вежливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, — немного жеманная, но тем самым понятная для всех дворян Европы, ибо высшее общество, как справедливо заметил один из новейших писателей, составляет во всей Европе одно семейство.

Между тем великий век миновался. Людовик XIV умер, пережив свою славу и поколение своих современников. Новые мысли, новое направление отозвалось в умах, алкавших новизны. Дух порицания начинал проявляться во Франции. Умы, пренебрегая цветы словесности и благородные игры воображения, готовились к роковому предназначению XVIII века. Ничто не

могло быть противоположное поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, и любимым орудием ее была ирония, холодная и осторожная, и насмешка, бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности человека. Он написал эпопею, с намерением очернить кафолицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобию характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутивным языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы. И эта легкость казалась верхом поэзии. Наконец, и он однажды в своей старости становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих Заветов обругана...

Влияние Вольтера было неимоверно. Следы великого века (как называли французы век

Людовика XIV) исчезают. Истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия. Роман делается скучною проповедью или галлеей соблазнительных картин.

Все возвышенные умы следуют за Вольтером. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма, Гиббона и Вальполя приветствует Энциклопедию. Екатерина вступает с ним в дружескую переписку. Фридрих с ним ссорится и мирится; общество ему покорено. Европа едет в Ферней на поклонение. Наконец Вольтер умирает, в восторге благословляя внука Франклина и приветствуя Новый Свет словами, дотоле неслыханными...

Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает всё, что еще почитается неприкосновенным. Министры Людовика XVI нисходят в арену с писателями. Старая монархия хохочет и рукоплещет.

Общество созрело для великого разрушения. Всё еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...

Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с вы-

соты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Францией на поприще философии, поэзия в отечестве Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа. Италия отрекается от гения Dante, Metastasio подражает Расину.

Обратимся к России.

Кантемир. Ломоносов. Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым, Тредьяковского — его бездарностью. Постоянное бореие Тредьяковского. Он побежден. Сумароков... *Екатерина* (Вольтер). Фонвизин. Державин.

(1834)

⟨О Байроне⟩

О Байроне и о предметах важных.

Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии, младшей между европейскими, произошел от норманца Ральфа де Бюрон (или Бирона), одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Имя Байронов с честью упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более,

чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему и мелочные оскорбления, часто унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молве.

Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя соблазнительную славу. Он увез супругу лорда Garmarthen и женился на ней тотчас после ее развода. Вскоре потом она умерла в 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой год расчетливый вдовец для поправления своего расстроенного состояния женился на мисс Gordon, единственной дочери и наследнице Георгия Gordon'a, владельца гайфского. Брак сей был несчастлив: 23 500 f. st. (587 500 руб.) были расточены в два года; и mistriss Байрон осталась при 150 f. st. годового дохода; в 1786 году муж и жена отправились во Францию; возвратились в Лондон в конце 1787.

В следующем году 22 января леди Байрон родила единственного своего сына Георгия Гордона Байрона. (Вследствие распоряжений фамильных, наследница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона.) Новоро-

жденного крестили герцог Гордон и полковник Доф. При его рождении повредили ему ногу, и лорд Байрон полагал тому причиною стыдливость или упрямство матери.

В 1790 леди Байрон удалилась в Абердин, и муж ее за нею последовал. Несколько времени жили они вместе. Но характеры были слишком несовместны — вскоре потом они разошлись. Муж уехал во Францию, выманив прежде у бедной жены своей деньги, нужные ему на дорогу. Он умер в Валенсьене в следующем 1791 году.

Во время краткого пребывания своего в Абердине он однажды взял к себе маленького сына, который у него и ночевал; но на другой же день он отослал неугомонного ребенка к его матери и с тех пор уже его не приглашал.

Мистрис Байрон была проста, вспыльчива и во многих отношениях безрассудна. Но твердость, с которой умела она перенести бедность, делает честь ее правилам. Она держала одну только служанку, и когда в 1798 году повезла она молодого Байрона вступить во владение Ньюстида, долги ее не превышали 60 f. st.

Достоинно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными.

Маленький Байрон выучился читать и писать в абердинской школе. В классах он был из по-

следних учеников — и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый, вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Некто Патерсон, строгий пресвитерианец, но тихий и ученый мыслитель, был потом его наставником, и Байрон сохранил о нем благодарное воспоминание.

В 1796 году леди Байрон повезла его *в горы* для поправления его здоровья после скарлатины. Она поселилась близ Баллатера.

Суровые красоты шотландской природы глубоко впечатлелись в воображение отрока.

Около того же времени осьмилетний Байрон влюбился в Марию Доф. 17 лет после того, в одном из своих журналов, он описал свою раннюю любовь:

«J'ai beaucoup pensé dernièrement à Marie Duff. Comme il est étrange que j'aie été si complètement dévoué, et si profondément attaché à cette jeune fille, à un âge où je ne pouvais ni sentir la passion, ni même comprendre la signification de ce mot. Et pourtant c'était bien la chose! Ma mère avait coutume de me railler sur cet amour enfantin, et plusieurs années après, je pouvais avoir seize ans, elle me dit un jour: «Oh! Byron, j'ai reçu une lettre d'Edinbourg, de miss Abercromby; votre ancienne passion, Marie Duff, a épousé un M. C.»

Et quelle fut ma réponse? Je ne puis réellement expliquer ni concevoir mes sensations à ce moment. Mais je tombai presque en convulsions; ma mère fut si fort alarmée qu'après que je fus remis, elle évitait toujours ce sujet avec *moi*, et se contentait d'en parler à toutes ses connaissances. A présent je me demande ce que pouvait-ce être? Je ne l'avais pas revue depuis que, par suite d'un faux pas de sa mère à Aberdeen, elle était allée demeurer chez sa grand-mère à Banff; nous étions tous deux des enfants. J'avais et j'ai aimé cinquante fois depuis cette époque; et cependant je me rappelle tout ce que nous nous disions, nos caresses, ses traits, mon agitation, l'absence de sommeil et la façon dont je tourmentai la femme de chambre de ma mère pour obtenir qu'elle écrivît à Marie en mon nom; ce qu'elle fit à la fin pour me tranquilliser. La pauvre fille me croyait fou, et comme je ne savais pas encore bien écrire, elle devint mon secrétaire. Je me rappelle aussi nos promenades, et le bonheur d'être assis près de Marie, dans la chambre des enfants, dans la maison où elle logeait près de Plainstones à Aberdeen, tandis que sa plus petite soeur jouait à la poupée, et que nous nous faisons gravement la cour, à notre manière.

Comment diable tout cela a-t-il pu arriver si tôt? quelle en était l'origine et la cause? Je n'avais

certainement aucune idée de sexes, même plusieurs années après; et cependant mes chagrins, mon amour pour cette petite fille étaient si violents que je doute quelquefois que j'aie jamais véritablement aimé depuis. Quoi qu'il en soit, la nouvelle de son mariage me frappa comme un coup de foudre; je fus près d'en étouffer, à la grande terreur de ma mère et à l'incrédulité de presque tout le monde. Et c'est un phénomène dans mon existence (car je n'avais pas huit ans) que m'a donné à penser, et dont la solution me tourmentera jusqu'à ma dernière heure. Depuis peu, je ne sais pourquoi *le souvenir* (*non* l'attachement) m'est revenu avec autant de force que jamais. Je m'étonne si elle en a gardé mémoire, ainsi que de moi? et si elle se souvient d'avoir plaint sa petite sœur Hélène de ce qu'elle n'avait pas aussi un adorateur? Que son image m'est restée charmante dans la tête! ses cheveux châtains, ses yeux d'un brun clair et doux; jusqu'à son costume! Je serais tout-à-fait malheureux de *la voir à présent*. La réalité, quelque belle quelle fut détruirait ou du moins troublerait les traits de la ravissante Péri qui existait alors en elle, et qui survit encore en moi, après plus de seize ans; j'en ai maintenant vingt-cinq et quelques mois...»)

В 1798 г. умер в Ньюстиде старый лорд Вильгельм Байрон. Четыре года пред сим родной

внук его скончался в Корсике, и маленький Георгий Байрон остался единственным наследником имений и титула своего рода. Как несовершеннолетний, он отдан был в опеку лорду Карлилю—дальнему его родственнику,—и восхищенная *mistriss* Байрон осенью того же года оставила Абердин и отправилась в древний Ньюстид с одиннадцатилетним своим сыном и верной служанкой Мэри Грe.

Лорд Вильгельм, брат адмирала Байрона, родного деда его, был человек странный и несчастный. Некогда на поединке заколол он своего родственника и соседа Г. Чаворта. Они дрались без свидетелей, в трактире при свечке. Дело это произвело много шума, и Палата пэров признала убийцу виновным. Он был однако ж освобожден от наказания, с тех пор жил в Ньюстиде, где его причуды, скупость и мрачный характер делали его предметом сплетен и клеветы. Носились самые нелепые слухи о причинах развода его с женою. Уверяли, что он однажды покусился ее утопить в ньюстидском пруду.

Он старался разорять свои владения из ненависти к своим наследникам. Единственные соседники его были старый слуга и ключница, занимавшая при нем и другое место. Сверх того дом был полон сверчками, которых лорд Вильгельм кормил и воспитывал. Несмотря на свою

скупость, старый лорд [имел часто нужду в деньгах и доставал их способами, иногда весьма предосудительными для его наследников. Но такой человек не мог об них и заботиться.] Таким образом продал он Рочдаль, родовое владение, безо всякого на то права (что знали и покупщики; но они надеялись выручить себе выгоды, прежде нежели наследники успеют уничтожить незаконную куплю).

Лорд Вильгельм никогда не входил в сношение с молодым своим наследником, которого звал не иначе, как *мальчик, что живет в Абердине*.

Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном, не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное продолжительное влияние на всю его жизнь. Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность, которые потом сделались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — были частью врожденные, частью им заимствованные (*adortés*). Мур справедливо замечает, что в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков; с одной стороны

смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой — необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению. Сомнения нет, что память, оставленная за собою лордом Вильгельмом, сильно подействовала на воображение его наследника — многое перенял он у своего странного деда в его обычаях, и нельзя не согласиться в том, что Манфред и Лара напоминают уединенного ньюстидского барона.

Обстоятельство, повидимому, маловажное имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была повреждена — и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис Байрон выбрала его *хромым мальчишкою*. Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, — опасаясь их насмешливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства.

⟨1835⟩

⟨Заметки при чтении «Нестора» Шлецера⟩

Шлецер — введ. стр. 1.

Саги — стр. 7. О важности русск. слов⟨есности⟩.

Смотри чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, буква в букву... стр. IX *предуведомл.* А наши!

Разница между *Русьми* и византийским Ρωσς ч. II глава 6. *Байер* отыскивает начало *Руси* стр. XXVII *предувед(омления)*.

XXXIV стр. *Мнение Шлецера о русск. истории* NB статья Чедаева. *Далее: Екатерина II много сделала для истории, но Академия ничего. Доказательство, как правительство у нас всегда впереди.* XL думает, что книга его (*Probe(russischer Annalen)*etc.) забыта, по крайней мере в России.

⟨1836?⟩

⟨Замечания на песнь о «Полку Игоре»⟩

⟨1⟩

Песнь о Полку Игоре найдена была в библиотеке графа А. Ив. М(усина)-Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знаатоки, видевшие ее, сказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях

такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, всё еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей Истории мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley, Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности *Песни о Полку Игореве*. Великий скептик Шлецер, не выдав еще *Слова о Полку Игореве*, резко назвал оное подлогом, но, прочитав, признал подлинно древнее произведение и не почел даже за нужное приводить тому доказательства: так очевидна казалась ему истина!

Другого доказательства нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка *Песни о Полку Игореве*. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плане ее, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер, — если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносовские оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала пред ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских, ни других наречий славянских.

Слово о Пльку Игоревѣ сына Святославля внука Одьгова

«Не льпо ли ны бяшетъ братіе начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пльку Игоревѣ, Игоря Святославлича. Начатися же тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню».

§ 1. Все, занимавшіеся толкованием *Слова о Полку Игореве*, перевели: Не прилично ли будетъ нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы... воспеть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную песнь о Полку Игореве, Игоря Святославлича. Но в древнемъ славянскомъ языке частица *ли* не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому *ne*, иногда *ли* значитъ *только*, иногда — *бы*, иногда — *же*; донныне в сербскомъ языке сохраняетъ она сии знаменования. В русскомъ частица *ли* есть или союзъ разделительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное *не*; в песняхъ не имеетъ она иногда никакого смысла и вставляется для меры такъ же, какъ и частицы: *и*, *что*, *а*, *какъ ужъ*, *ужъ какъ* (*Замечание Тредьяковского*).

В другомъ месте *Слова о Полку ли* поставлено также, но все переводчики решили, что это есть ошибка переписчика и перевели не вопросомъ,

а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому), а не по замыслению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие.* — Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец *Слова о Полку Игоре* не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол *башет* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностью в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает condition'альную частицу. Не прилично было бы. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

* Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнения. Сочинителю *Рассуждения о старом и новом слоге* было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя *Слова о полку Игоре* предпочитали былины своего времени старым словесам.

«Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакъ».

§ 2. Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначительную: растекашется мыслию по древу — тут пропущено слово *славием*, которое довершает уподобление; должно, думаю, читать, растекашется, *скача славием по мыслию древу*; тем более, что ниже сие выражение употреблено.*

«Помняшеть бо рѣчь первыхъ временъ усобицѣ».

§ 3. Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; всё это продолжение прежней мысли: Поминая предания о прежнихъ браняхъ (усобица значитъ брань, ополчение, а не междуусобие, как перевели некоторые. Между-усобие есть уже слово составленное), напускал он и проч. «Помняшеть бо рѣчь первыхъ временъ усобицѣ тогда пущаше і соколовъ на стадо лебедей etc.» 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значили 10 пальцев,

* *Примечание.* Г-н Вельтман перевел это место: *былое воспеть*, а не вымысел Бояна, коего мысли текли в вышину, как соки по древу. Удивительно!

возлагаемых на струны. Поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А. С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы *Смерть Авеля*.* Толкование Александра Семеновича любопытно (том 7, стран. 43): И так, надлежит паче думать, (что в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но також и к некоторому прославлению героев, или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с соколом своим и пускали их на стадо лебединое с тем, что чей сокол удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над прочими.)

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется, ему кажется неприличным для русских князей *доказывать первенство свое, кровию приобретенное*, полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы напускали соколов,— а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших вы-

* Но что есть общего между манерной прозою г-на Геснера и поэзией Песни об Игоре.

ставлять себя перед товарищами. А. С. Шишков, в свою очередь, видит в мнении Я. Пожарского крайнюю неосновательность и несчастное самолюбие (том 11-й, страница 388). К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано *Слово о Полку Игореве*), иже изтягнулъ умъ крѣпостию». «Изтягнулъ» — вытянул, натянул, изведаль, испробовал. (*Пожарский*: опоясал, первые толкователи: напругши ум крепостию своею). Истягнулъ, как лук, изострил, как меч — метафоры, заимствованные из одного источника.

«Наплнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей. Братіе и дружино! луце ж бы потяту быти, неже полонену быти». (Лучше — быть убиту, нежели полонену. В русском языке сохранилось одно слово, где *ли* после *не* не имеет силы вопросительной: *нежели*. Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в *Слове о Полку Игореве*: луце ж etc).

«А всядемъ, братіе, на свои борзья комони да позримъ синяго Дону».

Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственнымъ знаменованиемъ, было некогда общимъ.

«Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону Великаго».

Слова запутаны. Первые издатели перевели: Пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвещание и изведать (счастия на) Дону великомъ. Заступить имеетъ несколько значеній: омрачить, *lumen impedio*¹; помешать, удержать. Пришлось (?) князю, мысль похоти и горестъ знаменіе ему омрачило, удержало. Спали князю в ум желаніе и печаль. Ему знаменіе мешало (запрещало) искусити Дону великаго. «Хощу бо (так хочуже, сказал) рече копіе преломити конецъ поля Половецкаго (с вами, Русици, хощу главу свою приложити), а любо испити шеломомъ Дону».

«О Бояне, соловью стараго времени, а бы ты сіа пълки ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облаками, сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени (если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу), рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы». (Четыре раза (упоминается в сей песни о *Трояне*... но кто сей *Троян*, догадаться ни по чему невозможно),

¹ (Заслону свет.)

говорят первые издатели). 5 стр., изд. Шишкова. Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием *Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем 4 раза упоминает *Слово о Полку Игореве*, есть не кто иной, как римский император. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объяснение? Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14, изд. Шишкова) «вступила Дѣвою на землю Трояню, на синемъ морѣ у Дону». Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна (в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян)». (Вельтман.) Почему же?

«Пѣти было пѣснь Игореви, того Олга внуку». Поэт повторяет опять выражения Бояновы—и, обращаясь к Бояну, вопрошает: «или, не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче?» («Комони ржугъ за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоять стязи в Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода».)

Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно

признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени.

«И рече ему Буй-Тур Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорю. Оба есвѣ Свято-славичи: сѣдлай, брате, свои борзые комони— а мои ти готовы (готовы—значитъ здесь известны, значение сие сохранилось в иллирийском славянском наречии. Ниже мы увидим, что половцы бегут *неготовыми* (неизвестными) дорогами. Если же *неготовыми* значило бы *не мощеными*, то что же бы значило *готовые кони*?), осѣдланы у Курьска на переди».

«А мои ти куряни свѣдомы». (Сие повторение того же понятия другими выражениями подтверждаетъ предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри Священное Писание.)

Кмети под трубами повиты. Г. Вельтман etc.—Кметъ значитъ вообще крестьянин, мужик.—
Kar gospòda stori krivo, kméti mòrjo plàzhat shivo.

(1836?)

(2)

(Заметка к «Слову о Полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана)

Хочу копье преломити, а любо испити...
Г. Сенковский с удивлением видит тут выраже-

ние рыцарское—нет; это значит просто [неудачу]: или сломится копье мое, или напьюсь из Дона. [Либо погибну, либо завоюю]. Тот же смысл, как и в пословице: либо пан, либо пропал.

(1836?)

Наброски статей для «Современника»

1. (Об «Истории поэзии» С. П. Шевырева)

История поэзии явление утешительное, книга важная!

Россия по своему положению, географическому, политическому etc. есть судилище, приказ Европы.—*Nous sommes les grands joueurs*¹. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны—примеры тому.

Критика литературная у нас ничтожна: почему? Потому, что в ней требуется не одного здравого смысла, но и любви и науки.—Взгляд на нашу критику—Мерзляков—Шишков—Дашков—etc.

Шевырев при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирической системе француз-

¹ (Мы великие критики.)

ской критики, ни отвлеченной философии немцев (стр. 6—11))—Он избирает способ изложения исторический—и поделом: таким образом придает он науке заманчивость рассказа.—

Критик приступает к истории западных словесностей—

В Италии видит он чувственность римскую, побежденную христианством—обретающую покровительство религии—воскресшую в художествах, покорившую своему роскошному влиянию строгий кафолицизм и снова овладевшую своей отчизною.

В Испании признает он те же начала—но встречает мавров, и видит в ней магометанское направление (?).

Оставляя роскошный юг, Шевырев переходит к северным народам, рабам нужды, пасынкам природы.

В туманной Англии видит он нужду, развивающую богатство—промышленность, труд, изучение—литературу без преданий etc., вещь—вещность.

В германских священных лесах открывает он уже то стремление к отвлеченности, к уединению, к феодальному разъединению, которые и донныне господствуют и в политическом составе Германии, и в системах ее мыслителей, и при дворах ее князьков, и на кафедрах ее профессоров.

Франция, *средоточие Европы*, представительница жизни общественной, жизни всё вместе эгоистической и народной—В ней наука и поэзия—не цели, а средства—Народ (*der Herr Omnis*¹) властвует со всей отвратительной властью демократии—В нем все признаки невежества—презрение к чужому, *une marque révoltante et tranchante*²—etc.

Девиз России: *Suum cuique*³.

(1836)

2. Путешествие В. Л. П.

Путешествие (NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова, 1808, in 16°). Картинка (на заглавном листе) представляет (В. Л. Пушкина, берущего урок декламации у Тальма.)

Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастье получить и свой (чуть ли не последний). Я храню его как памятник благосклонности, для меня драгоценной...

Путешествие есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В. Л.

¹ (Господин Всякий.)

² (Яркий решающий признак.)

³ (Каждому — свое.)

П(ушкин) отправлялся в Париж и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь В(асилий) Л(ьвович).—Это образец игривой легкости и шутки живой и [незлобной].

Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в дивном вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и [в младенческой] игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенного веселостию ¹ — — —

Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выпренней. Есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?). Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин.

Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств—и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...

¹ (Не дописано.)

Благоговею пред созданием *Фауста*, но люблю и эпиграммы etc.

Виноват: я бы отдал всё, что было писано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие незадумчивые и невесторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям

⟨Друзья! Сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать.⟩

3. ⟨Путешествие в Сибирь⟩ аббата Шапп д'Отроша и «Антидот» Екатерины Второй⟩

В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии, Шапп д'Отрош заслуживает особенное внимание. Он был послан французскою Академиею Наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться ⟨26⟩ мая 176 ⟨1⟩ года.— Аббат выехал из Петербурга ⟨10⟩ марта и ⟨10⟩ апреля прибыл в Тобольск, где и оставался до ⟨июля⟩.

В ⟨1768 году⟩ аббат напечатал свое путешествие, которое смелостью и легкомыслием сильно оскорбило Екатерину.—[Она сама решилась опро-

вергнуть ложное] (и) неблагонамеренное и велела Миллеру и Болтину отвечать Аббату.

(1836)

⟨Перечень статей, намеченных для «Современника»¹⟩

Поход 1711+

St. Raz. +

Путешествие В. Л. (Пушкина) (Дмитриева)

Календарь (на 1721 год) +

Путешествие Радищева +

Собрание Русских песен.

Тредьяковский

О Пугачеве +

Сказки,

Р(усские) шутки.

О Ваньке Каине

L'Abbé Charpe

Antidote

О легчайшем способе (возражать на критики)

Дашкова.

О пословицах

O Histoires tragiques

Aventuriers etc.

¹ (Одни из этих статей (вероятно, отмеченные крестиком) были готовы, другие начаты, третьи только задуманы.)

О Библиотеке Новикова
О Путешествии Арт. Ар.
О М<adame de?> S<taël?>

Опыты библиографические.

(1836)

⟨Материалы для истории Петра Великого⟩

⟨1.⟩ О черк введения.

Введение — Россия извне.

Россия внутри.

Подати.

Торговля.

Военная сила.

Дворянство.

Народы.

Законы.

Просвещение.

Дух времени.

§ 1

Россия, долго терзаемая междуусобиями и притесняемая хищными соседями, отдыхала под управлением Романовых. Мих. Фед. заключил etc., Алекс. Мих. приказал etc., Федор пекся о подтверждении успехов и о внутреннем улучшении etc.

Отношения России 1) к Швеции и Польше.
» » 2) » Турции.
» » 3) » прочей Европе.

1) Склонна к Польше, уже обессиленной, неприязненна к Швеции, усиливающейся час от часу.

2) Смотрит осторожно на Турцию, опасается влияния оной на Запорожье и Украину.—

3) Прочей Европе начинает быть известна, а для Австрии нужна, как достойная соперница Турции.

§ 2

Россия разделена на воеводства, управляемые боярами.

Бояре беспечные.

Их дьяки алчные.

Народ *taillable à merci etc. misericorde.*

Правосудие отдаленное, в руках дьяков.

Подати многотяжкие и неопределенные.

Беспорядок в сборе оных.

Пошлины и таможи внутренние:

а) притеснения,

б) воровство.

Внешняя торговля:

а) архангельская в младенчестве,

б) персидская,

с) Волга.

Военная сила начинала получать регулярное образование.

Стрельцы, казаки, образ войны и вооружения.

Законы, более обычаи, нежели законы—неопределенны, судьи безграмотны, дьяки плуты.

Нравы дикие, свирепые etc.

Просвещение развивается со времен Бориса; правительство впереди народа; любит иноземцев и печется о науках. Духовенство. Его критический дух.

(1835—1836)

(2. З а м е т к и п р и ч т е н и и В в е д е н и я
к «Д е я н и я м П е т р а В е л и к о г о» Г о л и к о в а)

Голиков. Введение. Philipp Johann von Strahlenbergs nord und östlicher Theil von Europa und Asien. Stokholm. 1730.

Штраленберг говорит о двух сторонах существующих в России, за и против Петра I. Оппозиция негодует:

- 1) на возведение на высшие степени людей из низшего звания, без различия с дворянами;
- 2) что государь окружил себя молодыми людьми, также без разбору;
- 3) что позволяет им осмеивать бояр, наблюдающих старые обычаи;
- 4) что офицеров, выслужившихся из солдат,

допускает к своему столу и с ними *фамильярно* обходится (в том числе Лефорт);

5) что сыновей боярских посылает в чужие края для обучения художествам, ремеслам и наукам, недостойным дворянского звания;

6) что записывает их в солдаты и употребляет во всякие работы;

7) что дал князю Ромодановскому власть неограниченную.

Всё сие бояре почитали истреблением знатных родов, унижением дворянства и безнравственностью. Прочие причины негодования суть:

1) Истребление стрельцов.

2) Учреждение тайной канцелярии.

3) Данное холопьям дозволение доносить на господ, укрывающихся от службы, и описывание их имения в пользу доносителей.

4) Новые разорительные подати.

5) Построение С.-Петербурга, чищение рек и строение каналов.

6) Военные суды, жестокость и невежество судей.

7) Отменение в определениях и приговорах изречения: «государь указал, а бояре приговорили». Следствием сей меры было, говорит Штр., то, что никто не смел государю говорить правды.

8) Славление Христа о святках государя и первых бояр, ругательство веры, училище пьянства.

9) Принуждение, чинимое купцам, товары привозить в П. Б. и торговые казенные караваны в Пекин—разорительные для торговли.

10) Перемену русского платья, бритье бород, немецкие обычаи, иностранцы—причины мятежей и кровопролития.

11) Суд над царевичем.

Густав Ваза, узнав, что королева Елисавета прислала ц. Ивану Васильевичу пушки в подарок, жаловался ей на то. На большом сейме в Любеке 1563 году определено не впускать в Россию корабельных мастеров, что им и было исполнено, когда до 300 художников и мастеров прибыли было в Любек морем. Герберштейн был того же мнения.

Особы, доставившие важнейшие сведения Голикову, были: д. т. сов., сенатор и кав. Ив. Ив. Неплюев, адмиралы Алексей Ив. Нагаев, Сем. Ив. Мордвинов, Ив. Лукьянович Талызин, комиссар Крекшин, и московские купцы Сериков, Евреинов, Полупрославцев и Ситников, и олонекский куп. Барсуков. Незнамые Голикову люди, на которых он, однако, ссылается, суть: превосходительные господа *граф* Андр. Ив. Ушаков, Фед. Ив. Соймонов, барон Ив. Ант. Черкасов и Абр. Петр. Ганнибал.

Князь Ромодановский был истинный бич горделивости боярской.

Святки праздновались до 7 января. Петр одевал знатнейших бояр в старинное платье и возил их по разным домам *под разными именами* (?). Их потчивали по обычаю вином и водкою и принуждали пьянствовать, а молодые любимцы приговаривали: «пейте, пейте,—старые обычаи лучше ведь новых».

«И как поехал от вас, не знаю; понеже зело доволен был Бахусовым даром. Того для—всех прошу, если кому нанес досаду, прощения, а паче от тех, которые при прощании были, да не напамятует всяк сей случай и проч.» (*Письмо Петра к гр. Апраксину*).

За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь отдалял их от православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных *за море*, надели траур (синее платье). (*Фамильное предание*).

Народ почитал Петра Антихристом.

Подати при Петре:

1) Пошлины со всяких товаров, с дров, сена, всякого хлеба и других съестных припасов, со

всего продаваемого в городах на ярманках и торжках, во владельческих и монастырских селах и деревнях, с весов и мер, с мельниц, мостов и перевозов, с рыбных ловель, с ульев и меду, с пустошей, с лавок и шалашей, с бань торговых и домашних, с варения пив и других питъев, с извозчиков, с найму работников, с постоянных дворов, с лошадей и с пригоняемого в Москву скота на продажу, с трески—рыбы (ловимой в Кольском уезде) и проч.

2) Пошлина со всяких крепостей, с явки (заявление) духовных и отпускных, с подачи челобитен исковых и явочных, с записки и *печатания* (печати) контрактов, договоров, писем (заемных) и всяких сделок, с венечных памятей, свадеб иноверческих и со вновь введенной герб. бумаги.

3) Сбор денег на содерж. войска с тех, кои прежде обязаны были служить, с жалованных поместий, и сбор с губерний на флот и армию.

4) *Подушная* (перепись генеральная государству) по 80 коп., потом по 70, с однодворцев и купцов по 1 р. 20 коп. Иностранцы, торгующие в Сибири, сравнены в оброке с русскими.

5) Сбор для Ладожского канала.

6) Сбор *временный* с хлебопашцев по 1 четверику с двора, а *единожды* с души (на магазины).

7) Сбор на один год со всех получающих жалование, от фельдмаршала до солдата и от ми-

нистра до подьячего—также и с духовных, состоящих на жаловании (кроме иностранцев, служащих по контрактам и без контракта).

Примеч. Голикова:

Большая часть сих податей уже существовала, иные взимались не для государя—четверть хлеба была от 25 до 30 коп.

С вечной памяти взымалось по 25 коп.

Рыбий клей и икра, соболи, ревень, поташ, смольчуг и табак были казенной монополией.

Первыми пользовалось духовенство.

Собоями—сибирское начальство, чиновники и купцы (продавались в сибирском приказе).

Поташ и смольчуг были губительны для лесов.

Доходы питейные, соленые и таможенные издревле принадлежали казне.—Петр пресек коррупцию, воровство в сольных промыслах, поташный провоз etc. Он умножил доходы отпуском в Европу, в Персию и Китай—казенных товаров.

Петр заключает мир со Швецией, не сделав ни копейки долга, платит Швеции 2 000 000 р., прощает государственные долги и недоимки, и персидскую войну оканчивает без новых налогов (с пошлиной на получающих жалование). По

смерти своей оставляет до 7 000 000 р. сбереженной суммы.

Годовой расход его двора не превосходил 60 000.

Петр I когда призывал купца Мейера в сенат, то всегда приказывал ставить для него стул.

Петр замышлял о соединении Черного моря с Каспийским—и предпринял уже ту работу.

Отпуск в Пекин казенных караванов принес пользу русским купцам, ибо китайцы дешевле покупали товары на нашей границе, чем в Пекине от комиссаров казенных. Купцы наши с тех пор сами стали ездить в Пекин.

Петр, получив от Апраксина *слишком учтливое письмо* (пишет Голиков), ответил, что он сомневается, к нему ли оно писано; *ибо оно с зельными чинами, чего-де я не люблю, и ты знаешь, как к компании своей писать*. В другом письме запрещает он ему слово *величество*.

В Деяниях Стоглавого собора (при царе Ив. Вас. в 7059 г.) между прочим: «Творящие брадобритие ненавидимы от бога, создавшего нас по образу своему». Далее *правило св. апостолов*: «Аще кто браду бреет и преставится тихо, недо-

стоит над ним пети, ни просфоры, ни свечи по нем в церковь приносить, с неверными да причтется» etc. (*Обличение неправды раскольничьей* 1745 г.)

Царевич Алексей Петрович родился 1690 г. февр. 29. До 699 находился он при матери своей царице Евдокии Федоровне, когда была она заключена в Суздальский монастырь. Суеверные мамы и приставники ожесточили его против отца, а духовные особы, при обучении его православию, встретили в нем ненависть к нововведениям. При чтении священных книг останавливали его при некоторых текстах, выводя разные из оных политические заключения. Петр до самого того времени не имел времени им заняться. По истреблении же стрельцов и заключении царицы, обратил он на него свое внимание и приставил к нему двух господ Нарышкиных, ошибочно полагая их к себе приверженными. В 1701 году Петр назначил Меншикова обер-гофмейстером к царевичу, а гофмейстером министра своего, ст. и воен. сов. фон Гизена (или Гуйсена). Сей Гизен написал историю Петра I-го, но не кончил оной. Петр дал ему письменную инструкцию (от 3 апр. 1703 г.), чему должен он обучать царевича; между тем ожесточенный отрок выучился только притворствовать. Потом Петр про-

извел его сержантом гвардии, брал его с собою в походы. В разных сражениях, при взятии Ноттенбурга, Шлиссельбурга, Копорья, Ямбурга и Нарвы, царевич находился при нем, но в безопасности. Он сопровождал отца во время его путешествий в Польшу, в Архангельск etc. Петр употреблял его и в государственных делах, а перед турецким походом поручил ему и главное правление.

Государь после казни ростовского архиерея Досифея отправился в П. Б. Занялся учреждением коллегий, определил в сенат генерал- и обер-прокуроров, издал указ о строении домов, печей, труб и кровель, безденежно роздал П. Б. жителям парусные и гребные суда и установил по праздничным и *повседельным* дням *экзерсиции* на воде. По вскрытии Невы занялся он еще более флотом и корабельными работами, беспрестанно разъезжая из П. Б. в Кронштадт и обратно.—Все полагали, что дело царевича кончено и предано забвению. Вдруг оно возобновилось. *Пойманы* были письма, и у некоторых найдены в платьях, и Петр велел снова начать следствие.

Петр простил многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной паль-

бою праздновал с ними свое примирение (*Ломоносов*).

Петр звал к себе Лейбница и Вольфа, первому пожаловал почетный титул и пенсию. Лейбниц уговорил славного законоведа и математика Голдбиха· Христиана приехать в Россию.

Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Димитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями. Первый из них прорек за 9 месяцев до рождения Петра славные его деяния и письменно утвердил, что «по явившейся близ Марса пресветлой звезде он ясно видел и как бы в книге читал, что зачешийся в утробе царицы Наталии Кирилловны сын его (царя) назовется Петром, что наследует престол его и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не может» и проч.

Сохранилась при Академии Наук в имп. библиотеке переписка двух ученых; один, бывший тогда в Москве посланником Соединенных Нидерландских генеральных штатов, Николай Гейзиус пишет в Утрехт Иоанну Георгию Греввиусу от 1 июня 1672 о рождении царевича и о предречениях. Греввиус от 9 апр. 1673 отвечает следую-

щим письмом (том I, введение, стр. 135) etc. В самый день рождения Петра Людовик XIV перешел через Рейн, а турецкий султан через Днестр, и первый завоевал 4 провинции Соедин. Нидерландов, а второй Подолию и Каменец.

Астроном Лексель, член П. Б. Акад. Наук, исследовал, было ли во время рождения Петра или за 9 мес. до оногo какое-нибудь небесное необыкновенное явление; «пресветлой звезды близ Марса (правда) не оказалось, но прочее планет течение было весьма благополучным предзнаменованиeм».

При императрице Анне Иоанновне академик Крафт был должностным ее астрологом. Сохранилось в календаре 1730 года его предсказание о вскрытии Невы 9-го апреля (что и сбылось)

(1835)

(3. В ы п и с к и и к о н с п е к т ы)

1672—1689

Петр родился в Москве в 7180 году мая 30-го (1672).

Рождение царевича праздновали трехдневным торжеством при колокольном звоне и пушечной пальбе. Царь, в знак своей радости, даровал прощение осужденным на смерть, возвратил из ссылки преступников, роздал богатую милостыню, простил народу долги и недоимки, искупил невольников, заключенных за долги.

Царевич был окрещен июня 29, в субботу, на праздник

верховных апостолов Петра и Павла, в Чудовом монастыре, от патриарха Иоакима. Восприемниками были брат его царевич Федор Алексеевич и тетка его царевна Ирина Михайловна. Рассказывают, будто бы на третьем году его возраста, когда, в день именин его, между прочими подарками, один купец подал ему детскую саблю, Петр так ей обрадовался, что, оставя все прочие подарки, с нею не хотел даже расставаться ни днем, ни ночью. К купцу же пошел на руки, поцеловал его в голову и сказал, что его не забудет. Царь пожаловал купца гостем, а Петра, при прочтении молитвы духовником, сам тою саблею опоясал. При сем случае были заведены *потешные*. Перед своею кончиною царь назначил приставниками к царевичу боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина и при нем окольных кн. Петра Ивановича Прозоровского, Федора Алексеевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексей Михайлович скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трех лет и осьми месяцев.

Царь Федор Алексеевич оставил при вдовствующей царице весь ее штат. В 1677 г. она имела при себе 102 стольников. Потешные, большею частию, были дети их. Петр начал учиться грамоте 12-го марта 1677 года, по благословению святейшего патриарха. Учителем его был челобитного приказа дьяк Никита Моисеевич Зотов, бывший знакомый боярину Ф. Соковнину, который и привел его во дворец ко вдовствующей царице. Зотов по утрам обучал царевича грамоте и закону, а после обеда рассказывал ему российскую историю. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главные черты из истории, главные европейские города, здания, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также к царевичу, Лефорт и Тиммерман, учили его геометрии и фортификации.

Милославские, во время царствования Феодора, утесняли Нарышкиных; из них ни один не был произведен в большие чины. Дед царевича, Кирилл Полуехтович, определенный Алексеем Михайловичем главным судиею в приказе Большого Дворца, был отставлен.

Боярин Иван Максимович Языков предложил однажды вдовствующей царице, под предлогом тесноты, перебраться в другой дворец, отдаленный от царского дворца. Царица не захотела, и подослала Петра с своим учителем к царю Феодору. Петр поцеловал его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя с царевичем Димитрием, а боярина с Годуновым. Царь извинился перед Натальей Кирилловной и отдал ей Языкова головою. Языков был на время отдален.

Царица жила обыкновенно в Потешном дворце царя Алексея Михайловича, отчего и Петр его предпочитал.

15 августа 1680 г. Зотов был от него удален по *наветам*. Он был послан с полковником стрелецким, стольником Василием Тяпкиным, в Крым, для заключения мирного договора на 20 лет, что и случилось 15 января 1681 года. Зотов воротился 8 июня. Неизвестно, продолжал ли он учить царевича.

Страленберг и «Рукопись о зачатии» повествуют, что царица, едучи однажды весною в один монастырь, при переправе через разлившийся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшего у ней на руках. Петр до четырнадцати лет боялся воды. Князь Борис Алексеевич Голицын, его обергофмейстер, излечил его. Миллер тому не верит.

Когда слабому здоровьем Федору советовали вступить во второй брак, тогда отвечал он: «Отец мой имел намерение нарести на престол брата моего, царевича Петра; то же сделать намерен и я». Сказывают, что Федор то же говорил и Языкову, который ему сперва противоречил и наконец отвратил разговор в другую сторону и уговорил его на второй брак. В самом деле, 1682 года февраля 16, Федор женился на Марфе Матвеевне Апраксиной, но в тот же год апреля 27 скончался, наименовав Петра в преемники престола (в чем не согласен Миллер. См. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 120). Царевичу Иоанну было шестнадцать лет, а Петру десять лет.

О избрании см. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123.

Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил избрание, и стольники,

и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиной и черных сотен и иных имен люди единогласно избрали царем Петра.

Патриарх говорил потом боярам и окольным, и думным, и ближним людям, и они были того же мнения.

Петр избран был 10 мая 1682 года, и в тот же день ему присягнули; царица Наталья Кирилловна наречена была правительницею, но чрез три недели всё рушилось. Боярин Милославский и царевна София произвели возмущение.

План их был:

1) Истребить приверженцев Петра.

2) Возвести царем Иоанна.

3) Царя Петра лишить престола. (?)

Сумароков и князь Хилков утверждают, что Милославский удержал стрельцов от присяги, — Голиков, дабы согласить их с летописью, говорит: многих стрельцов.

Главные сообщники Милославского были племянник его Александр, Щегловитой, Цыклер, Иван и Петр Толстые, Озеров, Санбулов и главные из стрелецких начальников: Петров, Чермнов, Озеров и проч. Сумароков в числе приверженцев Софии именует и Иоакима.

Санбулов начал возмущение. Он закричал в толпе стрельцов, что бояре отняли престол у законного царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александр Милославский и Петр Толстой рассеяли слухи, что Иоанн уже убит, и роздали стрельцам письменный список мнимым убийцам, приверженцам царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ б. матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое, вторгаются в Кремль.

Деда Петра, Кирилла Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазах изрубили.

Убиты в сей день братья Натальи Кирилловны, Иван и Афанасий, князя Михайло Алегумович Черкасской, Долгорукие Юрий Алексеевич и сын его Михайло, Ромодановские Григорий и Андрей Григорьевичи, боярин Артемон

Сергеевич Матвеев, Салтыковы — боярин Петр Михайлович и сын его стольник Феодор, Иван Максимович Языков (?), стольник Василий Иванов, думные люди Иван и Аверкий Кирилловы, Иларион Иванов с сыном, подполковники: Горюшкин, Юренев, Данилов и Янов; медики Ф. Гаден и Гутменш. Стрельцы, разбив Холопий приказ, разорвали крепости и провозгласили свободу господским людям.— Но дворовые к ним не пристали.

Мая 18. Стрельцы вручили царевне Софии правление, потом возвели в соцарствие Петру брата его Иоанна. 25 мая царевна-правительница короновала обоих братьев. София уже через два года приняла титул сомодержицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всех делах после обоих царей. Др. Вивл. Ч. VII, стр. 400.

Стрельцы получили денежные награждения, право иметь выборных, имеющих свободный въезд к великим государям, позволение воздвигнуть памятники на Красной площади, похвальные грамоты за государственными печатями, переименование из стрельцов в надворную пехоту. Выборные несли сии грамоты на голове до своих съезжих изб, и полки встретили их с колокольным звоном, барабанным боем и с восхищением. Сухарев полк один не принял участия в бунте.

Царевна поручила стрелецкий приказ боярам князьям Хованским — Ивану Андреевичу и сыну его Феодору, любящим стрельцов и тайным раскольникам -аввакумовской и никитской ереси.

Вскоре после того (?) стрельцы под предводительством расстриги попа Никиты производят новый мятеж, вторгаются в соборную церковь во время служения, изгоняют патриарха и духовенство — которое скрывается в Грановитую палату. Старый Хованский представляет патриарху и царям требования мятежников о словопрении с Никитой. Стрельцы входят с аналоем и свечами и с камнями за пазухой, подают царям челобитную. Начинается словопрение. Патриарх и холмогорский архиепископ Афанасий (бывший некогда раскольников) вступают в феологический спор. Настает шум, летят камни (сказка о Петре, будто бы

успокоившем смятение). Бояре при помощи стрельцов нераскольников изгоняют наконец бешеных феологов. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6-го июня. Царица Наталья Кирилловна, по свидетельству венецианского историка, удалилась с обоими царями в Троицкий монастырь. — После того Петр удалился в село Преображенское и там умножает число потешных (вероятно без разбору: отселе товарищество его с людьми низкого происхождения). Старый Хованский угождал всячески стрельцам. Он роздал им имение побитых бояр. Принимал от них жалобы и доносы на мнимые взятки и удержание *поможных денег*. Хованские взыскивали, не приемля оправданий и не слушая ответчиков.

София возвела любимца своего князя Голицына на степень великого канцлера. Он заключил с Карлом XI (1683) мир на тех же условиях, на коих был он заключен двадцать лет прежде. Россия была в миру со всеми державами, кроме Китая, с которым были неважные ссоры за город Албазин при реке Амуре.

Бояре, приверженные к Петру, назначили ему в обергофмейстеры князя Бориса Алексеевича Голицына. Он овладел доверенностью молодого царя и делал перевес на его сторону. Многие бояре, а особливо дети их перешли на сторону Петра.

Царевна в сие время женила брата своего Иоанна на Прасковье Федоровне Салтыковой (1684 года января 9). Петру I, бывшему по двенадцатому году, дана была полная свобода. Он подружился с иностранцами. Женевец Лефорт (23 (?) годами старше его) научил его гол. (?) языку. Он одел роту Потешную по-немецки. Петр был в ней барабанщиком и за отличие произведен в сержанты. Так начался важный переворот, впоследствии им совершенный: истребление дворянства и введение чинов. В сие время князь Василий Голицын, бывший главным в комиссии о разобрании дворянских родов и о составлении родословной книги, думал возобновить местничество, уничтоженное царем Феодором в 1681 году. Комиссия была учреждена под начальством

боярина князя Владимира Дмитриевича Долгорукова и окольничего Чаадаева.

Бояре с неудовольствием смотрели на потехи Петра и предвидели нововведения. По их наущению сама царица и патриарх увещевали молодого царя оставить упражнения, неприличные сану его. Петр отвечал с досадою, что во всей Европе царские дети так воспитаны, что и так много времени тратит он в пустых забавах, в которых ему однако ж никто не мешает, и что оставить свои занятия он не намерен. Бояре хотели внушить ему любовь к другим забавам и пригласили его на охоту. Петр, сам ли от себя или по совету своих любимцев, но вздумал пошутить над ними: он притворно согласился; назначил охоту, но, приехав, объявил, что с холопами тешиться не намерен, а хочет, чтоб господа одни участвовали в царском увеселении. Псаря отъехали, отдав псов в распоряжение господ, которые не сумели с ними справиться. Произошло расстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, седоки падали, собаки тянули шнуры, надетые на руки неопытных охотников. Петр был чрезвычайно доволен — и на другой день, когда на приглашение его ехать на соколиную охоту господа отказались, он сказал им: «знайте, что царю подобает быть воином, а охота есть занятие холопское».

В день преполовения (того ж 1684 г.) оба царя были на крестном ходу по городской стене и потом обедали у патриарха. Петр расспрашивал патриарха об установлении сего хода и о других церковных обрядах. После обеда приехал он с боярами на Пушечный двор и повелел бомбами и ядрами стрелять в цель. Он сам, несмотря на представления бояр, запалил пушку — и, узнав, что поручик Франц Тиммерман хорошо знает науку артиллерийскую, повелел его к себе прислать и уехал в Преображенское.

На другой день Тиммерман был ему представлен. Петр взял его к себе в учителя — велел отвести ему комнату подле своей, и с той поры по несколько часов в день обучался геометрии и фортификации. Он в рощах Преобра-

женского, на берегу Яузы, повелел выстроить правильную маленькую крепость, сам работал, помогал Тиммерману расставлять пушки и назвал крепость Пресбургом. Он сам ее атаковал и взял приступом. Потом в присутствии бояр сделал ученье стрелцкому Тарбееву полку. Он осуждал многое в артикуле царя Алексея Михайловича (см. т. I, стр. 179). В доказательство он одному капральству велел выстроиться и сам скомандовал по-своему. С той поры старый артикул был им отменен и новый введен в употребление. (Крекшин.)

Миллер относит учреждение Потешного войска к 1687 году, потому что в Разрядных книгах продолжительное пребывание царя в Преображенском начинается с того году. Но наборы начались уже в 84. Записные книги доказывают, что в 87 увеличилось число Потешных, ибо царь уже начал набирать из придворных и конюшенных служителей, и вскоре их прибавилось так много, что уже должно было часть оных поселить в селе Семеновском. Отселе *Сем(еновцы)* и *Преобр(аженцы)*. Петр из Бутырского полка взял пятнадцать барабанщиков (в 1687 г.). Лефорт (в том же году) произведен в полковники. Учреждена конница. Оп. Гр. Ч. IV, «О начале гвардии». Петр, находясь однажды на Сокольничьем дворе, узнал, что всех охотников до трехсот человек. С согласия брата, взял из них молодых в потешные.

1684 г. мая 14-го. Посольство от цесаря Леопольда.

Целью оного было склонить Россию на войну с Турцией. Отвечали, что заключенного царем Феодором двадцатилетнего мира нельзя нарушить, и что Россия ничего не может предпринять, пока Польша не отречется от своих притязаний на Смоленск, Киев и всю Украину и не заключит вечного мира.

1684 г. июня 1-го и 2-го Петр осматривал патриаршую библиотеку. Нашед оную в большом беспорядке, он прогневался на патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова.

Патриарх прибегнул к посредничеству царя Иоанна. Петр повелел библиотеку привести в порядок и отдал ее, сделав ей опись, на хранение Зотову, за царской печатью.

Стрельцы между тем продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника Аф. Барсукова и солдатского полковника Мат. Кравкова, мучили их на правеже за мнимые долги, и дома их разорили. Своего заслуженного полковника Янова, негодуя на его строгость, они с похода вытребовали в Москву и казнили. У Хованских с Милославским завязалась ссора. Милославский принужден был скрываться по своим деревням и оттоле посылать царям и правительнице доносы на Хованских, обвиняя их в потворстве стрельцам, у коих, говорил он, готовится новый бунт против обоих царей, патриарха и ближних бояр. Он доносит, что Ф. Хованский, хвастая своею породою, происшедшей от королей польских Ягеллов, похваляется браком сочетаться с царевною Екатериной Алексеевной. Правительница поверила Милославскому. Государи укрылись в с. Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое к дворцовым дверям письмо, в коем объявлено было намерение Хованских истребить весь царский дом и овладеть государством. Государи уехали в Саввин монастырь — послали оттуда грамоту в Москву и во все города, повелевая войскам и пахотным людям (и всякого звания) быть как можно скорее в село Воздвиженское, куда они и отправились. Всё сие сделано было в величайшей тайне. Хованскому послана была особая похвальная грамота, в коей повелевалось ему и сыну немедленно для нужных советов отправиться к государям (куда?). Феофан говорит, что Хованский не хотел прежде сего отлучиться от стрельцов, подозревая недоброжелательство двора. 17 сентября (в день св. Софии) боярин кн. Мих. Иван. Лыков схватил старого Хованского на дороге в селе Пушкине и сына его на реке Клязьме в его отчине — и привел обоих в оковах в село Воздвиженское, где, прочтя им указ, без всякого следствия, им и стрельцам Одинцову с товарищами отрубили головы.

Между тем оба царя прибыли в Троицкий монастырь. Туда собралось и множество войск из всех городов (иные говорят до 30, а другие до 100 000). Дан указ боярину кн. Петру Семеновичу Урусову идти с замосковскими городо-выми дворянами в Переяславль-Залесский. Бояр. Алексею

Сем. Шеину с коломенск., рязанск., путивл. и каширскими дворянами — в Коломну. Бояр. князю Влад. Дмит. Долгорукову с серпухов., алексинск., тарусск., одоевск. и калужск.— в Серпухов; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сын Хованского, комнатный стольник царя Петра, прибежал в Москву и объявил стрельцам о казнях Воздвиженских; стрельцы взбунтовались. Они овладели царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрепились в Москве, расставили всюду караулы и никого не стали пускать ни в город, ни вон из города. Они громко грозились пойти к Тр. Известясь о том, двор укрепился в монастыре. В сие самое время, пишут летописцы, дана Петру отрова, от которой страдал он целую жизнь. Царевна не знала, что делать. По совету Голицына, она думала употребить противу стрельцов поселенный в особой слободе (при царе Алексее Михайловиче) Иностраннный полк, и послала офицеров оного в монастырь для получения о том указа от государей.

18 сентября из Троицы прибыл к патриарху стольник Зиновьев с грамотою о винах и казнях Хованских. Стрельцы потребовали, чтоб грамота была им прочтена, и чуть было не убили Зиновьева — крича: пойдем к Троице и всех побьем. Услышав, однако, что государи повелевают забрать и других князей Хованских, именно: двух Петров и Ивана, да спальников Феодора и Ивана, дабы, сняв с них боярство и дворянство, сослать — пришли в робость. И боярин Михайло Петр. Головин, прибывший из Тр. для принятия Москвы в свое ведение, — успел их укротить. Патриарх, по просьбе их, за них заступился. Им прислано было повеление выдать зачинщиков бунта. Они их перехватили, и сверх того, отрядили из всех полков для того на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третий топор. Милославский остановил следствие и суд. Государи простили виновников. Хованского привели в монастырь. Он сослан был в Сибирь, и 30 человек казнены.

Началась реакция. Головин собрал проданные стрельцами пожитки бояр, убитых в первом бунте, и возвратил их наследникам.

Государи наградили войско и чиновников за их верность и усердие.

Перед выездом повелено всем, кроме стрельцов, быть вооруженными. Государи остановились в селе Алексеевском. Стрельцы прибегнули опять к патриарху, и он с выборными приехал умолять государей. Выборные просили позволение столб сломать и жалованные грамоты возвратить.

Тогда двор поднялся в Москву. От самого села до Москвы стрельцы стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями. Иоанн оказывал тупое равнодушие; Петр быстро смотрел во все стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы стрелецкие начальники поднесли государям хлеб-соль и отдали пожалованные грамоты.

Петр уехал в Преображенское.

София же повелела Голицыну произвести новое следствие. Несколько их были казнены. Четыре полка посланы служить на границах. Приближенным своим (не из знатных) роздала места. Стрелецкий приказ поручила в ведение Щеголовитому; а молодого князя Голицына, двоюродного брата любимица, пожаловала главным судьей Казанского двора.

Китайский император Кан-Хий прислал государю грамоту с мирными предложениями. Назначен посольский съезд, и главным выбран окольный Феодор Алексеевич Головин. (Ежемес. Соч. 1757 г. Ч. II — 206.)

Во Францию отправлен посланник, стольник Семен Алмазов, с дьяком Дмитриевым. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти из России хлеба 100 000 четвертей.

1686 г. австрийский император, не успев заключить союз с Россией, обратился к Собескому, который в 1676 г. принужден был уступить Каменец и заключить с Портою невыгодный мир. Негоциации сии имели успех и были весьма выгодны для России, ибо 26 апреля 1686 г. Польша утвердила вечно за Россией Смоленск, Киев, Новгород-Северский и всю по сей стороне Днепра лежащую Украину.

По словам же «Поденной записки»: *Смол., Киев и Северск. Мал. Рос. областей 57 городов по Черный лес и по Черное море.*

Россией заплачено Польше 1 500 000 польских злотых (или 187 500 рублей) и заключен в пользу Австрии оборонительный и наступательный союз. Россия обязалась также чрез посольство предложить о вступлении в сей же союз Англии, Франции, Испании, Голландии и Дании.

Мир сей утвержден присягою в *Ответной* (Посольской палате). После того послы и бояре вошли в Грановитую палату, где сидели на тронах оба царя — и перед ними был налой с евангелием. Дьяк Емельян Украинцев принял евангелие из рук царского духовника, и послы вторично присягнули. После того оба государя говорили речь и дали обещание хранить тот мир ненарушимо. Вельможи, заключившие условия с нашей стороны, были бояре: князь Вас. Вас. Голицын, Бор. Петр. Шереметев, Ив. Ив. Бутурлин, окольничие: Скуратов и Чаадаев и думный дьяк Украинцев. Голицын получил золотую чашу весом в 9 фунтов, кафтан и 500 рублей, да в Нижн. Новг. волость Богородицкую (3 000 дв.).

Вследствие сего в следующем 1687 году были отправлены послами: в Англию — Василий Семенович Подсвинков, во Францию и Испанию — стольник ближний князь Яков Феодорович Долгорукой и стольник князь Мышецкий, к Голл. штатам — дьяк Василий Постников, в Данию — дьяк Любим Домнин, Швецию и Бранденбургю — дьяк Борис Протасов («Под. записки»). Посольства сии не имели успеха. Папа объявлен был от авст. имп. покровителем и защитником союза.

Петр продолжал между тем свои изучения и потехи. Одно из них происходило на Пресне. Петр стрелял *из всех пушек*.

Петр занимался строением крепостей и учениями. Иоанн, слабый здравием и духом, ни в какие дела не входил. Вельможи, страшась ответственности в последствии времени, уклонились от правления — и царевна София правила государством самовластно и без противоречия.

В совете царском положено было: когда Венеция нападет на Морею, поляки на границы Подолии, Волыни, а цесарды в Венгрии и Трансильвании вооружатся— тогда нам идти в Крым. Тут же объявлен был от Петра главнокомандующим князь Голицын. В *Большом полку* назначен начальником сей же Голицын, (? бояр.) князь Константин Щербатов, окольный Аггей Шепелев и думный дьяк Украинцев. В *Новгор. полках*: боярин Алексей Шеин, окольный князь Данило Борятинский. В *Рязанском разряде*: боярин князь Влад. Долгорукий, окольный Петр Скуратов. В *Севских полках*: окольный Леонтий Неплюев. В *Низовых полках*: стольник Ив. Леонтьев и Вас. Дмитриев Мамонов (кн?). В *Белогородских*: бояр. Борис Шереметев и малороссийский гетман Ив. Самойлович. Генералу Гордону (под нач. Голицына) поручен был от Петра особый отряд (сколько?), из лучшего войска состоявший. Государь осмотрел его сам и изъявил Гордону свое благоволение. Армия состояла (по мнению нек.) из 400 000 (а по свидетельству двух летописей, известных Голикову, из 200 000).

Крымский поход был бесполезен для России. Войско возвратилось ни с чем, ибо степи на двести верст были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича в тайном согласии с татарами. Он был лишен гетманства и сослан с сыном своим сперва в Нижний, а потом в Сибирь. Старший сын его казнен в Севске за возмущение. Генеральный есаул (?) Ив. Мазепа избран Мал. гетманом (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всех начальников и даже простых воинов. Первый получил 1 000 дворов крестьян и золотую *братину*; все офицеры получили золотые медали (каждая была в 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченной.

Сей поход принес большую пользу Австрии, ибо разрушил союз, заключенный в Адрианополе между крымским ханом, французским послом и славным трансильванским принцем Текели. По сему союзу хан должен был дать 30 000 войска в помощь верховному визирю при вступлении его в Венгрию; сам же хан с таким же числом должен

был вместе с Текели напасть на Трансильванию. Франция обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусных офицеров.

В летописной *Истории царя Михайла Феодоровича и его преемников* сказано, что Петр был недоволен походом, и упрекал князя Голицына в том, что он только что раздражил татар, а отступлением обнажил границы. Тогда повелено трем полкам (30 000) стать по *Белгородской черте*, под начальством боярина князя Михайла Ромодановского и думного дьяка Авраама Хитрово.

Между тем (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана II. Но как Польша не воспользовалась внутренними смятениями для начатия войны, то и Россия оставалась в покое.

Хан собрал меж тем войско с намерением вторгнуться в Россию. 25 января 1689 года* в царском совете положено его предупредить. Князь Голицын опять выступил в поход, и при впадении Самары в Днепр заложил крепость Богородицкую, по плану голландца-архитектора(?). Петр в сей поход посылал своего любимца Лефорта, дабы, говорит Голиков, ведать поведение начальников. Перед его отъездом взял он себе в лакеи (несправедливо) Меншикова и записал в потешные (см. Гол. Часть I, стр. 205).

Супруга царя Иоанна сделалась беременна: сие побудило царицу Наталью Кирилловну и приближенных бояр склонить и Петра к избранию себе супруги. Петр 27 янв. (по друг. 17) 1689 г. женился на Евдокии Феодоровне Лопухиной, и в следующем 1690 году родился несчастный Алексей.

Брак сей совершился противу воли правительницы. Петр уже чувствовал свои силы и начинал освобождаться от опеки. Прибывшего из похода князя Голицына он к себе не допустил. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умилишить молодого государя, который, хотя наконец и допустил Голицына к руке своей, но сделал ему строгий выговор за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствие,

* Год начинается в сентябре.

ибо видела уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а некоторые говорят, что доносы офицеров подтвердили обвинения), будто бы он был подкуплен ханом. Царевна успела выпросить у Петра согласие на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сих щедрот, и видя опасность прямо приступить к удалению Голицына и к лишению власти правительницы, избрали (говорит Гол.) дальнейшую, но бесполезную к тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубийстве. Она стала советоваться с князем Голицыным (раскольников, замечает Гол.), открыла ему намерение Петра заключить ее в монастырь (?). Голицын, помышлявший уже о престоле, с нею согласился во всем и на всякий случай отослал сына своего в Польшу с частью своего имения.

Но гроза уже готовилась. 8-го июля 1689 г., во время соборного крестного хода в церковь Казанской богородицы, когда государи вышли из собора за крестами, тогда правительница пошла вместе с ними. Петр с гневом сказал ей, что она, как женщина, не может быть в том ходу без неприличия и позора. Царевна его не послушалась, и Петр не дошед еще от Успенского до Архангельского собора оставил торжество и уехал в село Коломенское, а оттоле в Преображенское.

Царевна приступила к исполнению своего умысла. Она снеслась с Щегловитым и предначертала с ним новый мятеж. Щегловитый в ночь на 5-е (по др. на 9-е) августа собирает до 600 стрельцов на *Лыков* двор (где ныне арсенал) и дерзкой речью приуготовляет их к бунту против *Петра*, который *вводит немецкие обычаи*, одевает войско в немецкое платье, имеет намерение истребить православие, а с тем и царя Иоанна и всех бояр и проч. Разъяренные стрельцы требуют, чтоб их вели в Преображенское; но двое из них, Мих. Феоктистов и Дм. Мельнов, успели прибежать прежде, и через князя Бориса Алексеевича Голицына открыли Петру весь заговор. Петр с обеими царицами, с царевной Наталией Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном,

Лефортом и немногими потешными убежал в Троицкий монастырь. Перед восходом солнца прискакал Щегловитый с убийцами, но узнав об отсутствии царя, сказал, что будто приезжал он для смены стражи, и поспешил обо всем уведомить царевну. Она не смутилась и не согласилась последовать совету князя Голицына, предлагавшего ей бежать в Польшу.

Скоро все приближенные к государю особы приехали к нему в Троицкий монастырь. Оттуда послал он в Москву указ к своим боярам и иностранцам — быть немедленно к нему с их полками. 10-го явились к Петру Стремяного полка полковник Циклер и пятисотный Ларион Ульфов, да пятидесятник Ипат Ульфов, да с ними пять стрельцов с доносом на Щегловитова.

Царевна, притворясь ужаснувшеюся новому мятежу, втайне однако ж старалась разжечь оный через Щегловитова. Она именем царя Иоанна не допустила исполнить требования Петра, приславшего к Иоанну стольника Ив. Велико-Гагина, *чтоб позволил царь Иоанн быть изо всех полков выборным стрельцам*; так и от себя Петр посылал в стрелецкие полки *свой государев указ*, чтоб были к нему выборные *для подлинного розыску, и с ними полковники, такжежде и гостям и гостиной сотни посадским людем и чернослободцам* (Поденная записка). Царь Иоанн (говорит венец. ист.) дал указ под смертную казнию не отлучаться из Москвы. Мятежа однако ж не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра час от часу становятся сильнее, прибегнула к посредничеству тетки своей царевны Татьяны Михайловны и сестер своих царевен Марфы и Марии, дабы примириться с Петром. Они прибыли к Троице и пали к стопам государевым, повторяя затверженное оправдание. Петр, их выслушав, стал доказывать преступление правительницы. Царевна Татьяна осталась с ним в монастыре, а другие две царевны, возвратясь к правительнице, объявили о неудаче своего посредничества.

София прибегнула к патриарху; старец отправился к Троице. Но Петр не только его не послушал, но и дал ему

знать, что сам он должен быть лишен своего сана и на место его уже назначен архимандрит Сильвестр. Патриарх задержан был в монастыре. Царевна в ужасе поехала сама, в сопровождении знатных особ, держа в руках икону спасителю. Но Петр, узнав, что она остановилась в селе Воздвиженском, послал к ней стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что в монастырь ее не впустят, и чтоб она поехала назад. Царевна упорствовала, говоря, что она непременно хочет увидеть своего брата. Петр послал ей князя Ив. Бор. Троекурова с последним словом, что буде она не повинуется, то поступлено будет с нею нечестно. Царевна в отчаянии возвратилась в Москву.

Петр вторично писал брату своему о присылке к нему выборных, а им послал опять указ, и 5-го сентября все прибыли в монастырь. Петр вышел пред них на крыльцо с царицей Натальей Кирилловной, с теткою царевной Татьяной и с патриархом, и приказал вслух читать доносы стрелецкие о злодейских умыслах Щегловитого и главных его соучастников: полковника Семена Резанова и выборных стрельцов Обросима и Никиты Gladковых, Козьмы Черного и друг. По прочтении, все предстоящие приговорили казнить осужденных.

Петр благодарил за усердие, и половину к нему прибывших послал в Москву с двумястами солдат (потешных?) при Б. П. Шереметеве и полковнике Нечаеве, с повелением схватить преступников, а боярам послал указ явиться к нему. Бояре поспешили повиноваться. Князь Голицын и сын его, Леонтий Неплюев и восемь окольничьих были в том же числе, но их не впустили, а велели встать на постоянных дворах и дожидаться указа. Посланные в Москву не могли отыскать Щегловитого, сокрытого самою царевною в ее тереме. Они возвратились с прочими его сообщниками. Петр послал опять за Щегловитым полковника Сергеева со ста выборными и писал брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодею. Царевна, видя гибель несчастного ее сообщника, велела ему в *запах*

приобщиться св. таин. Сергеев прибыл и требовал от нее выдачи изменника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергеев объявил ей, что по указу Петра будет он принужден обыскивать ее покой, а царь Иоанн через П. Ив. Прозоровского прислал сказать ей, что он не только за вора Щегловитого, но и за нее с братом своим ссориться не намерен, и приказывал ей выдать Щегловитова. София в слезах повиновалась, и вместе с изменником (гов. Гол.) выдала беспрекословное свидетельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярам на суд (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?). Четыре дня он ни в чем не признавался. Стали его пытатель голодного, несколько дней не евшего. Щегловитый после нескольких ударов кнутом во всем признался и подал свои показания *на письме за своею рукою*. Пред сим признанием просил он, чтоб велели его накормить. Он и двое из его сообщников (?) были колесованы; прочим отрезали язык, других ссылали. Из них Обросим Петров, когда вели его на казнь, громко винился перед народом, увещевая всех научиться от его примера.

Князь Троекуров, человек умный, *ярый и строгий*, принял в ведение свое Стрелецкий приказ. А розыскные дела поручены боярину Тихону Никитичу Стрешневу.

Вскоре казнен монах Сильвестр Медведев, бывший в *Приказе татяных дел* подъячим. Он пойман близ Смоленска, в Бизюкове монастыре.

Князь Голицын приведен был в Троицкий монастырь. Его не допустили до царя. На крыльце, в присутствии боярина Стрешнева, прочтены ему его вины, за которые он и сын его лишены боярства и имения и сосланы в недалекие города. После, однако, сосланы они в Сибирь, в Пустозерск, потом переведены на Мезень, после же на Пинег, где старый князь умер, а сын его наконец прощен. Бояр. Леонтий Роман. Неплюев осужден был точно так же.

Голиков прибавляет следующие подробности и объяснения:

8-го июня (в день крест. хода голова Стрелецкого приказа окольный с стр. полковниками и другими чиновниками — Обросью Петровым, Кузькою Черным, Сенькою Рязановым, Ивашкою Муромцевым, Демкою Лаврентьевым, Мишкою Четкою, Микиткою Евдокимовым, Егоркою Романовым — собрались и начали заговор.

Дабы озлобить стрельцов, избрали они некоего подъячего Шошина, станом и лицом схожего с бояр. Л. К. Нарышкиным. Нарядив его в боярское платье (?) и придав ему *свиту*, заставили его разъезжать по караулам, нападать на стрельцов, бить их и мучить. Шошин ломал им суставы, отсекал пальцы и, нападав в рощах на простой народ, многих бил кнутьями и палками и иным резал языки, приговаривая, что он боярин Нарышкин, и что он, мстя за братьев, шел их истребить, а сестра-де моя (Нат. Кир.) и Петр меня послушают. Стрельцы, приходя в Приказы, *являли свои раны и записывали.*

Злодеи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петров на то и покусились. Первый приехал в Преображенское (когда?), расставил в *тайных местах* и в буераках стражу, и сам (по праву звания своего) явился к государю и, прошедши до спальни, вышел. В полночь загорелось одно строение, но вскоре было утешено; в ту же ночь пожар возобновился и снова был утешен. Люди придворные и народ возымели подозрение, целую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились в Москву до рассвета.

Попутру донесено о пожарах царю. Петр, еще не подозревая истины, но полагая зажигателей ворами, велел всюду расставить стрельцов Сухарева полка. Щегловитый представлял ему, что надежнее и удобнее стражу составить изо всех полков стрелецких. Но (NB) Петр на то не согласился. После были еще разные покушения. Заговорщики думали совершить царубийство в Кр. дворце, или на дороге из Преображенск., стерегли его на пути, в Кремль вводили ночью стрельцов, которые должны были дожидаться на Лыковом и на Нитяном дворе.

Сам Щегловитый забирался иногда на верх Грановитой палаты, а другие препровождали ночи на верху церкви Распятия Христова.

Когда Петр, известясь (8-го августа) о злоумышлении, скрылся в Тр. мон., тогда бывшие на стороже вестники дали знать о том Соковнину (?). Заговорщики, устрашась, распустили всех стрельцов по домам.

Петр повелел: имена приезжающих бояр (в мон.) записывать, благодаря их за усердие, и они расставили около монастыря и по московской дороге стражу.

Царь Иоанн призывал (получив письмо от Петра) к себе Щегловитого и его сообщников, расспрашивая их о смятении. Они во всем отперлись, а доносили о злодействах Нарышкина. Иоанн им поверил, и тогда они купно с царевною просили его: *да един он царствует*. Царь с гневом отвечив, что он брату, яко достойнейшему, самовольно уступает престол. «Вы же все мятетесь...» и повелел их, сковав, отослать в монастырь.

По привезении их, Петр повелел патриарху *допросить их по духовенству*. Они принесли повинную и отдали написанную к Софии челобитную от имени всех стрельцов о принятии ею единовластного правления. Петр сию челобитную и распросные речи за патриаршим свидетельством отослал в Москву к Иоанну.

Вины кн. Голицыных сказаны были, что они без указу великих государей имя сестры их царевны Софии Алексеевны во всех делах и посольских грамотах установили обще с именами государей писать самодержицею, и что в крымском походе пользы никакой не учинили (тут есть несообразность).

Оставалась ненаказанной главная виновница смятений, сестра обеих царей, правительница София. Петр послал ей приказ добровольно удалиться в монастырь. Царевна отклонилась от исполнения воли своего брата и готовилась бежать в Польшу. Тогда Петр послал Троекурова в Москву с повелением взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее в Новодевичий монастырь. Троекуров в точности

исполнил приказание Петра; для виду предварительно отнесли о том к Иоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лет с половиной. На монетах и медалях изображалась она (по другую сторону царей) в короне, порфире и со скипетром с надписью: Бож. мил. в. г. цари и в. кн. И. А., П. А. и благов. гос. цар. (а иногда и царица) и в. кн. С. А. вс. Вел., Мал. и Бел. России самодержжцы. Титул сей давался ей во всех грамотах, указах и письменных делах.

Изданы во время ее правления: пищевой наказ о межевании земель, о разборах *по сортам* людей и войска, о распределении дворцовых чернослободских мест и беломестных дворов, корчемный устав и до ста пятидесяти указов. Между сими указ, повелевающий казнить смертью лекаря, уморившего своего больного.

7-го сентября от имени обоих царей состоялся указ, чтоб ни в каких делах имени бывшей правительницы не упоминать.

Петр выехал из монастыря и отправился в Москву. В с. Алексеевском встретили его все чины московские при бесчисленном множестве народа. Стрельцы от самого села до Москвы лежали по дороге на плахах, в коих воткнуты были топоры, и громко умоляли о помиловании. Петр въехал в Москву 10 сентября и прямо прибыл к собору. От заставы до самого собора стояло войско в ружье. Петр за спасение свое отслужил благодарственное моление. Перед ц. домом встретил его Иоанн. Оба брата обнялись, и старший, в доказательство своей невинности, уступил меньшему всё правление, и до самой кончины своей (1696 г.) вел жизнь мирную и уединенную.

Отселе царствование Петра единовластное и самодержавное.

1703

Посреди самого пылу войны, Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северо-западною Европою и сообщение с образованностью. Карл XII

был на высоте своей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение, и на острове, находящемся близ моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург (*одной рукою заложив крепость, а другой ее защищая*. Голик.). Он разделил и тут работу. Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меншикову, 3-й графу Головину, 4-й Зотову (? *канцлеру*, пиш. Голик.), 5-й князю Трубецкому, 6-й кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. В крепости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близ оной, где стояла рыбацья хижина, деревянный же дворец на 9 сажнях в длину и 3-х в ширину, о 2-х покоях с сенями и кухнею, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Домик Петра в сем виде сохраняется и поныне.

В крепости определен комендантом полковник Рен. Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над новоначинавшимся городом. Отведено место для гостиного двора, пристани, присутственных мест, адмиралтейства, государева дворца, сада и домов знатных господ. Город Нейшанц был упразднен, и жители оного переведены, и были первые петербургские поселенцы.

Петр послал Шереметева взять крепость Копорье, а генерал-майора Ф. Вердена под Ямы. Обе крепости вскоре сдались на капитуляцию; гарнизоны выпущены в Нарву.

Когда народ встречался с царем, то, по древнему обычаю, падал пред ним на колена. Петр Великий в Петербурге, коего грязные и болотистые улицы не были вымощены, запретил коленопреклонение, а как народ его не слушался, то Петр Великий запретил уже *сие под жестоким наказанием, дабы*, пишет Штелин, *народ ради его не марался в грязи*.

Петр ездил в Ямы и Копорье, наименовал первый Ямбургом и повелел его укрепить. Там узнал он, что Крониорт идет из Лифляндии с 12 000 ч., в намерении напасть на Петербург. Петр его предупредил с полками своей гвардии и 4 драгунскими и, нашед его в крепких местах у реки

Сестры, прогнал его до Выборга, положив 2000. В то же время под Ямбург подступил нарвск. ком. генерал-майор Горн, но прогнан с уроном от Шереметева; в разных местах сверх того шведы были побиваемы.

Вслед за сим на олонеккой верфи, в присутствии Петра, заложены 6 фрегатов; отправлены к Шереметеву четыре наставления, между прочим о вымерении ладожского устья и как подымается полая вода, *понеже зело нужны и там некоторые суда*. К Апраксину писал он, чтобы *по весне исправлялся* пушками и заготовлял *сие* для кораблей, но не начинал их строить.

Из Олонца прибыл государь на новопостроенном фрегате «Штандарт» с 6-ю ластовыми судами в Петербург, куда вскоре пришел первый корабль голландский с товарами, напитками и солью. Обрадованный Петр велел отвести шхиперу и матросам постой в доме Меншикова; они обедали за его столом, и Петр сидел с ними (*С. - Петербургские Ведомости*, 1703 года, декабря 15), подарил шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю вперед обещано то же (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанию государя, тотчас были раскуплены.

Петр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... Их уважали и, вероятно, не любили. (Анекдот об аладах. Кухмистер государев звался Фельтен. Летний дворец. См. *Штелина* и *Голицова*.)

1-го октября в третий раз Петр заключил условие с Августом, обязавшись усилить его саксонцев 12 000 пехоты, да дать 300 000 руб. Всё было исполнено. Деньги посланы с обер-комиссаром кн. Дм. Голицыным.

Петр видел еще нужду в пространной гавани, в кою могли бы входить большие корабли, и крепости для прикрытия Петербурга. В октябре, когда шел уже лед, он ездил осматривать остров Котлин, лежащий в Финском заливе, в 30 верстах от Петербурга. Он выметил фарватер между сим островом и мелью, против него находившеюся: на той

мели, в море, определил построить крепость, а на острове сделать гавани и оные укрепить, и сам делал тому *план и проспект*.

Потом государь с Шереметевым отправился в Москву, оставя у Ямбурга окольного П. Апраксина с 5-ю полками.

В Москву въехал он торжественно. По указу его были сделаны трое триумфальных ворот. Четвертые выстроил Меншиков. Потом занялся гражданским устройством государства, особенно финансами. *Доходы не составляли и 6 или 7 миллионов (?). Беер и другие (?), Щербатов.*

1709

27 июля до восхождения солнечного, неприятель тронулся, с намерением атаковать нашу конницу, и для того думал прежде овладеть редутами — но пушки оных от правого неприятельского крыла оторвали 6-ть батальонов пехоты и несколько десятков эскадронов конницы и понудили их уйти в лес. Главная шведская армия пробивалась сквозь редуты, наша конница сбивала неприятельскую (взяв 14 штандартов и знамен). Неприятель беспрестанно подкреплял свою конницу, а нам сие делать было невозможно; предводитель оной, храбрый Рен ранен был в бок. Петр повелел Боуру (заступившему Рена) отступить справа от нашего ретраншемента, с наблюдением, чтоб гора была у него во фланге, а не назад (дабы неприятель не мог утеснить ее под гору). Боур стал отступать, а неприятель его преследовать. Тогда шведы очутились под огнем нашего укрепления, и приняты были пушками во фланг. Они отступили на пушечный выстрел, и выстроились в боевом порядке.

Петр меж тем отрядил Меншикова, Гейншина и Ренцеля с 5 полками конницы и 5 батальонами пехоты, противу отступившей в лес кавалерии (от наших редутов). Неприятель был порублен. Генерал-майор Шлипенбах сдался, а генерал-майор Розен отступил к полтавским апрошам.

Петр отправил Меншикова и Рейнцеля с повелением атаковать шанцы шведские и Полтаву освободить. Менши-

ков наехал на 3 000 отряд (резервный), стоявший позади правого шведского крыла у леса.— Меншиков их атаковал и разбил, и возвратился к Петру, поруча Рейнцелю довершить остальное.

Розен по приближению Рейнцеля ушел с 3 бывшими с ним полками в свои крепости и окопы. Но русский генерал его атаковал, и Розен сдался.

Тогда Петр вывел из укрепления свою армию и построил ее следующим образом: корпус армии стоял в двух линиях, третью (6 полков) оставил в укреплении при генерал-майоре Гинтере; конница стояла на крыльях — на правом под командою Боура, на левом Меншикова. Артиллерией управлял генерал-поручик Брюс. 3 батальона при полковнике Головине стояли на горе у монастыря для сообщения с городом. 6-ть полков драгунских при генерал-майоре Волконском — между малороссийским войском и нашим для сообщения с Скоропадским и в случае нужды для сикурса главному войску.

Петр объехал со своими генералами всю армию, поощряя солдат и офицеров, и повел их на неприятеля. Карл выступил ему навстречу; в 9-ом часу войска вступили в бой.— Дело не продолжалось и двух часов — шведы бежали.

На месте сражения сочтено до 9 234 убитыми — Голиков погибшими полагает 20 000, на 3 мили поля усеяны были трупами — Левенгаупт с остальными бежал, бросая багаж и коля своих раненых. Ушедших было до 16 000, а с людьми разного звания до 24 000.

Вначале взяты в плен генерал-майор Штакельберг и Гиментон, генерал-фельдмаршал Рейншильд, принц Виртембергский с множеством офицеров и тысяч солдат; 2 900 наших были освобождены. Пленные пригнаны в лагерь.

В шанцах взяты шведский министр граф Пипер с тайными секретарями Цидельгельмом и Дибеном, весь королевский кабинет с несколькими миллионами денег, весь обоз и проч.

Карл, упавший с качалки, был заблаговременно вынесен и увезен к Днепру. — Он соединился с войском своим под Переволочною — тут оставил он его и бежал в турецкие границы с несколькими сот драбантов и с генералами Лагерс-кромом и Шпаром.

В Полтавское сражение король имел 31 полк, свою гвардию, лейб-драгунов, лейб-регiment и драбантов, волохов, запорожцев и мазепинских сердюков 2 000 — всего более 50 000, одних шведов до 40 000. Наших было более, но всё было решено первой линией (10 000 войска). Мы потеряли бригадира Феленгейма, полковников Лова и Нечаева, 37 штаб- и обер-офицеров, 1 305 унтеров и рядовых. Ранены Рен, бригадир Полонский, 5 полковников, 70 штаб- и обер-офицеров и 3 214 унтер-офицеров и рядовых.

Петр пригласил несколько генералов к себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей. Шведские офицеры и солдаты также были угощены и проч.

В тот же день послал он Гольцу приказ всячески не допускать короля соединиться с польским его войском и пресек рассылкою легких войск все дороги из Турции.

Князь Голицын и Боур преследовали бегущих. На другой день Петр послал к ним в помощь Меншикова, и занялся погребением убитых, офицеров особо, рядовых в одну общую могилу. Войско стояло в строю. Полковые священники отпевали тела. Петр плакал и сам при троекратной стрельбе бросил первую горсть праха. 29-го, день своих именин, Петр угощал опять пленников, а 30-го отправился вслед Меншикову и прибыл в Переволочную. Уже неприятель без бою отдался Меншикову, имевшему не более 9 000. Число сих пленных было 24 000. Петр повелел выдать им провиант. Узнав от Левенгаупта о бегстве короля в Турцию, он отрядил бригадира Кропотова и Волконского вслед за ним по разным дорогам. Запорожцев взято в Переволочной 220; прочие разбежались, иные утонули в Днепре, немногие ушли с Мазепою. Потом Петр возвратился в Полтаву.

Меншиков пожалован в фельдмаршалы, Шереметев, Репнин, Голицын и Долгорукий и проч. деревнями; граф Го-

ловкин канцлером; барон Шафиров под-канцлером; сей же Долгорукий и боярин Мусин-Пушкин тайными действительными советниками. Репнин, Брюс, Рен, Аларт, Ренсель — орденами (?), штаб- и обер-офицеры портретами царя с алмазами, золотыми медалями, все рядовые годовым не в зачет жалованьем и серебряными медалями; иностранцам большею частию даны деньги; в том числе полтавский комендант полковник Келин — он произведен в генерал-майоры — получил портрет с алмазами и проч.

Пленным определено содержание (?).

Запорожцы, взятые в Переволочной и явившиеся потом с повинною (вопреки указам), были прощены — старшины отосланы были в Сибирь на поселение, а начальники обращены в поселяне.

Петр по просьбе своих генералов принял на себя чин генерал-поручика (дабы чрез чин не быть произведену).

Мазепа перешел за Днепр прежде короля. Взято пушек 22, гаубиц 2 и мортир 8. Артиллерия шведская в разных сражениях уменьшена была.

Карл прислал Мардофельда в Полтаву *под видом некоего комплимента* (Голиков), но он был задержан, ибо не имел ни письма, ни паспорта. Открылось потом, что Карл присылал его с предложением о мире на тех условиях, кои предлагал Петр. Ему отвечали, что уже поздно, однако отпустили с тем, чтоб за него отпущен был кто-нибудь из наших знатных пленных, и с новыми мирными условиями. Сей Армаред под Калишем взят был в плен и освобожден по просьбе Августа. Он имел дозволение говорить с Петром, в присутствии Шафирова, по просьбе коего отпущен Цидельгейм, дабы обще с шведским сенатом старались они о мире.

В самый день сражения Петр уведомил Апраксина и других (от 9 и 10 июля) о своей победе. Колычеву в Воронеж писал, чтоб он уведомил о том *товарищей* царя Косенца и Ная; в другом письме к нему ж, что в Коротояк отправлены будут 3000 шведов, и когда на *середе* начнется кре-

пость, то бы их на работу употребить. *Апраксину* (от 9 июля): полагая, что тою осенью к Выборгу приступить нельзя будет, полагает осадить Ревель, для того приказывает в Нарву из Петербурга доставить пушки и проч.—Повелевает ему достать Корелу, *ибо в оной водяной путь невозбранный*, и проч.

13 июля Петр отступил от Полтавы в Решетиловку за духотою от мертвых тел и стояния двух армий. Тут повелел он пленным шведам экзерсироваться в его присутствии, предал суду изменника бригадира Мильфельса, которого и расстреляли.—Петр писал опять Колычеву о чертеже и проч., о кузнецах и проч., посылал ему и г-дам Козенцу и Наю по шпаге шведской и уведомил, что 3000 шведов уже посланы при полковнике Нелидове. Замечательна последняя статья по резолюции на вопросы Колычева: на каждого корабельного мастера возложив по части, прибавляет он—*кроме моей доли*.

Мастера Скляева, находившегося при сражении, произвел он в капитаны (морские)—он объявляет Колычеву за тайну о будущей морской кампании и приказывает, чтоб 4 или 5 кораблей были бы готовы.

Петр отрядил Шереметева для осады Риги, со всею пехотою и частию кавалерии, а князя Меншикова в Польшу с большею частию конницы, дабы выгнать Красова и Лещинского, соединясь с Гольцом. Репнин оставлен на границе для наблюдения татар, турков и казаков. Пленных (знатных) отправил он в Москву, а простых по городам, и с Меншиковым и со многими министрами и генералами прибыл в Киев 22 июля.

Здесь он узнал Феофана Прокоповича, ректора киевских училищ. Речь его понравилась Петру, и он принял его в свою особую милость. Он занемог, но не оставил своих упражнений, писал отцам убитых утешительные письма и проч. Колычеву с мастерами велел быть в Москве к декабрю и проч. Курбатову приказал, когда губернаторы и воеводы съедутся в Москву в конце года, то быть там и бурмистрам, по одному человеку с города.

Петр запрещает Апраксину разорять Финляндию, *ибо нам же разоренное исправлять*, надеется на мир и ходатайство Цидельгейма, повелевает погодить идти в Корелу, надеясь сам подоспеть к Ревелю — около 14 сентября быть в Нарве, оставя в Кроншлоте и на Котлине 10 000 человек, в Петербурге 2 (тысячи) или 1 500, в Шлиссельбурге 500, в Нарве 600, Пскове и Новгороде ничего и проч.

Апраксина с *флагманами* произвел Петр в шаут-бенахты. Петр благодарил его из Киева от 13 августа (смотри. Голик. Ч. III, 131).

Отпустя в Польшу Меншикова, Петр 15 августа выехал из Киева и 24 отобедал у Гольца. Лещинский и Красов уж бежали в Померанию. Сначала они рассеивали ложные слухи о Полтавской битве; наконец, Лещинский в Померании отказался от короны. Польские вельможи отовсюду съезжались к Петру с поздравлениями. Яблонский, Дзялинский и Шука оставили Лещинского и прибегли к Августу, которого Петр объявил законным королем. Август с 14 000 саксонн вступил в Польшу, рассея манифест, с коим отречение свое представлял недействительным, яко принужденное и без согласия Речи им данное, вопреки своей присяге, и объявил, что он вновь вступает в права свои, по требованию Петра и проч. Он послал великого конюшего Фицтума к Петру, приглашал его в Торунь и повторил ту же просьбу, не доехав до Кракова.

7-го сентября Петр из Люблина прибыл в местечко Сольцы и осмотрел войско Синявского. Здесь получил он третье приглашение Августа чрез Флеминга, а от прусского короля чрез камергера фон-Калекена. Петр обещался обоим.

Петр в Сольцах к 20-му сентября велел сделать 10-ть судов, на коих весною отправился в Торунь. Конюший Фицтум и ген.-фельдмар. (Флеминг) были при нем в гребцах и конвое. Вятский полк при кн. Алексее Голицыне.

Петр между прочим послал Апраксину манифесты Августа, дабы оные доставить Либкеру и Кастюртейну и проч.

Кн. Голицыну повелевает быть с войском своим к Каневу и уведомляет, что идет вслед за Красовым гвард. подполковник.

Долгорукому, чтобы он с виленских жидов доправил штрафы 20 000 еф. за то, что обещались от себя посылать шпионов и солгалы; и взять под стражу 40 или 50 лучших, пока не заплатят.

Король бежал к Очакову, но его туда не впустили; русские его преследовали живо: 1. Переяславский полк Томора (Томара?) первый нагнал его, взял в плен генерал-аудитора, ген.-кр.-комиссара, 3 офицер. и 60 рядов.; 2. В Велиже взято 8, убит. 30; 3. Бригадир Кропотов убил до 200, и взял 260 (в том числе ген.-ауд.). 4. генерал-майор Волконский догнал короля при Днестре. Король успел переправиться с малым числом и остальных 200 чел. были убиты, в плен взяты 4 оф. и 209 ряд., многие перетонули. Король приехал в Бендеры. Паша принял его с пушечной пальбою. На другой день король послал в Константинополь Неугебаура.

23 сентября Петр прибыл в Варшаву. Паны и между ними великий канцлер князь Радзивилл и епископ луцкий приняли его пушечною пальбою. Петр остановился в доме маршала Белинского до ночи; ночевал на реке, 24-го утром в сопровождении польских вельмож отправился в Торунь.

26-го за полмили от сего города встретил его Август на двух *прамах*. Король при встрече с царем смутился и изменился в голосе и в лице. Петр поздравлял его, сказал ему, что прошедшего поминать не должно, что он знает, что за необходимость заставила короля поступить вопреки собственной пользы; но между тем Петр имел на себе ту самую шпагу, которую Август подарил Карлу XII. Оба государя обедали вместе на речке и въехали в Торунь верхами при пушечной пальбе. — Всё войско саксонское и *мещанское* стояло под ружьем — Петр до 5 часа ночи пировал у короля; король, его министры и генерал с драбантами проводили его до дома, где король, дождавшись его выхода, кричал ему *виват*.

28 сентября, в день левенгауптской баталии, король обещал у Петра, пили за здоровье обеих государей при пушечной пальбе из крепости и стрельбе выстроенного войска.

29-го и 30-го Петр и король занялись возобновлением союза, нарушенного Алт-Ранстадским трактатом. В Торунь приехал барон фон-Ранцов с поздравлениями и предложениями к заключению настоящего и общего союза. Петр повелел российскому министру при датском дворе князю Долгорукову заключить оный. В Торуне сверх сего заключен общий оборонительный трактат с королями прусским, польским и датским, после чего Петр и Август объявили регенбургскому имперскому собранию, что ежели дозволено будет шведскому войску над союзниками учинить действие военное, или вступить обратно в Польшу, то Петр по праву войны будет гнать неприятеля повсюду, где только его найдет, — и требовал *гарантии* всей империи.

Петр писал Апраксину, чтоб он и датский посланник дожидались его в Петербурге; жалеет, что дела задержали его в Польше, и что время для взятия Ревеля уже прошло; повелевает оному одну блокаду (без артиллерии) и подводы распустить и проч., что бригадир Кропотов при местечке Чернявцах на остальных шведов напал (между ими и 500 запорожцев), побил их и перетопил в *Пруте* и проч.

Поляки, противники Августа, прибегнули к ходатайству Петра. Тогда же прибыл к Августу и турецкий посол с поздравлениями и с уверениями в дружбе и в добром содействии.

10-го октября Петр отправился Вислою в Мариенверд, для свидания с прусским королем. Август провожал его 8 миль до Саксонского лагеря. Петр осмотрел войско и экзерсии. Тут принял он бобруйского старосту Сапегу, главного мятежника, прибегнувшего к его заступлению. Он приехал по повелению Петра, обнадежившего его прощением Августа. Таким образом Петр пригласил короля и со всеми его подданными.

14-го октября Петр поехал рекою же, от Мариенверда с полумили. 15-го на берегу Вислы встретил его король; оба с торжеством въехали в город в одной карете и остановились в том же доме. Они обедали за церемониальным столом. На третий день заключили четверной союз.

19-го оба государя обедали у Меншикова. (Граф Д. в своих записках говорит: *je n'ai jamais vu boir plus de vin de Hongrie*¹ и рассказывает анекдот о Роне («*Ronne, Ronne, mon ami! Dans un autre pays tu ne <te> verrai pas de sitôt une excellence*»²)). Петр подарил Фридрику шпагу, которую он носил под Полтавою, и несмотря на то, что она длинна и тяжела и неловка, король всё время носил ее на себе. Петр не пьянствовал и умел себя воздерживать.— Долгорукий при сем случае выпросил прощение для своего родственника (мнимого баварского посланника—смотри выше!). Петр приказал присоветывать ему не вмешиваться более в политические сплетни, за которые впредь ему так дешево не отделаться.— *Votre maj. — s'il y revient, peut lui faire donner le knout*³.

Петр заметил, что кнут слишком тяжкое наказание, и хотел дать почувствовать, что в России за всё про всё кнутом не дерут. Долгорукий говорит о умеренности и благопристойности Петра и проч.

На сем обеде король пожаловал Меншикову свой орден и предложил о сочетании царевны Анны Иоанновны с герцогом курляндским, на что Петр и соизволил.

В Мариенверд прибыл к Петру Флемин, и по молчанию его Петр догадался о причине его приезда, и сказал ему не обинуясь, что быв оставлен всеми своими союзниками в самую опасную минуту, не обязан он исполнять условия трактата, ими же нарушенного, и что завоевания, им одним совершенные, ни с кем делить он не намерен, а всего менее с Августом и республикою. Дело шло о обещании Петра возвратить Польше лифляндские города, некогда ей принадлежавшие.

¹ (Я никогда еще не видел, чтобы пили столько венгерского.)

² (Друг мой Рон! В другой стране ты не стал бы так скоро генералом.)

³ (Ваше величество, если это повторится, можно его наказать кнутом.)

Петр меж тем предписал генерал-майору Ностицу выбить шведский гарнизон из Ельбинга и город занять, а Меншикову расположиться на границе венгерской на зиму.

23 октября Петр отправился к Риге сухим путем. Вперед для угощения на станциях отправлен чрезвычайный посланник Кейзерлинг, два майора и комиссар. Петр поехал на Прейсмарк, Бартен, Штейн, Отнюргенц, Инстербург.

29 октября Петр прибыл на польскую границу, где свирепствовала *моровая язва*, почему Петр принужден был делать большие объезды. С дороги писал он к русским начальникам о предосторожности противу язвы и легкомыслия поляков (письма Петра к Ушакову в декабре), об отправлении пленных к Серпухову (для торжественного въезда в Москву и проч. и проч.).

6 ноября Петр прибыл в Митаву. Чины курляндские встретили его за городом, дворянство и городские бурмистры все верхами. Петр въехал в город верхом.

9-го ноября прибыл он под Ригу, в лагерь Шереметева.— Около города все укрепленные посты были заняты; крепость же Обершанец на западном берегу Двины была укреплена снова (шведы хотели было при его приближении оную разорить, но не успели) и названа Питершанец.

Петр осмотрел всё, 11-го ноября при себе велел поставить мортиры на кетели, и сам бросил первые три бомбы, первая упала на кирку св. Петра, другая на болверг, третья в купеческий дом; потом с Шереметевым, с польским сенатором Троцким, воеводой Огинским осматривал крепости; при проезде его мимо ветряных мельниц шведы выстрелили по нем из пушек. Петр повелел держать город в тесной осаде, а иначе не добывать, потому что время уже позднее, что гарнизон велик, а крепость способна к сильной обороне, и что спешить нечего, ибо нет ни малой опасности от шведов, а помощи быть неоткуда. Потом Петр отправился в Петербург, заезжая во все завоеванные города, и везде установил порядок.

Шереметев поручил осаду Репнину с 7 000 войсками, а сам на зиму расположился в Митаве. В декабре уехал он в Москву.

23 ноября Петр прибыл в Петербург и занялся гражданскими делами.

В погребение странных и пришельцев заложил он церковь св. Самсона, и повелел другую заложить и в Полтаве, во имя Петра и Павла и того же Самсона. Он дал указ о поспешении строений городских и увеселительных своих домов и садов; а знатному дворянству о каменных домах *по плану*, также и пристаней и магазинов на островах С.-Петербурга и Котлине. Он своими руками заложил 54-пушечный корабль «Полтава» и 7-го декабря поехал в Москву дожидаться Меншикова в селе Коломенском, также и поляков и пленных; учредил порядок торжественного въезда на подобие римских триумфов и 21-го вошел в Москву при пушечной пальбе, колокольном звоне, барабанном бое, военной музыке и восклицании наконец с ним примиренного народа: «Здравствуй, государь, отец наш!»

18 декабря родилась царица Елизавета Петровна.

1725

1-го января Феофан говорил проповедь в присутствии Петра Великого.

1-го же издан указ о снятии лишних караулов.

Король испанский Филипп V заключил торговый союз с императором австрийским Карлом VI и женил Дона-Карлоса на эрцгерцогине Марии-Терезии.

Георгий I был недоволен. Он подозревал тайные статьи в пользу претендента. Франция завидовала выгодам торговым Австрии.

Фридерик-Вильгельм неохотно платил Австрии магдебургские пошлины. Отселе ганноверский договор, оборонительный.

Франция и Англия обязались поддерживать права на Бергское наследство короля прусского.

Швеция, Дания и Голландия приступили к тому же союзу.

Австрия вступила в союз с Россиею. Петр начал переговоры с Пруссией...

Петр послал в Архангельск корабельному мастеру Баженову приказ строить три корабля груландских, 3 бота и 18 шлюбок.

Он назначил *Беринга* (капитана) для открытия пути в Восточную Индию через Ледовитый океан. Петр получил известие от Матюшкина.

Шамхал, собрав 30 000 войск, осадил крепость Св. Креста. Генерал-майор Кропотов его разбил и землю его разбил. Петр уничтожил звание шамхала (см. *Ежем. Сочин.* 1760. 11 — 38 etc.).

Петр (по свидетельству Катафора) на Иордане простудился и занемог горячкою.

Петр повелел сало, юфть, воск etc. в чужие края сухим путем не возить.

Издан полицейский указ о продаже съестных припасов.

О размещении солдат, где есть пустые строения в городах.

Объяснен указ о утайке душ.

О сборах.

16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези.

Он близ своей спальни повелел поставить церковь походную.

22-го исповедывался и причастился.

Все петербургские врачи собрались у государя. Они молчали; но все видели отчаянное состояние Петра. Он уже не имел силы кричать и только стонал, испуская мочу.

При нем дежурили три-четыре сенатора.

25-го сошлись во дворец весь сенат, весь генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь синод и знатное духовенство.

Церкви были отворены: в них молились за здравие умирающего государя, народ толпился перед дворцом.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в обморок; она не отходила от постели Петра, и не шла спать, как только по его приказанию.

Петр царевен не пустил к себе. Кажется, при смерти помирился он с виновною супругой.

26-го утром Петр повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу (кроме 2-х первых пунктов и убийц), для здравия государя.

Тогда же им дан указ о рыбе и клее (казенные товары). К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали.

27-го дан указ о прощении не явившимся дворянам на смотр. Осужденных на смерть по артикулу по делам военной коллегии (кроме etc.) простить, — дабы молили они о здравии государевом.

Тогда-то Петр потребовал бумаги и перо и начертал несколько слов неясственных, из коих разобрать можно было только сии: *отдайте всё...* Перо выпало из рук его. Он велел призвать к себе царевну Анну, дабы ей продиктовать... Она вошла, но он уже не мог ничего говорить.

Архиерей псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился, показал знак, чтобы они его приподняли, и, возведши очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: *сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня.*

Увещающий стал говорить ему о милосердии божием беспредельном. Петр повторил несколько раз: *верую и уповаю.*

Увещающий прочел над ним причастную молитву: «верую, господи, и исповедую, яко ты еси» и прочее. Петр произнес: «верую, господи, и исповедую; верую, господи: помози моему неверию», и *сие всё, что весьма дивно* (сказано в рукописи свидетеля), *с умилением, лицо к веселию елико мог устроевая, говорил; по сем замолк...*

Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором; потом произнес с усилием: *после.* Все вышли, повинувшись в последний раз его воле.

Он уже не сказал ничего. 15 часов мучился он, стонал, беспрестанно дергая правую свою руку — левая была уже в параличе. Увещающий от него не отходил. Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься. Петр в знак согласия приподнял руку, его прича-

стили опять. Петр казался в памяти до 4 часов ночи. Тогда начал он охладевать и не показывал уже признаков жизни. Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось; в 6 часов утра 28-го января Петр умер на руках Екатерины.

Екатерина провозглашена императрицей. (Велением Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова.)

В тот же день обнародован манифест.

Полкам в Петербурге роздано жалованье. Генерал-майор Дмитриев-Мамонов послан в Москву к сенатору графу Матвееву.

2-го февраля напечатана присяга и разслана по всему государству.

Тело государя вскрыли и бальзамировали. Сняли с него гипсовую маску.

Тело положено в меньшую залу. 30-го января народ допущен к его руке.

4-го марта скончалась 6-летняя царевна Наталия Петровна. Гроб ее поставлен в той же зале.

8-го марта возведено народу поребение. Через два дня оно совершилось. См. Голикова.

15 декабря (1835 г.)

⟨4. Заметки из неизданных тетрадей⟩

1672 — 1689

Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Дмитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями.

Петр с немногими потешными убежал в Троицкую лавру. Гордон говорит: *без штанов*.

1697

Во время сего путешествия государь однажды в пьянстве выхватил шпагу противу Лефорта, и просил потом у него прощения.

В Амстердаме посетил он и зазорные дома (бордели) с их садами.

1698

Петр, отправляясь в Англию, Лефорта оставил в Амстердаме и, расставаясь с ним, плакал, вероятно будучи пьян.

1698—1700

Петр в начале своего путешествия получил известия о беспокойствии стрельцов, но он продолжал свой путь, готовясь к ужасному предприятию.

Генералы, думая устрашить стрельцов, повелели стрелять выше голов; попы закричали, что сам бог не допускает оружие еретическому вредить православным. Начались казни... Лефорт старался укротить рассвирепевшего царя.

Тогда же состоялся указ — всем русским подданным, кроме крестьян (?), монахов, попов и диаконов, брить бороду и носить платье немецкое (сперва венгерское, а потом мужескому полу верхнее — саксонское и французское, а нижнее и камзолы — немецкие (с ботфортами ?), женскому полу — немецкое). С ослушных брать пеню в воротах (московских улиц) с пеших 40 к., с конных 2 р. Запрещено было купцам продавать, а портным шить русское платье под наказанием (каким ?).

1706

Петр Меншикову писал, что в Петербурге было наводнение, и проч. Кланяется всем, как оружие носящим, так и иглу, имеющим (Екатерине).

1707

Петр в Петербурге женился в ноябре, в соборной церкви св. Троицы, на Катерине, мариебургской девке, бывшей замужем за шведским трубачом, потом наложницею Шереметева и Меншикова.

Екатерина родилась 16 апреля 1688 года. Варварский указ о недерзании бить челом — отменен.

1709

В Мариенверде Петр виделся с прусским королем. Петр не пьянствовал, умел себя воздержать.

1711

У князя Меншикова на фейерверке на щите надпись: «Идеже правда, там и помощь божия», однако бог помог не нам.

1713

Повелел новгородскому губернатору Корсакову, чтобы все дворяне были к 1-му декабря к смотру, под опасением лишения чести и живота. С похмелья, видно.

1714

В Риге: смотри истинный анекдот о мощах девицы Ф. Грот.

В сие же время издан тиранский указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки.

1715

Петр опять издал один из своих жестоких указов: он повелел готовить юфть новым способом, по обыкновению своему за послушание угрожая кнутом и каторгою.

В Хиву посланцем и шпионом послан был. . . (?)

Приказывает юфть для обуви делать не с дегтем, а с ворванным салом, под страхом конфискаций и галер, как обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.

а) Царевича женил на принцессе Вольфенбиттельской. Она, кажется, изменила мужу с молодым Левенвольдом. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку.

б) Оппозиция вся была на стороне царевича; духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания.

с) Царевича запутывает Дубровского и Нарышкина.

д) Другое дело озлобило Петра: супруга его Евдокия в связи с Глебовым.

е) Царица высечена и отвезена в Новую Ладугу.

ф) Петр хвастался своею жестокостию.

г) Царевич отпирался; пытка развязала ему язык; он показал на себя новые вины и наговаривал, уstraшенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями.

h) При приговоре духовенство, как бабушка, сказало надвое.

и) Царевич умер отравленный.

к) Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увез царя в Ораниенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года.

l) Указ — запрещается бедным просить милостыню — жестокий, тиранский, как обыкновенно.

а) Скончался царевич и наследник Петр Петрович: смерть сия сломила наконец железную душу Петра.

в) 1-го июня Петр занемог (с похмелья).

Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика.

№ (Это внести в Историю Петра, обдумав,

По учреждении синода духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха; тогда-то (по свидетельству современников, графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх!»

Сенат и синод подносят ему титул: отца отечества, всероссийского императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял их.

Сенат (т. е. 8 стариков) прокричали *vivat*, Петр ответил речью, гораздо более приличной и рассудительной, чем это всё торжество.

Указ о возвращении родителям деревень и проч., принадлежащих им и невинным их детям, также и о платеже заимодавцам. №. Сей закон справедлив и милостив, но факт, из коего он проистекает, сам по себе несправедливость и жестокость. От гнилого корня отпрыск живой.

Петр был гневен. Дворяне не явились на смотр. Издал указ, превосходящий варварством все прежние.

Манифест о праве наследства, т. е. уничтожил всякую законность в порядке наследства, а отдал престол на произволение самодержца.

Указ: предоставляется на волю помещиков строить новые усадьбы для солдат или разместить их по избам. Но и тут закорючка своевольтва и варварства.

Петр обрезал волосы, из них сделал парик, ныне видимый на его статуе.

1723

Петр предал суду Меншикова и Шафирова; последнего за то, что при всем сенате разругал по-матерну обер-прокурора.

Малороссияне, оскорбленные в своих правах учреждением Малороссийской канцелярии, прислали к Петру депутатов. Петр посадил их в крепость.

Указ: в церквах деньги собирать в два кошелька в разные пеня: для царя и для богадельни.

1724

При установлении синода (для задобрения монахов) возвратил он духовенству управление именьями.

Указ синоду о монашестве; Петр сим указом превратил монастыри мужские в военные госпитали, монахов в лазаретных служителей, а монахинь в прядильниц, швей и кружевниц. (Выписал для них мастериц из Брабанта.)

1-го мая назначено торжество коронации (Екатерины). Накануне Меншиков подал просьбу государю о отпуске повинных штрафов чрез руки (Екатерины). Петр согласился на всё.

Камергер Монс де Лакроа и сестра его Балк были казнены. Монс потерял голову, сестра его высечена кнутом, два ее сына, камергер и паж, разжалованы в солдаты. Императрица, бывшая в тайной связи с Монсом, не смела за

Монса просить; она просила за его сестру. Петр был умолим. Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? По крайней мере, ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного; он перестал с нею говорить — доступ к нему был ей запрещен; один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою.

(Заметки при чтении «Описания земли Камчатки»
С. П. Крашенинникова)

(1)

О Камчатке

Камчатская земля (или *Камчатский нос*) начинается у Пустой реки и Анапкоя в 59° широты — там с гор видно море по обеим сторонам; сей узкий перешеек соединяет Камчатку с матерой землею; здесь грань присуду Камчатских острогов; выше начинается Заносье (Анадырский при-суд).

Камчатка отделяется от Америки Восточным океаном; от Охотского берегу Пенженским морем (на 1000 в.).

Соседи Камчатки — Америка, Курильские острова и Китай.

Камчатка земля гористая. Она разделена наравно хребтом; берега ее низменны. Хребты, идущие по сторонам главного хребта, вдались в море и названы носами. Заливы, между ими включенные, называются морями (Алюторское, Бобровое etc.).

Под именем *Камчатки* казаки разумели только реку *Камчатку*. Южная часть называлась *Курильской землицею*. Западную часть от Большой реки до Тигиля — Берегом. Западный берег — *Авачею* (по имени реки) и *Бобровым морем*; остальную часть от устья Камчатки и Тигиля к северу — *Коряками* (по имени народа).

Рек много, но одна Камчатка судоходна. По ней на 200 верст от устья до устья реки Никула могло ходить

морское судно *кочь* (?), на котором бурей занесены были первые посетители тех краев: Федор с товарищами.

Главные прочие реки — Большая река, Авача и Тигиль.

Озер множество: главные — Нерпичье, при устье Камчатки; Кроноцкое, из коего исходит река Крокодыг; Курильское, из которого течет река Озерная, — и *Апальское*.

Ключи и огнедышащие горы встречаются на каждом шагу.

Река Камчатка по тамошнему *Уйкоаль*. Выходит из болота, течет сперва к северо-востоку, потом, изворотясь круто на южно-западную сторону, впадает в Восточный океан под $56^{\circ} 30'$ северной широты (496 верст). Камчатка меняла часто устья свои — в разные заливы, ежегодно почти заметаемые. Главные из них три, глубокие, способные судам для зимования.

Там же, на острове посреди реки, монастырь Якутский Спасский.

Первые реки, впадающие в Камчатку (следуя от устья вверх): *Ратуга* (по-камчатски Орат). На ней в 1731 году построен острог по разорению Нижнего Камчатского острога; *Хопиць*, текущая между высокими каменными скалами (*Гычень*) в 35 верстах от Ратуги; Кемен-кыг, Хотабена. Между ими ручей Еймолореч, у подошвы огнедышащей горы Шевеличь.

В 10 верстах от Хотабена селение Пингаушь — по-русски Каменный острог (вечно бунтовали).

Еловка (Коочь) — главная река (смотри описание пути по ней до Озерной реки).

В 3 верстах от оной урочище, где был поставлен первый русский острог — близ речек Протоку и Резень.

Канучь или *Крестовая* (смотри любопытную надпись), реки Крюки, Ушки (Кругыч, Ус-кол).

Знатны рыбными промыслами.

Колю — Козыревская в память Ивана Козыревского.

Тольбачик.

Никуль-речка. Зимовье *Федота* 1 и зовется Федотовщиною.

Шапина — (в 33 верстах от оной Горелый острог).

Кырганик (близ оной *Яр*, где камчадалы гадают, стреляя из лука).

Повычя. Против ее устья стоит Верхний Камчатский острог. Река Тигиль и Еловка. По ним прямой путь от Восточного оксана до Пенженского моря.

В 20 верстах от устья находится *Горелый острог* (Дачон), в начале завоевания истребленный казаками.

Харчин—острог близ устья Еловки.

Близ той—*Орлова* река (по причине орлиного гнезда на тополе).

Еловки берега каменистые.

На Тигиле—урочище Кохча, коряцкий острог, разоренный при Атласове за убиение *Луки Морозки*.

Большая река Кышка.

На острове (что в озере) утки и чайки несут яйца, коими на год запасаются жители Большерецкого острога.

Чекава и Амшигач, 2 камчадала, жившие на речках, коим казаки дали их имена.

Начилова (Чакажу)—в ней жемчуг—не чистый и не окатистый.

Камчадалы ловят уток сетями, перетянутыми через реки.

Авача славна своею *губою*, которая имеет 14 верст в длину и ширину.

Гавань Петропавловская названа по имени 2 пакетботов, в ней зимовавших в (?).

Река *Шияхтау* (половинная)—здесь кончается присуд Большерецкого острога.

Выше к северу идет присуд Верхнего Камчатского.

Укинская Губа (20 верст окружности)—отселе начинается жилище *сидячих* коряк—до сего живут камчадалы.

Чанук-кыг, река Русакова—там поселены потомки русских пришельцев, прибывших *после Федота Кочевичика*.

Урочище Ункаляк (Каменный враг). Ему в жертву приносят камень.

Острожек Коряцкий окружен земляным валом (вышиной 1 сажень, шириной 1 аршин), внутри двойной частокол, к нему приставлены двойные жерди. В каждой стене две бойницы (?). Вход с трех сторон (кроме южной).—

Крашенинников видел сей первый укрепленный острог: другие были земляная юрта, балаганами окруженная.

Первым жителем и богом Камчатки почитается *Кут*.

Смотри сказку о его ссоре с женою (I, стр. 55).

С крутых гор спускаются на ремнях.

Река Галыгина, по имени пропавшего казака.

Ясачные сборщики часто убиваемы были.

(Описание зимней поездки, стр. 75—I.)

Пенженское море получило свое название от реки Пенжени — в 50 верстах от Таловки.

Здесь в 7187 поставлено первое зимовье казацкое.

Пролив между Курильскою Лопаткою 15 вер. — переезд на байдарках три часа. Для сего требуется тихая погода и конец приливу. Во время же отлива ходит по морю *вал с белью и засыпью* вышиною до 30 сажень. Валы сии по-казацки называются *сувой* и *сулой*, а камчадалы — *когачь*, т. е. *хребет*; также и *камуй*, т. е. *бог* (смотри Описан. Курильских островов, ч. I, 105).

Гора *Алаид* на пустом Курильском острове (смотри о ней сказку I, 108).

Молния редко видима в Камчатке. Дикари полагают, что гамулы (духи) бросают из своих юрт горящие головешки.

Гром, по их мнению, происходит от того, что *Кут* лодки свои с реки на реку перетаскивает, или что он в сердцах бросает оземь свой бубен.

Смотри грациозную их сказку о ветре и о зарях утренней и вечерней (ч. II, 168).

Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины — и лежат на ней почти 8 месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности, причиняет несносную боль глазам. Настает лето. Камчатка, от

наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности—но в начале августа уже показывает иней и начинаются морозы.

Недостаток железа и соли чувствителен. Жители вываривают соль из морской воды. Питаются недосушенной рыбой.

Климат на Камчатке умеренный и здоровый.

(Мнение камчадалов о сопках—ч. II, 176.)

Огнедышащие горы — их три: 1) Авачинская, 2) Толбачинская между Камчаткой и Толбачином, 3) Камчатская.

Горы угасшие — Апальская и Вилючинская.

Мнение и страх камчадалов о ключах горячих — II, 185.

Камчадалы едят березовую крошеную кору с икрой — и кладут оную в березовый сок.

В июле цветет сарана (род *lilium flore atrorubente*); семенами оной питаются камчадалы—поля ею покрыты.

Вино курят русские люди из *сладкой* травы (II, 196).

Камчадалы из приморской травы плетут ковры и епанчи, подобные *нашим старинным буркам* (II, 206).

Смотри ворожбу камчадалов по убитому зверю, дабы он не сердился (II, 207).

И употребление травы чесаной.

Людей, ободранных медведями, называют камчадалы *дранками*.

Отбытие мышей предвещает худой промысел, — приход их есть важный случай, о котором повешается всюду.

Соболиное наволоко — место на реке Лене до реки Агари (30 верст) (II, 235).

(Промысел за соболями—ч. II, 233.)

Промышленные зарубают деревья—II, 248.

Жители Камчатки

1) Камчадалы, 2) коряки, 3) курилы.

Первые в южной Камчатке, от устья Уки до Курильской Лопатки, и на первом Курильском острове Шоумчи.

Коряки на севере.

Курилы на островах.

Коряки смешаны с чукчами, юкагирами, ламутками.

Коряки бывают оленные и сидячие. —

Камчадалы называют себя *ительмен*, *ма* — *житель*, *-ница*.

Русских зовут *брыхтатын*, *огненные люди*.

Коряк от *хора*, олень.

Камчадал от коряцкого *хончала* (от Коочай, житель реки Еловой).

Юкагир по-коряцки *едель* (волк).

Смотри замечания о языке камчатском — III, 7.

Русские брали толмачей из сидячих коряк.

Камчатка-река — *Уйкуал*.

Ай — житель.

Камчадалы плодились, несмотря на то, что множество их погибало от снежных обвалов, от бурь, зверей, потопления, самоубийств и войны.

О боге и душе хоть и имеют понятие, но *не духовное*.

Камчадалы *вероятно* жили прежде за Амуром в Мунгалии и переселились в Камчатку прежде тунгусов — III, 13.

Пенаты камчадалские *Хантай* (сирена) и Ажушах (терм).

Коекчучь — Тюксус.

О войне камчатской — III, 62.

Их жестокость, равнодушие к жизни, коварство etc. Приметы к возмущению.

Stiller о междуусобии камчадалов — III, 68. (NB Перво-бытное состояние) — *шандал*.

Смотри III, 71 (о острожках камчатских).

Казачи брали камчадалских жен и ребят в холопство и в наложницы, с иными и венчались. На всю Камчатку был один поп. Главные их забавы состояли в игре карточной и

в зернь в ясачной избе на полатях. Проигрывали лисиц и собелей, наконец холопей. Вино гнали из окислых ягод и сладкой травы; богатели они от *находов* на камчадалов и от ясачного сбора, который происходил следующим образом: камчадал сверх ясаку платил: 1 зверя сборщику, 1 — подъячему, 1 — толмачу, 1 — на рядовых казаков.

Казаку на Камчатке в 1740 году нужно было до 40 р. годового прихода.— См. IV, 248.

При сборщике бывает (после харчинского бунта): писчик, толмач, целовальник и несколько казаков (караульщиков).

Ясак принимает комиссар (приказчик) при вышеуказанных людях, с их совету, что годно и что нет; писчик вписывает в шнуровые книги; целовальник берет ясак к себе и хранит его за своею и за комиссарскою печатью.

Камчадалы привозят ясак.

Вначале вместе с казаками приезжали на Камчатку *мелочники*, но несли казацкую службу и старались записаться в казаки, хотя при *первой* ревизии записаны под именем посадских в подушный оклад.

Лисица на Камчатке почиталась вместо рубля (денег не было).

Путь из Якутска шел только зимний. Скарб казаки везли на *нартах*.

Путь шел 1) по реке *Лене* вниз до ее устья, оттоль по Ледяному морю до устья Индигирки и Колымы, оттоль сухим путем через Анадырск до Пенженского моря или до Олюторского, оттоль байдарами или сухим путем; на то требовалось целое лето при хорошей погоде. В противном случае *кочи* разбивались, и казаки оставались в пути по два и по три года. От Якутска до Усть-Янь — 1960 верст (см. маршрут — IV, 267).

Андырский острог (IV, 270).

От Анадырского до Нижнего Камчатского 1144 версты; езды на оленях с две недели до Пенжены-реки, да две недели до Нижнего (Камчатского острога).

Дорога через Охотск — IV, 270.

Камчатские дела

(От 1694 до 1740 года)

§ 1. Сибирь была уже населена от Лены к востоку до Анадырска, по рекам, впадающим в Ледовитое море.

Приказчики имели поручение проведовать о новых народах и землях и приводить их в подданство.

Пенженские и олюторские коряки были объясачены (кем?), от них узнали о существовании Камчатки. Оленные коряки *паче* о том известили.

§ 2. Первый из русских, посетивших Камчатку, был Федот Алексеев; по его имени Никул-р. называется Федотовщиною.

Он пошел из устья *Колымы* Ледовитым морем в 7 кочах, занесен он был на реку Камчатку, где он и зимовал; на другое (?) лето обошел он (?) (Курильскую) Лопатку, и на реке Тигиле убит от коряк.

§ 3. Служивый Семен Дежнев в отписке своей подтверждает сие с некоторыми изменениями: он показывает, что Федот, будучи разнесен с ним погодою, выброшен *на берег в передний конец за реку Анадырь*. В этой отписке сказано, что в 7162 (1654) ходил он возле моря в поход и отбил у коряк якутку, бывшую любовницу Федота, которая сказывала, что Федот с одним служивым умер от цынги, что товарищи его побиты, а другие спаслися в лодки и уплыли неведомо куда. Развалины зимовья на р. Никуле видимы еще были в 1730 году.

§ 4. *Крашенинников* полагает, что Федот погиб не на Тигиле, а меж Анадыром и Олюторским, следуя от Тигиля обратно к Анадырску морем или сушею по Олюторскому берегу.

§ 5. В 7203 (1695) Владимир Атласов прислан был от якутского приказчика (из Якутска) в Анадырский острог собирать ясак с присудных (приписных) к Анадырску коряк и юкагирей.

§ 6. В следующий 204 (год) Атласов послал к *апумским* корякам Луку Морозку с шестнадцатью человеками за яском. Оный Морозка не дошел до Камчатки токмо 4 днями. Взял он между тем Камчатский острожек и в *Погроме* получил неведомо какие письма, которые и представил Атласову.

§ 7. Атласов, взяв с собою шестьдесят человек служивых да столько же юкагирей, отправился на следующий 1697 год, после ясачного сбора, на Камчатку. Он оставил в Анадырске тридцать восемь человек казаков (с ним, следовательно, было всего сто человек казаков).

§ 8. Атласов *ласкою* склонил к ясачному платежу Акланский, Каменный и Усть-Таловский острожки — да один взял с бою и потом (пишет он) 1-го февраля 1697 г. пошел в Олюторскую землю.

§ 9. Словесное предание гласит, что он разделил свой отряд надвое — Морозку послал на Восточное море, а сам пошел к Пенженскому.

§ 10. Юкагиры (шестьдесят человек) изменили ему на Полане. Произошло сражение. Три казака были убиты. Атласов и еще пятнадцать человек ранены. Казаки их отбили и без них продолжали свой поход к югу.

§ 11. Оба отряда соединились на Тигиле и собрали ясак с народов, живущих по рекам: Напане, Тигилю, Иче, Сиунче и Харызуовой. До Каланской (?) не дошли за 3 дня. По словесному преданию, Атласов дошел до реки Нынгичу (Гольгиной) за три дня от реки Игдыг (Озерной).— NB Бобры звались *каланами* и на той реке промышлялись.

§ 12. На реке Иче Атласов взял у камчадалов пленника японца (Узакинского?).

§ 13. От реки Гольгиной Атласов пошел обратно тою же дорогою до реки Ичи, потом перешел на Камчатку, построил Верхний Камчатский острог и, оставя в нем казака Потапа Серюкова, отправился в Якутск, куда и прибыл в 7208 году (1700) июля 2-го.

§ 14. Из Якутска отправился он в Москву с японским пленником и с ясачной казною, собранной им на Камчатке (см. IV — 194).

§ 15. Атласов за свою службу пожалован в Москве *казачьим головою по городу Якутску*, и велено ему снова ехать на Камчатку, набрав на казачью службу сто человек в Тобольске, в Енисейске и в Якутске из казачьих детей. Сверх того снабжен он в Москве и Тобольске малыми пушками, пищальями, свинцом и порохом. В Тобольске дано ему полковое знамя, барабанщик и сиповщик.

§ 16. Но в следующем 1701 году Атласов, едучи из Тобольска по реке Тунгузке, разбил *дощаник* с китайскими товарами гостя Логина Добрынина. По его челобитью, Атласов с десятью товарищами посажен в тюрьму; а на его место в Камчатку отправлен (море)м казак Михайло Зиновьев, бывалый на Камчатке (сказано в отписке) еще прежде Атласова (с Морозкою?).

§ 17. Три года спустя после выезда Атласова на Камчатку приехал сын боярский Тимофей Кобелев, первый камчатский *приказчик*. Потап Серюков, оставленный Атласовым в Верхнем остроге, не сбирал ясак и торговал мирно с камчадалами. По прибытии Кобелева, сдал он ему начальство и со своими людьми отправился обратно в Анадырск; но коряки их не допустили и умертвили всех.

§ 18. В бытность свою на Камчатке Т. Кобелев перенес Верхний острог на реку Кали-кыг, да построил зимовье на Еловке. Ясак же сбирал *повольный* по реке Камчатке и по морям Пенженскому и Бобровому и в 1704 году прибыл с ясачною казною в Якутск.

§ 19. Кобелева сменил Зиновьев и правил Камчаткою с 1703 до 1704 г. Он завел первый ясачные книги и поименно стал вписывать камчадал. Зимовья Нижние камчатские перенес на Ключи; построил острог на Большой реке; перевел служивых людей (по их просьбе) из Укинских зимовий на Камчатку и, учредя во всем некоторый порядок, возвратился в Якутск с ясаком.

§ 20. Осенью 1704 года приехал его сменить пятидесятник Василий Колесов. Он *сидел на приказе* по апрель 1706 года. При нем был первый поход в *Курильскую землю* и человек двадцать курильцев *объясачены*, прочие разбежались.

§ 21. На смену ему послан был еще в 1704 г. якутский сын боярский Вас. Протопопов, да казак Вас. Шелковников: но не доехали, и от олюторов убиты на пути с десятью человеками служивых.

§ 22. В конце августа 1706 года *сидячие коряки* Косухина острожка (около реки Пенжены) близ Усть-Таловки умышляли нападение на Колесова; но он о том был уведомлен от *сидячих же коряков* другого (Акланского) острожка, им соседнего. — И он прибыл в Якутск благополучно.

§ 23. На Акланском острожке жил он пятнадцать недель, ожидая зимнего пути. Здесь застал он семь казаков, оставшихся после Шелковникова с подарочною и пороховою казною, посланной в камчатские остроги. Колесов отправил их туда, дав им двадцать одного человека из своего отряда и назнача им в начальники Семена Ломаева, которому поручил он и сбор ясака во всех трех острогах.

§ 24. Косухинские коряки и некоторые другие покушались паки напасть на Колесова, но до того не допущены.

§ 25. После Колесова были *заказчиками* на Камчатке и Верхнем остроге — Федор Анкудимов, в Нижнем — Федот Ярыгин, а в Большерецком — Дмитрий Ярыгин. При них взбунтовались большерецкие камчадалы. Острог казачий сожгли, а казаков всех побили. На Бобровом море тогда же убит ясачный сборщик с 5 чел.

§ 26. Причиною возмущения полагает Крашенинников притеснения от казаков, мысль, что русские люди беглые (*isolés*), коих легко перевести, и надежду на коряков и олюторов в непропуске русских из Анадырска, ибо смерть Протопопова и Шелковникова до них дошла.

§ 27. Казаки были в малолюдстве и принуждены были быть осторожны. Они до времени оставили изменников в покое. Они дали знать о том однако ж в Якутск (?). Печальные сии известия заставили правительство вспомнить об Атласове; он был освобожден и отправлен на Камчатку. Ему возвратили преимущества, данные ему в Москве от сибирского приказа в 1701 году. Ему дана полная власть над казаками (кнут и батожье). Велено прежние вины заслужи-

вать, обид никому не чинить, и противу *иноземцев* строгости не употреблять, коли можно обойтись ласкою. За преступление наказа объявлена ему смертная казнь.

§ 28. Но Атласов не доехал еще и до Анадырска, как уже все почти казаки послали на него челобитные, выведенные из терпения его самовластием и жестокостию. Однако ж он благополучно прибыл в Камчатку в июле 1707 года и от *заказчиков* вместе с ясачною казною принял и начальство над острогами. У Атласова было 2 пушки.

§ 29. Немедленно (в августе того ж году) Атласов отправил на Бобровое море семьдесят человек казаков под начальством Ивана Таратина, для наказания убийц ясачных сборщиков. Поход их продолжался до 27-го ноября. От Верхнего острога до Авачи они шли без сопротивления; но близ Авачинской губы на ночлеге впервые встретили их камчадалы. Врагов было до 800. Произошло сражение. Камчадалы были разогнаны, у казаков убито шесть человек. Камчадалов в плен взято три человека; чрез них собран ясак (IV — 200). После того Таратин возвратился в Верхний острог с ясаком и с заложниками.

§ 30. Избалованные потворством своих начальников, казаки не могли вынести сурового управления Атласова. В декабре 1707 года они взбунтовались, отрешили его от начальства, а в оправдание свое написали в Якутск длинные жалобы на обиды и преступления, учиненные Атласовым (см. IV — 201).

§ 31. Бунтовщики на место Атласова выбрали Верхнего острога приказчика Семена Ломаева (см. выше). Атласов посажен *в казенку (в тюрьму)*, и пожитки его взяты ими *в казну* (сколько? — см. 203).

§ 32. Атласов бежал из тюрьмы и явился в Нижний Камчатский острог. Он потребовал от заказчика Фед. Ярыгина сдачи начальства; тот не согласился, но оставил Атласова на воле.

§ 33. Якутская *канцелярия* (?), между тем, получа еще с дороги посланные челобитные, отправила обо всем донесение в Москву, а на место Атласова послала в Камчатку приказ-

чиком сына боярского Петра Чирикова с пятьюдесятью человеками рядовых при пятидесятнике и с четырьмя десятниками. Снаряду дано ему две пушки медные, сто ядер, пять пуд. свинцу, восемь пуд. пороху. — Между тем, в январе 1709 г. в канцелярии получено известие о самовольном отрешении Атласова от начальства. Из Якутска, вслед за Чириковым, отправлена *указная память*, чтоб он по делу сему учинил следствие и прислал оное на рассмотрение в Якутск с *выборным* Сем. Ломаевым; также и сборную казну за 1707, 708 и 709 годы.

§ 34. Оная указная память в Анадырске Чирикова уже не застала и за малолюдством к нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была не безопасна. По Олюторскому и Пенженскому морю пути были заняты. 20-го июля 1709 г. олюторы дерзнули днем напасть на Чирикова, убили десять человек служивых и бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина, казну и военные запасы разграбили и остальных держали три дня в осаде на пустом месте. Наконец, 24-го июля, Чириков пробился и рассеял дикарей, потеряв двух человек.

§ 36. Чириков, прибыв на Камчатку, принял начальство; он отрядил на Большую реку пятидесятника Ивана Харитонова с сорока казаками для усмирения дикарей. Но оные собрались в великом множестве, напали на казаков, восемь человек убили, почти всех остальных переранили; четыре недели держали их в осаде, от которой спаслись они бегством.

§ 37. Чириков с 50 казаками ходил к Бобровому морю, к Японской Бусе (?). Японцы полонены были мирными камчадалами, жившими близ той Бусы. Дикари, увидев казаков, разбежались по лесу, оставя японцев, которые им и выручены. В том походе усмирил он дикарей от Жупановой реки до Островной и наложил снова на них ясак.

§ 38. В августе (?) прибыл на смену Чирикова пятидесятник Осип Миронов, отправленный *по выбору* из Якутска в 40 человеках. Таким образом собрались на Камчатке три приказчика: Атласов, законно не отрешенный, Чириков и Миронов (он же и Липин).

§ 39. Чириков сдал Миронову Верхний Камчатский острог, а сам в октябре поплыл в Нижний Камчатский — *ботами* со своими служивыми. Он намеревался там перезимовать и оттоле отправиться с казною Пенженским морем. Миронов 6-го декабря отправился из Верхнего острога в Нижний для наряду казаков к судовому строению и препровождению ясачной казны.

§ 40. Исправя свое дело, Миронов обратно ехал в Верхний острог вместе с Чириковым. 23-го января 1711 г. на дороге был он зарезан от казаков. Злодеи думали убить и Чирикова, но по просьбе его дали ему время покаяться, а сами, в числе тридцати одного человека, поехали обратно в Нижний Камчатский острог, дабы убить Атласова. Не доехав за полверсты, отправили они трех казаков к нему с письмом, предписав им убить его, когда станет он его читать. Но они застали его спящим и зарезали. Так погиб камчатский Ермак!

§ 41. Бунтовщики вступили в острог и, разделясь натрое, стали на три двора, по десяти человек вместе. Главные из них были: *Данило Анцыфоров да Иван Козыревский*. Бунтовщики расхитили пожитки убитых приказчиков, завели *круги*, стали выносить знамя, умножились до семидесяти пяти человек, выбрали атаманом Анцыфорова, Козыревского есаулом; с Тигиля привезли пожитки Атласова, им отправленные туда, дабы везти их Пенженским морем, расхитили съестные припасы, паруса и снасти, заготовленные для морского пути от Миронова, и уехали в Верхний острог, а Чирикова бросили скованного в пролуб, марта 20-го 1711 года.

§ 42. 17-го апреля 1711 года подали они в Верхний острог для отсылки во Якутск *повинную челобитню*, в которой об Атласове умолчено, а Чириков и Миронов обвинены обыкновенным образом (см. IV — 207). Бунтовщики извинялись дальним расстоянием, и что-де приказчики не допустили бы челобитчиков до Якутска. Опись взятого добра на артель представили тут же с большою невинностию.

§ 43. Между тем думали они заслужить свои вины. Весною отправились они из Верхнего острога на Большую реку.

В начале апреля они взяли Камчатский острожек, между реками Быстрою и Гольцовкою (где ныне Русский Больше-рецкий острог). Они там и засели, и жили до конца мая.

§ 44. 22-го мая приплыло к оному острожку множество камчадалов и курильцев и осадили казаков с криком и угрозами. 23-го казаки, отслужив молебен (с ними был архимандрит Мартиян, от Филофея, митрополита тобольского и сибирского, в 1705 году отправленный в Камчатку для проповедания слова божия), выслали половину своих людей на вылазку. Сражение продолжалось до вечера. Казаки одолели, потеряв три человека убитыми. Дикарей убито и потоплено столько, что Большая река запрудилась их трупами. После сей победы все Больше-рецкие острожки покорились и стали ясак платить попрежнему.

§ 45. После того ходили бунтовщики в Курильскую землю и были за проливом на первом Кур. острове и жителей обложили впервые ясаком.

§ 46. В том же 1711 году приехал на Камчатку Василий Севастьянов (он же и Щепоткой) на смену Миронова, не ведая ничего об убиении трех приказчиков. Севастьянов стал собирать ясак в Нижнем и Верхнем остроге. Бунтовщик Анцыфоров, узнав о его прибытии, сам приехал к нему в Нижний острог с ясачной казною, собранной им в Больше-рецком. Севастьянов не осмелился ни посадить его в тюрьму, ни чинить над ним следствие. Он отправил его снова сборщиком на Большую реку. Анцыфоров на обратном пути привел в повиновение дикарей, живущих по Пенженскому морю и рекам Конпаковой и Воровской.

§ 47. В феврале 1712 года Анцыфоров был убит от авачинских камчадалов. Узнав о его скором прибытии на Авачу, устроили они пространный балаган с тайными тройными подъемными дверями. Они приняли его с честью, лаской и обещаниями; дали ему несколько аманатов из лучших своих людей и отвели ему балаган. На другую ночь они сожгли его. Перед зажжением балагана они приподняли двери и звали своих аманатов, дабы те скорее побросались вон. Несчастные отвечали, что они скованы и не могут трогаться,

но приказывали своим товарищам жечь балаган и их не считать, только бы сгорели казаки.

Так погиб храбрый Анцыфоров, может быть, предупредя заслуженную казнь и оставя по себе громкую память и поговорку (см. IV — 210): «На Камчатке проживешь здорово семь лет, что ни сделаешь; а семь лет проживет, кому бог велит».

§ 48. Ободренный смертью Анцыфорова, Щепоткой послал нарочных в Верхний острог, чтоб словить убийц трех приказчиков. Один был схвачен, привезен в Нижний острог и в пытке показал, что Анцыфоров имел намерение умертвить Щепоткого, разбить оба острога, разграбить казну и бежать на острова, где и хотел поселиться со своими единомышленниками. Анцыфоров думал привести в действие свое намерение, когда приезжал в Нижний острог с ясачным сбором, но отложил оное, быв в слишком малолюдстве.

§ 49. В 1712 году июня 8-го Щепоткой, оставя в Верхнем остроге заказчиком Козырева, а в Нижнем Фед. Ярыгина, отправился по Олюторскому морю до Олюторской реки. Не дошед за два дня до *Глотова жилия*, по причине мелкости и быстроты рек, оградился он, по недостатку в лесе, земляными юртами. Олюторы ежедневно на него нападали. Он послал в Анадырск, требуя подвод и помощи, и сам с 84 человеками оставался в своем остроге до 9-го января 1713 года. Шестьдесят человек и несколько оленных подвод наконец к нему прибыли, и ясачный сбор доведен до Якутска в январе 1714 г. Оного сбора казна не получала с самого 1707. Он состоял в 332 сорока соболей, 3282 лисиц красных, 7 бурых, 41 сиводущетых, да 259 морских бобров.

§ 50. Вскоре после отъезда Щепоткого заказчик Верхнего острога Кыргызов (Козырев?) приплыл на ботах в Нижний острог, овладел оным, мучил Фед. Ярыгина свинцовыми кистенями, да *ключом* вертел ему голову, а других людей на дыбу подымал (также и тамошнего попа). Ярыгина принудил *постричься* в монахи, сдал острог казаку Богдану

Канашеву, а сам, подговоря 18 человек нижнешантальцев, возвратился в Верхний острог.

§ 51. 10-го сентября 1712 г. прибыл на Камчатку Василий Колесов, уже бывший там приказчиком и из казацких пятидесятников пожалованный дворянином по московскому списку. Он из Якутска отправлен был на смену Севастьянову в 1711 г. и дорогою получил указ о розыске над убийцами трех приказчиков. По прибытии своем он казнил двух человек смертию, других торговою казнию. Иван Козыревский, по смерти Анцыфорова бывший в Большерецком остроге приказчиком, высечен плетью; но Кыргызов не пошел под суд к Колесову, острога своего ему не сдал и с 90 человеками, при пушках, приехал к Нижнему острогу, грозясь его разорить; в это самое время большерецкие казаки приехали туда с повинною.

§ 52. Колесов, опасаясь, чтоб обе сии стороны не соединились, запретил было ехать всем им в острог. Но Киргизов не послушался, поехал со всеми своими людьми, стал содержать крепкий караул днем и ночью. Он требовал от Колесова, чтоб сей дал ему указ идти на проведывание острова Карагинского, а между тем подговаривал нижнешантальских казаков. Не успев ни в том, ни в другом, возвратился он в Верхний острог. Казаки его разделились на две стороны, не видя надежды сделать суда и мимо Нижнего проплыть в море. Киргизова посадили в казенку. Колесов (в 1713) принял Верхний острог, Киргизова с главными сообщниками казнил смертию, других кнутом; послушные служивые пожалованы в *конные казаки*, а заказчики в дети боярские. Козыревского с 55 казаками и двумя пушками послал Колесов на Большую реку строить суда и заслуживать свои вины, *проведывая* новых островов и Японского царства.

§ 53. Козыревский исполнил сие поручение. Он привел в ясак жителей Курильской Лопатки, покорила первые два Курильские острова и привез Колесову известие о торговле сих островов с купцами города Матмая (IV — 214).

§ 54. Колесова в 1713 сменил дворянин Иван Енисейский. Он заложил церковь на Ключах. Туда перенесен и Нижний

острог, ибо прежнее место окружено болотами и водою понимается. Новый сей острог и с церковью сожжен в 1731 году, во время Камчатского бунта.

§ 55. При нем был поход на авачинских дикарей, некогда изменою убивших Анцыфорова. Их осадили в их остроге и две недели держали в осаде; камчадалы отразили храбро два приступа. Наконец были сожжены и перерезаны. Противу них было сто двадцать казаков, до ста пятидесяти покоренных дикарей. Также взят был приступом камчатский острожек Паратун. С того времени авачинские камчадалы стали платить ясак ежегодный, а не повольный, как то было прежде.

§ 56. Енисейский весною 1714 г. отправился вместе с Колесовым на судах по Олюторскому морю. Оба везли свой ясак. В августе дошли они до реки Олюторской благополучно. Там встретили они дворянина Афанасия Петрова, который разбил олюторов и, разоря их острог *Большой посад*, строил Олюторский острог. При нем было много амадырских казаков и юагирей. Здесь они осеневали, и зимним путем везе три дворяне отправились вместе в Якутск (см. ясак их IV — 216).

§ 57. Юагиры, бывшие при Афанасии Петрове, сильно на него негодовали за обиды и притеснения. Он их не отпускал на их промыслы; брал их в подводы под камчатскую казну, хотя по указу должен был брать коряцкие подводы и проч. Декабря 2-го, не доходя до Акланского острога, они его убили на Таловской вершине и казну разграбили. Колесов и Енисейский спаслися в Акланский острог и 16 человек. Но юагиры их осадили и угрозами принудили коряков их умертвить. Казна досталась не токмо дикарям, но и нашим казакам, ибо юагиры торговали с ними, меняя соболей и лисиц на китайский табак. Таким образом пятидесятник Алексей Петриковский наменял, между прочим, 20 сороков соболей (которые с него в казну и отправлены, когда стали доискивать разграбленный ясак).

§ 58. Коряки Пенженского моря *уговорены* и в ясак приведены уже в 1720 г. якутским дворянином Степа-

ном Трифоновым. По убиении же трех дворян намерены они были напасть на Анадырск и подговаривали к тому чукчей.

§ 59. После того казну через Анадырск уже не высылали, а проведан морской путь в Охотск, а путь через Анадырск совсем оставлен, кроме посылок с письмами. На той дороге с 1703 г. погибло до двухсот русских. Морской путь открыт в 1715 г. якутским казаком Козьмою Соколовым, отправленным от полковника Якова Елчина, при управлении Алексея Петриковского.

§ 60. Петриковский, назначенный в приказчики, превзошел всех своих предшественников в жадности и лютости. Один из казаков замучен им в вилах до смерти. Казаки, по наущению Козьмы Соколова, посадили его в тюрьму и взяли пожитки его в казну. Они превосходили казну, собранную в два года со всей Камчатки (IV — 219).

§ 61. Беспокойства между туземцами были незначительны (IV — 220).¹

.....

§ 71. Петриковского сменил Козьма Вежлицев, после сего приехал из Анадырска в приказчики Козьма Григорьев Камкин. В 1718 г. из Якутска прибыли три приказчика: Иван Уваровский (в Нижний), Ив. Поротов (в Верхний) и Василий Кочанов (в Большерецкий острог). Сей последний свержен был казаками и на полгода посажен в тюрьму. Он бежал. Мятежники взяты в Тобольск и наказаны.

§ 72. Приказчиков сменил 1719 г. дворянин Иван Харитонов. Он ходил на сидячих коряков, на Паллан-реку, и там убит изменниками. Казаки его успели спастись и сожгли убийц в их юрте.

§ 73. Приказчики приезжали ежегодно; возмущений от дикарей важных не было. Камчадалы били по два, по три человека сборщиков в Курилах и на Аваче.

¹ (Текст заметок, составивших §§ 62 — 70, до нас не дошел.)

§ 74. В 1720 году описывали Курильские острова *нави гаторы* Иван Еврейнов и Федор Лузин, и доезжали почти до Матмая.

§ 75. В 1728 г. была *первая* академическая камчатская экспедиция, и возвратилась в Петербург в 1730.

§ 76. Наконец, в 1729 прибыла в Камчатку *партия* при капитане Дмитрие Павлуцком и якутском казачьем голове Афанасии Шестакове (убитом от чукочь в 1730). (Смотри наказ, им данный, IV — 222).

§ 77. В том же 1729 пятидесятник Штанников взят под стражу за убиение японцев, бурею занесенных на камчатские берега (см. пространную повесть о том IV — 222 в примеч.).

§ 78. В 1730 собирал ясак на Камчатке служивый Иван Новгородов, а в 1731 пятидесятник Михаил Шехурдин, главные причины бунта Камчатского.

§ 79. Открытие пути через Пенженское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно; экспедиции следовали одна за другою. Дикари не смели возмущаться. Когда же капитан Беринг отбыл в Охотск, а партия поплыла к Анадырю, дабы соединиться там с Павлуцким и идти на немирных чукчей, тогда камчадалы решились исполнить давние свои замыслы.

§ 80. Во всю зиму нижнешанталские, ключевские и еловские камчадалы разъезжали будто бы в гости по всей Камчатке, уговаривая и приуговаривая всех к общему возмущению. По убиению Шестакова распустили они слух, что чукчи идут на Камчатку войною, усыпляя тем подозрение казаков. Они намерены были у морских гаваней учредить караулы, приезжих служивых принимать ласково, а дорогою убивать изменнически, и всеми мерами до Анадырска известий не допускать.

§ 81. Главный начальник бунта был еловский таион Фед. Харчин, да дядя его Голгочь, ключевский таион.

§ 82. Последний приказчик камчатский Шехурдин выехал с ясаком благополучно; партия близ устья Камчатки взгрузилась на судно и вышла в море для похода к Анадырску. Камчадалы, бывшие у ней в подводах, не дождавшись ее от-

бытия, поспешили дать знать бунтующим таюнам, дожидавшимся на Ключах. 20-го июля 1731 г. камчадалы на ботах устремились вверх по Камчатке, бия казаков, зажигая леговья, забирая баб и детей и проч. Харчин и Голгочь прибыли немедленно в острог (Нижний) и зажгли попов двор, с намерением приманить на пожар казаков, как охотников, что им и удалось. Все казаки с женами и детьми были перерезаны. Все дома сожжены, кроме церкви и крепости, где хранилось имение русских; немногие спаслись и приехали на устье Камчатки.

§ 83. К счастью, партия еще стояла за нечаянно оставшим противным ветром. Поход к Анадырску был остановлен. Надлежало удержать завоеванное, прежде нежели думать о новых завоеваниях.

§ 84. Между тем ключевский есаул Чегечь, оставшийся у моря, узнав от русских беглецов о взятии острога, поспешил туда со своими людьми, побивая всех встречных казаков, и объявил Харчину, что партия в море еще не ушла. Мятежники испугались, они засели во взятом остроге и дали знать вверх по Камчатке, чтобы все жители съезжались к ним в завоеванный острог. Но они сделать того не успели.

§ 85. Они вокруг острога сделали каменную стену, разобрав церковную трапезу, разделили между собою казачьи пожитки, нарядились в их платья, иные в женские, другие в поповские. Стали плясать, шаманить и объедаться. Новокрещенный Фед. Харчин призвал Савина, новокрещенного грамотея, надел на него поповские ризы и велел ему петь молебен, за что и подарил ему тридцать лисиц. (Смотри IV — 229).

§ 86. Командир партии, штурман Яков Генс, отправил 21-го июля шестьдесят человек к взятому острогу, обещая прощение и приказывая покориться. Бунтовщики не послушались. Харчин кричал им со стены: «я здесь приказчик, я сам буду ясак собирать: вы, казаки, здесь не нужны».

§ 87. Казаки послали к Генсу за пушками. Получив оные, 26-го июля начали они стрелять по острогу; вскоре оказались проломы; осажденные стали робеть, и пленные казачки

начали убегать из острога. Харчин, видя невозможность защищаться, оделся в женское платье и бежал.

§ 88. За ним пустилась погоня; но он так резво бежал, что мог достигать оленей. Его не догнали.

§ 89. После того человек тридцать сдались. Прочие были перестреляны. Чегечь оборонялся храбро. От стрельбы во время приступа загорелась пороховая казна; острог, кроме одной церкви, обращен был в пепел. Все камчадалы погибли, не спаслись и те, которые сдались. Ожесточенные казаки всех перекололи. Русских убито четыре человека на приступе. Церковь, по отбытии русских, сожжена камчадалами.

§ 90. Камчадалы Камакова острожка готовы были пристать к Харчину (всего сто человек); к счастью, партия не дала им на то времени. Малолюдные острожки непременно последовали бы их примеру.

§ 91. Харчин соединился с другими таионами и был готов плыть к морю, дать бой *со служивыми*. Но при реке *Ключевке*, при самом его выступлении, встречен он был партией. Произошло сражение. Он отступил на высокое место по левую сторону Ключевки. Казаки стали по правой.

§ 92. Харчин думал сперва угрозами принудить партию возвратиться в море, но потом, стоя у реки, пустился в переговоры. Харчин потребовал одного аманата и пошел в стан казачий. Он обещался привести в повиновение сродников своих и подчиненных. Его обласкали и отпустили назад. Но он прислал сказать, что сродники его на то не согласились. Брат Харчина и таион Товачь остались с казаками.

§ 93. На другой день Харчин, пришед к реке, потребовал опять аманатов и допущение к новым переговорам. Казаки на то согласились. Но когда он переехал к ним, они его схватили, а своим аманатам, плывшим с камчадалами в лодке, закричали, чтоб они побросались в реку; между тем, чтоб их не закололи, прицелились к камчадалам ружьями. Те разбежались, аманаты спаслись. Камчадалы рассеяны двумя пушечными выстрелами. Верхоеловский таион Тигиль побежал со своим родом к вершинам Еловским, ключевской таион Голгоць — вверх по Камчатке, прочие — по другим ме-

стам; но казаки их преследовали и всех истребили. Тигиль долго сопротивлялся, переколол своих жен и детей и сам себя умертвил. Голгочь убит от своих за то, что он разорял их острожки на реках Шаниной и Козыревской, когда они не хотели пристать к его бунту.

§ 94. Между тем вся Камчатка восстала. Дикари стали соединяться, убивать повсюду русских, лаской и угрозой вовлекая в возмущение соседей; казаки острогов Верхнего и Большерецкого ходили по Пенженскому морю, поражая всюду мятежников. Наконец соединилась с ними команда из Нижнего острога. Они пошли на Аванчу против трехсот тамошних мятежников и, разоря их укрепленные острожки, насытятся убийством, обремененные добычею, возвратились на свои места.

§ 95. Якутского полку майор Мерлин прибыл вскоре на Камчатку. Он и Павлуцкий жили там до 1739 года. Они построили Нижний Камчатский острог ниже устья Ратуги. Им поручено следствие. Иван Новгородов, Андрей Штанников и Сапожников повешены, также и человек шесть камчадалов. Прочие казаки высечены, кто кнутом, кто плетми.

Камчадалы, *бывшие у них в крепостной неволе*, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить.

§ 96. До царствования императрицы Елисаветы Петровны не было и ста человек крещеных.

.(20 января 1837)

〈План и набросок начала статьи о Камчатке〉

Сибирь уже была покорена.

Приказчики услышали о Камчатке.

Описание Камчатки. — Жители оной. — Федот Кочевщик. — Атласов, завоеватель Камчатки.

Завоевание Сибири совершалось постепенно [в течение целого столетия]. Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие

племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Явились смельчаки, сквозь невероятные препятствия и опасности устремившиеся посреди враждебных и диких племен, приводили (их) под высокую царскую руку, налагали на них ясак и бесстрашно селились между ими в своих жалких острожках.

⟨1837⟩

**МАТЕРИАЛЫ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК,
ЧЕРНОВЫЕ
«МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ»,
ВЫПИСКИ И АНЕКДОТЫ**

〈Старинные пословицы и поговорки〉

Не суйся среда прежде четверга. Смысл иронический; относится к тем, которые хотят оспорить явные законные преимущества: вероятно, выдуманно во времена местничества.

В праздник жена мужа дразнит (выписка из *Кириши*).

Горе лыком подпоясано, — разительное изображение нищеты; см. *Древние Стихотворения*.

Иже не ври же, его же не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно и в старину острелись насчет славянизмов.

Кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет. Апология пытки, пословица палача, выдуманная каким-нибудь затейником.

На посуле как на стуле. Посул — церковная дань, а не обещание, как иные думали; следовательно пословица сия значит — на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле.

Беспечальным сон сладок.

Не твоя печаль чужих детей качать — не твоя забота; *печаль* от глагола *пекусь*.

Бодливой корове etc. — пословица латинская.

Бог даст день, бог даст и пищи. Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену. «Да, — отвечала она, — пищи, пищи, да с голоду и умри».

Нужда научит калачи есть, т. е. нужда — мать изобретения и роскоши.

Кто в деле (в должности), *тот и в ответе* (в посольстве).

⟨1820-е годы⟩

⟨Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» 1827 г.⟩

⟨1⟩

Кс. находит какое-то сочинение глупым. — «Чем вы это докажете?» — «Помилуйте, — простодушно уверяет он, — да я мог бы так написать».

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностью оригинально выражать мысли — к счастью он мыслит, что довольно редко между... ибо должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне. Уважайте глупцов.

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы? — разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, но ту, которую Буало определяет: *Un bon mot de deux rimes orné*¹.

Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола — все женщины восстанут на вас единодушно: они составляют *один* народ, одну секту.

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, — наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было: мнениями, чувствами, привычками, даже слабостями и пороками; вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания.

(1827)

⟨2⟩

У нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выраже-

¹ ⟨Острое слово, украшенное двумя рифмами.⟩

ния нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм.

⟨1827 — 1828⟩

Ne pas admettre l'existence de Dieu, c'est être plus absurde que ces peuples qui pensent du moins que le monde est posé sur un rhinocéros¹.

⟨1829⟩

В миг, когда любовь исчезает, наше сердце еще лелеет ее воспоминание. Так гладиатор у Байрона соглашается умирать, но воображение носится по берегам родного Дуная.

⟨1829⟩

Первый нес⟨частный⟩ воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены, или служат ⟨нерзбр⟩ Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше.

⟨1827 — 1830?⟩

Переводчики — почтовые лошади просвещения.

⟨1830⟩

¹ ⟨Не признавать существование бога значит быть более абсурдным, чем те народы, которые, по крайней мере, думают, что мир покоится на носороге.⟩

Уважение к минувшему— вот черта, отличающая образованность от дикости. Кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства.

⟨1831?⟩

Stabilité — première condition du bonheur public.

Comment s'accommode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?¹

⟨1831⟩

Зависть — сестра соревнования, следственно из хорошего роду.

⟨1831⟩

Какой-то лорд, известный ленивец, для своего сына пародировал известное изречение: «Не делай никогда сам то, что можешь заставить сделать через другого». Н., известный эгоист, прибавил: «Не делай никогда для другого то, что можешь сделать для себя».

⟨1830 — 1833?⟩

Д — говаривал, что самую полную сатирию на некоторые литературные общества был бы

¹ ⟨Устойчивость режима — первое условие народного счастья. Как согласовать ее с возможностью бесконечного совершенствования?⟩

список членов с означением того, что кем написано. —

⟨1833⟩

Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи. —

⟨1833⟩

Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например, *трогательный* от слова *touchant* (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова). *Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть *sens froid* — хладномыслие, а не *sang froid*. Так писали это слово до самого 18 столетия. *Dans son assiette ordinaire*. *Assiette* значит положение от слова *asseoir*, но мы перевели каламбуром — «в своей тарелке»:

Любезнейший, ты не в своей тарелке.

Горе от ума.

⟨1830-е годы⟩

Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют никакого смысла. Аз, буки, веди, глаголь, добро etc. суть отдельные слова, выбранные только для начального их звука. У нас Грам-

матин первый, кажется, вздумал составить апофегмы из нашей азбуки. Он пишет: «Первоначальное значение букв, *вероятно*, было следующее: азбук (или буг!) ведю — т. е. я бога ведаю (?), глаголю: добро есть; живет на земле кто и как, люди мыслит. Наш он покой, рцу. Слово (λογος) твержу... (и прочая,—говорит Граммати́н; вероятно, что в прочем не мог уже найти никакого смысла). Как это всё натянута! Мне гораздо более нравится трагедия, составленная из азбуки французской. Вот она:

E n o e t I k a ë l

Tragédie

Personnages.

Le Prince Eno.

La Princesse Ikaël, amante du Prince Eno.

L'abbé Pécu, rival du Prince Eno.

Ixe
Igreç } garde du Prince Eno.
Zède }

Scène unique.

Le Prince Eno, la Princesse Ikaël, l'abbé Pécu, gardes.

Eno.

Abbé! cédez...

L'abbé.

Eh' f...

Eno (mettant la main sur sa hache d'arme).

J'ai hache!

Ikaël (se jettant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno (ils s'embrassent avec tendresse).

Eno (se retournant vivement).

Pécu est resté? Ixe, Igrey, Zède! prenez Mr. l'abbé et jetez-le par les fenêtres.

(1834—1836)

Богородицны дочки

Царевича Алексея Петровича положено было отравить ядом. Денщик Петра Первого** (Ведель) заказал оный аптекарю Бери. В назначенный день он прибежал за ним, но аптекарь, узнав, для чего требуется яд, разбил склянку об пол. Денщик взял на себя убиение царевича и вонзил ему тесак в сердце. (Всё это мало правдоподобно.) Как бы то ни было, употребленный в сем деле денщик был отправлен в дальнюю деревню, в Смоленскую губернию. Там женился он на бедной дворянке из роду, кажется, Энгельгардовых. Семейство сие долго томилось в бедности и неизвестности. В последствии времени** (Ведель) умер, оставя вдову и трех дочерей. Об них напомнили императрице Елисавете, — она

не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых**. Князь Одоевский выдумал сказку о богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девушки призваны были ко двору и приняты на ногу фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья — не помню за кем.

При Елисавете было всего три фрейлины. При восшествии Екатерины сделали новых шесть — вот по какому случаю. Она, не зная, как благодарить шестерых заговорщиков, возведших ее на престол, заказала шесть вензелей, с тем, чтоб повесить их на шею шестерых избранных. — Но Никита Панин отсоветовал ей сие, говоря: это будет вывеска. Императрица отменила свое намерение и отдала вензеля фрейлинам.

⟨1831⟩

⟨Выписка о Поле Поттере⟩

Поль Поттер род. в Энкгуизене в 1625 году. 15 лет был уж известен. Учился у отца, писал скоро с умом и свободой. Умер в Амстердаме 1654 году.

(Conversation Lex.)

⟨1831⟩

⟨Выписки из Четь-Миней⟩

Трапеза — Толк, толмач. — Разрезать (кого) —
Рим ветхий — Великородный — Тверда аки
наковальня — Муж конского чина (всадник).

Вложи (диавол) убо ему мысль о родителях, яко жалостию сокрушатися сердцу его, воспоминающе велию отца и матере любовь, юже к нему имеша. И глаголаша ему помысл: что ныне творят родители твои без тебя, колико многую имут скорбь, и тугу, и плачу о тебе, яко не ведущим им отшел еси. Отец плачет, мать рыдает, братия сетуют, сродницы и ближние жалеют по тебе, и весь дом отца твоего в печали есть тебе ради. Еще же воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братий его и различная мирская суетствия во ум его привождаше. День же и ночь непрестанно таковыми помыслами смущаше его, яко уже изнеможи ему телом и еле живу быти, ово бо от великого воздержания и иноческих подвигов, ово же от смущения помыслов, изсше яко скудель крепость его, и плоть его бе яко трость, ветром колеблема.

(Житие преподобн. отца нашего Иоанна
Куцника — Ианнуар е. i. ⟨15⟩)

Рубо — рублище. — Дельва — (бочка или ящик?)
И дубраву всякого древа своею рукою насади
(Ч. М. Житие св. Ора черноризца).

Куколь (сарисшон) — *siculum* — Убрус.
С путем (с жалованием).

Придоша к прельщенному преподобные отцы Никон игумен и Иоанн, иже по нем бысть игумен, Пимен постник. Исаия иже бысть еп. ростовский, Матфей прозорливый, Исаия, затворник печерский, Агапит врач, Григ. чуд., Никола, иже бысть еп. тмут., Нестор летописец, Григорий творец

канонов, Феоктист, иже бысть еп. черниг., Онисифор прозорливый: сии вси в добродетелях сияющихи пришедше молитву творяху к богу о Никите.

(Житие пр. Никиты, затворника Печерского.)

(1831?)

Преподобный Савва Игумен

Декабря 3. Преставление преподобного отца нашего Саввы игумена святыя обители пресвятой богородицы, что на Сторожех, нового чудотворца.

Из пролога. Преподобный отец наш Савва от юности своей Христа возлюбил, а мир возненавидел и, пришед к преподобному Сергию, принял ангельский образ и стал подвижаться, угождая богу постом, бдением, молитвами, смиренномудрием и всеми добродетельми, желая небесная блага приять от господя. Многие искушения претерпел он от бесов, но победил их помощью вышнего и над страстями воцарился. Тогда, по наставлению учителя своего, великого Сергия, отошел он от обители Святыя Троицы и поселился в пустыне на горе, называемой Сторожи, в верху Москвы-реки, в расстоянии одного поприща от Звенигорода и сорока от града Москвы. Там святой иночествовал в безмолвии, терпя ночные морозы и тяготу вара дневного. — Услыша о добродетельном житии его, многие иноки и люди мирские от различных мест начали к нему приходить, дабы жить при нем и от него пользоваться. И принимал он всех с любовию, и был им образец смирения и иноческих трудов, сам черпая и нося воду и другие потребности правя, научая тем братию не лениться и не губить дней своих праздностию, изобретательницею всего злаго. Потом некий христолюбивый князь, пришед к блаженному отцу Савве, умолил его построить

храм на том месте и сумму, нужную на создание оногo, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм честного и славного рожества пречистой богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков. Там он *добре* пас во имя Христа собранное стадо, водя оное на пажить духовную, и быв некогда единожителем божественному Сергию, сотворил многие добрые дела о госпoде. В поздней старости впал он в болезнь телесную и, недолго пострадав, призвал братию и поучал их божественным писаниям, наказывающим хранить чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и прилежать посту и молитве. Тогда поставил им в игумены одного из учеников своих и всем братьям заповедал пребывать у игумна в послушании и в повиновении. Наконец, дав им всем мир и последнее целование, в добром исповедании предал душу в руке божии декабря 3-го дня, во всем благоугодив владыке своему, Христу. Услышав о преставлении святого, князья и бояре, и окрест живущие, и все христоролюбивые граждане Звенигорода стеклись с великой любовью на погребение отца, принеши с собою больных своих, и, проводив его псалмопением надгробным, положили его с честью в им построенной церкви пресвятой богородицы, на правой стороне. Честные его мощи и до нынешнего дня многие и различные исцеления источают приходящим с верою, во славу Христа, бога нашего, угодниками своими и по преставлении их преславные чудеса творящего, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

(Нач. 1830-х гг.)

⟨Материалы о соколиной охоте⟩

Семеновский потешный двор.

Светлица для выдерживания птиц.

Челиг — самец, дикомить — самка.

Оленья перчатка.

Обносцы — ремешки оленьи с красным сукном.
Кречет больше и серее сокола. Сокол посизее.
Дблжник — в два аршина ремень сыромятный.
Вабил, свабило — гусиные крылья (4) с сырым мясом для вабки.

Шалгач — мешок для живой птицы. На ремне.

Пущеная птица — для обучения сокола.

Дербенички напускаются попарну — один снизу, другой сверху (дермлички).

Колокольчик привязан к ноге, коли сокол отбудет, то начинает чесаться etc.

Дермлички с кречетом — копчик с соколом.

Вертлуг железный — на чем вертится вабило.

Помычки — ловчие крестьяне.

Стул — где сначала сидят кречеты.

Талунбасы — род барабана для пугания птиц.

Помцы } сети.
Тайник }

С благовещения их поднимают, т. е. на руки берут, до Петрова дня — (учат). Учат сокола, заструнив нос вороне. Сокол бьет ее когтями за голову, носом глотку, как добудет — (грачей, галок, ворон, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьял, зарьяет — от зноя утомится.

Юрчак — конвульция, корчь — болезнь сокола.

Чины: ястребник, сокольник — унтер-офицер, кречетник.

Начальники: статейничий, главный, подстатейничий.

Секрет: расходчик.

⟨Нач. 1830-х гг.⟩

⟨Заметка по поводу слова «блудит»
в сатирах Кантемира⟩

Блудит или блядит — вместо заблуждает или заблуждается вовсе не употребляется.

⟨30-е годы⟩

⟨Гастрономические сентенции⟩

Не откладывая до ужина того, что можешь съесть за обедом.

L'exactitude est la politesse des cuisiniers¹.

Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность.

⟨1835⟩

⟨Заметка при чтении «Путевых картин»
Гейне⟩

La liberation de l'Europe viendra de la Russie, car c'est là seulement que le préjugé de l'Aristo-

¹ ⟨Точность — вежливость поваров.⟩

cratie n'existe absolument pas. Ailleurs ont croit à l'Aristocratie, les uns pour la dédaigner, les autres pour la haïr, les troisièmes pour en tirer profit, vanité etc. — En Russie rien de tout cela. On n'y croit pas, voilà tout.

⟨1835⟩

⟨Шотландская пословица⟩

Ворон ворону глаза не выклюнет — шотландская пословица, приведенная В. Скоттом в *Woodstock*.

⟨1836⟩

Table-talk

Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда граф Поццо ди Борго прислал государю свое мнение. (Граф противился всеми силами исполнению сей великой ошибки.) Государь, прочитав его, сказал князю Козловскому: «Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire»¹. Козловский не преминул. Поццо отвечал: «Cela

¹ ⟨Граф Поццо рассуждает тоньше, чем я, — согласен. Но я хорошо знаю, что я совестливее, и вы можете это ему передать.⟩

peut-être; aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur»¹.

Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: «видно, граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре». Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего. Несколько дней после один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом, вздумал повторить самому Суворову: «Правда ли, ваше сиятельство, что вы хотите въехать в рай на осетре?» Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: «Знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает».

*Divide et impera*² — есть правило государственное, не только макиавелическое (принимая это слово в его общенародном значении).

Езуит Посвин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти макиавелевой. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флоренти-

¹ (Возможно, потому-то в данном случае я и говорил не как исповедник.)

² (Разделяй и управляй.)

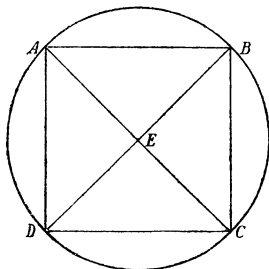
нец, и тем остановил новое издание оных. Ученый Conringius, издавший «Principes» в 1660 году, доказал, что Посвин никогда не читал Макиавеля, а толковал о нем по наслышке.

Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорит Макиавель, сей великий знаток природы человеческой).

Глупость осуждения не столь заметна, как глупая хвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец восхищается романом Дюкре-Дюмениля или историей г. Полевого — и на него смотрят с презрением. Хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего.—

Форма цифров арабских составлена из следующей фигуры:

AD (1), ABDC (2), ABEC (3), ABD + AE (4) etc. Римские цифры составлены по тому же образцу.

Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих:

Je ne suis point jaloux... Si je l'étois jamais!..¹

Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: «Государь! государь! из меня кишка лезет!» Петр подошел к нему и, увидя в чем дело, сказал: «врешь: это не кишка, а глиста!»—и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра.

Барков заспорил однажды с Сумароковым о том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся в своем кабинете, оставя Баркова в гостиной. Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застаёт уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его *дело в шляпе*. Сумароков догадывается, что тут какая-нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу и — — —

¹ (Я совсем не ревнив... Если б я им был..)

⟨Д е р ж а в и н⟩

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг выскочил на лестницу, чтобы дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал; он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: «где, братец, здесь нужник?» Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно; глаза мутны, губы отвислы; портрет его, где представлен он в колпаке и халате, очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои *Воспоминания в Царском Селе*, стоя в двух шагах от Державина.

Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... —

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: «Главкомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступать». Багратион отвечал: «Неприятель у нас на носу? на чем? Если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать».

Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил».

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, *vulgar*, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но

с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение; шутки были плоски.

Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. «Я женат», отвечал Рылеев. — «Так что же, сказал Дельвиг, разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?»

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: «Чем ближе к небу, тем холоднее».

Сатирик Милонов пришел однажды к Гнедичу пьяный, по своему обыкновению, оборванный и растрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Растроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: «Там, там найду я награду за все мои страдания...» — «Братец, возразил ему Гнедич, посмотри на себя в зеркало: пустят ли тебя туда?»

Потемкину доложили однажды, что некто граф Мор..., житель Флоренции, превосходно играет на скрипке. Потемкину захотелось его послушать; он приказал его выписать. Один из адъютантов отправился курьером в Италию. Явился к графу М..., объявил ему приказ светлейшего и предложил тот же час садиться в его тележку

и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбе-
сился и послал к чорту и Потемкина и курьера
с его тележкой. Делать было нечего. Но как
явиться к князю, не исполнив его приказания!
Догадливый адъютант отыскал какого-то скри-
пача, бедняка не без таланта, и легко уговорил
его назваться графом М... и ехать в Россию. Его
привезли и представили Потемкину, который
остался доволен его игрою. Он принят был потом
в службу под именем графа М... и дослужился
до полковничьего чина.

Один из адъютантов Потемкина, живший в Мо-
скве и считавшийся в отпуску, получает приказ
явиться; родственники засуетились, не знают,
чему приписать требование светлейшего. Одни
боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастье. Молодого человека снаряжают
наскоро в путь. Он отправляется из Москвы,
скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлей-
шего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин
приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом
входит в его палатку и находит Потемкина в по-
стеле со святцами в руках. Вот их разговор:
Потемкин: Ты, братец, мой адъютант *такой-то*? — *Адъютант:* Точно так, ваша светлость.—
Потемкин: Правда ли, что ты святцы знаешь
наизусть? — *Адъютант:* Точно так. — *Потем-*

кин (смотря в святцы): Какого же святого празднуют 18 мая? — *Адъютант*: Мученика Феодота, ваша светлость. — *Потемкин*: Так. А 29 сентября? — *Адъютант*: Преподобного Кириака. — *Потемкин*: Точно. А 5 февраля? — *Адъютант*: Мученицы Агафьи. — *Потемкин* (закрывая святцы): Ну, поезжай же себе домой.

(О б а р а п е г р а ф а С**)

У графа С** был арап, молодой и статный мужчина. Дочь его от него родила. В городе о том узнали вот по какому случаю. У графа С** по субботам раздавали милостыню. В назначенный день нищие пришли по своему обыкновению; но швейцар прогнал их, говоря сердито: «Ступайте прочь, не до вас! У нас графинюшка родила арапченка, а вы лезете за милостыней».

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера Скупой скуп — и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера Лицемер волочится за женою своего

благодетеля — лицемера; принимает имение под сохранение — лицемеря; спрашивает стакан воды — лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней вакханалии. Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; смолоду, вероятно, грубое дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят, он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верх над Венерою. Во-вторых, он трус, но, проводя свою жизнь с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой. — Он хвастлив по привычке и по расчету.

Фальстаф совсем не глуп, напротив. Он имеет и некоторые привычки человека, нередко выдавшего хорошее общество. Правил нет у него никаких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the Sack), жирный обед и деньги для своих любовниц. Чтоб достать их, он готов на всё, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание. *** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, вылитый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствии повторял про себя: «Какой папинька хлаблий! как папиньку госудаль любит!» Мальчика подслушали и кликнули: «Кто тебе это сказывал, Володя?» — «Папинька», отвечал Володя.

Когда Пугачев сидел на Меновом дворе, праздные москвичи, между обедом и вечером, заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развозить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев сказал: «Известно по преданиям, что Петр I, во время персидского похода услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть кости славного бунтовщика. Вот какова наша слава!» Это сказка. Разин никогда не был погребен в краях, где он свирепствовал. Он был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева. В другой раз некто **, симбирский дворянин, бежавший от него, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами. ** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал».

6 октября 1834.

Дм(итриев) предлагал императору Александру Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и, помолчав, объяснил на то причину. Он

был в заговоре Палена. Пален заставил Муравьева писать конституцию, а между тем произошло дело 11 марта. — Муравьев хвастался в последствии времени, что он будто бы не иначе соглашался на революцию, как с тем, чтоб наследник подписал хартию. Вздор. — План был начертан Рибасом и Паниным. Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла. — Паденье Панина произошло от того, что он сказал, что всё произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Федоровны — и Панин был удален.

(Слышал от Дмитриева.)

Херасков очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному. Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу. Костров несколько времени жил у Хераскова, который не давал ему напиваться. Это наскучило Кострову. Он однажды пропал. Его бросились искать по всей Москве и не нашли. Вдруг Херасков получает от него письмо из Казани. Костров благодарил его за все его милости, «но, писал поэт, воля для меня всего дороже».

Костров был от императрицы Екатерины именован *университетским стихотворцем* и в сем звании получал 1500 р. жалования.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе.

Однажды в университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли бакалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. «Помилуй, Ермил Иванович, сказал ему ректор, ты-то как сюда попался?..» — «Из сострадания к человечеству», отвечал добрый Костров.

Граф Кирилл Разумовский был в заговоре 1762 г. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разумовский еще ничего не знал. Он был дома. Вдруг слышит: к нему стучатся. «Кто там?» — «Орлов. Отоприте». Алексей Орлов, которого до тех пор гр. Разумовский не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку, но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. Пушки-

ным и не помню еще кем), не хочет ей присягать. Разумовский взял пистолеты в карманы, поехал в фуре, приготовленной для посуды, явился в полк и увлек его. Дед мой посажен в крепость, где и сидел два года.

Славный анекдот об указе, разорванном князем Яковом Долгоруким, рассказан у Голикова ошибочно и не вполне. Долгорукий после дерзкого своего поступка уехал домой из сената. Государь, узнав обо всем, очень прогневался и приехал к нему. Князь Яков стал перед ним на колени и просил помилования. Государь, побранив его, стал с ним рассуждать о сущности разорванного указа. Долгорукий изложил ему свое мнение. «Разве не мог ты то же самое сказать, заметил ему Петр, не раздирая моего указа?» — «Правда твоя, государь, отвечал Долгорукий, но я знал, что если я его раздеру, то уже впредь таковых подписывать не станешь, жалея мою старость и усердие». Государь с ним помирился, но, приехав к себе, приказал царице, которая к князьям Долгоруким была особенно милостива, призвать князя Якова и присоветовать ему на другой день при всем сенате просить прощения у государя. Князь Яков начисто отказался. На другой день он, как ни в чем не бывало, встретил в сенате государя и более, чем когда-нибудь,

его оспаривал. Петр, видя, что с ним делать нечего, оставил это дело и более о том уже не упоминал.

(Слышал от кн. А. Н. Голицына.)

Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает незнание женщин. В самом деле: не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостью чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами! Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II, и где женщины вообще более просвещены, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые бог ведает почему.

Гёте имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чайльд-Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с Великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков.

Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное: неудовольствие их несправедливо. Ученый

человек, занятый своим делом, погруженный в свои размышления, не имеет времени являться в общество и приобретать навык к суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости, залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются его языком.

Зорич был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не беспокоить Европу. Он был влюблен в кн. Долгорукую, которая жила в Могилеве, где муж ее начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и княгиня играла на нем в опере *Annette et Lubin*. Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда *Annette* взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку etc.

Когда граф д'Артуа приезжал в Петербург, то государыня приняла его самым ласковым и блистательным образом. Он ей, однако, надое-

дал, и она велела сказать дамам своим, чтоб они постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа в свою карету. Граф д'Ав...., капитан гвардии принца, имея право повсюду следовать за ним, хотел было сесть также в карету, но государыня остановила его, сказав: «*Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le comte d'Artois*». ¹

(Слышал от к(нягини) К. Ф. Долг(оручковой).)

Государь долго не производил Болдырева в генералы за картежную игру. Однажды, в какой-то праздник, во дворце, проходя мимо его в церковь, он сказал: «Болдырев, поздравляю тебя». Болдырев обрадовался; все бывшие тут думали, как и он, и поздравили его. Государь, вышед из церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказал ему: «поздравляю тебя: ты, говорят, вчера выиграл». Болдырев был в отчаянии.

Графа Кочубея похоронили в Невском монастыре. Графиня выпросила у государя позволение огородить решеткою часть пола, под которой он лежит. Старушка Новосильцева сказала: «По-

¹ (На этот раз я обязуюсь быть капитаном гвардии графа д'Артуа.)

смотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах».

Кречетников, при возвращении своем из Польши, позван был в кабинет императрицы. «Исполнил ли ты мои такие приказания?», спросила императрица. — «Нет, государыня», отвечал Кречетников. Государыня вспыхнула: «Как нет!» — Кречетников стал излагать причины, не дозволившие ему исполнить высочайшие повеления. Императрица его не слушала; в порыве величайшего гнева она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетников ожидал своей гибели. Наконец императрица умолкла и стала ходить взад и вперед по комнате. Кречетников стоял ни жив, ни мертв. Через несколько минут государыня снова обратилась к нему и сказала уже гораздо тише: «Скажите же мне, какие причины помешали вам исполнить мою волю?» Кречетников повторил свои прежние оправдания. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться в своей вспыльчивости, сказала ему с видом совершенно успокоенным: «Это — дело другое. Зачем же ты мне тотчас этого не сказал?»

(Слышала от гр. Вельгорского.)

Французские принцы имели большой успех при всех дворах, куда они являлись. Были, однако ж, с их стороны некоторые промахи: они сыпали деньги и дорогие подарки. В Берлине старый принц Витгенштейн сказал Брессону, который хвастался их расточительностью: «*Mais, mon cher M-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la Maison de Bourbon et non pas de la Maison Rotschild*»¹.

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Июнь 1836.

Голландская королева, женщина с умом замечательным и резким, сказала принцу Орлеанскому на бале: «*J'avois des projets hostiles pour vous*». — *Et quoi donc, Madame?* — «*Je voulois paraître inondée de fleurs de Lys*». — *Madame,* отвечал принц, *croyez que j'aurois donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème*².

1836 Июнь.

¹ (Но, мой дорогой г. Брессон, ведь это же вовсе неприлично: ваши принцы принадлежат к дому Бурбонов, а не Ротшильдов.)

² («У меня были по отношению к вам враждебные намерения». — Какие же, сударыня? — «Я хотела появиться вся покрытая лилиями». — Сударыня, поверьте, что я отдал бы всю мою кровь за право носить эту эмблему.)

Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Во время турецкой войны, обедая у главнокомандующего графа Каменского, он заметил, что кондитер вздумал выставить графский вензель на крыльях мельницы из сахара, и сказал графу какую-то колкую шутку. В тот же день Раевский был выслан из главной квартиры. Он рассказывал мне, что Каменский был трус и не мог хладнокровно слышать ядра; однако под какою-то крепостию он видел Каменского, вдавшегoся в опасность. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славою, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, он, дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою: «Кажется, ваше превосходительство, принимаете меня за пушку без прикрытия».

Раевский говорил об одном бедном майоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, отставленный за отличия с мундиром без штанов.

Будри, профессор французской словесности при Царскомесельском лицее, был родной брат Марату. Екатерина II переменяла ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую

частицу de, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата и однажды в классе, говоря о Робеспierre, сказал нам, как ни в чем не бывало: «с'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac»¹. Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный.

Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам, etc. etc. В молодости его, чтобы отвлечь брата от развратных женщин, Марат повел его в госпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни.

О Дурове

Дуров — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки.

¹ (Это он тайком настроил Шарлотту Корде, сделав из этой девушки второго Равальяка.)

Брат в своем роде не уступает в странности сестре. Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде катаlepsии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью, в дороге, он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?» Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. «Я об этом думал», отвечал мне Дуров. — Ну, что же? «Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а резать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть». — Ну, так украдьте полковую казну. «Я об этом думал». — Что же? «Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех

верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?» — Просите денег у государя. «Я об этом думал». — Что же? «Я даже и просил». — Как! безо всякого права? «Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее». — Что же вам отвечали? «Ничего». — Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду. «Я об этом думал». — Что же, за чем дело стало? «Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч; было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!..» Словом: нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не подумал. Последний прожект его был — выманить эти деньги у англичан, подстрекнув их народное честолюбие и в надежде на их любовь к странностям. Он хотел обратиться к ним с следующим *speech*¹: «Гг. англичане! я бился об заклад об 10 000 рублей, что вы не откажетесь мне дать взаймы 100 000. Гг. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навя-

¹ (Спичем.)

зался я, в надежде на ваше всему свету известное великодушие». Дуров просил меня похлопотать об этом в Петербурге через английского посланника, и свой прожект высказал мне не иначе, как взяв с меня честное слово не воспользоваться им. Он готов был всегда биться об заклад, и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине, — «хотите со мной биться об заклад, прерывал Дуров, что через три дня я буду ее иметь?» Стреляли ли в цель из пистолета, — Дуров предлагал стать в 25 шагах и бился о 1 000 рублей, что вы в него не попадете. Страсть его к женщинам была также очень замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, как она была уже привязана к столбу, а он, по должности своей, присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтобы он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено; после чего Дуров жил несколько дней с прекрасной каторжницей. Недавно получил я от него письмо. Он пишет мне: «история моя коротка: я женился, а денег всё нет». Я отвечал ему: «жалею, что из 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам не удался».

3 окт (ября) 1835.

Некто к(нязь М. В.) Х(ованский), возвратясь из Парижа в Москву, отличался невоздержанностью языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину. Императрица велела сказать ему через фельдмаршала графа Салтыкова, что за такие дерзости в Париже сажают в Бастилью, а у нас недавно резали язык, что, не будучи от природы жестока, она для *такого бездельника*, каков Хованский (собственные слова императрицы) нрав свой переменять не намерена, однако советует ему впредь быть осторожнее.

Потемкин, встречаясь с Шешковским, обыкновенно говаривал ему: «Что, Степан Иванович, каково кнутобойничаешь?» На что Шешковский отвечал всегда с низким поклоном: «помаленьку, ваша светлость!»

Р а з г о в о р ы Н. К. Загрязской

12 августа 1835 г. — Вы слышали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знает. Надобно вам сказать, что Торжок был в то время деревушка, государыня сделала из него порядочный городок. Жители торговали (не знаю, как это сказать: *ils faisoient le commerce des grains*) крупами, что ли? — и привозили на барках, не помню куда. Вот этот Ветошкин был приказчиком на этих барках. Он был расколь-

ник. Однажды он является к митрополиту и просит его объяснить ему догматы православия. Митрополит отвечал ему, что для того нужно быть ученым, знать по-гречески, по-еврейски и бог ведает что еще. Ветошкин уходит от него и через два года является опять. Вообразите, что в это время успел он выучиться всему этому. Он отрекся от своего раскола и принял истинную веру. В городе только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойке, дверь об дверь с графом А. С. Строгоновым. Ром жил у них в учителях, — тот самый, что подписал потом определение (о казни Людовика XVI). Он очень был умный человек, *s'étoit une forte tête, un grand raisonneur, il vous eût rendu claire l'Apocalypse*¹. Он у меня был каждый день с своим питомцем. Я ему рассказываю про Ветошкина. — «*Madame, c'est impossible*». — *Mon cher m-r Rome, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste, si vous êtes curieux de savoir ce qu'il en est, vous pouvez voir Ветошкин chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours.* — «*Madame, je n'y manquerai pas*». ² Ром отправился к Потемкину

¹ (Это был большой умница, мастер порассуждать — он бы вам разъяснил Апокалипсис.)

² («Сударыня, это невозможно». — Мой дорогой г. Ром, я вам повторяю то, что все говорят. Впрочем, если хотите проверить, можете повидать Ветошкина у кн. Потемкина, — он бывает у него каждый день. — «Сударыня, я непременно это сделаю».)

и увиделся с Ветошкиным. Он приходит ко мне. — Hé bien, M-r? — «Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant»¹. Мне очень хотелось встретить Ветошкина. Ив. Ив. Шувалов доставил мне случай увидеть его в своем доме. Я застала там двух молодых раскольников, с которыми Ветошкин имел une controverse (прение). Ветошкин был тщедушный мужчина лет 35. Прение их очень меня занимало. После того за ужином я сидела против Ветошкина. Я спросила его, каким образом добился он учености. «Сначала было трудно, отвечал он, а потом всё легче да легче. Книги доставляли мне добрые люди, граф Николай Иванович да князь Григорий Александрович». — Вам, думаю, скучно в Торжке? — «Нет, сударыня, я живу с моими родителями и целый день занят книгами». Потемкин, страстный ко всему необыкновенному, наконец так полюбил Ветошкина, что не мог с ним расстаться. Он взял его с собою в Молдавию, где Ветошкин занемог тамошней лихорадкою и умер почти в одно время с князем. — Очень странный человек этот Ветошкин.

12 августа. — Это было перед самым Петровым днем; мы ехали в Знаменское — матушка,

¹ (Ну, что, сударь? — «Сударыня, я не могу придти в себя от изумления: это настоящий ученый».)

сестра Елисавета Кирилловна и я — в одной карете; батюшка с Василием Ивановичем — в другой. На дороге останавливает нас курьер из кабинета, подходит к каретам и объявляет, что государь приказал звать нас в Петергоф. Батюшка велел было ехать, а Василий Иванович сказал ему: «Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказал, что он когда-нибудь пошлет за дамами, чтоб они явились во дворец, как их застанут, хоть в одних рубашках. И охота ему проказить накануне праздника!» Но курьер попросил батюшку выйти на минуту. Они поговорили — и батюшка велел тотчас ехать в Петергоф. Подъезжаем ко дворцу; нас не пускают, часовой сунул к нам в окошко пистолет или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отец мне сказал: «полно, перестань; что за глупость», и потом, оборотясь к часовому: «мы приехали по приказанию государя». — «Извольте же идти в караульню». — Батюшка пошел, а нас отправил к **, который жил в домиках. Нас приняли. Часа через два приходят от батюшки просить нас в Mon-plaisir, мы поехали; матушка в спальном платье, как была. Приезжаем в Mon-plaisir: видим множество дам, разряженных, en robe de cour¹. А государь

¹ (В придворных туалетах.)

с шляпою набекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, села на пол и закричала: «ни за что не пойду на галеру». Насилу меня уговорили. Миних был с нами. Мы приехали в Кронштадт. Государь первый вышел на берег; все дамы за ним. Матушка с нами осталась на галере (мы не принадлежали той партии). Графиня** (Анна) Карловна Воронцова обещала прислать за нами шлюпку. Вместо шлюпки через несколько минут видим государя и всю его компанию, бегут назад — все опять на галеру — кричат, что сейчас станут нас бомбардировать. Государь ушел à fond de cale¹ с графиней Лисаветой Романовной; а Миних, как ни в чем не бывало, разговаривает с дамами, leur faisant la cour². Мы приехали в Ораниенбаум. Государь пошел в крепость (?), а мы во дворец; на другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже всё. Государь был очень жалок. На эктинье его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В Петербурге народ принял нас за императрицу и кричал нам «ура». На другой день государыня привезла матушке ленту.

12 августа. — Потемкин очень меня любил; не знаю, чего бы он для меня не сделал. У Ма-

¹ (В трюм.)

² (Ухаживая за ними.)

шеньки была une maîtresse de clavecin¹. Раз она мне говорит: «Madame, je ne puis rester à Petersbourg». — Pourquoi ça? — «Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage ou bien de rester oisive». — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre². Приезжает ко мне Потемкин. Я говорю ему: «Как ты хочешь, Потемкин, а мамзель мою пристрой куда-нибудь». — «Ах, моя голубушка, сердечно рад, да что для нее сделать, право, не знаю». Что же? через несколько дней приписали мою мамзель к какому-то полку и дали ей жалования. Нынче этого сделать уж нельзя.

Orloff étoit mal élevé et avoit un très mauvais ton³. Однажды у государыни сказал он при нас: по одежке держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante. C'étoit un homme d'esprit et depuis je crois qu'il

¹ <Учительница, обучавшая ее игре на клавесине.>

² <«Сударыня, я не могу оставаться в Петербурге». — Почему? — «Зимой я могу давать уроки, а летом все разъезжаются по дачам, и я не в состоянии оплачивать экипаж или оставаться без работы». — Сударыня, вы не уедете, надо это уладить так или иначе.>

³ <Орлов был плохо воспитан и отличался весьма дурным тоном.>

s'est formé. Il avoit l'air d'un brigand avec sa balafre¹.

Потемкин, сидя у меня, сказал мне однажды: «Наталья Кирилловна, хочешь ты зёмли?» — «Какие земли? — «У меня там есть, в Крыму». — «Зачем мне брать у тебя земли, к какой стати?» — «Разумеется, государыня подарит, а я только ей скажу». — «Сделай одолжение. — Я поговорила об этом с Тamarой, который мне сказал: «Спросите у князя планы, а я вам выберу земли». Так и сделалось. Проходит год; мне приносят 80 рублей. «Откуда, батюшка?» — «С ваших новых земель — там ходят стада, и за это вот вам деньги». — «Спасибо, батюшка». Проходит еще год, другой. Тамара говорит мне: «Что же вы не думаете о заселении ваших земель? Десять лет пройдут, так худо будет: вы заплатите большой штраф». — «Да что же мне делать? — «Напишите вашему батюшке письмо, он не откажет вам дать крестьян на заселение». Я так и сделала; батюшка пожаловал мне 300 душ. Я их поселила; на другой год они все разбежались, не знаю отчего. В то время Кочубей сватался за Машу.

¹ (Я нашла это выражение весьма пошлым и очень неприличным. Он был человеком неглупым и впоследствии, я думаю, приобрел манеры. Шрам делал его похожим на разбойника.)

Я ему и сказала: «Кочубей, возьми, пожалуйста, мои крымские земли, мне с ними только что хлопоты». Что же? Эти земли давали после Кочубею 50 000 дохода. Я очень была рада.

Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не поверишь, как я о тебе грущу». — «А что такое?» — «Не знаю, куда мне будет тебя девать». — «Как так?» — «Ты моложе государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком». Потемкин задумался и сказал: «Не беспокойся: я умру прежде государыни; я умру скоро». И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала.

Orloff étoit régicide dans l'âme, c'étoit comme une mauvaise habitude¹. Я встретила с ним в Дрездене, в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I. «Что за урод! Как это его терпят?» — Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? ведь не задушить же его? — «А почему же нет, матушка?» — Как! и ты согласился бы, чтобы дочь

¹ (Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой.)

твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело? — «Не только согласился бы, а был бы очень тому рад». Вот каков был человек!

Я была очень смешлива; государь, который часто ездил к матушке, бывало, нарочно меня смешил разными гримасами; он не похож был на государя.

Государь (Петр III) однажды объявил, что будет в нашем доме церемония в сенях. У него был арап Нарцисс; этот арап Нарцисс подрался на улице с палачом, и государь хотел снять с него бесчестие (*il vouloit le réhabiliter*). Привели арапа к нам в сени, принесли знамена и прикрыли его ими. Тем и дело кончилось.

О Потемкине. Н. Н., вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. «Хиба вин не тямит того, говорил он на своем наречии, що я такой еднорал, як вин сам». Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: «Что ты врешь? какой ты генерал? Ты генерал-бас».

О Потемкине. Однажды Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них: «Зна-

ете ли вы, хохлачи, что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут на ней звонить, так в Сечи будет слышно?» — «То не диво, отвечал запорожец; у нас у Запорозцине е такие кобзары, що як заграють, то аж у Петербурси затанцують».

О Потемкине. Князь Потемкин во время очаковского похода влюблен был в графиню**. Добившись свидания и находясь с нею наедине в своей ставке, он вдруг дернул за звонок, и пушки кругом всего лагеря загремели. Муж графини**, человек острый и безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожимая плечами: «Экое кири-куку!»

О Потемкине. Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стишки:

Любезный друг
Коль тебе досуг,
Приезжай ко мне;
Коли не так,
Лежи в — —

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение.

У Крылова над диваном, где он обыкновенно сидел, висела большая картина в тяжелой

раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, не прочен, и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. «Нет, отвечал Крылов, угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову».

[Сумароков очень уважал Баркова, как ученого и острого критика, и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков пришел однажды к Сумарокову. «Сумароков великий человек! Сумароков первый русский стихотворец», сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: «Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только что третий». Сумароков чуть его не зарезал.]

⟨1835 — 1836⟩

ДНЕВНИКИ
И
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

*Подготовка к печати
и комментарии
Т. Г. Зенгер*

⟨Из лицейского дневника 1815 г.⟩

...большой грузинский нос, а партизан почти и вовсе был без носу. Давыдов является к Бенигсену: князь Багратион, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...

— На каком носу, Денис Васильевич?—отвечает генерал. — Ежели на вашем, так он уж близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...

Жуковский дарит мне свои стихотворенья.—

28 ноября.

Шишков и г-жа Бунина увенчали недавно князя Шаховского лавровым венком; на этот случай сочинили очень остроумную пиесу под названием: *Венчанье Шутовского*. (Гимн на голос: *de Duhamel*).

Вчера в торжественном венчаньи
Творца *затей*
Мы зрели полное собранье
Беседы всей;
И все в один кричали строй:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Он злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад,
В беседе добрый усыпитель,
Хлыстову брат,
И враг талантов записной!
Хвала, (хвала тебе, о Шутовской)
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Всей братьи дал свои он *Шубы*,
И все дрожат!
Его величие не трубы —
Свистки гласят.
Он мил и телом и душой!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

И вот под сенью обветшало
Старик седой!
Пред ним вязанки прозы вялой,
Псалтырь в десной.
Кругом поэтов бледный строй:
Хвала, хвала тебе, старик седой!
О дед седой! (Bis)

И вдруг раздался за дверьми
И скрип и вой —
Идут сотрудники с гудками
И сам герой!
Поет он гимн венчальный свой,
Хвала, хвала тебе, о Шутовской,
Хвала, герой!
Хвала, герой!

«Я князь, поэт, директор, воин —
Везде велик,
Венца лаврового достоин
Мой тучный лик.
Венчая, пойте всей толпой:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Писал я на друзей пасквили
И на отца
Поэмы, тощи водевили —
Им нет конца.
И *Воды* я пишу водой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, герой!
Тебе, герой!

Еврей мой написал Дебору,
А я списал.
В моих твореньях много сору —
Кто ж их читал?
Доволен, право, я собой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Потом к Макару и Ежовой
Герой бежит.
«Вот орден мой — венок лавровый.
Пусть буду бит,
Зато увенчан красотой!»
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

29 *(ноября.)*

И так я счастлив был, и так я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..

Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! — Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице. Сладкая минута!..

Он пел любовь, но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку!—

Жуковский.

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее 18 часов — ах! Какое положение, какая мука! — — —

Но я был счастлив 5 минут — —

10 декабря.

Вчера написал я третью главу *Фатама или разума человеческого: Право естественное*. Читал ее С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для фило-софа! — Поутру читал *Жизнь Вольтера*.

Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее.

Третьего дни хотел я начать ироическую поэму: *Игорь и Ольга*, а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова, — вот она:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Летом напишу я *Картину Царского Села*.

1. Картина сада.
2. Дворец. *День в Царском Селе*.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царского Села.

Вот главные предметы вседневных моих записок. Но это еще *будущее*.

Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты на голос: *Бери себе повесу*. Запишу, сколько могу упомнить:

На Георгиевского.

Предположив — и дальше
На грацию намека.
Ну-с — Августин богослов,
Профессор Бутервек.

или:
Над печкою богослов,
А в печке Бутервек.

Потом Ниобы группа,
Кореджиев тьмо-свет,
Прелестна Грациозность
И счастлив он поэт.

На Кайданова.

Потише, животины.
Да долго ль, говорю!
Потише — Бомгольм, Борнгольм,
Еще раз повторю.

На Карцева.

Какие ж вы ленивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховский,
Вы ересь понесли.

А что читает Пушкин!
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

А слышали ль вы новость?
Наш доктор стал ленив. *или:* ревнив
Драгуна посылает, И граф послал драгуна
Чтоб отпереть жену.

А Камараж взбесился,
Романа обокрал;
А Фридебург свалился,
А граф захохотал.

Наш доктор хромоглазый
В банк выиграл вчера,
А следственно гоняет
Он лошадей с утра.

Н а Ш у м а х е р а.

Скажите мне шastiцы,
Как например: wenn so,
Je weniger und desto,
Die Sonne scheint also ¹.

Н а Г а к е н а.

Мольшать! я сам фидала,
Мольшать! я гуфернер!
Мольшать! — ты сам софрала —
Пожалуюсь теперь.

Н а В л а д и с л а в л е в а.

Матвеюшка, дай соли,
Нет моченьки, мой свет,
Служил я государю
Одиннадцать уж лет.

Н а Л е в а ш о в а.

Bonjour, Messieurs, — потише
Поводьем не играй!

¹ <Если так, чем меньше и тем... И так, солнце светит.>

Уж я тебя потешу
А quand l'équitation¹.

На Вильмушку.

Лишь для безумцев, Зульма,
Вино запрещено.
А Вильмушке, поэту, или: А не даны поэту
Стихи писать грешно. Ни гений, ни вино.

На Зяб. и Петр.

Какой столичный город,
Желательно бы знать?
А что такое ворот,
Извольте мне сказать?

На Иконникова.

Скашите: раз, два, три,
Тут скажут все скоты:
Да где ж ее возрасти?
Да на святой Руси!

На Кунцына.

Известен третий способ:
Через откупщиков;
В сем случае помещик
Владелец лишь земли.

17 (декабря.)

Вчера провел я вечер с Иконниковым.

Хотите ли видеть странного человека, чудака,—
посмотрите на Иконникова. Поступки его —

¹ (Когда будет урок верховой езды.)

поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату, видите высокого, худого человека, в черном сюртуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки, он дико смотрит на вас — вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или друг — он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя — он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушенным голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним карафин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодареньях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен, честолюбив. Иконников имеет дарованья, пишет изрядно стихи и любит поэзию; вы читаете ему свою пиесу — наотрез говорит он: такое-то ме-

сто глупо, без смысла, низко, зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда.

М о и м ы с л и о Ш а х о в с к о м .

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец.— Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель—что ж он такой?—Неглупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.—

Он написал *Нового Стерна*: холодный пасквиль на Карамзина.—

Он написал водевиль *Ломоносов*: представил отца русской поэзии в кабаке и заставил его немцам говорить русские свои стихи, и растянул на три действия две или три занимательные сцены.—

Он написал *Казак-стихотворец*; в нем есть счастливые слова, песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки. — *Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны. —

Не говорю о *Встрече незваных* — пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности. —

Он написал поэму *Шубы* — и все дрожат.

И наконец написал он комедию *Кокетку* — хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжение трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но всё комедию. —

Первые ее явления скучны. Князь Холмской, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия.

⟨1815⟩

⟨Из Кишиневского дневника⟩

⟨1821⟩

2 апреля. Вечер провел у Н. Г. — прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек: все отчаявались в успехе предприятия *этерии*. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла. С крайним сожалением узнал я, что Владимирско не имеет другого достоинства, кроме храбрости необыкновенной — храбрости достанет и у Ипсиланти.

3 (апреля). Третьего дни хоронили мы здешнего митрополита; во всей церемонии более всего понравились мне жидаы: они наполняли

тесные улицы, взбирались на кровли и составляли там живописные группы. Равнодушие изображалось на их лицах; со всем тем — ни одной улыбки, ни одного нескромного движенья! Они боятся христиан и потому во сто крат благочестивее их.

Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков.* Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский — прелесть.

9 апреля. Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. *Mon coeur est matérialiste*, говорит он, *mais ma raison s'y refuse.*¹ Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...

Получил письмо от Чедаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы: никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, — одного тебя может любить холодная душа моя. — Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. — Мне надобно его видеть.

¹ (Сердцем я материалист, но мой разум этому противится.)

В «Сыне Отечества» напечатали одно письмо мое к Василию Львовичу. Это меня взбесило; тотчас написал Гречу официальное письмо.

Вчера князь Дм. Ипсиланти сказал мне, что греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский.

4 мая был я принят в масоны.

9 мая. Вот уже ровно год, как я оставил Петербург. Третьего дня писал я к князю Ипсиланти, с молодым французом, который отправляется в греческое войско.—Вчера был у кн. Суццо.

Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека.

26 мая. Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пущин, Алексеев и Пестель; потом был я в здешнем остроге. В. Тарас Кирилов. Вечер у Крупенских:

6 июня написал следующую записку:

Avis à M-r Déguilly ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un Jean Foutre, il faut encore l'être franchement. A la veille d'un foutu duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament etc. etc.¹—
Оставим этого несчастного.

¹ (К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть дрянью, надо еще быть им открыто. Накануне дрянной дуэли на саблях не пишут на глазах жены иеремиад, завещания и пр. пр.)

〈Из записной книжки 1820—1822 гг.〉

О... disoit en 1820: «Révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains vous avez fait une sottise en détrônant Napoléon». ¹

Le général R. disoit à N. affligé d'un mal d'aventure: «Il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé». ²

Р., встретив однажды человека весьма услужливого, сказал ему: «Вы простудитесь, на дворе сыро, мокро (maquereau)». ³

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues, toutes se sont passablement moquées de moi; toutes à l'exception d'une seule ont fait avec moi les coquettes. ⁴

¹ 〈О. говорил в 1820 году: «Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув с престола Наполеона.»〉

² 〈Генерал Р. говорил Н., когда у него сделался нарыв на ноге: «От высокого до сулемы один шаг». (В этой переделке известной поговорки: «От высокого до смешного один шаг» — непереводаемая игра слов: по-французски sublime значит высокое, а sublimé сулема.)〉

³ 〈Игра слов: maquereau — значит сводник.〉

⁴ 〈Я более или менее влюблялся во всех красивых женщин, которых встречал; все они изрядно пренебрегали мною; все, за исключением одной, со мной кокетничали.〉

〈Из автобиографических записок〉

1824. Ноябрь 19. Михайловское.

Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бани, клубнике и проч., но всё это нравилось мне не долго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, 〈что〉 деревня *est le premier*¹.

...Попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого Арапа. Через четверть часа он опять попросил водки — и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... кушанья поставили...

〈Воображаемый разговор с Александром I〉

Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи». Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: «Я читал вашу оду *Свобода*. Она написана немного сбивчиво, слегка 〈?〉 обдуманна», а я: — Но тут есть

¹ 〈Первое.〉

три строфы очень хорошие... «Я заметил, [вы] старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные; что вы не уважили правду личную и честь даже в царе». — Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 песнь «Руслана и Людмилы», ежели не всю поэму, или I часть «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан». «Онегин» печатается; буду иметь честь отправить два экземпляра в библиотеку вашего величества к Ив. Андр. Крылову, и если ваше величество найдете время... «Помилуйте, Александр Сергеевич. Чт(ение) ваших стихов [доставляет нам приятное занятие]. Наше царское правило: дела не делай, от дела [не бегай].¹

¹ <Дальше зачеркнуто:> [«Скажите, неужто вы всё не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо. Вы не должны на меня жаловаться; если я вас и не отличал еще, дожидая случая, то всё (?) ж (?) вам жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ король гишпанский или император австрийский с вами не так бы поступили. За все ваши проказы вы жили в теплом климате; что вы делали у Инзова и у Воронцова?» — Ваше величество, Инзов меня очень любил, и за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, Франкфуртский журнал. А его сиятельство граф Воронцов не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная русскую литературу, как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно...]

Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?» — Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный, он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам; он уже не волочится, ему не 18 лет от роду: страсти, если и были в нем, то уж давно погасли. (Он) доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив. Не опрометчив, не верит сложеным пасквилям. Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову. От дурных стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться. Слабость непозволительная. «Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится». — Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление и две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь? Я всегда почитал и почитаю вас, как лучшего из европейских нынешних властителей (увидим, однако, что будет из Карла X),

но ваш последний поступок со мною *(нрзбр)*— я смело выражаюсь (?), ссылаясь на собственное ваше сердце — противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей. «Признайтесь; вы всегда надеялись на мое великодушие?»— Это не было бы оскорбительно вашему величеству, [но] вы видите, что я бы ошибся в своих расчетах. —

Но тут бы Александр Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего [хоть отчасти справедливого], я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму *Ермак* или *Кочум* *(нрзбр)* размером с рифмами...

(Декабря 1824)

⟨Из автобиографических записок⟩

⟨запечат⟩лены печатью вольномыслия.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаяньи; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления—одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня

тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всей поэтической своей прелестью. Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов *Русской истории* Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3 000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свете, толки были во всей силе. — Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слога *Истории* Карамзина. Одна дама, впрочем весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: „*Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...*» *Однако!*.. Зачем не *но? Однако!* как это глупо! чувствуете

ли всю ничтожность вашего Карамзина? *Однако!*“— В журналах его не критиковали. Каченовский бросился на одно предисловие...

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина, — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты русской истории* свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех годах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. — Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, — казались им верхом варварства и унижения. — Они забывали, что Карамзин печатал *Историю* свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что *История государства Российского* есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!.. Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале *Истории* не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т. е. требовал романа в истории — ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностью*, — конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.

...Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменился. Я встал. Скоро Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни

Шихматов, ни Кутузов на меня не говорили». В течение шестилетнего знакомства только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

⟨1826⟩

⟨Встреча с Бюхельбекером⟩

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Перед тем я обедал. При расплате не достало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял займы 200 руб. и уехал, очень недоволен сам собою. — На следующей станции нашел я шиллерова «Духовидца», но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем.—Вероятно, поляки? сказал я хозяйке. «Да, отвечала она, их нынче отвозят назад». — Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинеле, и с виду настоящий жид — я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю К(юхельбекера). Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. К(юхельбекеру) сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. — Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, — но куда же?

Луга.

〈Программа записок〉

Семья моего отца — его воспитание — французы-учителя. — [Mr.] Вонт.(?) секретарь Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства. — Бабушка и ее мать — их бедность. — Иван Абрамович. — Свадьба отца.—

Смерть Екатерины. — Рождение Ольги. — Отец выходит в отставку, едет в Москву. — Рождение мое.

Первые впечатления. Юсупов сад — Землетрясение. — Няня. Отъезд матери в деревню — Первые неприятности — Гувернантки. [Ранняя любовь.] — Рождение Льва. — Мои неприятные воспоминания. — Смерть Николая. — Монфор — Русло — Кат. П. и Ан. Ив. — Нестерпимое состояние. — Охота к чтению. Меня везут в П. Б. Езуиты. Тургенев. Лицей.

1811

Дядя Василий Львович. — Дмитриев. Дашков (?). Блудов. Возня с(*нрзбр*) Ан. Ник. — Светская жизнь. — *Лицей*. Открытие. Государь. Малиновский, Куницын, Аракчеев. — Начальники наши. — Мое положение. — Философич(еские) мысли. — Мартинизм. — Мы прогоняем Пилецкого. —

1812 1813

Государыня в Сарском Селе. Гр. Кочубей. Смерть Малиновского — безначалие, Чачков, Фролов — 15 лет.

1814

[Экзамен, Галич, Державин — стихотворство — смерть.]

Известие о взятии Парижа. — Смерть Малиновского. Безначалие. — [Приезд Карамз.] — [Первая любовь] — [Жизнь Карамзина.] Больница. Приезд матери. Приезд отца. Стихи etc. — Отношение к това(рищам). Мое тщеславие.

1815

[Экзамен — Сти]

⟨1830?⟩

⟨Родословная Пушкиных и Ганибалов⟩

Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лени. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. [Они могли замешать имена многих, и может быть умножить число жертв.] Не могу не сожалеть о их потере ⟨*нрзбр*⟩; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая трогательная ⟨?⟩ торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей.

Зато буду осмотрительнее в моих показаниях, и если записки будут менее живы, то более достоверны.

[Избрав] себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении.

Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междоусобицы, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*. Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольный Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу госу-

даря и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшей дочери графа Головина, первого Андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Всё это знаю я довольно темно.

Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах, потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предложениями. Наконец государь написал ему, что он

неволять его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции; но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в майоры тобольского гарнизона и послан в Сибирь с поручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. — Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слушать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на

престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: «Помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Елисавета тотчас призвала его к двору, произвела его в бригадиры, и вскоре потом в генерал-майоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой: Зуево, Бор, Петровское и другие; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, такую же деревню Раголу, близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни. Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обою пола.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжался брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления донныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочим Суворовым, который при нем оставлял свои проказы, и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт*, говорила она, *делат мне шорна репят и дает им шертовск имя*) — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего

(который доводится внучатым братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. 30 лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре.

(1830-е годы)

⟨Записки 1831 г.⟩

26-го июля. Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспо-

койств. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинной головою и с распискою одного из офицеров, которого пред смертью принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекаря отравляли людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться гр. Орлова, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. «Тогда я вас прощу», сказал он им. Кажется, всё усмирено, а если нет еще, то всё усмирится присутствием государя.

Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть всеу употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, — и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражения. Такие разговоры неприличны, а прения площадные

превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину; государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж.

Покамест полагали, что холера прилипчива, как чума, до тех пор карантинны были зло необходимое. Но коль скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантинны должны были тотчас быть уничтожены. 16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантинны, не подкрепленные достаточною цепию, военною силою, — суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантиннам. В прошлом году карантинны остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантинны—народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантинны тут, меньшее зло будет предпочтено большему, и народ будет более беспокоиться о своем продо-

вольствию, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве.

29 (июля). Третьего дня государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова.

Государь приехал перед самыми родами императрицы. Бунт в новгородских колониях усмирен его присутствием. Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчеевского и короля Прусского перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекали на плаце. Над некоторыми жертвами убийцы ругались. Посадив на стул одного майора, они подходили к нему с шутками: «Ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои, вы так смиренны». — И с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек, один из них спасен больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели однако же его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино, чтоб убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жан-

дармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров полка Прусского короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом; но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт, находившийся при нем, сказал им с негодованием: «Вам бы должно вынести кутью». Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы, приложился и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что не может им простить, и требовал, чтоб они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа императора.

Восемь полков, возмущившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчино.

Сентября 4. Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы. Паскевич ранен в бок. Мартынов и Ефимович убиты. Гейсмар ранен. — Наших пало 6 000. Поляки защищались отчаянно. Приступ начался 24 августа. Варшава сдавалась безусловно 27. Раненый Паскевич сказал: «*Du moins j'ai fait mon devoir*»¹. Гвардия всё

¹ (По крайней мере я исполнил свой долг.)

время стояла под ядрами. Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным. Государь пожаловал его полковником в Суворовском полку. Паскевич сделан князем и светлейшим. Скржнецкий скрывается; Лелевель при Ромарино; Суворов видел в Варшаве Montebello (Lasne), Высоцкого, начинщика революции, гр. А. Потоцкого и других. Взятие под стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

На-днях скончался в П. Б. фон-Фок, начальник 3-го отделения государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: «J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer».¹ Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей?

Мнение Жомини о польской кампании. Главная ошибка Дибича состояла в том, что он, предвидя скорую оттепель, поспешил начать свои действия наперекор здравому смыслу. 15 дней—разницы не сделали бы. Счастье во многом помогло Паскевичу. 1) Он не мог перейти со всеми силами Вислу; но на Палена Скржнецкий не

¹ (Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть себя, что не мог его любить.)

напал. 2) Он должен был пойти на приступ, а из Варшавы выступило 20 000 — и ушли слишком далеко. Ошибка Скржнецкого состояла в том, что он пожертвовал 8 000 избранного войска понапрасну под Остроленкой. Позиция его была чрезвычайно сильная, и Паскевич опасался ее. Но Скржнецкого сменили недовольные его действиями или бездействием начальники мятежа — и Польша погибла.

«Сколько в Суворовском полку осталось?» спросил государь у Суворова. «300 человек, ваше величество». — «Нет, 301: ты в нем полковник».

⟨Заметка о холере⟩

В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. — Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал

(нрзбр): «cholera morbus подошла к нашим границам и через пять лет *будет у нас*».

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 г. старая молдаванская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. — Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей и животных, но и самые растения, что она желтой полосой стелется вверх по течению рек, что по мнению некоторых она зарождается от гнилых плодов и прочее — всё, чему после мы успели наслышаться.

Таким образом, в дальнем уезде *(Псковской)* губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через 5 лет сделалось мыслию всей Европы.

Спустя 5 лет я был в Москве: домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. — По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был

обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме, как элегия к дифирамбу.

Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. — Бедная ярманка! Она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой. —

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляются деревни, учреждаются карантинны. [Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению, мятежи вспыхивают то здесь, то там. Нелепые.]

Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспokoиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю

известие, что холера в Москве. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава!—

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебрянный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

Я поехал рысью, вдруг

⟨1831?⟩

⟨Запись о 18 брюмера⟩

M-r Paëz, alors secretaire d'Embassade à Paris, m'a confirmé le recit de Bourienne. Ayant appris quelque jours avant qu'il se preparoit quelque chose de grave, il vint à S-t Cloud & se rendit à la salle des Cinq-Cents. Il vit Napoléon lever la main pour demander la parole, il entendit ses paroles sans suite, il vit d'Estrem & Biot le saisir au collet, le secouer. Bonaparte étoit pâle (de

colère, remarque M-r Paëz). Quand il fut dehors & qu'il harangua les grenadiers, il trouva ceux-ci froids & peu disposés à lui prêter main-forte. Ce fut sur l'avis de Talleyrand & de Ciyès, qui se trouvoient près, qu'un officier vint parler à l'oreille de Lucien, président. Celui-ci s'écriat: vous voulez que je prononce la mise en accusation de mon frère & c... il n'en étoit rien, au milieu du tumulte les cinq-cents demandoient le Général à la barre, pour qu'il y fit ses excuses à l'assemblée. On ne connoissoit pas encore ses projets, mais on avait senti d'instinct, l'illégalité de sa démarche.

10 août 1832 c'est hier que l'Embassadeur d'Espagne me donnat ces détails à diner chez le C-te J. Pouchkine.¹

¹ (Господин Паэс, в то время секретарь посольства в Париже, подтвердил мне следующий рассказ Бурьена. Узнав за несколько дней, что готовилось что-то серьезное, он прибыл в Сен-Клу и отправился в залу пятисот. Он видел, как Наполеон поднял руку, требуя слова, он слышал его бессвязные слова, он видел, как Дестрем и Био схватили его за шиворот и трясли его. Бонапарт был бледен (от гнева, замечает Паэс). Когда он вышел и обратился с речью к гренадерам, он нашел их хладнокровными и мало расположенными оказать ему поддержку. По совету Талейрана и Сийеса, которые находились вблизи, некий офицер подошел и сказал что-то на ухо председателю Люсьену. Последний воскликнул: «Вы хотите, чтобы я привлек к суду моего брата», и т. д. Не тут-то было, среди общего шума члены пятисот требовали генерала к решетке для принесения

〈Программа записок〉

Кишинев. — Приезд мой из Кавказа и Крыму — Орлов — Ипсиланти — Каменка — *Фонт*. — Греческая революция — *Липранди* — *12 год* — *mort de sa femme* — *le r négat*¹ — Паша арзрумской.

〈Осень 1833.〉

〈Дневник〉

〈1833〉

24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной, видел Жуковского. Он здоров и помолодел. Вечером *gout* у Фикельмон. Странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишиневских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже; не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал

извинений собранию. Еще не знали о его намерениях, но инстинктивно почувствовали незаконность его выступления.

10 августа 1832. Вчера испанский посланник сообщил мне эти подробности во время обеда у гр. И. (Мусина-) Пушкина).

¹ 〈Смерть его жены, ренегат.〉

этерию, представя ее императору Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады, — тонкость фанариота была побеждена хитростью русского офицера! Это оскорбляло его самолюбие.

Государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь.

27. Обед у Энгельгарда — говорили о Сухозанете, назначенном в начальники всем корпусам. «C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements»¹, сказал Энгельгард.

Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом, — особенно в настоящее время, бедное и бедственное.

Вечер у Вяз(емских.)

28. Роут у В. С. Салтыкова. Гр. Орлов говорит о турецком посланнике: «C'est un animal». — «Il a donc un secrétaire?» — «Oui, un Phanariote, et c'est tout dire»².

29. Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) выбор Сухозанета, человека запятнанного, вошедшего в люди через Яшвиля — педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только

¹ (Это, очевидно, для того, чтобы придать другой характер сим заведениям.)

² (Это скотина. — А есть у него секретарь? — Да, какой-то фанариот, и этим всё сказано.)

изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме инвалидов. 2) Дамские мундиры. 3) Выдача гвардейского офицера ф. Бринкена курляндскому дворянству. Бринкен пойман в воровстве; государь не приказал его судить по законам, а отдал его на суд курляндскому дворянству. Это зачем? К чему такое своевольное различие между дворянином псковским и курляндским, между гвардейским офицером и другим чиновником? Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства? Или нет у нас законов на воровство? Что, если курляндцы выключат его из среды своего дворянства и отошлют его, уже как дворянина русского, к суду обыкновенному? Вот вопросы, которые повторяются везде. Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь... Или хочет он сделать опять из гвардии то, что была она прежде? поздно!

Молодая графиня Штакельберг (урожд. Тизенгаузен) умерла в родах. Траур у Хитровой и у Фикельмон.

Вчера играли здесь *Les enfants d'Edouard* и с большим успехом. Трагедия, говорят, будет запрещена. Экерн удивляется смелости применений... Блай их не заметил. Блай, кажется, прав.

30 нояб. Вчера бал у Бутурлина (Жомини).— Любопытный разговор с Блайем: Зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности Петербурга? но он защищен Кроншлатом. Игрушка! — Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным). Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг цивилизации... etc.

Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафроке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии. — Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, — а гвардия была в своем цветущем состоянии.

...При открытии Александровской колонны, говорят, будет 100 000 гвардии под ружьем.

Декабрь 1833.

3. Вчера государь возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов. В Москве его не ожидали. Во дворце не было ни одной топленой комнаты. Он не мог добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читал мне сказку *Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.*, — очень оригинально и очень смешно.

4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине: Наталья Кирилловна была на галере вместе с Петром III во время революции. Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее в Эрмитаж. Кн. Дашкова спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: через алтарь. Дашкова на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в алтарь. Остановилась на минуту, — поговорила с сыном о святости того места — и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали государыни, в том числе и Дашкова. — Вдруг дверь отворилась, и государыня влетела, и прямо к Дашковой. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась в вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в алтарь. «Как вам не стыдно, отвечала Екатерина, — вы русская — и не знаете своего закона; священник принужден на вас мне жаловаться...» Наталья Кирилловна рассказала анекдот с большой живостию. Княгиня Кочубей заметила, что Дашкова вошла, вероятно, в алтарь — в качестве президента

Русской академии. Второго анекдота я не выслушал. —

Шум о дамских мундирах продолжается, — к 6-му мало будет готовых. Позволено явиться в прежних русских платьях.

Храповицкой (автор записок) был некогда адъютантом у графа Кирилла Разумовского. — У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь, *Будакова*. Это знала Наталья Кирилловна от *прежних* елисаветинских фрейлин.

Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также, — государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елисавета хотела завещать свои записки Карамзину (слыш. от Катерины Андреевны).

6 декабря. Именины государя. Мартынов комендант. 4 полных генералов.—Перовский—генерал-лейтенант.—Меншиков адмирал. Дамы представлялись в русском платье. На это некоторые смотрят как на торжество. Скобелев безрукий сказал кн. В—ой: «я отдал бы последние три пальца для такого торжества!» В. сначала не могла его понять.

Обедал у гр. А. Бобринского... Мятлев читал уморительные стихи. Молодые офицеры, которых великий князь застал ночью в неисправности, и которые содержались под арестом, прощены.

14 декабря. Обед у Блая, вечер у См(ирн).

11-го получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшей ценсурою; стихи:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?), — всё это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным.

Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян, — эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отворать от них голода. Всё это очень соблазнительно. — В обществе ропщут, — а у Нессельроде и Кочубей будут балы — (что также есть способ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе; императрица была нездорова. — Поутру — обедня и молебен.

15. Бал у Кочубея. — Императрица должна была быть, но не приехала. Она простудилась. — Бал был очень блистателен. — Гр. Шувалова удивительно была хороша. —

17. Вечер у Жуковского. Немецкий amateur¹, ученик Тиков, читал «Фауста» — неудачно, по моему мнению. —

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. — Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. — Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н. сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

Улицы не безопасны. Сухтельн был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция, видно, занимается политикой, а не ворами и мостовою. — Блудова обокрали прошедшею ночью.

1834

1 января. Третьего дня я пожалован в камерюнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Нико-

¹ (Любитель.)

лаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своею женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа, — он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума.

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

Встретил новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.—

7-го. Вигель получил звезду и очень ею доволен. Вчера был он у меня. — Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве.— Вигель рассказал мне любопытный анекдот. Некто Норман или Леэрман, сын кормилицы Екатерины II, умершей 96 лет, некогда рассказал Вигелю сле-

дующее. — Мать его жила в белорусской деревне, пожалованной ей государыней. Однажды сказала она своему сыну: «Запиши сегодняшнее число: я видела странный сон. Мне снилось, будто я держу на коленях маленькую мою Екатерину в белом платье — как помню ее 60 лет тому назад». Сын исполнил ее приказание. Несколько времени спустя, дошло до него известие о смерти Екатерины. Он бросился к своей записке, — на ней стояло 6-ое ноября 1796. Старая мать его, узнав о кончине государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лет после.

В свете очень шумят о Безобразовых. — Он еще под арестом. — Жена его вчера ночью уехала к своему брату, к дивизионному генералу. Думают, что Безобразов не останется флигель-адъютантом.

Государь сказал княгине Вяземской: «J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui» etc. etc.¹ Великий князь намерен поздравил меня в театре. «Покорнейше благодарю,

¹ (Я надеюсь, что Пушкин хорошо принял свое назначение. До сих пор он держал данное мне слово, и я был доволен им... и пр. пр.)

ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

17. Бал у гр. Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем *Пугачеве*, он сказал мне: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости *(нрзбр)* (с 1774-го году!). Правда, она жила на свободе в предместье, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

26-го января. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. — Я уехал, оставляя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. — Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: «Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches»¹.

В четверг бал у кн. Трубецкого, траур по каком-то князе (т. е. принце). Дамы в черном. Государь

¹ (Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему.)

приехал неожиданно. Был на полчаса. Сказал жене: «Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement?»¹ (Мундирные пуговицы. Старуха гр. Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты.)

Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.

Безобразов отправлен на Кавказ, жена его уже в Москве.

28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен, — множество балов, раутов etc. Масленица. Государыня была больна, и около двух недель не выезжала, я представлялся. Государь позволил мне печатать *Пугачева*; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения. —

Вчера обед у гр. Бобринского. Третьего дня бал у гр. Шувалова. — На бале явился царевубийца Скарятин. — Великий князь говорил мно-

¹ (Из-за башмаков или из-за пуговиц ваш муж не явился недавно?)

жество каламбуров: полиции много дела (такой *распутной* масленицы я не видывал). Сегодня бал у австрийского посланника.

6 марта. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня масленицы (*4-го мар.*) даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие — на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей окончился утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменили свой наряд. — Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидывали утренним счастливым. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов князя Кочубея; таким образом ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли. — Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались.

Царь дал мне займы 20 000 на напечатание *Пугачева*. — Спасибо.

В городе много говорят о связи молодой княгини С(уворовой) с графом В(итгенштейном.) — Заметили на ней новые бриллианты, — рассказывали, что она приняла их в подарок от В(итгенштейна) (будто бы по завещанию покойной его жены), что Суворов имел за то жестокое объясне-

ние с женою etc. etc. Всё это пустые сплетни: бриллианты принадлежали К — вой, золовке Суворовой, и были присланы из Одессы для продажи. Однако неосторожное поведение Суворовой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, царь еще пуще. Суворова расплакалась. «Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès, voilà pourquoy l'on m'envie» etc.¹ Суворова очень глупа и очень смелая кокетка, если не хуже. —

Соболевский о графе Вельегорском: «Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins»².

3 марта. Был я вечером у кн. Одоевского. Соболевский, любезничая с Ланской (бывшей Полетика), сказал ей велегласно: «Le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon — cul»³. Он ужасно смутился, свидетели (в том числе Ланская) не могли воздержаться от смеха. Княгиня Одоевская обратилась к нему, позеленев от злости, — Соболевский убежал. —

13 июля 1826 года — в полдень, государь находился в Царском Селе. Он стоял над прудом,

¹ <Ваше величество, я молода, я счастлива, пользуюсь успехом, вот почему мне завидуют и пр.>

² <Он держится золотой середины, потому что всегда меж двух бутылок.>

³ <Небо не чище недр моего — зада. («Cul» — вместо «соеиг», сердце.)>

что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец; собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр. подняла платок в память исторического дня.

8 марта. Вчера был у Смирновых, ц. н. — анекдоты: Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) царевубийцу Скарятину и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит государь с гр. Бенкендорфом и застаёт наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцей его отца! Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I-го. — Княжна Туркестанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей евангелие, в то время как она без памяти лежала в постеле. Ее перевели в другие комнаты — и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всем; Вл. Голицын разболтал всё по городу. —

На похоронах Уварова покойный государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется, А. Орлову): «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?» (Уваров один из цареубийц 11-го марта.)

Государь не любит Аракчеева. «Это изверг», говорил он в 1825 году (*après avoir travaillé avec lui et rentrant chez l'impératrice dans le plus grand désordre de toilette*¹).

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversations-Lexikon². Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свињин. — Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и

¹ <Поработав с ним и возвращаясь к императрице в совершенно беспорядочном костюме.>

² <Энциклопедии.>

ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминания в Царском Селе». Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!

Третьего дня обед у австрийского посланника. Я сделал несколько промахов: 1) приехал в 5 часов, вместо 5¹/₂, и ждал несколько времени хозяйку, 2) приехал в сапогах, что сердило меня во всё время. Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марте. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества. Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. В государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника. Князь Долгорукий (обер-штальмейстер и петербургский предводитель) и граф Шувалов распоряжаются этим. Долгорукий послал

Нарышкину письмо, писанное по-французски, в котором просил он его участвовать в подписке. Нарышкин отвечал: «Милостивый государь, из перевода с письма вашего сиятельства усмотрел я» etc. — Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?

Из Москвы пишут, что Безобразова выкинула.

Из Италии пишут, что графиня Полье идет замуж за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здесь об этом смеются и рады верить.

20. Третьего дня был у кн. Мещерского. Из кареты моей украли подушки, но оставили медвежий ковер, вероятно за недосугом.

Некто Карпов, женатый на парижской девке в 1814 году, развелся с нею и жил розно. На днях он к ней пришел ночью и выстрелил ей в лицо из пистолета, заряженного ртутью. Он под судом, она еще жива.

2 апреля. На-днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Нор(овым) и с Кукольником, которого видел в первый раз. Он кажется очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его «Тасса» и не видал его «Руки» etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепьяно: «Il bredouille en musique comme

en vers»¹. Кукольник пишет *Ляпунова*. Хомяков тоже. — Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта. —

Третьего дня в Английском клубе избирали новых членов. Смирнов (кам.-юнкер) был забаллотирован; иные говорят, потому, что его записал Иксуль; другие — потому, что его смешали с его однофамильцем, игроком. Неправда: его не хотели выбрать некоторые гвардейские офицеры, которые, подпив, тут буянили. Однако большая часть членов вступилась за Смирнова. Говорили, что после такого примера ни один порядочный человек не возьмется предложить нового члена, что шутить общим мнением не годится, и что надлежит снова баллотировать. Закон говорит именно, что раз забаллотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым, но были исключения: гр. Чернышев (воен. министр) и Гладков (обер-полицмейстер). Их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова, и он был выбран. Это, впрочем, делает ему честь — он не министр и не обер-полицмейстер. И знак уважения к человеку частному должно быть ему приятно.

¹ (Он бормочет в музыке, как в стихах.)

Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Conversation's Lexikon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут, но в другой раз обманут только дурака. Этот лексикон будет не что иное, как *Северная Пчела* и *Библиотека для Чтения* в новом порядке и объеме.—

В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провожатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: «Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти каналы лошадей нам не дают». —

Сперанский у себя очень любезен. — Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: «*Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как Гении Зла и Блага*». Он отвечал комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени.

7 апреля. «Телеграф» запрещен. — Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Вы-

писки ведены Брюновым, по совету Блудова.) Жуковский говорит: «Я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили». «Телеграф» достоин был участи своей; мудро с большей наглостью проповедовать якобинизм перед носом правительства; но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска. —

Вчера gaout у гр. Фикельмон. S. не была. Впрочем весь город.

Моя Пиковая дама в большой моде. — Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...

Гоголь по моему совету начал историю русской критики.

8 апреля. Вчера gaout у кн. Одоевского. Изъяснения с S. К. — Вся семья гр. Л(аваль), гр. Кос(саковская) идеализированная ее мать. Сейчас еду во дворец представиться царице.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев, Болховской, два Корфа, Вольховский и другие. Я по списку был последний. Царица подошла ко мне, смеясь: «Non, c'est unique!.. Je me creusais la tête pour savoir quel Pouchkine me sera présenté. Il se trouve que

c'est vous!.. Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son cœur, sa fille d'adoption...»¹ и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 лет и даже 36.

Я простился с Вольховским, который на-днях едет в Грузию. Болховской сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского (героя). Он (т. е. Б(олховской)) очень зло отзывается об одесской жизни и гр. Воронцове, о его соблазнительной связи с О. Нарышкиной etc. etc.—Хвалит очень графиню Воронцову.

Бринкена, сказывают, финляндское дворянство повесило или повесит.

10 апреля. Вчера вечер у Уварова — живые картины. — Долго сидели в темноте. S. не было — скука смертная. После картин вальс и кадрили. Ужин плохой.—Говоря о Свиныне, предлагающем Российской академии свои манускрипты XVI века, Уваров сказал: «надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свинын продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков».

¹ (Нет, это замечательно!.. Я себе голову ломала, стараясь угадать, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы!.. Как себя чувствует ваша жена? Ее тетке хочется поскорее увидеть ее в добром здоровье,— свое любимое дитя, приемную дочь...)

Говорят, будто бы Полевой в крепости: какой вздор! —

11 апреля. Сейчас получаю от графа Строгонова листок Франкфуртского журнала, где напечатана следующая статья:

S.-Pétersbourg, 27 février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie les Coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie: aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée...¹

(Дело идет о празднике, данном в Брисселе польскими эмигрантами, и о речах, произнесенных Лелевелем, Пулавским, Ворцелем и другими. Праздник был дан в годовщину 14 декабря.)

...après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, M. Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes Russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque où son talent éminent

¹ (С.-Петербург, 27 февраля. После крушения варшавского мятежа корифеи польской эмиграции слишком часто доказывали нам своими словами и писаниями, что, желая преуспеть в своих намерениях и оправдать свое прежнее поведение, они не страшатся лжи и клеветы: поэтому никто не будет поражен новым доказательством их упорного бесстыдства...)

en fermentation ne s'étoit pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion Polonoise il se trouve énoncé dans son poème *Aux detracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le S. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poète *relégué aux confins reculés de l'empire*, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance...¹

¹ (Извратив таким образом историю прошедших веков, чтобы заставить ее говорить в пользу его дела, г. Лелевель точно так же искажает новейшую историю. В этом он последователен.

Он изображает нам на свой лад постепенное развитие революционных идей в России, он цитирует нам одного из лучших современных русских поэтов, чтобы на его примере показать политическое направление русской молодежи. Не знаем, сложил ли А. Пушкин в те времена, когда его неперебродивший выдающийся талант еще не избавился от накипи, строфы, приведенные Лелевелем, но можем с уверенностью утверждать, что он тем сильнее раскается в первых опытах своей Музы, когда узнает, что они доставили врагу его отчества случай предположить в нем какое бы то ни было сходство мыслей и стремлений. Что касается до высказанного Пушкиным суждения о польском восстании, то оно заключается в его стихотворении «Клеветникам России», которое он выпустил в свет в свое время.

Но так как Лелевель, повидимому, интересуется судьбою этого поэта, «сосланного в отдаленные края империи», то присущее нам человеколюбие вынуждает нас сообщить ему,

14 апреля. Вчера концерт для бедных. Двор в концерте — 800 мест и 2 000 билетов!

Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала в представительницы петербургского дворянства: княгиню К. Ф. Долгорукую и графиню Шувалову. Первая — наложница кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая — кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды.

Слух о том, что Полевой был взят и привезен в Петербург, подтверждается. Говорят, кто-то его встретил в большом смущении здесь на улице — тому с неделю.

16-го. Вчера проводил Н(аталью) Н(иколаевну) до Ижоры. Возвратясь, нашел у себя на столе приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресенье. Так и вышло: Ж. сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров и сказал: «если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить».

что Пушкин живет в Петербурге, и отметить, что его часто видят при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением своего государя...)

Литта, толкуя о том же с К. А. Нарышкиным, сказал с жаром: «Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre». На что Нарышкин возразил: «pardonnez moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur»¹. Однако ж я не поехал на голову-мытье, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на-днях выдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

Суворова брюхата и, кажется, не во-время. Любопытные справляются в «Инвалиде» о времени приезда ее мужа в Петербург. Она уехала в Москву.

Среда на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. Великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться— и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи, и в щеки и потом подвел сына

¹ («Но наконец есть же определенные регулы для камергеров и камер-юнкеров». — «Простите, это бывает только у фрейлин».)

к императрице. Все трое обнялись в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением первой—и охладила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища—многие плакали; а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез. Дворец был полон народу; мне надобно было свидеться с Катериной Ивановной Загряжской—я к ней пошел по задней лестнице, надеясь никого не встретить, но и тут была давка. Придворные ропщут: их не пустили в церковь, куда, говорят, всех пускали. Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для паремии главу из *Книги Царств*, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих*. К. А. Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам, а в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим.

Милостей множество. Кочубей сделан государственным канцлером.

Мердер умер,—человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь еще того не знает. От него таят известие, чтобы не отравить его радости. Откроют ему после бала 28-го. Также умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не

произвела никакого впечатления. Губернатор новгородский приехал в Петербург и явился к Блудову с известием о его болезни и для принятия приказаний насчет бумаг, у графа находящихся. «Это не мое дело, отвечал Блудов, отнесите к Бенкендорфу». В Грузино посланы Клейнмихель и Игнатъев.

Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве. Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова попрежнему мила и холодна к окружающей суете. Дай бог ей счастливо родить, а страшно за нее.

3 мая. Прошедшего апреля 28 был наконец бал, данный дворянством по случаю совершеннолетия великого князя. Он очень удался, как говорят. Не было суматохи при разъезде, ни несчастия на тесной улице от множества собравшегося народа.

Царь уехал в Царское Село.

Мердер умер в Италии.— Великому князю, очень к нему привязанному, не объявляли о том до самого бала.

Вышел указ о русских подданных, пребывающих в чужих краях. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III; но так как допускаются исключения, то и будет одной из бесчисленных пустых мер, принимаемых еже-

дневно к досаде благомыслящих людей и ко вреду правительства.

Гуляние 1-го мая не удалось от дурной погоды, — было экипажей десять. Графиня Хреbtович однако поплелась туда же: мало ей расcеяния. Случилось несчастье: какая-то деревянная башня, памятник затей Милорадовича в Екатеринбургe, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись. Кстати, вот надпись к воротам Екатеринбургa:

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читал у Дашкова свою комедию. Дашков звал Вяземского на свой вечер, говоря в своей записке:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle
Et Lambert, qui plus est, m'a donné parole
Etc. ¹

Вяземский отвечал:

Как! будет граф Ламбер и с ним его супруга.
Зовите ж и Лаваль.

¹ («Тартюфа» прочитать нам должен там Мольер. И, более того, дал слово быть Ламбер. И т. д.)

Лифляндское дворянство отказалось судить Бринкена, потому что он воспитывался в корпусе в Петербурге. Вот тебе шиш, и поделом.

10 мая. Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу, и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства, и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом неофициальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастью письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Всё успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, — но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать

ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудроено быть самодержавным.

12 (мая). Вчера был парад, который как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси.

Аракчеев во время прошедшего царствования выпросил майоратство для Грузина, предоставляя себе избрать себе наследника, а в случае внезапной смерти поручая то государю.— Он умер, не написав духовной и не причастившись, потому что, по его мнению, должен он был дожить до 30 августа, дня открытия Александровской колонны. Государь назначил наследником графу Аракчееву кадетский Новгородский корпус, которому и повелено называться Аракчеевским.

21 (мая). Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов. Некто Чертков, человек крутой и неустойчивый, был однажды во дворце, Зубов подошел к нему и обнял его, говоря: «Ах ты, мой красавец!» Чертков был очень дурен лицом. Он осердился и, обратясь к Зубову, сказал ему: «я, сударь, своею фигурою фортуны себе не ищущ». Все замолчали. Екатерина, игравшая тут же в карты, обратилась к Зубову и сказала: «вы не можете помнить *такого-то* (Черткова

по имени и отчеству), а я его помню и могу вас уверить, что он очень был недурен».

Конец ее царствования был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабушку с графом Зубовым. Все негодовали, но воцарился Павел, и негодование увеличилось. Laharpe показывал письма молодого великого князя (Александра), в которых сильно выражается это чувство. Я видел письма его же Ланжерону, в которых он говорит столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: «Je vous écris peu et rarement car je suis sous la hache»¹. Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: «voilà comme il m'écrivait, il me traitait de son ami, me confiait tout — aussi lui étais-je dévoué. Mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe»². В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку. Полетика сказал: «L'empereur Nicolas est plus positif, il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire»³. Кто-то

¹ (Я пишу вам мало и редко, потому что я под топором.)

² (Вот как он мне писал: он обращался со мною как с другом, всё мне поверял, — зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов снять с себя собственный шарф.)

³ (Император Николай положительнее, у него ложные идеи, как у его брата, но он менее мечтателен.)

сказал о государе: «Il y a beaucoup de praporchique en lui et un peu du Pierre le Grand»¹.

2 июня. Много говорят в городе об Медеме, назначенном министром в Лондон. Это дипломатические *суспиции*, как говорят городничихи. Англия не посылала нам посланника; мы отзываем Ливена. Блай недоволен, он говорит: «mais Medème c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc-bec»². Государь не хотел принять Каннинга (Strangfor), потому что, будучи великим князем, имел с ним какую-то неприятность.

26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию.

На другой день представлялся великой княгине. Нас было человек 8. Между прочим Красовский (славный цензор). Великая княгиня спросила его: «Cela doit bien vous ennuyer, d'être obligé de lire tout ce qui paraît». — «Oui, V. A. I., отвечал он, la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice»³. Великая княгиня скорей от него отошла. — Говорила со мной о *Пугачеве*.

¹ (В нем много от прапорщика и немножко от Петра Великого.)

² (Но ведь Медем совсем молодой человек, можно сказать, молокосос.)

³ («Вам, должно быть, очень докучна обязанность читать всё, что появляется». — «Да, в. и. в., современная литература так отвратительна, что это сущая мука».)

Вчера вечер у Катерины Андреевны. Она едет в Тайцы, принадлежавшие некогда Ганибалу, моему прадеду. У ней был Вяземский, Жуковский и Полетика.—Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павле I-м, романтическом нашем императоре.

3-го июня обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили об его правлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана.

Цари уехали в Петергоф.

Вечер у См(ирн.), играл, выиграл 1200 р.

Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?» — «Что я видел? — возразил Болховской. — Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую ж... государыни» (Екатерины II-ой, в день ее смерти).

Гр. Фикельмон очень болен. Семья его в большом огорчении. Elisa им и живет.

19 числа послал 1000 Нащокину. Слава богу слухи о смерти его сына ложны.

Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное

действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить! Вот суждение о нем: «С'était un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre» etc...¹ Без него совет иногда превращался только что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтоб его присутствием усмирить волнение.— Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный,— и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, чорт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется.

Здесь прусской кронпринц с его женою. Ее возили по Петергофской дороге, и у ней глаза разболелись.

¹ (Это был ум в высшей степени примирительный; никто не умел так хорошо, как он, разрешить какой-нибудь трудный вопрос, привести мнения к согласию и проч.)

22 июля. Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но всё перемололось. Однако это мне не пройдет.

Маршал Мезон упал на маневрах с лошади и чуть не был раздавлен Образцовым полком. Арнт объявил, что он вне опасности. Под Остерлицом он искрошил кавалергардов. Долг платежом красен.

Последний частный дом в Кремле принадлежал кн. Трубецкому. Екатерина купила его и поместила в нем сенат.

9 авг. Трощинский в конце царствования Павла был в опале. Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь, ему на зло, не велел ему выезжать из города. Трощинский остался в Петербурге, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучится, никто нейдет. Фельдъегерь в протаявшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота — и поспешно прибежали к спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требует, и что фельдъегерь за ним приехал. Трощинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Трощинский не может понять, что с ним делается. Наконец видит он,

что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Пален, обнял и поздравил с новым императором. Трощинский нашел государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся к нему на шею и сказал: «будь моим руководителем». Тут был тотчас же написан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться.

28 ноября. Я ничего не записывал в течение трех месяцев. Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, — моими товарищами, — был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизмов в голове. — Может быть, это пройдет. — Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставил на своем. — Какие мы разбойники? говорили мне они. — Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь. Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я доволен с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик

наш долго еще не разберет. В Заводе прожил я 2 недели, потом привез Наталью Николаевну в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили, а я перед ними шарлатанил, и кажется, неудачно. Воротился к 15 октября в Петербург, где и проживаю. *Пугачев* мой отпечатан. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии. Вечор он приехал. Великий князь Михаил Павлович привез эту новость на бал Бутурлина. Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.

5 декабря. Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-тилетними. Царь рассердится, — да что мне делать? Покамест давайте злословить.

В бытность его в Москве нынешнего году много было проказ. Москва хотя уж и не то, что прежде, но всё-таки имеет еще похоти боярские, *des velléités d'aristocratie*. Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими место екатерининских бригадиров, — они роптали, глядя, как он ухаживал за молодой кн. Долгорукою («за дочерью Сашки Булгакова!» говорили ворчуны с негодованием).

Царь однажды пошел за кулисы и на сцене разговаривал с московскими актрисами; это еще менее понравилось публике. В бытность его пой-

маны зажигатели. Князь М. Голицын взял на себя должность полицейского сыщика, одевался жидом и проч. В каком веке мы живем! — В Нижнем-Новгороде царь был очень суров и встретил дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Вчера бал у Лекса. Я знал его в 821 году в Кишиневе. У него не было кровати, он спал вместе с каким-то чиновником под одним тулупом. Я первый открыл Инзову, что Лекс человек умный и деловой.

В тот же день бал у Салтыкова. N. N. сказала: «Voilà M-me Jermolof la sale»¹ (Lassale). Ермолова и Курваль (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются.

Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта. —

18-го дек. Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер-Скотта.

Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8^{1/2} в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно.

В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда

¹ (Вот, госпожа Ермолова, грязная. (Игра слов: «la sale», грязная, произносится так же, как «Lassale», фамилия.))

за меня лжет и вывозит из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это еще не всё). Гостей было уже довольно, бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь — в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. — Вообще бал мне понравился. Государь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему. Тут же были молодые сыновья Каннинга и Веллингтона. У Дуро спросили, как находит он бал. «Je m'ennuis», отвечал он. «Pourquoi celà?» — «On est debout, et j'aime à être assis»¹. Я заговорил с Ленским о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: «Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche par exemple»². Бал кончился в 1^{1/2}.

¹ («Мне скучно». — «Это почему?» — «Все стоят, а я люблю сидеть».)

² («Милый друг, здесь не место разговаривать о Польше. Выберем какую-нибудь нейтральную почву, у австрийского посла например.»)

Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя. «Что ты один здесь философствуешь?» — «Гуляю». — «Пойдем вместе». Разговорились о плешивых. «Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают». — «Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело, и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?» — «Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству». — «У меня их также нет; я замерз». Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно, противу этикета).

Вчера (17) вечер у S. Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc. Гербы наши все весьма новы. Оттого в гербе князей Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов.

22 декабря, суббота. В среду был я у Хитрово. Имел долгий разговор с великим князем. Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали в *Северной пчеле*: дело идет о пребывании государя в Москве. *Пчела* говорит: «Государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца *низко* (низко!) поклонился народу». Этого не довольно:

журналист дурак продолжает: «Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!» — Не забудь, что это читают лавочники».

Великий князь прав, а журналист конечно глуп. Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers état¹, сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать, или (что всё равно) всё будет дворянством. Что касается до tiers état, — что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этаким страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне.

¹ <Третье сословие.>

Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много. Говоря о старом дворянстве, я сказал: «*Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l'Empereur et Vous...*» etc.¹ Великий князь был очень любезен и откровенен. «*Vous êtes bien de votre famille*, сказал я ему: *tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs*»².—«Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! благодарю, *voilà une réputation qui me manquait*»³. Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензор Никитенко на обахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: «Если-де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои». Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

¹ (Мы, которые являемся такими же хорошими дворянами, как император и вы... и т. д.)

² (Вы истинный член вашей семьи. Все Романовы революционеры и уравнители.)

³ (Вот репутация, которой мне не доставало.)

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадрили. А всё виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что он пустился во всё тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон.

1835

8 января. Начнем новый год злословием, на счастье...

Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Наталии Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в кабинет; и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Госу-

дарю показалась она довольно бедна. «Дороже нет», — отвечал Волконский. «Если так, делать нечего», — отвечал государь: — я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе». Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелись уже в 60 000 р.

Великая княгиня взяла у меня *Записки Екатерины II* и сходит от них с ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая девушка.

В конце прошлого года свояченица моя ездила в моей карете поздравлять великую княгиню. Ее лакей повздорил со швейцаром. Комендант Мартынов посадил его на обахту, и Катерина Николаевна принуждена была без шубы ждать 4 часа на подъезде. Комендантское место около полустолетия занято дураками, но такой скотины, каков Мартынов, мы еще не видали.

6-го бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах времен Павла I-го. Граф Панин (товарищ министра) одет дитятей, Бобринский — Брызгаловым (кастеланом Михайловского замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами. *Замеч. для потомства*). Государь — полковником Измайловского полка etc. В городе шум. Находят это всё неприличным.

Февраль.

С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.

На-днях в театре граф Фикельмон, говоря, что *Bertrand* и *Raton* не были играны на петербургском театре по представлению Блума, датского посланника (и нашего старинного шпиона), присовокупил: «Je ne sais pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemarck»¹. Я прибавил: «Pas plus qu'en Europe»².

Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин,— Павский отставлен от великого князя. Митрополит и синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят. Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого человека, говорят,

¹ <Не знаю почему: о Дании нет и речи в комедии.>

² <Как и в Европе.>

очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: «я вас рекомендовал государю». Qui est-ce que l'on trompe ici? ¹

В публике очень бранят моего *Пугачева*, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкринна был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской академии. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретил Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: «как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

¹ (Кого здесь обманывают?)

Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку.
Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

**ЗАПИСКИ
ОФИЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

О народном воспитании

Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. Лет 15 тому назад молодые люди занимались только военною службою, старались отличать одною светскою образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), пре-

вратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные.

Ясно, что походам 1813 и 1814 года, пребыванию наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах; должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей. Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей. Но надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем ее восторгом и готовностью принимать всякие впечатления.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. *Не просвещению*, сказано в высочайшем манифесте от 13-го июля 1826 года, *но праздности ума, более вредной, чем праздность*

телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель. Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия.

Чины сделались страстию русского народа. Того хотел Петр Великий, того требовало тогдашнее состояние России. В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние. Он не в состоянии ни поверить, ни возражать; он становится слепым приверженцем или жалким повторителем первого товарища, который захочет оказать над ним свое превосходство или сделать из него свое орудие.

Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и при-

вычкою. Можно, по крайней мере, извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления и представить чины целию и достоянием просвещения; должно увлечь всё юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удержать, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм.

В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопями, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах не многим лучше; здесь и там оно кончается на 16-летнем возрасте воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное.

Надлежит всеми средствами умножить невыгоды, сопряженные с оным (например, прибавить годы унтер-офицерства и первых гражданских чинов).

Уничтожить экзамены. Покойный император, удостоверясь в ничтожестве ему предшество-

вавшего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков, закоренелых в безнравствии и невежестве. Отселе указ об экзаменах, мера слишком демократическая и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив всё новое поколение в военную службу. А так как в России всё продажно, то и экзамен сделался новой отраслью промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороною. Итак (с такого-то году), *молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает вперед никаких выгод и не имеет права требовать экзамена.*

Уничтожение экзаменов произведет большую радость в старых титулярных и коллежских советниках, что и будет хорошим противудействием ропоту родителей, почитающих своих детей обиженными.

Что касается до воспитания заграничного, то запрещать его нет никакой надобности. Довольно будет опутать его одними невыгодами, сопряженными с воспитанием домашним, ибо 1-е, весьма немногие станут пользоваться сим позволением; 2-е, воспитание иностранных уни-

верситетов, несмотря на все свои неудобства, не в пример для нас менее вредно воспитания патриархального. Мы видим, что Н. Тургенев, воспитывавшийся в Геттингенском университете, несмотря на свой политический фанатизм, отличался посреди буйных своих сообщников нравственностью и умеренностью — следствием просвещения истинного и положительных познаний. Таким образом, уничтожив или, по крайней мере, сильно затруднив воспитание частное, правительству легко будет заняться улучшением воспитания общественного.

Ланкастерские школы входят у нас в систему военного образования, и следовательно, состоят в самом лучшем порядке.

Кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении. Для сего нужна полиция, составленная из лучших воспитанников; доносы других должны быть оставлены без исследования и даже подвергаться наказанию; чрез сию полицию должны будут доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание; за возмутительную — исключение из училища, но без даль-

нейшего гонения по службе: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастью, слишком у нас обыкновенное.

Уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия. Не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатом. Слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников.

В гимназиях, лицеях и пансионах при университетах должно будет продлить, по крайней мере, 3-мя годами круг обыкновенного учения, *по мере того повышая и чины, даваемые при выпуске.*

Преобразование семинарий, рассадника нашего духовенства, как дело высшей государственной важности, требует полного особенного рассмотрения.

Предметы учения в первые годы не требуют значительной перемены. Кажется, однако ж, что языки слишком много занимают времени. К чему, например, 6-летнее изучение французского языка, когда навык света и без того слишком уже достаточен? К чему латинский или греческий? Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?

Во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже пе-

чатают свои сочинения в светских журналах. Всё это отвлекает от учения, приучает детей к мелочным успехам и ограничивает идеи, уже и без того слишком у нас ограниченные.

Высшие политические науки займут окончательные годы. Преподавание прав, политическая экономия по новейшей системе Сея и Сисмонди, статистика, история.

История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное? Но в окончательном курсе преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить; не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем.

Вообще не должно, чтоб республиканские идеи изумили воспитанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны.

Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. *История Государства Российского* есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве.

Сам от себя я бы никогда не осмелился представить на рассмотрение правительства столь недостаточные замечания о предмете столь важном, каково есть народное воспитание; одно желание усердием и искренностию оправдать высочайшие милости, мною не заслуженные, понудило меня исполнить вверенное мне препоручение. Ободренный первым вниманием государя императора, всеподданнейше прошу его величество дозволить мне повергнуть пред ним мысли касательно предметов, более мне близких и знакомых.

Александр Пушкин.

(1826)

⟨Записка о Мицкевиче⟩

Adam Mickiewicz, professeur à l'Université de Kovno, ayant appartenu, à l'âge de 17 ans, à une société littéraire qui n'exista que pendant quelques mois, fut mis aux arrêts par la commission d'enquête de Vilna (1823). Mickiewicz convint d'avoir connu l'existence d'une autre société littéraire, mais d'en avoir toujours ignoré le but, qui était de propager le Nationalisme Polonais. Au reste cette société ne dura non plus qu'un moment et fut dissoute avant l'Oukase. Au bout de 7 mois Mickiewicz fut mis en liberté et envoyé dans les provinces Russes, jusqu'à ce qu'il plût à S. M. l'Empereur de lui permettre de revenir. Il servit sous les ordres du Général Witt et sous ceux du Général-Gouverneur de Moscou. Il espère que, leurs suffrages lui étant favorables, l'Autorité lui permettra de revenir en Pologne où l'appellent des affaires domestiques.

7 Janvier 1828

⟨Записка о В. Д. Сухорукове⟩

Сотник Сухоруков воспитывался в Харьковском университете. В 1820 году бывший атаман употребил его по своим делам, как человека сведущего и смышленного. В то же время граф

Чернышев, имея нужду в тамошнем уроженце, призвал его в свою канцелярию. Будучи еще очень молод и находясь в таком затруднительном положении, Сухоруков мог подать повод к неудовольствию графа. В последствии времени литературные занятия сблизили его с Корниловичем, с которым в 1825 году издал он ученую книгу под заглавием: *Русская Старина*; Сухоруков был замешан в деле о заговоре, но следственная комиссия оправдала его, оставя в подозрении. Будучи потом откомандирован в Кавказской корпус, Сухоруков был употреблен графом Паскевичем.

Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. Доказательством тому служит то, что все бывшие его начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствуя ему. С 1821 года предпринял он труд важный не только для России, но и для всего ученого света.

Сухоруков имел некогда поручение от Комитета, учрежденного для устройства войска Донского, составить историю донских казаков. Для сего Сухоруков пересмотрел все архивы присутственных мест и станиц Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконец и Московской. Выписанные им исторические акты заключают более пяти тысяч листов; кроме того Сухоруков

приобрел множество разных летописей, повестей, поэм и проч., объемлящих историю донских казаков. Все сии драгоценные материалы, вместе со статьями, им уже составленными, Сухоруков должен был, по приказанию [начальства] ген.-майора Богдановича, уезжая в армию, в 1826 г., передать [двум есаулам] в другие руки, и теперь они едва ли не растеряны.

Имея слабое здоровье, склонность к ученым трудам и малое, но достаточное для него состояние (тысячу рублей годового дохода), Сухоруков сказывал мне, что единственное желание его было бы получить дозволение хотя [переписать,] взять копии с приобретенных им исторических материалов, на которые употребил он пять лет времени, и потом на свободе заняться составлением Истории Донских Казаков, которую надеялся он посвятить его императорскому высочеству великому князю наследнику.

(1831)

⟨Материалы по изданию газеты⟩

⟨1. Записка, представленная в III Отделение⟩

Десять лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели

в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников.¹

Несчастные обстоятельства, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной.

¹ (В черновом автографе этого места записки сохранились еще следующие строки:)

Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды, К(арамзин) первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (как и во всем) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя. [Литераторы во время царствования покойного императора были оставлены на произвол цензуре своенравной и притеснительной. Редкое сочинение доходило до печати. Весь класс писателей (класс важный у нас, ибо по крайней мере составлен он из грамотных людей) перешел на сторону недовольных. Правительство сего не хотело замечать: отчасти из великодушия (к несчастию, того не понимали, или не хотели понимать), отчасти от непростительного небрежения. Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств.]

Ограждение сей собственности и цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. *торговое*. Ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами.

Изю всех родов литературы периодические издания всего более приносят выгоды, и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большое число читателей, будучи любопытны для всякого.

Северная Пчела, издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3 000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякий журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге столь строго, как угодно ему. *Северная Пчела* пользуется сим правом — и хорошо делает; законом требовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы *чисто литературные* вместо 3000 подписчиков имеют едва ли и 300, и следственно голос их был бы вовсе не действительным.

Таким образом литературная торговля находится в руках издателей *Северной Пчелы*, и критика, как и политика, сделалась их монополией.

От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями *Северной Пчелы*: ни одно из их произведений не продается, ибо никто не станет покупать товара, осужденного в самом газетном объявлении.

Для восстановления равновесия в литературе нам необходим журнал, коего средства могли бы равняться средствам *Северной Пчелы*, т. е. журнал, в коем печатались бы политические и заграничные новости.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностию ему повиноваться и не только соображаться с решением цензора, но и сам обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала.

Злонамеренность была бы с моей стороны столь же безрассудна, как и неблагодарна.

(1831)

⟨2⟩

Что есть журнал европейский. Что есть журнал русской. Нынешние русские журналы. Каков может быть русский журнал.

Часть политическая. Внешняя политика. Происшествия. Полит. Полемика.

Предварительное изъявление мнений правительства.

Внутреннее. Происшествия, указы. О мерах правительства.

В Материалы от правительства. Корреспонденция.

Литература. *Внешняя* литература.—Лучшие статьи из журналов. Критика иностранных книг. *Внутр.* Исторические материалы.

Текущая литература. Feuilleton. Théâtre. Библиография. Объявления.

Пособия: повеление министров.

Журнал мой предлагаю правительству—как орудие его действия на общее мнение.

Официальность.

⟨1832?⟩

⟨3⟩

Д н е в н и к

Контора под ведомством Редактора.

Подписка в эксп(едициях) и в почтамте.

Рассылка по домам.

Книги:

1. Подписная, билетов.
2. Поступающих денег.
3. Книга прихода и расхода (Grossbuch).
4. Отдельный счет с бумагой.
5. Книги с разнош. жалоб.
6. Сотрудники.
7. Покупки.

Исполнитель.

Сотрудники.

(1832)

**〈Программа «Современника», представленная
в С.-Петербургский цензурный комитет〉**

Журнал под названием *Современник* выходит каждые три месяца по одному тому.

В нем будут помещаться стихотворения всякого рода, повести, статьи о нравах и тому подобное; (оригинальные и переводные) критики замечательных книг русских и иностранных; наконец, статьи, касающиеся вообще искусств и наук.

Цена за годовое издание 25 р. асс., с пересылкою 30 р. асс.

А. Пушкин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Критические заметки на полях книг

⟨Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова»⟩

Текст Вяземского Заметки Пушкина

Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина, образователя прозаического языка, обращают на себя благодарное и любопытное внимание просвещенных друзей словесности.— Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвинулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приуготовлено было творениями, от нас утраченными. Но для некоторых людей сей геркулесов-

Большая разница. Карамзин — великий писатель во всем смысле этого слова, а Озеров — очень посредственный. Озеров сделал шаг в слог, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего.

ский подвиг не существует. Они постоянно коснеют при мнениях прошедшего века. (Стр. VI.)

Рожденный с пылкими страстями, с воображением романтическим, он не мог противиться волшебной прелести любви, и привязанность к одной женщине, достойной владычествовать в его сердце, решила судьбу почти всей его жизни. (Стр. IX.)

Нет сомнения, что чтение романов дало его поэзии цвет романтизма, заметный почти во всех его произведениях. (Стр. X.)

Смерть милой ему женщины удалила его на время от света, который в глазах его украшался ею... При образовании природном долго не мог он искать наслаждений и счастья в трудах ума, искав их единственно в мечтах сердца... Следующая черта даст ясное понятие о нежности и щекотливости благородной души его. (Стр. X.)

Главным свойством его сердца была любовь к друзьям... (Стр. X.)

Драматическое искусство у нас еще в колыбели.

Несмотря на несколько трагических и комических сцен,

Всё это сбивчиво. Ты сперва говоришь о его любви, потом о его романтизме в трагедиях, потом о дружбе, потом опять о любви, опять о щекотливости, опять о любви. Более методы, ясности!

Любовь к друзьям — по-русски дружба, не свойство, а страсть разве.

Где же геркулесовский подвиг Озерова?

мелькающих в малом числе драматических творений, из коих всякое более или менее ознаменовано общею печатию отвержения, наложенною на наш театр рукою Талии и Мельпомены, кажется, можем сказать решительно, что до сего времени мы не имели еще ни одной оригинальной комедии в стихах и до Озерова не видали трагедии. (Стр. XI.)

Фонвизин умел быть оригинальным и хорошим стихотворцем, но писал прозою комедии, донныне лучшие на нашем театре, и даже единственные как по истине представленных нравов и характеров, так и по разговору, который блистает непринужденным остроумием. (Стр. XII.)

Должно заметить однако же, что в трагедиях Сумароков так же выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных. (Стр. XIII.)

Может быть, и совсем поглотила бы его (Сумарокова) бездна забвения... (Стр. XII.)

Да говори просто:
ты довольно умен для
этого.

Не поэтому. Но о
Фонвизине погово-
рим после.

И этого не вижу:
в нем всё дрянь, кро-
ме некоторых од.

НВ. Сумароков пре-
красно знал русский
язык. (Лучше, неже-
ли Ломоносов.)

И совсем его забы-
ли (проще и лучше).

Княжнин первый положил твердое основание как трагическому, так и комическому слогу. Лучшая комедия в стихах на нашем театре есть неоспоримо *Хвастун*, хотя и в ней критика найдет много недостатков и вкус не все стихи освятил своею печатью. Но зато сколько сцен истинно комических, являющих блестящие дарования автора. Сколько счастливых стихов, вошедших не приметно в поговорцы. (Стр. XIII.)

«*Утешенная вдова*» до сего времени может служить у нас образцовою (комедиею) по достоинству прозаического и комического слога, тонкой насмешки и веселости. (Стр. XIII.)

Можно похитить блестящую мысль, счастливое выражение; но жар души, но тайна господствовать над чувствами других сердец не похищается, и нельзя ей научиться от правил пиитики. Главный недостаток Княжнина происходит от свойств души его. Он не рожден трагиком. (Стр. XV.)

Первый шаг Озерова в области поэзии был перевод из Колардо героиды *Элоизы* к *Абеларду*... Поставить перевод на-

«*Хвастун*» перевод из «*L'important*»; я не читал подлинника, пересмотри.

Полно, так ли?

То есть, он просто не поэт.

ряду с подлинником — невозможно; но не признать в переводчике Колардо грядущего поэта было бы несправедливо. Многие стихи, несмотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзии, могли бы украсить и в теперешнее время лучшее из наших стихотворений. (Стр. XVII.)

«Читая Колардо, — говорит Озеров, — я был восхищен. Мне открылся путь парнасский, и я почувствовал вдохновение Аполлона, о котором прежде и мысли не имел». (Стр. XVII.)

Он, как благоразумный художник, воспитывал дарование свое в греческой школе и знал, что для театра нашего еще в младенчестве полезны могут быть и правила и самые примеры наставников, коих искусство возросло до зрелости трудами их гения и не состарилось с веками. К тому же отнимая от Эдипа и всё то, что, так сказать, теряется для глаз наших, его несчастье, благородная твердость, нежная любовь дочери его имеют еще довольно прав на сострадание души, и повесть Эдипа останется всегда богатым и счастливым наследством древних, которым успешно могут пользоваться и новейшие трагики. (Стр. XXII.)

Как тебе не стыдно распространяться об этом! Всё это лишнее.

Это дает мне мерку дарования Озерова.

Критика слишком незрелая.

Но трагик не есть уголовный судия. Обязанность его и всякого писателя есть согревать любовь к добродетели и воспалить ненавистью к пороку, а не заботиться о жребии и приговоре провидения.

Великие трагики и из новейших чувствовали сию истину, и Вольтер, поражая Зопира и щадя Магомета, не был ни гонителем добродетели, ни льстецом порока.

Озеров, как сказывают, сперва и хотел перенести в свою трагедию прекрасный конец Софокловой, но один актер, в школе Сумарокова воспитанный, испугал его, предсказывая, что публика дурно примет конец, столь противный общим понятиям о цели драматических творений, и родил в нем мысль развязать свою трагедию смертью Креона.

Озеров принял его совет... Таким образом вкоренелые предубеждения и уполномоченные представители их в обществе

Прекрасно!

Ничуть! Поэзия выше нравственности, или, по крайней мере, совсем иное дело. Господи Иисусе! Какое дело поэту до добродетели и порока? Разве—их одна поэтическая сторона.

Тут не было ни гения, ни смелого полета—просто вкус.

заграждают произвольными мерами путь гению, еще не довольно возмужавшему, чтобы с постоянною смелостью презреть их в полете своем. (Стр. XXVI—XXVII.)

Эдип в Афинах... поставил Озерова наряду с величайшими нашими поэтами и на степень первейшего нашего трагика. (Стр. XXVII.)

В первый раз сия трагедия была играна в петербургском театре в 1804 году и вскоре после того напечатана при посвящении, писанном прозою, к Державину, который отвечал стихами, уже отзывающимися старостию поэта и не стоящими прозы Озеровой. (Стр. XXVII.)

Северный поэт переносится под небо, сходное с его небом, созерцает природу, сходную его природе, встречает в нравах сынов ее простоту, в подвигах их мужество, которые рождают в нем темное, но живое чувство убеждения, что предки его горели тем же мужеством, имели ту же простоту в нравах, и что свойства сих однородных диких сынов севера отлиты были природою в общем льдистом соуде. (Стр. XXIX.)

В Москве считался знаменитым.

Затем, что был один.

Милый мой, уважай отца Державина, не равняй его стихов с прозой Озерова!

Хорошо, смело.

Не в ледяном ли?

Но ровное и, так сказать, одноцветное поле поэм Оссиана обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их борения и великих последствий? Не думаю. (Стр. XXX.)

Большая часть трагедий выиграли бы потерю двух актов и почти все исключительно потерю одного. Новейшие, рабски следуя древним, приняли их мерку, не заботясь о выкройке их. (Стр. XXX.)

Он с искусством умел противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубине печальной души преступные надежды, взаимную и простосердечную любовь двух чад природы, искренность Моины, благородство и доверчивость Фингала. (Стр. XXXI.)

Трагедии Озерова... уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому *романтическому*, который принят немцами от испанцев и англичан. (Стр. XLIII.)

Что общего между однообразием Оссиановских поэм и трагедией, которая заимствует у них единый слог?

Перестань, не шали!

Противоположности характеров—во все не искусство, но пошлая пружина французской трагедии.

⟨Строки эти отчеркнуты карандашом.⟩

⟨Общее заключение о статье⟩

Часть критическая вообще слаба, слишком слаба. Слог имеет твои недостатки, не имея

твоих достоинств. Лучше написать совсем новую статью, чем передавать печати это сбивчивое и неверное изображение. Озерова я не люблю не от зависти (сего гнусного чувства, как говорят), но из любви к искусству. Ты сам признаешь, что слог его нехорош, а я не вижу в нем и тени драматического искусства. Слава Озерова уже вянет, а лет через десять, при появлении истинной критики, совсем исчезнет. Озерова перевели; перевод есть оселок драматического писателя; посмотри же, что из него вышло во французской прозе.

⟨1827?⟩

⟨Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова¹⟩

Текст «Опытов»

Заметки Пушкина

К друзьям (стр. 3—5).

Весьма дурные стихи.

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может
драгоценен.

Я добрым гением *уверен*, и т. д.

⟨Рифма: *драгоценен* —
уверен отмечена как слабая.⟩

¹ ⟨Курсивом в тексте Батюшкова отмечаются стихи, отмеченные Пушкиным; звездочкой на стр. 594—596 обозначены заметки, сделанные еще в 1817 г.⟩

(Строфа 13-я)

Где вы, отважные толпы богаты-
рей,
Вы, дикие сыны и брани и сво-
боды?

Элегия из Тибулла.

Вольный перевод (стр. 19—26).

*О вы, которые умеете любить,
Страшится любовь разлукой
прогневить!*

Тогда не мчалась ель на легких
парусах
*Несома ветрами в лазоревых
морях;*

О мирны пастыри, в невинности
сердец

Беспечно жившие среди пустынь
безмолвных!

При вас, на пагубу друзей *едино-*
кровных,

На наковальне млат не изваял
мечей.

О век Юпитеров! о времена
несчастны

Война, везде война, и *глад и*
мор ужасный.

Повсюду рыщет смерть, на суше,
на водах,

Но ты, *державший гром и мол-*
нию в руках!

Будь мирному певцу Тибуллу
благосклонен.

Живо, прекрасно.

Прекрасный пере-
вод.
Вяло.

Лишний стих.

(Рифма: *безмолвных—*
единокровных отмечена
как слабая.)

Ни словом, ни душой я не был
вероломен.

(Рифмы эти подчеркнуты
Пушкиным как слабые.)

До гроба я носил твои оковы
нежны

узы (вместо «оковы»)

Богами ввержены во пропасти
бездонны.

Ужасный *Энкелад* и *Тифий* пре-
огромный

Питает жадных птиц утробой
своей

и Тифий там (огромный)

Ошибка мифологическая и грамматическая.

При шуме зимних вьюг, под
сенью безопасной,

Подруга в темну ночь зажжет
светильник ясной

И, тихо вретено кружа в руке
своей,

Расскажет повести и были стар-
рых дней.

А ты, склоня слух на сладки
небылицы,

Забудешься, мой друг; и томные
зеницы

Закроет тихий сон, и пряслица
из рук

Падет... и у дверей предстанет
твой супруг,

Как небом посланный внезапно
добрый гений.

Прелесь.

Воспоминание.
(стр. 27—29).

Едва дымился огонь в часы ту-
манной ночи
Близ кущи *ратника, который*
сном почил.

На смерть летя против врагов

Осталось *мрачно* воспоминанье.

Да оживлю теперь я в памяти
своей
Сию ужасную минуту,
Когда, *болезнь вкушая люту*
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!

Но небо, вняв моим молениям
усердным,
Взглянуло оком *милосердным;*

Воспоминания.

Отрывок (стр. 30—32).

Ни дружбы, ни любви, *ни пес-*
ней Муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь
мою,
Как Лотос, силою волшебной
врачевали.

Средь *бурей* жизни и *недуг*

36 Пушкин, т. IX

Писано в первой
молодости поэта.

(Стих подчеркнут как
слабый.)

Слабо.

(Стих подчеркнут как
слабый.)

Неудачный оборот
и дурные стихи.

(Рифма подчеркнута как
слабая.)

Вяло.

бурь, недугов

561

Обитель древняя и доблести и
нравов!

Ты часто странника задумчи-
вость питала,
Когда румяная денница отра-
жала
И дальные скалы гранитных бе-
регов,
И села пахарей, и кущи рыбаков
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальных водах пустынной
Троллетаны.

В ы з д о р о в л е н и е.
(стр. 33—34).

Как *ландыш под серпом убий-*
ственным жнеца
Склоняет голову и вянет

М щ е н и е.
Из Парни (стр. 35—38).

И всё погибло *невозвратно*.
Как сладкая мечта, как утром
сон *приятный!*

Но всё любовью здесь исполне-
но моей,
И клятвы страшные твои напо-
минает.

Галлицизм.

Последние стихи
славны своей гармо-
нией.

Одна из лучших
элегий Батюшкова.—

Не под *серпом*, а
под *косою*: ландыш
растет в лугах и ро-
щах—не на пашнях
засеянных.

(Рифма подчеркнута как
неудачная.)

*Их помнят и леса, их помнит
и ручей,
И эхо томное их часто повто-
ряет.*

Ты здесь, подобная лилее бело-
снежной,
Взлелеянной в садах Авророй и
весной,
Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близ мате-
ри *твоей*

*Здесь жертвы приносил у мир-
ных алтарей,
И в первый раз «люблю» крас-
неяся, сказала.
(Тому сей дикий бор немой сви-
детель был).*

И *жребий* с трепетом читает
В твоих потупленных очах.

В веселых пиршествах, тобой
одушевленных,
Где юность пылкая и *взор счи-
тает твой.*

Когда ж безвременно с полей
кровавой битвы
К Коциту позовет меня судь-
бины глас,

Лишнее и вялое.

И у Парни это ме-
сто дурно, у Б(атю-
шкова) хуже. Лю-
бовь не изъясняется
пошлыми и растяну-
тыми сравнениями.

с в о е й <вместо
«твоей»>

Что такое?

Какой оборот!

Должно было: *свой*
жребий.

Темно.

Скажу: будь счастлива в послед-
ний жизни час!

Je dirai: qu'elle soit
heureuse!

Et ce vœu ne pour-
ra te donner le bon-
heur! (Стихи Парни.)

И тщетны будут все любовника
молитвы!

Какая разница!

П р и в и д е н и е.
Из Парни (стр. 39—42).

Если пламень потаенный
По ланитам пробежал;
Если пояс сокровенный
Развязался и упал—

Прелесьть.

Я вздохну... и глас мой *томный*
Арфы голосу *подобный*
Тихо в воздухе умрет.

(Рифма отмечена как
неудачная.)

Час блаженнейший... Но ах!

(Стих подчеркнут как
слабый.)

Тибуллова элегия III
(стр. 43—45).

Стихи, замечатель-
ные по счастливым
усечениям—мы слиш-
ком остерегаемся от
усечений, придаю-
щих иногда много
живости стихам.

*В богатстве ль счастье? В нем
призрак, тщетный вид!*

(Стих подчеркнут как
слабый.)

Колен *пред* случаем вовек не
преклоняет,

faveur. Не то.

Когда же *Парк сужденья,*
Когда суровых *сестр* *противно*
вретено

приговор (вместо
«сужденье»)

Мой гений (стр. 46).

(1) О память сердца! ты силь-
ней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
(4) Меня в стране пленяешь
дальной.

Прелесть кроме
первых 4 (стихов).

Тень друга (стр. 48—51).
Я берег покидал туманный Аль-
биона:
Казалось, он в волнах свинцо-
вых утопал.

Прелесть и совер-
шенство—какая гар-
мония!

Дмитриев осуждал
цезуру двух этих сти-
хов. Кажется, не-
справедливо.

Тибуллова элегия.
Вольный перевод
(стр. 52—58).

Мы учиним пред ним обильны
возлиянья,
Иль на чело его в знак мирно-
го венчанья
Возложим мы венки из миртов
и лилей.

Проза.
Увенчаем в знак
венчанья!!!

Обрызган кровию, *выигрывает*
бой;

Проза.

Последняя весна
(стр. 72—74).

К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приблизится: тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон.

К Г(неди)чу
(стр. 75—76).

Только дружба обещает
Мне бессмертия венок;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек.

Ах! ужели наградит
Слава счастья утрату,
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?

К Д(ашко)ву.

Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутии видел их,

И там—где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;

Неудачное подра-
жание Millevoeye.

Чорт знает что та-
кое!

Дурно.

Что за детские сти-
хи!

Последние 4 стиха
очень милы.

Прекрасное повто-
рение.

Прелесть!

Источник (стр. 81—83).

Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа.

Пленный (стр. 86—90).

Л(ев) В(асильевич) Д(авыдов) в плену у французов говорил одной женщине: «Rendez-moi mes frimas». Б(атюшков)у это подаило мысль написать своего *Пленного*. Он неудачен, хотя полон прекрасными стихами. Русский казак поет, как трубадур, слогом Парни, куплетами фр(анцузского) романса.

⟨Строфа 2-я⟩

В часы вечерняя прохлада
Любуясь рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,

⟨Стихи 2-й и 4-й подчеркнуты Пушкиным.⟩

С полей победы похищенный
Один, толпой врагов

Любимые стихи
к(нязя) П(етра) Вя-
земского.

⟨Строфа 3-я⟩

Мне жизнь не жизнь, без сла-
вы—бремя,
И пуст прекрасный мир!

⟨Конец стиха подчерк-
нут Пушкиным.⟩

⟨Строфа 6-я⟩

На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!

Было прежде: бе-
лым снегом.

⟨Строфа 7-я⟩

На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса

Вместо: красавица.
Неудачно.

⟨Строфа 8-я⟩

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей!
Вы, звезды Севера, горите,
Изгнаннику светлей!—

Прекрасно.

Гезиод и Омир — соперники (стр. 93—100).

Народы, как волны, в *Колхиду*
текли.

Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потом покрыты
бойцы,
При пламени светлом вздохните!
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!

Пройдя из края в край
Гостеприимный мир,

О м и р.

Мне снилось в юности: орел-
громометатель
От Мелеса меня, играючи, унес
На край земли, на край небес,
Вещая: «Ты земли и неба обла-
датель!»

Гезиод.

О, нежны дочери суровой Мнемозины!

Твой гений проникал в Олимп:
и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны
чертоги.

Вся элегия превосходна—жаль, что перевод.

Невежество непростительное.

Прекрасно.

В конце сказано:
рожденный в Самосе
и проч. Противуречие.

Прекрасно.

Зачем *суровой*.

Вот пример удачной перемены цезуры.

И что ж? В юдоли сей стра-
далец искони

К другу (стр. 101—105)

〈Строфа 7-я〉

Минутны странники, мы ходим
по гробам;
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к
своим друзьям—
И что ж? их урны обнимаем.

〈Строфа 9-я〉

Нрав тихий ангела, дар слова,
тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;

〈Строфа 11-я〉

Она в страданиях почила,

〈Строфа 14-я〉

Напрасно вопрошал я опытность
веков
И Клии мрачные скрижали;

〈Строфа 15-я〉

Как в воздухе перо кружится
здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,

Библиизм неумест-
ный.

Сильное, полное и
блистательное стихо-
творение.

Прелесть! — да и
всё прелесть!

Звуки италиан-
ские! Что за чудо-
творец этот Б (атюш-
ков)!

Прекрасно!

Клио, как *депо*, не
склоняется. Но это
правило было бы за-
труднительно.

Подражание Ломо-
носову и Torrismondo.

Как судно без руля стремится
по волнам

И вечно пристани не знает:

Мечта (стр. 106—118).

Иль в Муромских лесах задум-
чиво блуждаешь,

Когда на западе зари мерцает
луч

И хладная луна выходит из-за
туч?

Или, влекомая чудесным обая-
ньем

В места, где дышит всё любви
очарованьем,

Под тенью яворов ты бродишь
по холмам,

Студеной пеною Воклюза оро-
шенным?

Где тень Оскарова, одетая ту-
маном,

По небу стелется над пенным
океаном;

〈 Стихи 32—39〉

Или в полночный час
Он слышит скальдов глас
Прерывистый и томный.

Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом
костров,

Зажженных в поле брани;

Писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Б(атюшкова).

Гармония.

Прекрасно.

Скальд и бард одно и то же, по кр(айней) мере—для нашего воображения.

〈Стихи 104—108〉

Тогда на крыльях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или забывшись на лоне красо-
ты,
Я сон вкушал прелестный,
И счастлив наяву, был счастлив
и в мечтах!

Дурно.

Дурно.

〈Стихи 109—137〉

Волшебница моя! дары твои бес-
ценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в
цепях.
Заклепы страшные с замками на
дверях,
Соломы жесткий пук, свет блед-
ный пепелица,
Изглоданный сухарь, мышей тю-
ремных пища,
Сосуды глиняны с водой,
Всё, всё украшено тобой!..
Кто сердцем прав, того ты ввек
не покидаешь:
За ним во все страны летаешь,
И счастьем даришь любимца
своего.
Пусть миром позабыт! Что ну-
жды для него?
Но с ним задумчивость в день
пасмурный, осенний,
На мирном ложе сна,
В уединенной сени,
Беседует одна.

Какая дрянь.

Какая дрянь.

Какая дрянь.

О тайных слез неизъяснима сла-
дость!

Что пред тобой сердец холод-
ных радость,

Веселый шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под
луною;

Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных
друзей!

Кто в жизни не любил?

Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался,
И счастья в них не находил?

Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает
томны очи,

Всю сладость не вкусил обман-
чивой Мечты?

〈 Стихи 138—149〉

Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши с подругой
боязливой,

Ей шепчешь о любви и пламен-
ной рукой

Снимаешь со груди ее покров
стыдливый;

Теперь блаженствуешь и счаст-
лив ты Мечтой!

Ночь сладострастия тебе дает
призраки

И нектаром любви кропит лени-
вы маки.

Мечтание—душа поэтов и сти-
хов.

Какая дрянь.

Немного опять по-
хоже на Батюшкова.

Катенин находил
эти два стиха достой-
ными Баркова.

И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить Ана-
креона;
Любовь еще горит во пламен-
ных мечтах
Любовницы Фаона;

〈Стихи 150—173〉

А ты, лежащий на цветах
Меж нимф и сельских граций,
Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал,
Мечтал среди пиров и шумных
и веселых,
И смерть угрюмую цветами
увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих ро-
щах устарелых,
На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоём
уединеньи,
Ты ждал Глицерию и в сладо-
стном забвеньи,
Томимый нею на ложе из
цветов,
При воскурении *мастик бла-
гоуханных*,
При пляске нимф венчанных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен в сладкой думе
Мечтал... и вдруг Мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерии стыдливой и
прекрасной
Победу пел любви

Дурно, вяло.

Дурно.

Слабо.

Дурно.

Исчезнут Граций лобызання,
Надежда изменит, и рой крыла-
тых снов!

Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светиль-
ник зажигает,
И время старости могилу от-
крывает!

〈Стихи 195—199〉

Но ты — пребудь верна, живи
еще со мной!

Ни свет, ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца
не заменит!

Пусть дорого глупец сует бли-
станье ценит,
Лобзая прах златый у мрамор-
ных палат;—

Послания.

Мои пенаты.

Послание к Ж(уковско-
му) и к В(яземскому)
(стр. 121 — 137).

〈Стихи 1—8〉

Отечески пенаты,
О пестуны мои!

Дрянь.

Дрянь.

Это стихотворение дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслажденья — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна.

Главный порок в сем прелестном послании — есть слиш-

Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;

⟨ Стихи 25—28 ⟩

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.

⟨ Стихи 35—36 ⟩

Всё утвари простые,
Всё рухляя скудель!

ком явное смешение
древних обычаев ми-
фологии с обычаями
жителя подмосков-
ной деревни.

Музы — существа
идеальные. Христи-
анское воображение
наше к ним привыкло,
но *норы и кельи*, где
лары расставлены,
слишком переносят
нас в греч(ескую) хи-
жину, где с неудо-
вольствием находим
стол с изорванным
сукном и перед ка-
мином суворовского
солдата с двуструн-
ной балалайкой. —
Это всё друг другу
слишком уже проти-
воречит.

⟨ Стихи эти Пушкиным
перечеркнуты. ⟩

⟨ Стихи 43—48 ⟩

Богатство с суетой;
С наемною душою
Развратные счастливыцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!

⟨ Стихи эти Пушкиным
перечеркнуты и сбоку
снабжены заметкой: ⟩

Сильные стихи.

⟨ Стихи 139—143 ⟩

Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой;
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

⟨ Стихи 139—143 Пуш-
киным перечеркнуты. ⟩

⟨ Стихи 293—294 и 301—304 ⟩

Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядут,
.
К чему сии куренья
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над холодной доской?

Сильные стихи.
Стихи прекрасные,
но опять то же про-
тивуречие.

Послание. Г. В(ельегор-
ско)му (стр. 138—141).

Преглупая пиеса.

Когда отвоевав под знаменем
Беллоны,
Под знаменем Любви я начал
воевать,

**Mauvais goût¹—это
редкость у Батюш-
кова.**

¹ ⟨ Дурной вкус. ⟩

〈 Стихи 39—43〉

...и нимфы гор при месячном
сияньи,
Как тени легкие, в прозрачном
одеяньи,
С сильванами сойдут услышать
голос мой.
Наяды робкие, всплывая над
водой,
Восплещут белыми руками.

Сильваны, нимфы
и наяды—*меж* сыром
выписным и гамбург-
ским журналом!!!

П о с л а н и е к Т (у р г е н е) в у
(стр. 142—145).

〈 Стихи 19—20〉

Лишь *дайте им!* промолви—
вмиг
Они очутятся с рублями.

Как плоско!

〈 Стихи 27—28〉

Был беден. Умер. От долгов
Он, следственно, спокоен.

Какая холодная
шутка!

〈 Стихи 29—32〉

Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не всё для бедных
бедство!

Что за слог!

〈 Стихи 37—39〉

Прекрасно! славно!—спору нет!
Но... здешний свет—
Не рай,—мне сказывал мой дед

Стихи, достойные
Василия Львовича.

〈 Стих 50〉

И стал... Грация *точь-в-точь!*

Опять!¹

〈 Стихи 63—66〉

Они пред образом, конечно,
Затемят чистую свечу,—
За чье здоровье—умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечный!

Я не угадаю: если
за здоровье Тургенева,
то это плоско;—
если нет, так изъяснись.
— Охота печатать всякой вздор!
Батюшков—не виноват!

Ответ Г(неди)чу

(стр. 146).

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает;

Батюшков — женится на Гнедиче!

¹ 〈Подразумевается стих 21-й этого же «Послания»: «Но кто они?— Скажу точь-в-точь».〉

〈 Стихи 17—24〉

И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм свя-
той,

Увы, твой друг не перестанет
Еще ей жертвовать собой!
Как гость, весельем пресыщен-
ный,

Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мир.

К Ж(уковско)му
(стр. 148—152).

Ответ Т(ургене)ву
(стр. 153—156).

Послание И. М. М(урав-
ьеву) - А(постолу)
(стр. 160—166).

Ты прав, любимец Муз! от пер-
вых впечатлений,
От первых, свежих чувств за-
емлет силу гений
И им в теченьи дней своих не
изменит!

Прекрасно.

Прекрасно, достой-
но блестящих и не-
брежных шалостей
французского остро-
умия,—и везде язык
поэзии.

Как неудачно по-
чти всегда шутит Ба-
тюшков! Но его *Ви-
дение* умно и смешно.

Цель послания не
довольно ясна; не до-
статочно то, что вы-
полнено прекрасно.

⟨Стихи 33—36⟩

Не там ли, где всегда роскош-
ная природа
И раскаленный Феб с безоблач-
ного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область
пиэрид?

Это дело десятое:
не о том дело; см.
ст. 1.

⟨Стих 72⟩

И день, чудесный день, без но-
чи, без *зарей!*

зорь.

⟨Стихи 77—81⟩

Как часто Дмитриев, расторгнув
светски узы,
Водил нас по следам своей сча-
стливой Музы,
Столь чистой, как струи царицы
светлых вод,
На коих в первый раз зрел сол-
нечный восход
Певец Сибирского Пизарра вдох-
новенный!

Вяло.

⟨Стихи 99—100⟩

Всем наслаждается, и всюду на-
конец
Готовит Фебу дань его грядущий
жрец.

Темно!

Смесь.

Песнь Гаральда Смелого (стр. 172—174).

〈Строфа 1-я〉

Когда мы, *содвинув стеной ко-
рабли,*

?

〈Строфа 3-я〉

И Гела зияла в *соленой* волне.
Но волны напрасно, яряся хле-
стали:

*Я черпал их шлемом, работал
веслом.*

Прекрасно.

Вакханка
(стр. 175—176).

Нагло ризы подымали
И свивали их клубком.
И по роце *раздавались*
«Эвоэ!» и *неги глас!*—

Подражание Парни, но лучше подлинника, живее.
Смело и счастливо.

Может быть слишком громкое слово.

Разлука
(стр. 180—182).

Ложный страх.
Подражание Парни
(стр. 183—185).

Гименей за всё ручался
И амуры на часах.

Цирлих манирлих.
С Д. Давыдовым не должно и спорить.

Стих 〈М. Н.〉 Муравьева.

〈Стихи 21—28〉

Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,
Молча, новое свиданье
Обещали вечерком.

Очень мило.

〈Стихи 29—44〉

Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б, и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единый,
Вакху час и сну другой;
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

Прекр(асно).

Пр(екрасно).

Поделился бы.

Сон монгольца
(стр. 186—188).

Монгольская басня,
как называет ее
Батюшков — сам.

Любовь в челноке
(стр. 189—191).

〈От стиха 17-го до конца
стихотворение Пушкиным
перечеркнуто.〉

Счастливец.
Подражание Каси
(стр. 192—195).

Радость.
Подражание Каси
(стр. 196—198).

К (Н. М. Муравьеву)
(стр. 199—201).

Свисти теперь, жужжи, свинец!
Летайте, ядры и картечи!
Что вы для них? для сих *сердец*,
Природой *вскормленных* для се-
чи?

И под победными громами
«*Мы хвалим господа*» поем!

Спокойся; с первыми громами
К знаменам славы полетишь;

Эпиграммы, надписи
и пр.
(стр. 202—207)

I.

Всегдашний гость, мучитель мой,
О Балдус! долго ль мне зевать,
дремать с тобой?

(Всё стихотворение, за
исключением последних
двух строк, Пушкиным
перечеркнуто.)

Вот Батюшковская
гармония.

Подражание ста-
рым трубадурам.

(Слова, набранные кур-
сивом, Пушкиным под-
черкнуты.)

Te Deum Laudamus,
а по-нашему должно
бы: *Царю небесный*.

Прекрасно!

Это не Батюшкова,
а Блудова, и то пе-
ревод.

ХII.

На книгу под названием: «Смесь».

По чести это *смесь*:
Тут проза и стихи, и авторская
спесь.

⟨Перечеркнуто Пушкиным.⟩

Странствователь и домосед (стр. 208—229).

Сию и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином,
Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры:

Стих не сказочный,
натянутый.

Лишнее.

Они тут необходимо — друг с другом — наречие, а не имена суц.

—О, я с тобой *несходен*;
Я пресмыкаться *не способен*

⟨Рифма: *несходен — не способен* отмечена как слабая.⟩

От скуки сам собой *вполголос*
рассуждая

В ПОЛГОЛОСА

⟨Стихи 98—163⟩

⟨Стихи 98—163 Пушкиным перечеркнуты и в разных местах снабжены заметками:⟩

Лишнее, дурно, холодно, всё это лишнее.

〈Стихи 210—219〉

Топиться хочешь ты? Согласен;
но сперва,
Поведай мне, твоя спокойна ль
голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку
иль страсти?
Рассудок: но его что нам ве-
щает глас?
Что жизнь и смерть равны для
нас.
Равны: так незачем топиться.
Дай руку мне, мой сын, и не
стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь мо-
жет быть счастлив,—
Кто жить советует, всегда крас-
норечив:
И наш герой остался жив.

〈Стихи 226—247〉

Забыв людей и свет,
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здравый,
Находит Филалет:
Орехи, жолуди и травы,
Большой сосуд воды, и толь-
ко—боже мой!
Как сладостно искать для тра-
пезы такой
В утехах мудрости приправы!
Итак, в том дива нет, что с
путником Памфил
Об атараксии тотчас заговорил;
«Всё призрак! под конец хозяин
заклучил:

Прекрасно.

Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастья и
страсти,

⟨ Стихи эти Пушкиным
перечеркнуты. ⟩

И я, и ты, и целый свет,
Всё призрак! — «Сновиденье!»
Со вздохом повторял унылый
Филалет;

Но, глядя на сухой обед,
Вскричал: «Я голоден!» — «И
это заблужденье,
Всё грубых чувств обман; не
сомневайся в том». —

Неделю попостясь с бородатым
мудрецом,
Наш призрак Филалет решился
из пустыни
Отправиться в Афины.

⟨ Стихи 249—251 ⟩

Пора с философом расстаться,
Который нас недаром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.

⟨ Стихи эти Пушкиным
перечеркнуты. ⟩

⟨ Стихи 268—276 ⟩

Я сам, друзья мои, дань сердца
заплатил,
Когда, волнениями судьбины
В отчизну брошенный из даль-
них стран чужбины,
Увидел наконец адмиралтейский
шпиц,

Фонтанку, этот дом... и *столь-*
ко милых лиц,
Для сердца моего *единственных*
на свете!
Я сам... Но дело всё теперь о
Филалете,
Который, опершись на кафедру,
стоит
И ждет опять денницы.

⟨ Стихи эти Пушкиным
перечеркнуты. ⟩

⟨ Стихи 296—300 ⟩

Вы помните — бульвар кипел в
Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою
казак,
Иль северный Амур с колчаном
и стрелами.
Так точно весь народ толпился
и жужжал.

⟨ Стихи эти Пушкиным
перечеркнуты и снабжены
отметкой: ⟩

Лишнее.

⟨ Стихи 307—315 ⟩

По пальцам доказал, что в мире
быть... опасно.
— Что ж делать? закричал с
досадою народ.
— Что делать? Сомневаться.
Сомненье мудрости есть самый
зрелый плод.
Я вам советую, граждане, ко-
лебаться:

Прекрасно,—но не
в том дело.

И не мириться и не драться...—
Народ всегда нетерпелив!
Сперва наш краснобай услышал
 легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе гром-
 кий хохот.

〈 Стихи 375—383〉

Напрасно Клит с женой ему
 кричали вслед
С домашнего порога:
«Брат милый, воротись, мы про-
 сим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине?
 Новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве
 не мило?
Иль дружество тебя, жестокий,
 огорчило?
Останься, милый брат! остань-
 ся, Филалет!»
Напрасные слова. — Чудак не
 воротился—
Рукой махнул... и скрылся.

Переход через Рейн
(стр. 233—241).

〈 Строфа 10-я〉

Стеклись, нагрянули, за честь
 твоих граждан,

* Конец прекрасен.
Но плана никакого
нет, цели не видно—
всё вообще холодно,
растянуто, ничего не
доказывает и пр.

* Лучшее стихотво-
рение поэта — силь-
нейшее и более всех
обдуманное.

За честь твердынь и сел, и нив
опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство
россиян;
Где ангел мирный, светозар-
о ный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.

〈Строфа 14-я〉

Там всадник, опершись на свет-
лу сталь копья,
Задумчив и один, на берегу вы-
соком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

Умирающий Тасс
(стр. 245—253).

Темно.

Дело идет о Ели-
завете Алексеевне.

* Прелесть.

Эта элегия, конечно, ниже своей славы.—Я не видал элегии, давшей Батюшкову повод к своему стихотворению, но сравните *Сетование*

Тасса поэта Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолубия и добродушия (см. замеч(ания)), ничего не видно. Это—умирающий Василий Львович, а не Торквато.

Ни в хижине оратая простого
.....
Ни в дебрях, ни в горах не
спас главы моей

*Добродушие историческое, но вовсе не поэтическое.

Там, там... о, счастье!.. средь
непорочных жен,
Средь ангелов Елеонора встретит!»
И с именем любви божественный погас;

Остроумие, а не чувство. Это покровенная глава Агамемнона в картине.

Беседка муз
стр. 254—256).

* Прелесть!

(1830?)

⟨Заметки на полях статьи М. П. Погодина
«Об участии Годунова в убийении царевича
Димитрия»¹⁾⟩

Текст Погодина

З а м е т к и П у ш -
к и н а

Стр. 90.

Димитрий родился от седьмого брака Иоаннова, и по тогдашним понятиям *едва ли имел право на престол, по крайней мере неоспоримое*⁺.

Смотри все летописи, где об незаконности Димитрия нигде не упомянуто, напротив.

Стр. 91. Сноска.

Но Бельской вскоре опять является в столице.

После смерти Борисовой.

Стр. 92.

Следовательно они не почитали Димитрия наследником? По крайней мере отсюда видно, что всякая сторона могла отстранять его при рассуждениях о престоле.

Дядя законный наследник, но сын естественный наследн.

Стр. 92.

Борис возражал им, что во всяком случае трон не будет без наследников, *ибо царевич Димитрий живет* и здравствует.

¹ Курсивом обозначены слова, подчеркнутые Пушкиным, в прямых скобках — слова, зачеркнутые Пушкиным в тексте Погодина. Знаки сноски — крестики — поставлены Пушкиным.

Стр. 92.

Далее +— Борис не велел молиться о Димитрии и помянуть его имени на литургии, мысля тем, говорит историограф, *объявить злосчастливого царевича незаконнорожденным*, как сына шестой или седьмой Иоанновой супруги.

Стр. 92—93.

Спрашиваю: зачем было прибегать Борису к этой лишней мере, если он задумал убийство...

Стр. 93.

...а теперь не вероятнее ли заключить, что *Борис хотел политически убить Димитрия, в народном мнении*, тише, безопаснее и гораздо действительнее.— Сюда же относятся и слухи, распушенные в народе друзьями Годунова о наклонности Димитрия ко злу и жестокости (коиими правитель, по мнению историографа, приготовлял будто легковверных людей услышать без жалости о злодействе!). (Кар. X, 130.)

Стр. 93—94.

Задумав убийство, как Борис не удалил по крайней мере из Углича Нагих, своих зложелате-

Один Борис.

!

и¹

Следств. были замыслы противу младенца, и Дм. был опасен Борису.

!

¹ (Вставлено между словами «хотел» и «политически».)

лей, естественных противников его намерениям? Так легко мог он сделать это, дав им какие-нибудь значительные места *при дворе* или в городах!—*Как не избавился он от кормилицы*, будто бы преданной царице.

!! Однако же ду- мал.

Стр. 94—95.

... [неужели, говорю, Борис мог бояться совместничества с семилетним или четырнадцатилетним отроком, без подпоры в церкви, дворянстве, гражданах, без положительного права?] Неужели он не мог предвидеть, что сей *несчастный сирота* был бы непременно отвержен народом...

Царевич! единст- венный сын Иоанна!

Стр. 95—96.

... что если бы расстрига был и действительно сын Иоаннов Димитрий, то он всё еще не имел бы права на корону, будучи сыном незаконным от шестой или седьмой жены...

Русским этого не говорили: Кар(амзин) это умно изъяснил.

Стр. 96.

Приняв в расчет сии соображения, можно ли сказать утвердительно, что Борису необходимо *нужна была смерть Димитрия*? Нельзя ли наоборот предположить, что *Борис готовил ему смерть политическую, а не настоящую?*

Противуречие.

Стр. 96.

— согласимся (*самая трудная уступка*), что Борис своими мерами хотел показать народу, будто и живой *Димитрий* ему *не опасен*, и следовательно смерть его бесполезна,—согласимся, что Нагих и *кормилицу*⁺ оставил он в Угличе для отклонения от себя всяких подозрений;

Противуречие.
Как ему знать кормилицу?

Стр. 97.

... Карамзин, *представитель всех наших известных летописей, сообразив все свидетельства бывшие пред его глазами.* (Кар. X, 130—133).

Стр. 101.

Для чего было Борису это хладнокровное политическое решение *совета* (которого никак себе вообразить нельзя), что смерть Димитрия необходима для безопасности правителя и для государственного блага!!

Mauvaise foi.¹

Стр. 101.

Яд, которым начали действовать новые (!) соучастники Бориса, не вредил младенцу ни в яствах, ни в питии...

Летописцы.

¹ (Недобросовестность.)

Стр. 101.

... существуют ли такие злодеи, которые согласны дать скрупул мышьяку, а не драхму?

Шуточки.

Стр. 102.

[И Борис не умел сыскать одного человека, с руками potvrже (который, казалось бы, только и нужен был ему с самого начала вместо всех совещаний и выборов), не умел сыскать одну знающую старуху, кои по нашим деревням портят людей!]

Нет:—Борис только что до с а д о в а л, и за неимением способных исполнителей решил сменить свое намерение, и *вместо тихого яда действовать звонким ножом!*

Что же? Этот опытный знаток людей *открывается* *опять* *двум* *человекам* *(двадцатым?)*, которые отказываются исполнить его поручение, и предаются гонению! *(даже и не смерти?)*

Не то: смотри Карамзина.

А Наполеон, убийца Энгенского, и когда? ровно 200 лет после Бориса.

!!

Стр. 102—103.

[Наконец отправляются в Углич Битяговский, представленный Клешниным, с сыном и Качаловым, удостоенные также совершенной доверенности Годунова... Не слишком ли уже дешева эта доверенность Борисова?.. И Борис,

который был так осторожен во всех подобных случаях, что велел доносить, например, себе всякое слово сосланного Филарета (Кар. XI, 104), не умел р а с т о л к о в а т ь убийцам (управлявшим домом и столом царицы), чтобы они сделали свое дело как можно тише, осторожнее, — по крайней мере не днем, не при свидетелях, всего менее при кормилице, преданной Нагим?)

Как могла подозрительная мамка вывести Димитрия насильно из горницы в сени? *Как допустила* она за собою верную кормилицу, предвидя убийство? Как могла согласиться при ней на оное? Ведь оставаясь с трупом и очевидною свидетельницею убийства, она *подвергалась явной смерти! и проч. и проч.*

Стр. 105.

С другой стороны—как Шуйский, подобно *баснословным* Чепчугову и Загряжскому, не огказался...

Стр. 105.

Вспомним, как *благородно* и смело вел себя Шуйской...

Стр. 105—106.

«Димитрий, в среду мая 12, занемог падучею болезнию...

Как бы не

Покровительствуемая Борисом! т. е. царем!

Почему же, если об них упоминает *современная* летопись?

в субботу, также после обедни, вышел гулять на двор с мамкою, *кормилицею*, постельницею и с молодыми жильцами...»

«Узнав о несчастье сына, царица прибежала и начала бить мамку, говоря, что его зарезали Волохов, Качалов, Данило Битяговский, *из коих ни одного тут не было...*»

Стр. 105—106.

«...Михайло Нагой велел принести несколько самопалов, ножей, железную палицу, — вымазать оные кровью и положить на тела убитых, в обличение их мнимого злодеяния. *Сию нелепость* утвердили своею подписью воскресенский архимандрит *Феодорит*, два *изгумена* и *духовник* Нагих от робости и малодушия; а *свидетельство* истинны, *мирское, единогласное, было утаено: записали только ответы Михаила Нагого*, как бы язвеного клеветника, упрямо стоящего в том, что Димитрий погиб от руки злодеев».

Стр. 107.

«Но сии допросы, говорит исторнограф (X, 138), суть памятники — бессовестной лживости Шуйского; он допрашивал тайно, особенно, не миром, действуя угрозами и обещаниями;

Истинно нелепость

Свидетели!

призывал кого хотел; писал, что хотел». —

«Одни сии допросы (Кар. X, пр. 238), явно ознаменованные действием страха, угроз, принуждения, совести нечистой, свидетельствуют о кове Бориса Годунова».

Именно.

Стр. 108.

Как Волохова могла выдумывать в пользу Бориса, так кормилица могла лгать по повелению царицы, — и их равносильные свидетельства уничтожаются сами собою.

Стр. 108.

Царице должно было снять вину с себя, если Димитрий погиб от ее небрежения...

Глупость.

Стр. 109.

Народ, зная о неприязни Борисовой к Димитрию, легко поверил правдоподобной выдумке...

Оправданному показанию всяя Руси.

Стр. 110.

Царица, Нагие и граждане, совершив самовольно казнь, не должны ли были впредь для своего оправдания доказывать вину казненных?

Вздор.

Стр. 110.

Скажут — следствие можно бы произвесть лучше и дознаться

А вы что же делаете?

до истины; но если этого не сделано, то мы не имеем права дополнять его теперь своими произвольными догадками...

Стр. 110.

Как очутились на дворе дети, если Димитрий убит у крыльца тотчас по выходе из комнаты?

Не понимаю, что хочет сказать критик.

Стр. 111.

Неужели убийцы не предвидели, что в городе произойдет волнение, и не приняли никаких мер к своему спасению? (Иные летописатели говорят, что они отбежали 12 верст, но воротились назад).

Они бежали.

Нет.

Стр. 111.

Неужели Шуйский явно заставлял граждан подписываться под готовыми ответами?

Как мудрено!

Как Борис решался до такой степени обнаруживаться пред тысячами своих поданных?

И очень!

Царица была пострижена и заключена в монастырь. Все Нагие, сии справедливые или несправедливые обвинители Бориса, остались в живых (знак доброты его) и дожили до лучшей участи при Лжедимитрии.

Братья царицы!

Стр. 112.

...в остальные семь лет царствования Федорова и семь лет

[Глупость.]

царствования Борисова он оставался в одном положении без особенных знаков дружбы, даже милости Борисовой.

[Итак, до сих пор нет улики против Бориса? —]

Он был военачальник и

Стр. 112.

Инокния Марфа (прежняя царица Мария Нагая)...

Но может ли история принимать в уважение слова этой *(бесхарактерной)*¹ женщины.

Стр. 115 — 116.

...он не понимал, что царственный младенец, с первого года своей жизни подверженный гонениям, оскорбляемый, *лишаемый прав своих, наконец невинно погибший* по повелению ли Бориса или только по его тайному желанию, или небрежению Нагих...

Стр. 116.

Патриарх Иов в своей прощальной грамоте с народом, по случаю новых возмущений при Шуйском, превозносит Бориса, а о Димитрии говорит: *«прият заклание невинно от рук изменник своих»* (Кар. XII, пр. 208).

¹ (Слово заключено в скобки Пушкиным.)

Стр. 117.

Мог ли бы Иов, друг и слуга Борисов, произвести такое действие, если б *принимал участие в убиении святого Димитрия*, только что тогда в Москву принесенного, которое летописи и историограф ему приписывают?

Когда же?

Стр. 120.

«Борис велел, говорят летописатели, удавить в монастыре князя Ивана Сицкого с женою, хотел уморить голодом и недужного Ивана Романова; но бумаги приказные свидетельствуют, что последний имел весьма небедное содержание...» (Кар. X, 106)*.

* Историограф предлагает сие известие вот как: «если верить летописцу, то Борис велел и проч., но бумаги приказные свидетельствуют, что и проч.» — Зачем же верить летописцу?¹

То и говорит Карамзин. Это напоминает способ критиковать, Полевым употребляемый.

Стр. 124 — 125.

Соединив теперь все собранные мною доказательства за него и против него, я представляю всё дело на суд Уголовной палаты, по существующим ныне законам.

Это глупость. Уголовная палата не судит мертвых царей по сущ. ныне зак.

¹ (Сноска Погодина.)

Не должна ли она оставить Бориса только в подозрении, и подозрении слабом.

[Как! нынешняя Уголовная палата должна оставить Бориса только в подозрении, а история, имея на своих весах еще двадцатипятилетие благодеяний Борисовых России, осмеливается приносить ему решительный приговор!] Нет! нет, будем справедливы к сему великому мужу, который так хорошо понимал добродетель... который в торжественную минуту своего помазания на престол обещался отдать последнюю рубашку с плеча неимущему подданному...

Судит их история, ибо на царей и на *(нрзбр)* нет *иного суда*.

Фраза!

(1829 — 1831)

⟨Заметки при чтении «О государственном кредите» М. Ф. Орлова⟩

Конечно, никто не *изобретал* кредита, доверенности. Он проистекает сам собою, как *условие*, как *сношение*. Он родился при первом меновом обороте.—

Возвращение капитала не есть, конечно, господствующая мысль¹ при *частном кредите*, но умножение оного посредством процентов.— У людей разделены на мелкие части.—

¹ ⟨На полях набросан вероятный вариант двух последних слов:⟩ необходимое условие.

Сам по себе налог слеп и падает без разбора на все состояния.

— Нет, налог *может* отзываться во всех состояниях, но обыкновенно падает на одно — отсель ошибка физиократов или налога на землю, падающего на земледелие и нечувствительного множеству других сословий.—

(1833—1834)

⟨Заметки на полях письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической Русской истории» (1836)⟩

Текст Вяземского Заметки Пушкина

Самый IX том, в котором Карамзин с откровенным негодованием благородной души живописал яркими красками тиранию ослепленного царя, самый сей том должен был усилить к нему вражду противников мнения его.

И самое 14 декабря не было ли в последствии времени, так сказать, критика вооруженною рукою на мнение, исповедуемое Карамзиным, т. е. *Историю Государства Российского*, хотя, конечно, участвующие в нем тогда не думали ни о Карамзине, ни о труде его.

⟨Зачеркнув слова: «ослепленного царя», Пушкин надписал: мучителя

Не лишнее ли?

И после подобных несообразностей в сфере действий самого правительства будут искать в области мнимых догадок или в тайниках неблагонамеренных обществ зародыши возмутительных понятий или ослабления уважения к законной власти и к существующему порядку, если они изредка кое где и пробиваются в жизни общественной. Но зачем головоломно искать эти зародыши за тридевять земель, когда они у нас под рукою, когда они гласно и торжественно с университетских кафедр посеваются в уме молодежи, всегда жадной к приятию всего, что носит на себе отпечаток оппозиции!

На развешенном знамени министерства вашего изображено охранительное правило. Так! Но под сенью знамени сего не совершаются ли действия, ему противные? Анархия в понятиях ведет к анархии в действиях.

К стыду классического учения, коего университет должен быть стражем, г. Устрялов не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полевого; стройное творение одного и хаотический недоносок другого! И столь двусмысленно, или просто сбивчиво опутал собственное мнение

Не лишнее ли, т. е. не повторение ли.

О Полевом не худо было бы напомнить и пространнее. Не должно забыть, что он сделан членом-корреспондентом нашей Академии за

свое оговорками, пошлыми фразами и перифразами, что поистине не знаешь, кому из двух отдает он преимущество!

свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, без изысканий и безо всякой совести,—не говорю уже о плутовстве подписки, что уже касается управы благочиния, а не Академии наук.

⟨1836⟩

З а п и с и

Записки П. В. Нащокина, им диетованные в Москве. 1830

Я начинаю себя помнить на большом барском дворе, сидящим в песке (что почитается средством против так называемой английской болезни). Около меня толпа няnek и мамушек и шестнадцать дворовых мальчишек, готовых попеременно таскать меня во весь дух в колясочке с барского на черный двор, и на деревенский базар.— Помню отца моего, и вот в каких обстоятельствах. Назначен отъезд в Петербург. На дворе собирается огромный обоз,—крыльцо усеяно народом—гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными майорами в старинных мундирах и проч. Отец мой между ими в зеленом плаще.— Одноколка подана. Меня просят к отцу, с ним проститься— он хочет взять меня с собою—я плачу: жаль расстаться с нянею... Отец с досадой меня отталкивает—садится в одноколку, выезжает, за ним едет весь обоз—двор пустеет, челядь расходится—и с тех пор впечатления мои становятся слабы и неясны до 10-го года моего возраста.—

Тут сцена переменяется; но сперва скажу несколько слов о моих родителях. Отец мой, генерал-поручик В. В. Нащокин, принадлежит к замечательнейшим лицам екатеринин-

ского века. Он был малого роста, сильного сложения, горд и вспыльчив до крайности. Несколько анекдотов, сохранившихся по преданию, дадут о нем понятие. После похода, в котором он отличился, он, вместо всякой награды, выпросил себе и многим своим офицерам отпуск и уехал с ними в деревню, где и жил несколько месяцев, занимаясь охотою. Между тем начались вновь военные действия. Суворов успел отличиться, и отец мой, возвратясь в армию, застал уже его в александровской ленте. «Так-то, батюшка В. В.», сказал ему Суворов, указывая на свою ленту, «покаместь вы травили зайцев, и я затравил красного зверя». Шутка показалась обидною моему отцу, который и так уж досадовал: в замену эпиграммы он дал Суворову пощечину. Суворов перевертелся, вышел, сел в перекладную, прискакал в П. Б., бросился в ноги государыне, жалуясь на отца моего. Вероятно, государыня уговорила Суворова оставить это дело для избежания напрасного шума. Несколько времени спустя присылают отцу моему Георгия при рескрипте, в коем было сказано, что за обиду, учиненную храброму, храбрый лишается награды, коей он достоин, но что отец мой получает орден по личному ходатайству А. В. Суворова. Отец мой не принял ордена, говоря, что никому не хочет он быть обязану, кроме самому себе. Вообще он никого не почитал не только высшим, но и равным себе. Кн. Потемкин заметил, что он и о боге отзывался хотя и с уважением, но всё как о низшем по чину, так что когда он был генерал-майором, то на бога смотрел как на бригадира, и сказал, когда отец мой был пожалован в генерал-поручики: «Ну, теперь и бог попал у Нащокина в 4-ый класс, в порядочные люди!» — Будучи назначен командиром корпуса, находящегося в Киевской губернии, вскоре по своему прибытию в оной дал он за городом обед офицерам и городским чиновникам. Киевский комендант, заметя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уехал. Отец заметя его отсутствие, взбесился, встал изо стола, приказал корпусу собраться и повел его к городу. Поднялась пальба; ни одного окошка не осталось в Киеве целого, — город был взят

приступом, и отец мой возвратился со славою в лагерь, ведя предателя-коменданта военнопленным. По восшествии на престол государя Павла I отец мой вышел в отставку, объяснив царю на то причину: «Вы горячи, и я горяч: нам вместе не ужиться». Государь с ним согласился и подарил ему воронежскую деревню. Отец мой жил барином. Порядок его разъездов дает понятие об его жизни. Собираясь куда-нибудь в дорогу, подымался он всем домом. Впереди на рослой испанской лошади ехал поляк Куликовской с волторною—прозван он был Куликовским по причине длинного своего носа; должность его в доме состояла в том, что в базарные дни обязан он был выезжать на верблюде и показывать мужикам *lanterne - magique*¹. В дороге же подавал он волторною сигнал привалу и походу. За ним ехала одноколлка отца моего; за одноколкою двуместная карета про случай дождя — под козлами находилось место любимого его шута, Ивана Степаныча. Вслед тянулись кареты, наполненные нами, нашими мадами, учителями, няньками и проч. За ними ехала длинная решетчатая фура с дураками, арапами, карлами, всего 13 человек. Вслед за нею точно такая же фура с больными борзыми собаками. Потом следовал огромный ящик с роговою музыкою, буфет на 16-ти лошадях, наконец повозки с калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отец мой останавливался всегда в поле). Посудите же сколько при всем этом находилось народу, музыкантов, поваров, псарей и разной челяди.

В числе приближенных к отцу моему два лица достойны особенного внимания: дурак Ив. Степ. и арапка Мария. Арапка отправляла при нем должность камердинера, она была высокого роста и зла до крайности. Частехонько диралась она с моим отцом, который никогда не сердился на нее. Иван Степаныч—лицо историческое. Он был известен под именем дурака нашей фамилии. Потемкин, не любивший шутов, слыша многое о затеях Ив. Степ., побился об заклад с моим отцом, что дурак его не рассмешит. Ив.

¹ (Волшебный фонарь.)

Ст. явился. Потемкин велел его привести под окошко и приказал себя смешить. Положение довольно затруднительное. — Ив. Степ. стал передразнивать Суворова, угождая тайной неприязни Потемкина, который расхохотался, позвал его в свою комнату и с ним не расставался. Государь Павел Петрович очень его любил, и Ив. Степ. имел право при нем сидеть в его кабинете. — Шутки его отменно нравились государю. Однажды царь спросил его: «Что родится от булочника?» — «Булки, мука, крендели, сухари и пр.», отвечал дурак. «А что родится от гр. Кутайсова?» — «Бритвы, мыло, ремни и проч.» — «А что родится от меня?» — «Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч.» Государю это очень понравилось. Он вышел из кабинета и сказал окружающим его придворным: «Воздух двора заразителен; вообразите: уж и дурак мне льстит. Скажи, дурак, что от меня родится?» — «От тебя, государь, отвечал, рассердившись, дурак, родятся бестолковые указы, кнуты, Сибирь и проч.» Государь вспыхнул — и, полагая, что дурак был подучен на такую дерзость, хотел узнать непременно — кем. Ив. Ст. наименовал всех умерших вельмож, ему знакомых. Его схватили, посадили в кибитку и повезли в Сибирь. Воротили его уже в Рыбинске. При государе Александре был он также выслан из П. Б. за какую-то дерзость. — Он умер лет 6 тому назад.

Мать моя была в своем роде столь же замечательна, как и мой отец. Она была из рода Нелидовых. Отец, заблудившись на охоте, приехал в дом Нелидова, влюбился в его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновенного ума и способностей. Она знала многие языки, между прочим греческий, — английскому выучилась она 60-ти лет. Отец ее любил, но содержал в строгости. — Много вытерпела она от его причуд. Например: она боялась воды. Отец мой в волновую погоду сажал ее в рыбачью лодку и катал ее по Волге. Иногда, чтоб приучить ее к военной жизни, сажал на пушку и палил из-под нее. До глубокой старости сохранила она вид и обхождение знатной дамы. Я не видывал старушки лучшего тону.

Сестра моя была старше меня несколькими годами: — она была красавица и считалась таковою в Москве. Я с братом воспитывался дома. У нас было множество учителей, гувернеров и дядек, из каких двое особенно для меня памятны.

Один пудренный, чопорный француз, очень образованный, бывший приятель Фридриха II, с которым игрывал он дуэты на флейте, а другой — которому (я) обязан первым моим пьянством, эпохою в жизни моей. Вот как это случилось. Однажды, скучая продолжительностию вечернего урока в то время, как учитель занялся с братом моим, я подкрался и задул обе свечки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всем доме, кроме сих двух свечей, не было огня, а слуги, по своему обычаю, все ушли, оставя дом пустым. Учитель насилу их нашел, насилу добился огня, насилу добрался до меня и в наказание запер меня в чулан. Вышло, что в чулане спрятаны были разные съестные припасы. Я, к неизъяснимому утешению, тотчас отыскал тут изюм и винные ягоды и наелся вдоволь. Между тем ощупал я штоф, откупорил его, полизал горлышко, нашел его сладким, попробовал из него хлебнуть, мне это понравилось. Несколько раз повторил свое испытание — и вскоре повалился без чувств. Между тем матушка приехала. — Учитель рассказал ей мою проказу — и с нею отправился в чулан. Будят меня. Что же? Встаю, шатаюсь, бледный, на полу разбитый штоф, от меня несет водкой, как от Панкратиевны «Опасного соседа». Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, с головной болию, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу в окно и вижу, что на повозку громоздят пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мне, что матушка прогнала его затем-де, что он вечор запер меня в чулан. —

Альбомные записи

〈1. Кн. А. М. Горчакову〉

Вы пишете токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренно люблю, пишу чтоб вам сие сказать.

А. Пушкин.
〈1811〉

〈2. Е. А. Энгельгардту〉

Приятно мне думать что, увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между именами молодых людей, которые обязаны вам счастливейшим годам жизни их, вы скажете: в Лицее не было неблагодарных.

Александр Пушкин.
〈1817〉

〈3. Чревовещателю А. Ваттемару〉

Votre nom est Légion car vous êtes plusieurs.

16 juin v. st. 1834 St. Pétersbourg¹
А. Pouchkine.

¹ 〈Имя вам—Легион, ибо вы — множество. 16 июня ст. ст. 1834 г., С.-Петербург.〉

ВАРИАНТЫ
И
КОММЕНТАРИИ

Литературно-критические, исторические и полемические наброски

Мои замечания об русском театре

(стр. 9 — 17)

Печатается по автографу ПБЛ. Впервые опубликовано в «Книжках Недели» 1895, кн. XII (декабрь), стр. 5—12. Датируется январем-февралем 1820 года на основании упоминания о статьях «кривого и безрукого инвалида», первое появление которых в печати относится к 29 декабря 1819 года. Заметки Пушкина, явно не рассчитанные на печать (судя по вольности интимно-бытовых суждений об актрисах и актерам и по характеру упоминаний о сановных абонентах «первых рядов кресел» и о «флигель-адъютантах его императорского величества»), предназначались, вероятно, для одной из очередных литературно-театральных дискуссий в обществе «Зеленая Лампа». На последней странице рукописи сохранилась заметка Н. И. Гнедича, проливающая свет на ее судьбу: «Пьеса, вообще сумасбродная, писаная А. Пушкиным, когда он приволакивался, но бесполезно, за Семеновой, которая мне тогда же отдала ее». Возможно, что Пушкин вручил свою рукопись Е. С. Семеновой под впечатлением известий об ее уходе со сцены 17 января 1820 года. Некоторые из своих «замечаний» о петербургском театре Пушкин впоследствии частично использовал в первой главе «Евгения Онегина».

9. «*Лужницкий пустынный*», — М. Т. Каченовский, редактор «Вестника Европы», критик «Истории Государства

Российского» Карамзина, в своих анонимных статьях ссылался на свое местожительство — Лужницкая слободка, за Девичьим Полем в Москве. О нем Пушкин упоминал в послании 1821 года к Чаадаеву («Оратор Лужников, никем не замечаем, мне мало досаждал своим осиплым лаем»). Эпиграммы Пушкина на Каченовского см. в т. I и II, а полемику с ним см. в т. VIII.

9. *«Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою?»* — Намек на Н. И. Гнедича, поместившего в «Сыне Отечества» 1816 года критический разбор баллады Жуковского «Людмила», в котором последняя сравнивалась с «Ленорой» Бюргера и «Ольгой» Катенина. Имя автора разбора было укрыто за тремя звездочками и обозначением: «СПБ губернии деревня Тентелева».

— *«Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом...»* — Намек на «Письмо к издателю», опубликованное за подписью В. Кл-нов в «Сыне Отечества» от 29 декабря 1819 года, № 52, стр. 275 — 277. В этом письме дана была восторженная характеристика артистов французского театра в Петербурге и попутно сделано несколько иронических замечаний о русском театре. О себе самом автор статьи упоминает в следующих выражениях: «Для подкрепления беспристрастия моего скажу, что пишу письмо сие левою рукою, ибо правая осталась на Бородинском поле, гляжу на бумагу одним правым глазом, ибо левый закрылся навсегда на высоте Монмартра!» Письмо это вызвало бурю в литературно-театральных кругах и оживленный обмен мнений о русском театре на страницах «Сына Отечества» 1820 (№№ 1, 2, 4, 5, 6).

12. *Семенова*, Екатерина Семеновна (1786 — 1849) — трагическая актриса, дебютировавшая в 1803 году и окончательно ушедшая со сцены в 1826. Восторженные упоминания о ней Пушкина см. в первой главе «Евгения Онегина» (строфа XVIII) и в наброске «Всё так же ль осеняют своды».

13. *Колосова*, Александра Михайловна (1802—1880) — драматическая актриса, впоследствии жена В. А. Каратыгина. Дебютировала 16 декабря 1818 года (в роли Антигоны). Об отношениях Пушкина к Колосовой см. наброски «Краса, надежда нашей сцены» (1818), эпиграмму «Все пленяет нас в Эсфири» (1819) и послание к Катенину — «Кто мне пришлет ее портрет» (1821).

14. «*Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры...*» — 8 декабря 1819 года.

15. «*Кто нынче говорит об Каратыгиной...*» — Каратыгина, Александра Дмитриевна (1777—1859) — драматическая актриса, мать В. А. и П. А. Каратыгиных.

16. *Яковлев*, Алексей Семенович (1773—1817) — петербургский трагический актер, ученик Дмитревского.

— *Брянский*, Яков Григорьевич (1790 — 1853) — петербургский трагический актер, личный знакомый Пушкина. 27 января 1832 года в его бенефис состоялась премьера «Моцарт и Сальери».

— «*По мне, — уж лучше пей, да дело разумей*» — цитата из басни Крылова «Музыканты».

17. *Борецкий* (Пустошкин), Иван Петрович — драматический актер, бывший прапорщик лейб-гвардии Литовского полка, ученик и секретарь А. А. Шаховского, приятель А. А. Бестужева; дебютировал 25 января 1818 года (в роли Эдипа).

⟨Заметки по поводу суждения о «Проекте вечного мира»
Сен-Пьера⟩

(стр. 18 — 19)

Печатается по автографу, хранящемуся в ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Б. В. Томашевским в «Жизни Искусства» 1924, № 24, стр. 3 (частично) и полностью им же в «Звезде» 1930, № 7, стр. 229 — 230. Датируется 1821 годом на основании письма Е. Н. Орловой (урожд. Раевской), сообщавшей 23 ноября 1821 года о политических прениях в Кишиневе в доме ее мужа, гене-

рала М. Ф. Орлова, члена Союза Благоденствия: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — *вечный мир аббата Сен-Пьера*.

Аббат Сен-Пьер (1658 — 1743) — автор ряда политических проектов, в том числе «Проекта вечного мира» (1716), основанного на принципах взаимного соглашения держав. Заметка Пушкина восходит к изложению проекта Сен-Пьера, сделанному Ж.-Ж. Руссо (1760) и снабженному его возражениями («Суждением о проекте вечного мира»). Из них взяты нами «подлинные выражения» Руссо, которые Пушкин не вписал в свою заметку. Руссо, принципиально принимая идею «вечного мира», сомневался в реальной осуществимости проекта, если исключить «жестокие и ужасные» средства революции, которая уничтожит «противоречия частных интересов» — соперничество держав. Пушкин, опираясь на Руссо, но не разделяя его отрицательного отношения к революции, видел в революционной ситуации 1821 года возможность близкого осуществления «вечного мира».

П е р е в о д :

1. Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции, — которые являются крупным шагом вперед человеческой мысли, шагом, который не будет единственным, — необходимо стремятся к сокращению численности войск, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее чем через 100 лет не будет уже постоянной армии.

3. Что касается великих страстей и великих воинских галантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя под защиту законов.

Руссо, рассуждающий не так уж плохо для верующего протестанта, говорит в подлинных выражениях: «То, что полезно для народа, возможно ввести в жизнь только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат. Несомненно идея вечного мира в настоящее время весьма абсурдный проект; но пусть вернуться Генрих IV и Сюлли, и вечный мир станет снова разумной целью; или точнее: воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществляется, так как это может быть достигнуто лишь средствами жестокими и ужасными для человечества». Ясно, что эти ужасные средства, о которых он говорил,—революция. Но вот они настали. Я знаю, что все эти доводы очень слабы, и свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не одержавшего ни одной победы, не может иметь никакого веса, но спор всегда хорош, так как способствует пищеварению; впрочем, он еще никогда никого не убедил [и только глупцы думают противное].

Note sur la révolution d'Ipsylanti

(стр. 19 — 20)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2386 В, лл. 9 и 71 об.). Впервые опубликовано в исследовании П. В. Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху» («Вестник Европы» 1874, кн. I, стр. 42).

Заметка, повидимому, является сводкой тех сведений, которые Пушкин получил непосредственно от греков, с которыми он встречался в Кишиневе. Об отношении Пушкина к греческому восстанию см. далее — в дневнике его, стр. 447, а также повесть «Кирджали».

19. *Господарь Ипсиланти* — Александр Ипсиланти (1725 — 1805) был господарем (правителем) Валахии с 1774 года.

— *Riga*—Константин Ригас (1754 — 1798), греческий поэт, секретарь господара, основатель гетерии — тайного общества,

имевшего целью освобождение Греции от турецкого владычества; казнен турками.

19. *Граф Каподистрия* (1776—1831)—греческий политический деятель; с 1816 по 1821 год находился на русской дипломатической службе, в звании статс-секретаря по иностранным делам. В 1827 году был избран президентом Греции.

— *Михаил Суццо* (1784—1864)—в момент выступления Ипсиланти новый господарь Молдавии; впоследствии греческий посланник в Петербурге. См. о нем—в дневнике Пушкина.

20. *Александр Ипсиланти* (1792—1828)—сын господаря Константина Ипсиланти, был принят в 1809 году на русскую военную службу; с 1817—генерал-майор. В марте 1820 года стал во главе гетерии. В феврале 1821 года, после смерти валахского и молдавского господаря Александра Суццо перешел с отрядом гетеристов в Молдавию и в Яссах обнародовал прокламацию, призывавшую к борьбе против турок. В июне 1821 года, разбитый турками, бежал в Австрию, где в 1823 году был заключен в крепость; освобожден в 1827 году по просьбе русского правительства.

Под первым впечатлением греческого восстания Пушкин дал восторженную характеристику Ипсиланти в письме к В. Л. Давыдову (май 1821): «Первый шаг Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал—28 лет... цель великодушная! Отныне и мертвый или победитель он принадлежит истории—завидная участь...» См. далее «Note sur Penda-Déka».

Бегство Ипсиланти описано Пушкиным в «Кирджали» (1834 г.): «После неудачного сражения, где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиоти присоветовал ему (Ипсиланти) удалиться и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодьями. Эти трусы и негодяи большею частью погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь противу неприятеля вдсятеро сильнейшего».

Об Ипсиланти см. также упоминания в послании к В. Л. Давыдову (т. II, стр. 15 и 422), в десятой главе «Евгения Онегина» и в наброске «Поля и горы ночь объемлет» (т. II, стр. 339).

Перевод:

Заметка о революции Ипсиланти

Господарь Ипсиланти изменил делу гетерии и был виновником смерти Ригаса и т. д. Его сын Александр был гетеристом (вероятно, по выбору Каподистрии и с согласия императора); его братья, Кант(акузен?), Кантогони, Сафианос, Мано. Михаил Суццо сделался гетеристом в 1820 году; Александр Суццо, валашский господарь, узнал о существовании гетерии от своего секретаря (Валетто), который, сделавшись его зятем, не сумел сберечь тайну или выдал ее. Александр Ипсиланти в январе 1821 года послал некоего Аристиды в Сербию с предложением наступательного и оборонительного союза между этой провинцией и им, генералом греческой армии. Аристид был схвачен Александром Суццо, и его бумаги вместе с его головой были отосланы в Константинополь. Это заставило немедленно переменить планы. Михаил Суццо написал в Кишинев. Александр Суццо был отравлен, и Ипсиланти, став во главе горсточки арнаутов, провозгласил революцию.

Капитаны — это независимые, корсары, разбойники или турецкие чиновники, облеченные некоторой властью. Таковы были Лампро и т. д., и наконец — Формаки, Иордаки-Олимбиотти, Калакотрони, Кантогони, Анастас и т. д. Иордаки-Олимбиотти был в армии Ипсиланти. Они вместе отступили к венгерской границе. Александр Ипсиланти, боясь быть убитым, счел необходимым бежать и разразился своей прокламацией. Иордаки, во главе 800 чел., 5 раз сражался с турецкой армией и наконец заперся в монастыре (Секу). Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался.

Формаки, капитан и гетерист, был послан из Морей к Ипсиланти, храбро сражался и сдался в последней битве. Был обезглавлен в Константинополе.

(Note sur Penda-Déka)

(стр. 21 — 22)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2386 В, лл. 10 и 70). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Вестнике Европы» 1874, кн. I, стр. 42.

О происхождении этой записи и об упоминаемых в ней листах см. выше — примечания к «Note sur la révolution d'Ipsylanti».

Перевод:

Заметка о Пенда-Деке.

Пенда-Дека воспитывался в Москве — в 1817 г. Он служил толмачом у одного бежавшего греческого епископа, был замечен императором и Каподистрией. Он находился в Галаце во время тамошней резни. Двести греков убили 150 турок. 60 из их числа были сожжены в одном доме, где они укрылись. Несколько дней спустя П.-Д. прибыл в Браилов в качестве шпиона. Он явился к паше и курил с ним, как русский подданный. В Тырговиште он встретился с Ипсиланти; тот послал его успокоить беспорядки в Яссах — он нашел там греков, притесняемых боярами; его находчивость и твердость спасли их. Он запасся снаряжением на 1500 человек, тогда как на самом деле у него было только 300. В течение двух месяцев он господствовал над Молдавией. Кантакузен прибыл и принял командование. Отступили к Стинке. Кантакузен послал П.-Д. разведать о врагах. П.-Д. советовал укрепиться в Барде (1-я остановка по дороге в Яссы). Кантакузен отступил в Скуляны и предложил П.-Д. подвергнуться карантину. П.-Д. согласился. П.-Д. назначил своим помощником арнауца Папаса-Углу.

Нет сомнения, что князь Ипсиланти мог бы овладеть Браиловом и Журжей. Турки бежали во все стороны, вообразив, что за ними гонятся русские. В Бухаресте болгарские делегаты (в том числе Капиджи-баши) предлагали Ипсиланти поднять всю их страну — он не решился.

Галацкую резню велел произвести Ипсиланти, в случае, если бы турки не захотели сложить оружие.

⟨Заметки по русской истории XVIII в.⟩

(стр. 22 — 29)

Печатается по беловому автографу ПД (собрание П. Я. Дашкова). Впервые опубликовано в извлечениях Е. И. Якушкина в «Библиографических Записках» 1859, № 5, стр. 130—132; полнее (но с цензурными сокращениями) — П. А. Ефремовым в Собр. соч. А. С. Пушкина, 1881, т. V, стр. 13—18. Черновые наброски статьи сохранились в тетради ЛБ, № 2365, лл. 61 и 62, частично опубликованы в «Русском Архиве» 1881, кн. I, стр. 220.

Общие политические установки заметок близки позициям левого крыла Союза Благоденствия, с деятелями которого Пушкин часто встречался в Кишиневе (В. Ф. Раевский, Пестель, М. Ф. Орлов, К. А. Охотников и др.). Возможно, что к данным, почерпнутым из бесед с таким осведомленным в политической истории XVIII века человеком, как М. Ф. Орлов, восходят в некоторой своей части и неизвестные в печати материалы, использованные в заметках Пушкина. Об эволюции взглядов Пушкина на императорский период русской истории и борьбу «аристократии с самодержавием» см. заметки о русском дворянстве, материалы для истории Петра и примечания к ним.

23. «Указ, разорванный кн. Долгоруким...» — см. «Table-talk» и прим. на стр. 759.

— «Письмо с берегов Прута...» — По широко распространенному преданию, 10 июля 1711 года, когда русская армия во главе с самим Петром была окружена на Пруте турками, Петр I обратился к Сенату с особым посланием, в котором

предлагал, в случае взятия его в плен, «не почитать его царем и государем, и ничего не исполнять, что им, хотя бы то по собственноручному повелению, будет требуемо»; «но если я погибну, и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собой достойнейшего мне в наследники». Именно это письмо имел в виду использовать Пушкин и в задуманной им впоследствии повести «Сын казненного стрельца» (1835).

26. *Зубов*, Платон Александрович (1767 — 1822), граф — последний фаворит Екатерины II; анекдоты о его обезьяне, записанные в воспоминаниях гр. Ланжерона, см. в книге К. Валишевского, «Autour d'un trône. Catherine II». *Куракин*, Алексей Борисович (1759 — 1829), князь — любимец Павла I, генерал-прокурор с 1796 по 1798 год, впоследствии министр внутренних дел (1807 — 1810) и член Государственного совета.

27. «*Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства...*» — Пушкин имеет в виду указ 15 февраля 1786 года о запрещении подписываться в официальных актах и челобитных словом «раб», которое предлагалось заменять впредь словами «всеподданнейший» и «верноподданный».

— «*Княжнин умер под розгами...*» — Пушкин имеет в виду мало достоверное предание о том, что драматург Я. Б. Княжнин (1742 — 1791) умер от пыток в тайной канцелярии, куда он был доставлен за свою трагедию «Вадим Новгородский».

29. *Калигула* — римский император с 37 по 41 год н. э., безумный и кровожадный тиран.

— «*Славная шутка г-жи де-Сталь...*» — Пушкин имеет, вероятно, в виду ее комплимент Александру I: «Sire, votre caractère est une constitution pour votre empire, et votre conscience en est la garantie» («Dix années d'exil», chap. XVII).

— «Еп Russie le gouvernement...» и пр. — острота эта принадлежит, вероятно, или самому Пушкину, или кому-нибудь из его друзей начала 20-х годов.

〈Начало статьи о русской прозе〉

(стр. 30 — 32)

Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2366, лл. 10 об.—12 об.). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 329 — 330.

30. «Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу...» и пр.— Рассказ этот заимствован Пушкиным из предисловия Кювье к полному собранию сочинений Бюффона («Oeuvres complètes de Buffon», Bruxelles 1822, t. I, p. 9 — 10). Однако, цитируя Кювье, очевидно, по памяти, Пушкин ошибся, сделав собеседником д'Аламбера Лагарпа, а не Ривароля, как было во французском подлиннике.

— *Д'Аламбер*, Жан (1717 — 1783) — французский математик и философ, один из виднейших представителей просветительной философии.

— *Лагарп*, Франсуа (1739 — 1803) — французский драматург, критик и теоретик литературы.

— *Бюффон*, Луи (1707 — 1788) — французский естествоиспытатель, автор знаменитой «Histoire naturelle».

31. *Фонтенель*, Бернар (1657 — 1757) — французский философ и публицист, изысканность стиля которого вышучена была в повести Вольтера «Микромегас» (1752).

〈Только революционная голова...〉

(стр. 32)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2366, л. 39 об.). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 336, причем ни одно из имен расшифровано не было, а транскрипция их предложена в следующем виде:

«Мар. 〈Мир?〉 и И. 〈?〉». В академическом издании Сочинений Пушкина (т. IX, 1928, стр. 398) первое сокращение расшифровано: «Мир(овичу)» (П. О. Морозов читал «Марату») второе — «Пестелю». Нами первое сокращение читается как скорописное (может быть, по конспиративным

соображениям) начертание имени и фамилии М. Ф. Орлова («М. Ор.»), что до конца осмысляет текст, ибо и М. Ф. Орлов и П. И. Пестель, оба были в 1822 году и «революционными головами» и пламенными пропагандистами чистоты русского языка.

О встречах с Пестелем в Кишиневе 9 апреля и 26 мая 1821 года см. записи в дневнике Пушкина.

Орлов, Михаил Федорович (1788 — 1842) — генерал-майор, командир 16-й пехотной дивизии (с 1820 года), член «Арзамаса», один из вождей левого фланга Союза Благоденствия, отстраненный в 1822 году от службы в связи с «делом В. Ф. Раевского», уличенного в революционной пропаганде в войсках. Об отношении Пушкина к нему в эти годы см. стихотворения: «В стране, где Юлией венчанный», «В. Л. Давыдову», также запись спора о пацифистском трактате Сен-Пьера (стр. 624) и набросок воспоминаний о Карамзине.

О французской словесности

(стр. 32 — 33)

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Собр. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 8. Первоначальный вариант названия: «Письма о французской словесности».

27 июня 1822 года Пушкин писал Н. И. Гнедичу: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной»; 6 февраля 1823 года кн. П. А. Вяземскому: «Французская болезнь умертвила бы нашу отроческую словесность»; 19 августа 1823 года ему же: «Стань за немцев и англичан — уничтожь этих маркизов классической поэзии...»

Отрицание французских традиций обострялось тем, что Пушкин предпочитал «великанов», классиков XVII века, мелким поэтам XVIII века, в котором французская литература «искажилась». Вопрос о влиянии «обмелевшей» фран-

цузской словесности на русскую более подробно был затронут Пушкиным в позднейших набросках статьи «О ничтожестве литературы русской» (1834).

32. «Катенин — пиесы в немецком роде». — Эти слова относятся к балладам Катенина — «Ольга» и «Убийца», о которых Пушкин писал в 1833 году: «Катенин... вздумал показать нам Ленору в энергической простоте ее перво-бытного создания: он написал Ольгу. Но сия простота и даже грубость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица, вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей...» О балладах Катенина Пушкин вспомнил и в 1828 году, говоря о «прелести нагой простоты», о «свежих вымыслах народных» и «странном просторечии».

32—33. «Ода к Дюперье» Малерба — «Утешение г-ну Дюперье по поводу смерти его дочери» (1599). Пушкин имел в виду известную четвертую строфу:

Elle était de ce monde où les plus belles choses
Ont le pire destin
Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

33. «Стихи Буало» — известные строки в его «Art poétique»:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence и пр.

— Менар (1582 — 1648), Ракан (1598 — 1670), Вуатюр (1598 — 1648) — французские поэты XVII века, представители утонченной салонной поэзии.

— Руссо, Жан-Батист (1670 — 1741) — французский лирический поэт, известный своими одами. Пушкин ценил только его эпиграммы: «его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов» (письмо к кн. П. А. Вяземскому от 25 января 1825 года).

(Заметки о французских историках и поэтах)

(стр. 33 — 34)

Печатается по автографу бывш. Остафьевского архива. Впервые опубликовано в «Переписке Пушкина», СПб 1906, т. I, стр. 123. Вторая заметка почти полностью совпадает с частью черновика письма Пушкина к Вяземскому от 4 ноября 1823 года.

Вольтер изложил свои взгляды на построение истории в «Essais sur les mœurs et l'esprit des nations» (1756), который положил основание философской истории культуры. Отвергая клерикальные объяснения истории как проявления «промысла» и не удовлетворяясь внешней регистрацией событий, войн, смены правительств и т. д., Вольтер усматривал в основании истории прогресс человечества, освобождающегося от предрассудков, заблуждений, невежества и постепенно просвещающегося.

33. *Робертсон*, Вильям (1721 — 1793) — шотландский историк, автор «History of Scotland» (1759), «History of the Reign of the Emperor Charles V» (1769) и «History of America» (1777). Французский перевод «Истории Карла V» сохранился в библиотеке Пушкина.

— *Лемонте*, Пьер-Эдуард (1762 — 1828) — французский историк, автор «Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV» (1818). Об отношении Пушкина к Лемонте см. также т. VIII, стр. 19.

34. *Юм*, Давид (1711 — 1776) — английский философ и историк, автор «Истории Англии, от завоевания Юлия Цезаря до революции 1688 г.» (1763).

— *Рабо де-Сент-Этьен* (1743 — 1793) — французский политический деятель умеренно-либерального лагеря, член Конвента, примыкал к жирондистам, автор «Précis de l'histoire de la Révolution Française» (1791).

— *Лавинь*—Казимир Делавинь (1793 — 1843) — французский поэт и драматург.

— «*Старые сети Аристотеля...*» — правила классической драмы, основанные на теории «трех единств».

34. *Ламартин*, Альфонс (1790 — 1869) — французский поэт-романтик. Его стихотворения «Умиравший поэт» и «Наполеон» вошли в сборник «Новые поэтические размышления» (1823). См. дальнейшие отрицательные отзывы Пушкина о «тощем и вялом однообразии» «сладкозвучного», «набожного» Ламартина (стр. 212).

— «*Никто более меня не любит прелестного André Chénier...*» — А. Шенье в своих антологических стихах обновил французскую классическую традицию обращением к подлинным латинским и греческим образцам. Ср. отзыв о нем Пушкина в письме к кн. П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года: «Говоря об Романтизме, ты где-то пишешь, что даже стихи со времен революции носят новый образ, и упоминаешь об А. Шенье. Никто более меня не уважает, не любит этого поэта, но он истинный грек, из классиков классик. *C'est un imitateur savant et un...* От него так и пышет Теокритом и антологией. Он освобождает от итальянских *sonnets* и от французских *anti-thèses*, но романтизма в нем нет еще ни капли». Об этом же Пушкин писал в 1830 году.

⟨Причинами, замедлившими ход нашей словесности...⟩

(стр. 34 — 36)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2369, лл. 2 об. и 3). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Вестнике Европы» 1874, кн. II, стр. 486—487; дополнено и исправлено В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VI, стр. 551 — 552. Несколько строк этого наброска (от слов «просвещение века требует» до «коего механические формы давно уже готовы и всем известны») использовано в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» (1825), см. т. VIII, стр. 19.

В начале апреля 1824 года Пушкин писал кн. П. А. Вяземскому: «Читая твои критические сочинения и письма, я и сам собрался с мыслями, и думаю на днях написать кое-что о нашей бедной словесности, о влиянии Ломоносова, Карам-

зина, Дмитриева и Жуковского. Авось и тисну: тогда *du choc des opinions jaillira de l'argent*». Ближайшим образом печатаемый нами набросок связан с «Взглядом на русскую словесность в течение 1823 г.», опубликованным А. А. Бестужевым в «Полярной Звезде на 1824 г.». Отмечая «страсть к галлицизмам», охватившую «все состояния» после окончания войны 1812—1814 гг., Бестужев заключал: «Следствием этого было совершенное охлаждение лучшей части общества к родному языку и поэтам, начинавшим возникать в это время, и наконец совершенное оцепенение словесности в прошедшем году... О прочих причинах, замедливших ход словесности, мы скажем в свое время». Подхватывая слова Бестужева, Пушкин совершенно иначе разрешал поставленную в его статье проблему. Ср. популяризацию этих же мыслей в рукописной редакции третьей главы «Евгения Онегина»:

Сокровища родного слова
(Заметят важные умы)
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих,
Но где ж они?—давайте их...

К этой же полемике с «важными умами» относятся строки письма к Вяземскому от 13 июля 1825 года: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться на подобие французского (ясного, точного языка прозы—т. е. языка мыслей)». Об этом же Пушкин писал и в своем «Рославлеве»: «Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем, и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша кажется не старше Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена» и пр. (1831).

⟨Заметки к поэме «Цыганы»⟩

(стр. 36 — 38)

1. «Долго не знали в Европе происхождения цыганов...» и пр. Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2370, л. 29). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1855, т. III, стр. 544; дополнено В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VII, стр. 9—10.

2. «Бессарабия, известная в самой глубокой древности...» и пр. Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2368, л. 2). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VI, стр. 534. Вместо: «до Суворова и Кутузова» первоначально было: «до Румянцова и Суворова».

⟨Заметка к элегии «Андрей Шенье»⟩

(стр. 38)

Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2370, л. 65). Впервые опубликовано в «Русской Старине» 1884, кн. VII, стр. 32.

Андре Шенье (1762 — 1794) — французский поэт и политический деятель, близкий к жирондистам; гильотинирован 8 термидора (27 июля 1794), накануне падения диктатуры Робеспьера. При жизни Шенье напечатал только два стихотворения, не обративших на себя внимания. Шатобриан, цитируя в своем «Духе христианства» (1802) два отрывка из Шенье, первый сказал о его «редком таланте в эклоге» и называл его идилии «достойными Теокрита». Из этой заметки Пушкин заимствовал приводимые им в пояснениях к элегии «Андрей Шенье» слова поэта перед казнью: «Mourir! j'avais quelque chose là». Первое собрание сочинений А. Шенье было издано в 1819 году; оно сохранилось в библиотеке Пушкина. Об отношении Пушкина к творчеству Шенье см. в наст. изд. т. I.

⟨Возражения на статью А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в 1824 и начале 1825 годов»⟩

(стр. 38 — 40)

Печатается по черновому автографу ЛБ. Впервые опубликовано М. А. Цявловским в «Трудах Публичной библиотеки СССР имени Ленина», вып. III, М. 1934, стр. 14 — 16.

Статья Бестужева, с которой полемизировал Пушкин, появилась в «Полярной Звезде на 1825 г.», вышедшей в свет 21 марта 1825 года, а в конце мая Пушкин использовал уже наброски своих возражений в письме к Бестужеву: «Отвечаю на первый параграф твоего взгляда. У римлян век посредственности предшествовал веку гениев — грех отнять это титул у таковых людей, каковы Virgilius, Horatius, Tibullus, Ovidius и Lucretius, хотя они кроме двух последних шли столбовою дорогою подражания. Виноват! Horatius не подражатель. Критики греческой мы не имеем. В Италии Данте и Петрарка предшествовали Тассу и Ариосту, сии предшествовали Альфиери и Фосколо. У англичан Мильтон и Шекспир писали прежде Addisona и Pope, после которых явились Southey, Walter Scott, Moore и Byron. Из этого мудрено вывести какое-нибудь заключение или правило. Слова твои вполне можно применить к одной французской литературе. У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? Именно критики у нас и недостает» и пр.

39. «Геродот жил прежде поэзии Эсхила...» — Пушкин ошибся, ибо Геродот и Эсхил были современниками, причем первый был моложе второго.

40. «У нас есть критики? Где ж они?» — Пушкин возражает на тезис Бестужева: «У нас есть критика и нет литературы».

— «Но г-н Бестужев сам же говорит ниже...» — Пушкин имеет в виду строки: «Наша критика не далеко ушла в основательности и приличии. Она ударилась в сатиру, в частности и более в забаву, чем в пользу. Словом, я думаю, наша полемика полезнее для журналистов, нежели для журна-

лов, потому что критик, антикритик и перекритик мы видим много, а дельных критиков мало: но между тем листы наполняются и публика, зевая над статьями, вовсе для ней не занимательными, должна разбирать по складам надгробия безвестных людей» («Полярная Звезда» на 1825 г., стр. 4).

(Изю всех родов сочинений самые неправдоподобные...)

(стр. 40—41)

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. О. Морозовым в Акад. изд. соч. Пушкина 1916, т. IV, стр. 144.

Заметка сделана во время работы над «Борисом Годуновым» и отражает прочитанные тогда же суждения теоретика новой драмы А. Шлегеля о неправдоподобии классических «единств» (A. Schlegel, «Cours de littérature dramatique», P. 1814, t. II, p. 139).

В черновом, не отправленном письме к Н. Н. Раевскому (конец июля 1825 года) Пушкин также отвергал принцип правдоподобия, приводя несколько иные основания — несовместимость его с природою драмы («...какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две половины, из коих одна занята двумя тысячами человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках»), с условностью языка («Например у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: Увы! Я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д.) и с принципом единства времени и места («Истинные гении трагедии никогда не заботились о правдоподобии»). Эта часть письма полностью вошла в «Наброски предисловия к «Борису Годунову» 1829 года (см. стр. 75). То же рассуждение — в «Заметках о народной драме» (1830).

О поэзии классической и романтической

(стр. 41 — 46)

Печатается по черновому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 В, лл. 2, 3, 4, 31, 32, 33). Впервые опубликовано (три

первых абзаца) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 112; полнее, но в произвольном соединении отдельных мест этой статьи с позднейшими набросками статьи «О ничтожестве литературы русской», П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887, т. V, стр. 243—246; настоящая редакция установлена С. М. Бонди в «Литературном Наследстве» 1934, кн. 16—18, стр. 426—429, где определена им и дата статьи.

На обороте л. 31 в рукописи статьи сохранилась заметка Пушкина:

«Вопреки остроумной гипотезе кн. Вяземского фр. словесность до самого Жуковского имела исключительное влияние на наши язык и поэзию».

Теоретические высказывания русских и западноевропейских критиков о романтизме и классицизме особенно занимали Пушкина в пору его работы над «Борисом Годуновым». 25 мая 1825 года он в связи с этим писал П. А. Вяземскому: «Я заметил, что все (даже и ты) имеют самое темное понятие о романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать». 30 ноября 1825 года он об этом же замечал А. А. Бестужеву: «Сколько я ни читал о романтизме — всё не то: даже Кюхельбекер врет». См. далее об этом же суждения Пушкина в «Набросках предисловия к «Борису Годунову» (1827) и в заметке «Французские критики имеют свое понятие об романтизме» (1830). К наброску же 1825 года Пушкин возвратился в 1834 году. См. начало статьи «О ничтожестве литературы русской» и комментарии к ней на стр. 728.

⟨Замечания на «Анналы» Тацита⟩

(стр. 46—50)

Печатается по автографу ЛБ (№ 3266 — заметки 1—8 и тетрадь № 2367, л. 60 — заметка 9). Впервые опубликовано П. В. Анненковым (заметки 6, 7 и 8) в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 170—171 и (заметки 1—5) в «Вестнике Европы» 1874, кн. II, стр. 537—538; точнее

Д. И. Сапожниковым в брошюре «Вновь найденные рукописи Пушкина», Симбирск 1899, стр. 19—22 (ср. «Русский Архив» 1899, т. I, вып. 2, стр. 350—353). Заметка 9-я впервые опубликована В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 352.

Все «Замечания» Пушкина сделаны по поводу первой книги «Анналов», которую он читал в Михайловском в 1825 г. по французскому изданию (Tacite, traduction nouvelle, avec le texte latin en regard; par Dureau de Lamalle, 3-me éd., Paris 1818).

С этими же «Замечаниями» связано письмо Пушкина к Дельвигу от 23 июля 1825 года:

«Некто Вибий Серен, по доносу своего сына, был при-сужден римским Сенатом к заключению на каком-то безлюдном острове. Тиберий воспротивился сему решению, говоря, что человека, коему дарована жизнь, не следует лишать способов к поддержанию жизни. Слова, достойные ума светлого и человеколюбивого! — Чем более читаю Тацита, тем более мирюсь с Тиберием. Он был один из величайших государственных умов древности».

В черновой редакции «Записки о народном воспитании» (1826) Пушкин характеризовал Тацита как «великого сатирического писателя, впрочем опасного декламатора, исполненного политических предубеждений» (ЛБ, тетрадь № 2368, л. 45).

⟨Je suppose sous un gouvernement despotique...⟩

(стр. 50—51)

Печатается по черновому автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. V, стр. 417. Датируется на основании палеографических признаков 1825—1826 гг.

Заметка представляет собою, вероятно, конспект или беглую запись по памяти неизвестного нам рассуждения в защиту крепостных отношений.

Перевод:

Предположим в условиях деспотического государства существование рабов и людей свободных, т. е. таких, коих собственность и воля зависят от законов монарха, и таких, которые являются собственностью каких-нибудь лиц.

Этот порядок приближается к патриархальному строю, избавляет правительство от бесконечного количества затруднений, судебных тяжб, упрощает управление и придает ему большую мощь.

Итак, остерегайтесь уничтожить рабство, особенно в монархическом государстве.

Свобода крестьян.

(О народности в литературе)

(стр. 51 — 52)

Печатается по черновому автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 260—261; полнее, но с грубыми искажениями текста и композиции наброска, Н. К. Козминым в Акад. изд. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 26—27 и, наконец, в настоящей редакции в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 330.

Статья связана, вероятно, с работой над теоретическим осмыслением «Бориса Годунова» (не случайно почти все экскурсы ее в область литературного прошлого имеют в виду произведения драматические).

51. «Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной Истории...» — Пушкин, вероятно, имеет в виду Булгарина, который, ставя вопрос о «народной русской трагедии», писал: «Окинув одним взглядом Историю России, я вижу, что каждая ее эпоха изобилует предметами эпическими и драматическими. Пришествие варягов, независимость Новгорода и Пскова, вражды удельных князей, нашествие

татар, свержение ига, покорение и открытие новых царств, единоедержавие, междуцарствие, и наконец отдельные подвиги воинственных племен нового времени казаков и Сечи Запорожской, гораздо занимательнее чуждых преданий. Все сии происшествия ожидают только гения, чтобы, украсившись цветами поэзии и вымысла, появиться на русской сцене в национальном виде» («Русская Талия», СПб 1825, стр. 351—352).

52. «*Что есть народного в Р(оссиаде?) и в «Ксени» Озерова...*»—Пушкин здесь полемизирует с кн. П. А. Вяземским, писавшим, что трагедия «Дмитрий Донской» Озерова «и при начале своем имела разительное отношение к современным обстоятельствам; но после происшествий 1812 года, которые некоторым образом предсказаны во многих стихах Дмитрия, еще более становится на нашем театре народною трагедиею» («О жизни и сочинениях В. А. Озерова», СПб 1817, стр. XXXVIII).

— «*Как справедливо заметил (Державин)*». — Имя Державина в подлиннике осталось непроставленным, но Пушкин явно имел в виду его, судя по анекдоту, записанному 18 января 1807 года в дневнике арзамасца С. П. Жихарева: «Мне хочется знать, на чем основался Озеров, выведя Дмитрия влюбленным в небывалую княжну, которая одна-одинехонька прибыла в стан, и, вопреки всем обычаям тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским и рассказывает о любви своей к Дмитрию» («Записки С. П. Жихарева», М. 1890, стр. 275).

— «*Ученый немец негодует на учтивость героев Расина...*»—Пушкин имеет в виду иронические замечания Шлегеля об «Андромахе» Расина («Cours de littérature dramatique», Paris 1814, t. II, p. 199).

— «*Француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника*». — Сисмонди обратил внимание на этот эпизод в своем разборе «Оружия любви» Кальдерона (Simonde de Sismondi, «De la littérature du Midi de l'Europe», Paris 1819, t. IV, p. 129). Об этом же см. в заметках Пушкина о драме 1830 года, стр. 169.

⟨Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии⟩

(стр. 52 — 55)

Печатается по черновому автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые частично и очень неточно опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 257—258; полностью В. И. Срезневским в «Пушкин и его современники», вып. XXXVI, П. 1923, стр. 39—41; ошибки этой публикации выправлены в настоящем издании.

Пушкин полемизирует со следующими положениями статьи Кюхельбекера: «Сила, свобода, вдохновение необходимые три условия всякой поэзии.— Лирическая поэзия вообще не иное что, как необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя. Из сего следует, что она тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновения. Всем требованиям, которые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна о д а, а посему без сомнения занимает первое место в лирической поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает названия поэзии лирической» («Мнемозина» 1824, ч. II, стр. 30—31). Отражением этой же полемики с Кюхельбекером являются строфы XXXII и XXXIII главы четвертой «Евгения Онегина» («Но тише! Слышишь? Критик строгий» и пр.). Характеристика «вдохновения», данная Пушкиным в этом наброске, использована была им в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», опубликованных в «Северных Цветах на 1828 г.» (см. т. VIII, стр. 26).

54. *«Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии».*— Строки эти восходят к известному суждению д'Аламбера: «L'imagination dans un Géomètre qui crée, n'agit pas moins que dans un Poète, qui invente» — в книге, сохранившейся в библиотеке Пушкина (D'Alembert, «Esprit, maximes et principes», Genève 1789).

⟨Есть различная смелость...⟩

(стр. 55 — 56)

Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2367, лл. 45 — 46). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 349 — 350; точнее С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 331. О «поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина» Пушкин упоминал также в своем ответе критику «Атеней». См. стр. 97.

56. «Французы доньне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *равé*, помост». — Пушкин имеет в виду заметку об этом Делиля в предисловии к поэме «Géorgiques» (1770).

— «И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vache*» — в поэме «L'homme des champs» (1802).¹

⟨Отрывок заметки о «Демоне»⟩

(стр. 56 — 57)

Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2370, лл. 58 об. и 59). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Вестнике Европы» 1874, кн. I, стр. 9.

Заметка представляет собою не столько набросок автокомментария к стихотворению «Демон» («В те дни, когда мне были новы») 1823 года, сколько попытку отвести подозрения в автобиографической значимости этой вещи.

Поводом для заметки Пушкина явились первые строки очерка кн. В. Ф. Одоевского «Новый демон»:

«С каким сумрачным наслаждением читал я произведение, где поэт России так живо олицетворил те непонятные чувствования, которые холодят нашу душу посреди восторгов самых пламенных. Глубоко проникнул он в сокровищницу сердца человеческого, из нее похитил ткани, неприкосновенные для простолюдина, — которыми облек он своего таинственного Демона*. Но не только *внутри* существует

* См. стихотворение А. Пушкина: Мой Демон.

сей злобный Гений, он находится и *вне* нас; последний не так опасен, как первый — но не менее мучителен» («Мнемосина», ч. IV, М., 1824, стр. 35).

Черновой вариант начала заметки Пушкина: [Думаю, что критик ошибся. *Демон* П(ушкина) единственный].

Ссылки на «лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в этом своем странном стихотворении», имеют в виду Александра Николаевича Раевского (1795—1868), отставного полковника, брата Н. Н. Раевского, Е. Н. Орловой и М. Н. Волконской, сложные отношения с которым отражены в «Демоне» и в «Коварности». В черновом письме от октября 1823 г. Пушкин называет А. Н. Раевского «постоянным учителем в делах нравственности» и говорит о его «[байроническом] мельмотическом характере».

〈Об альманахе «Северная Лира»〉

(стр. 57—59)

Печатается по черновому автографу из архива С. А. Соболевского в Централхиве. Впервые опубликовано (по списку М. Н. Лонгинова) П. Е. Щеголевым в изд. «Пушкин и его современники», вып. XXIII—XXIV, 1916, стр. 1—2, а по автографу — Н. К. Козминым в Акад. изд. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 44—45.

Рецензия на «Северную Лиру» предназначалась для «Московского Вестника» (ср. строки: «О г. Шевыреве умолчим, как о своем сотруднике»). Возможно, что рецензия осталась и незаконченной потому, что Пушкин своевременно не предупредил о ней редакцию журнала. Последняя отзыв об альманахе поручила Н. М. Рожалину, после появления статьи которого («Московский Вестник» 1827, кн. 5) Пушкин должен был отказаться, конечно, от своего замысла.

Альманах «Северная Лира» редактировался С. Е. Раичем и Д. П. Ознобишиным и вышел в свет в январе 1827 года.

58. «*Между другими поэтами в первый раз увидели мы г-на Муравьева...*» — О нем см. далее примечания к наброску статьи «О путешествии ко св. местам», стр. 710.

58. «Делибюрадер» — псевдоним Д. П. Ознобишина, опубликовавшего в «Северной Лире» переводы нескольких стихотворений Байрона, Шенье и Гафиза.

— «Прозаическая статья о Петrarке и Ломоносове могла быть любопытна...» — Суждения Пушкина о Ломоносове см. далее.

59. «Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петrarки, отчего он не представился Филиппу и проч...» — Далее следовали строки: «Потому, отвечал Петrarка, что я не хотел быть в тягость государю, который и сам не учен и ученых не любит».

(О Байроне и о его подражателях)

(стр. 59 — 62)

I. «Ни одно из произведений лорда Байрона...» и пр. Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 260.

Написано по поводу романтической трагедии В. Н. Олина «Корсар» (1827), сюжет которой был заимствован из поэмы Байрона «Корсар». Статья предназначалась Пушкиным для журнала «Московский Вестник», о чем писал М. П. Погодину 11 февраля 1828 года В. П. Титов: «Пушкин хочет приготовить еще смешную статью о Корсаре и о способе переделывать поэмы в романтические трагедии».

Мысль об отсутствии у Байрона драматического таланта была высказана Пушкиным еще в 1825 году, в письме к Н. Н. Раевскому: «Как Байрон-трагик мелок по сравнению с Шекспиром! Байрон в трагедии разделит между своими героями те или другие черты своего собственного характера: одному дал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою меланхолию и т. д. — и таким образом из одного характера, полного, мрачного и энергичного... создал несколько характеров незначительных. Помните «Озлобленного» Байрона (Он заплатил!) Это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, —

естественно ли это... Отсюда и эта неловкость, и эта робость диалога». (Оригинал по-французски). См. об этом же в заметке о «Полтаве» (т. VIII, стр. 105).

60. «Человек, коего роковая воля...» и пр. — Наполеон I.

61. Коцебу, Август (1761 — 1819) — немецкий драматург и романист, автор известных мелодрам, имевших большой успех на сцене; агент русского правительства, убитый К. Зандом (см. «Кинжал» 1831).

— Олин, Валерьян Николаевич (1788 — 1840?) — стихотворец, переводчик и журналист, автор отрицательной рецензии на «Бахчисарайский фонтан».

— «*O miratores*» — неправильная цитата (вм. «*O imitatores*») из 19-го послания Горация (кн. I, ст. 19).

2. «Английские критики оспаривали...» и пр. Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2367, лл. 40—41). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 347—348.

Мысль о влиянии «Фауста» Гете на «Манфреда» Байрона повторена Пушкиным в статье «О сочинениях Катенина» (1833) (см. т. VIII, стр. 129). Сам Байрон признавал это влияние.

62. Альфиери, Витторио (1749—1803) — итальянский драматург.

⟨Если звание любителя отечественной литературы...⟩

(стр. 63—64)

Печатается по автографу ЛБ, тетрадь № 2367, лл. 43 — 44. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 349. Датируется по месту в рукописи.

К герою этого памфлета, образ которого трансформировался в заметках «Несколько московских литераторов» (1829), восходили некоторые черты Ивана Петровича Белкина, с его «охотою к чтению и вообще к занятиям литературным», пробужденною «Новейшим письмовником» Курганова.

На объявление В. С. Филимонова о его книге «Искусство жить», помещенное в «Русском Инвалиде» 1825 г., Пушкин откликнулся еще в письме к кн. П. А. Вяземскому от 26 января 1825 г.: «Каков Филимонов в своем Инвалидном объявлении! Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня. Слава Филимонову!»

⟨О романах Вальтер Скотта⟩

(стр. 64—65)

Печатается по автографу *ПД* (на одном листке с заметкой «Ignorance des seigneurs Russes» — см. ниже). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 138; полностью — в журнале «Атеней» 1924, кн. I—II, стр. 5—6.

В печати Пушкин впервые высказался о романах Вальтер Скотта в 1830 году (вторая статья об «Истории Русского Народа»). В 1835 году Пушкин перечитывал В. Скотта в Михайловском, и прежняя высокая оценка его осталась неизменной («Читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении» — писал он жене 25 сентября 1835 года). Сравнение романов Вальтер Скотта с позднейшими историческими романами Гюго и Виньи см. в набросках статьи «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» (т. VIII, стр. 329).

⟨Ignorance des seigneurs Russes...⟩

(стр. 66)

Печатается по автографу *ПД* (набросок сохранился на том же листе, где и заметка о романах Вальтер Скотта). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в «Атенее» 1924, кн. I—II, стр. 5 (с ошибочной датой «1825 г.»).

Противопоставление «невежества русских бар» высокой культуре английской и французской аристократии, лучшие

представители которой совмещают государственную и общественную работу с участием в литературной борьбе, тесно связан с аналогичными суждениями Пушкина о русских и западноевропейских журналистах в заметке 1831 года «Определяйте значение слов»: «Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает журналы. Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джефри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами?» (см. стр. 192). С еще большей резкостью «тупость» и «ничтожество» русской правящей аристократии противопоставлены М-ше де-Сталь, представительнице европейской «высшей образованности», в «Рославлеве» (1831).

66. «*Napoléon gazetier*». — Пушкин, вероятно, имеет в виду ближайшее участие Наполеона I в руководстве официальной газетой французского правительства «Монитор».

— «*Canning poète*» — Джордж Кеннинг (1770 — 1827), английский государственный деятель, лидер либералов, поэт и публицист.

— *Brougham* — Генри Брум (1778 — 1868), английский государственный деятель либерального лагеря, знаменитый оратор и публицист, один из основателей журнала «Эдинбургское обозрение».

⟨Наброски статей о Баратынском⟩

(стр. 66—75)

1. «Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского...». Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2367, лл. 38, 39 об. и 40). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 346—347. В автографе печатаемый нами набросок начинается и замыкается сентенциями, использованными Пушкиным в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» («Истинный вкус состоит...». «Никто более Баратынского...», «Un sonnet sans défaut...», «Tous les genres sont bons...» (см. т. VIII, стр. 26). Следы вырванных листов

с другими набросками 1837 года о Баратынском сохранились в тетради № 2368.

Статья, задуманная как рецензия на первое собрание «Стихотворений Евгения Баратынского», М. 1827 (дата цензурного разрешения — 28 марта 1827 года), предназначалась, вероятно, для «Московского Вестника».

67. «*Ныне вошло в моду порицать элегии...*» — намек на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине», с которым Пушкин горячо полемизировал (см. выше, стр. 52).

2. «*Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежало...*». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 В, лл. 6, 29 и 5 — на бумаге с вод. зн. «1825»). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 236—238 (в произвольном соединении с набросками статьи 1830 года, см. далее); точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, вып. 11, стр. 352—353.

68. «*Известные шуточки покойного «Благонамеренного»*» — пародия на «Бдение» Баратынского в «Благонамеренном» 1822, № 39, стр. 514.

69. «*Неприличная статейка в «Северной Пчеле».*» — Резко отрицательная характеристика «Пиров» и «Эды» дана была в рецензии Булгарина («Северная Пчела» 1826, № 20).

— «*Слабое возражение, кажется, в Московском Телеграфе.*» — Пушкин несправедливо характеризует как «слабую» отповедь «Московского Телеграфа» Булгарину за его недооценку поэм Баратынского («Московский Телеграф» 1826, № 5, стр. 63—73).

— «*Как отозвался Московский Вестник об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта!*» — Пушкин имеет в виду статью Шевырева, который писал: «По нашему мнению, г. Баратынский более мыслит в поэзии, нежели чувствует, и те произведения, в коих мысль берет верх над чувством, каковы напр. «Финляндия», «Могила», «Буря», станут выше его элегий. В последних встречаем чувствования, давно знакомые и едва ли уже не забытые

нами. Сатиры его часто сбиваются на тон дидактический и не столько блещут остроумием, сколько щеголеватостью выражений. Это желание блистать словами в нем слишком заметно, и потому его можно скорее назвать поэтом выражения, нежели мысли и чувства» («Московский Вестник» 1828, № 1, стр. 70—71). Пушкин писал 19 февраля 1828 года Погодину по поводу этой статьи Шевырева: «Грех ему не чувствовать Баратынского, но бог ему судья».

69. «Последняя поэма Баратынского, напечатанная в Северных Цветах...» — В «Северных Цветах на 1828 год» напечатан был только отрывок из поэмы «Бал»; полностью последний был напечатан в издании: «Две повести в стихах. Бал, повесть. Сочин. Евгения Баратынского. Граф Нулин. Сочин. Александра Пушкина». СПб 1828 (дата выхода в свет — около 15 декабря 1828 года).

3. «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 В, лл. 8, 27 и 28, на бумаге с вод. зн. «1830»). Впервые частично опубликовано (в произвольном сочетании с набросками 1828 года) в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 239—242; полнее — П. В. Анненковым в собр. соч. Пушкина 1855, т. VI, стр. 101—103; в настоящей композиции — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 354—355.

В набросках этой статьи, предназначавшейся, вероятно, для «Литературной Газеты», Пушкин частично использовал свои же предыдущие заметки, а также письмо, полученное им от Баратынского в конце февраля или в начале марта 1828 года.

«Я думаю, — писал Баратынский, — что у нас в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех: за него все молодые люди, находящиеся в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза». Ср. строки Пуш-

кина от слов «Понятия (и) чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому» до «А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни».

71. «*Баратынский написал две повести...*» — «Бал» и «Эду», которые определялись как «повести в стихах» самим автором.

72—73. «*Класс читателей ограничен — и им управляют журналы, которые судят о литературе, как о политической экономии, о политической экономии, как о музыке, т. е. наобум, по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частью по личным расчетам.*» — Строки эти перенесены были Пушкиным в 1833 году в статью «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Петербургские журналы судят о литературе, как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впад и остроумно, но большею частью неосновательно и поверхностно» (см. стр. 231).

74. «*Певец Пенатов и Тавриды*» — К. Н. Батюшков.

— «*Перечтите его Эду...*». — Под впечатлением только что прочитанной им «Эды» Пушкин писал 20 февраля 1826 года А. А. Дельвигу: «Что за прелесть эта Эда! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт — всякой говорит по-своему. А описание финляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом: чудо!» В тот же день в письме к П. А. Осиповой он отмечал: «*C'est un chef d'œuvre de grâce, d'élégance et de sentiment.*»

⟨Наброски предисловия к Борнеу Годунову⟩

(стр. 75—92)

I. «Благодарю вас за участие...». Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 145 — 147.

Теоретические положения и исторические справки, которыми Пушкин предполагал снабдить предисловие к «Борису Годунову», выросли из черновых заметок, включенных летом 1825 г. в недописанное и неотправленное французское письмо к Н. Н. Раевскому. Традиционной формой письма Пушкин воспользовался и для настоящего варианта предисловия к «Борису Годунову», который он предполагал поместить в «Московском Вестнике», без имени конкретного адресата, а также и для следующего варианта (текст 2).

Благодарность, начинающая настоящее «письмо», относится к С. П. Шевыреву, восторженно встретившему сцену в келье Чудова монастыря в своем «Обзрении русской словесности за 1827 год» («Московский Вестник») и писавшему: «Нужно ли повторить перед Пушкиным, что все с нетерпением ожидают появления Бориса!»

77. *«Два классические единства...»* — единство времени и места; *«последнее»* — единство действия.

78. *«Один из самых оригинальных писателей нашего времени...»* — кн. П. А. Вяземский, который в своей биографии Озерова писал, что его трагедии «уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому романтическому».

— *«Самовластно разделяют европейскую литературу на классическую и романтическую...»* — Эти слова, как и все следующие до конца абзаца, относятся к статье Н. А. Полевого о «Полярной Звезде», в которой говорилось: «Кажется, что классицизму и романтизму суждено разделить Европу: Латинской Европе суждено первое, Германской и Славянской второе. У итальянцев (несмотря на Данте — единственное исключение из общего) едва ли овладеть романтизму». Пушкин в письме к Вяземскому от 25 мая 1825 г. решительно возражал против утверждений Полевого: «В Италии кроме Данте единственно не было Романтизма.— А он в Италии-то и возник. Что же такое Ариост? И предшественники его начиная от *Vuovo d'Antona* до *Orlando innamorato*? Как можно писать так наобум». О Пушкинском определении романтизма и классицизма —

см. статью «О поэзии классической и романтической» и примечания к ней (стр. 41).

80. «Строгий суд почтеннейшей публики». Сдержанные и незначительные критические отзывы о сцене в келии Чудова монастыря послужили основным поводом к составлению настоящей статьи. О стихах без рифм говорилось в рецензии «Отечественных Записок» П. Свинына: «Жаль только, что трагедия сия написана не рифмами, чем — по мнению моему — она еще бы более выиграла со стороны прелестей поэзии и гармонии».

— «Намеки, *allusions...*». — Позднее, в письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г. Пушкин отвергал аналогии между «смутами» своей трагедии и восстанием 14 декабря: «Внимание его (царя Николая I) обратили на себя также еще два-три места, так как в них можно было усмотреть намеки на обстоятельства, в то время еще слишком недавние. Перечитывая их теперь, я сомневаюсь, чтобы их можно было истолковать в этом смысле. Все смуты похожи одна на другую и драматический писатель не может нести ответственность за слова, какие он влагает в уста личностей исторических». (Подлинник по-французски).

81. «*Constitutionnel*» и «*Quotidienne*» — парижские газеты.

— *Виллель* (1773 — 1854) — французский реакционный политический деятель, глава правительства с 1821 по 1827 г.

— «*Эсфирь*» («*Esther*», 1689) и «*Вереника*» («*Bérenice*», 1670) — трагедии Расина.

— «*Il ne dit...*» etc. — цитата из трагедии Расина «Бригантик», акт IV, сц. 4.

2. «*Voici ma tragédie puisque vous...*» и пр. Печатается по автографу ПД (архив бр. Тургеневых). Впервые опубликовано (не полностью) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 444 — 445; точнее в «Вестнике Европы» 1881, кн. II, стр. 647 — 649.

Набросок предисловия в форме письма, являющийся переработкой неотправленного письма к Н. Н. Раевскому (написанного летом 1825 года); заимствованные оттуда теоретические рассуждения о жанре трагедии дополнены конкрет-

ными характеристиками ряда персонажей «Бориса Годунова».

П е р е в о д:

Вот моя трагедия, раз вы непременно ее желаете; но я требую, чтобы прежде чем читать ее, вы пробежали последний том Карамзина. Она наполнена славными шутками и тонкими намеками, относящимися к истории того времени, как наши киевские и каменские обняйки. Надо понимать их — это неперемнное условие.

По примеру Шекспира, я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическим пафосом и т. п. Стиль трагедии — смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых; что касается грубых непристойностей, — не обращайтесь на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой переписке. Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги; но, не говоря уже о том, что любовь весьма подходит романтическому и страстному характеру моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычайный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен, но, конечно, это была странная красавица; у нее была только одна страсть — честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, отведав царской власти, опьяненная призраком, отдается одному проходимцу за другим, разделяя то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей хотя бы слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она переносит войну, нищету, позор и в то же время сноится с польским королем, как коронованное лицо с равным себе, и жалко кончает свое бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть. Она — ужас что за полька, как говорила [кузина г-жи Любомирской].

Гаврила Пушкин — один из моих предков; я изобразил его таким, каким нашел в истории и в семейных бумагах. Он обладал большими дарованиями как воин, придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев обеспечили успех Самозванца своей неслыханной дерзостью. Затем я снова нашел его в Москве одним из 7 начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 г. — в Думе, заседающим рядом с Козьмой Мининым, потом — воеводой в Нижнем, потом — между выборными людьми, венчавшими на царство Романова, потом — послом. Он был всем, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег в наказание за что-то, подобно проконсулам Национального Конвента.

Я рассчитываю также вернуться и к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый начинает заговор, и он же, заметьте, берет на себя всю тяжесть риска, кричит, обвиняет и из начальника делается буяном. Он близок к тому, чтобы лишиться головы, но Дмитрий милует его уже на лобном месте, высылает, а потом, с тем необдуманном великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова призывает его к своему двору и осыпает дарами и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавший под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, успевает в этом, избирается царем, падает, и в крушении своем сохраняет больше достоинства и душевного величия, нежели в продолжение всей своей жизни.

Дмитрий многим напоминает Генриха IV. Подобно ему — он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему — равнодушен в религии; оба они из соображений политических отрекаются от своей веры; оба любят удовольствия и войну; оба предаются несбыточным планам. Оба являются жертвами заговоров. Но у Генриха IV не было на совести Ксении, хотя, правда, это ужасное обвинение и не доказано,

и что до меня, то я считаю своей священной обязанностью ему не верить.

Грибоедов критиковал мое изображение Иова, — патриарх действительно был человек большого ума, я же, по недосмотру, сделал из него глупца.

Создавая своего «Годунова», я размышлял о трагедии, но если бы я вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал. Это, быть может, наименее понятный вид произведений. Законы его старались обосновать на правдоподобию, а оно-то именно и исключается самою сущностью драмы: не говоря уже о времени, месте и проч., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2 000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках.

2) *Язык*. Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д. Все это не есть ли условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобию характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в «Сиде». «А вам угодно правило о 24 часах? Извольте!» И он нагромождает событий на 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких изменений общепринятых правил. Альфиери глубоко почувствовал, как смешны речи «в сторону», — он их уничтожает, но зато удлинняет монологи. Какое ребячество!

Письмо мое вышло гораздо длиннее, чем я хотел. Прошу вас сохранить его, так как оно мне понадобится, если чорт соблазнит меня написать предисловие.

82. «*Последний том Карамзина...*» — одиннадцатый том его «Истории Государства Российского», охватывавший эпоху царствования Бориса Годунова и Лжедмитрия и послуживший материалом для «Бориса Годунова» Пушкина.

— «*Киевские и каменские обиняки...*» — намек на политические диспуты в среде южных декабристов в Киеве и в имении В. Л. Давыдова Каменка, где Пушкин бывал в 1820 — 1822 годах. Ср. «И за здоровье *тех* и *той* до дна

до капли выпивали» (см. послание В. Л. Давыдову, т. II, стр. 15).

83. *Кузина 2-жи Любомирской* — возможно, Каролина Собаньская, о которой см. примечания к стихам «Что в имени тебе моем».

84. *Генрих IV* — французский король, прославленный как просвещенный монарх в «Генриаде» Вольтера (1723).

85. «Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи...» — неточная цитата из трагедии Лагарпа «Филоктет».

3. «С величайшим отвращением решаюсь...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2382, л. 11). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884.

Настоящий набросок, так же как и следующий, написан в 1829 году, когда Пушкин, уехав в Арзрум, поручил Плетневу и Жуковскому начать новые хлопоты о разрешении печатать «Бориса Годунова».

4. «С отвращением решаюсь...». Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. О. Морозовым в Акад. изд. соч. Пушкина 1916, т. IV, стр. 140.

86. «Как Монтань могу сказать...». — Предисловие к «Essais» Монтеня начинается словами: «C'est ici un livre de bonne foi, lecteur». Это же выражение употребляет Пушкин, говоря Бенкендорфу, что «Борис Годунов» написан в хорошем духе, добросовестно отражает историю и не может быть изменен: «Ma tragédie est une œuvre de bonne foi et je ne puis en supprimer ce que me paraît essentiel» (письмо от 16 апреля 1830 г.).

87. «В числе моих слушателей одного недоставало...» — Н. М. Карамзина, который умер в 1826 году.

5. «Изучение Шекспира, Карамзина...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2372, лл. 42 — 44). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 137; точнее В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VIII, стр. 313 — 314.

Настоящий вариант предисловия, подобно более ранним, помещенным выше (1 и 2), носит характер теоретического оправдания жанра романтической трагедии, отличаясь стремлением дать новому типу драмы социальное осмысление: «народные законы драмы шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина».

88. «*Ермак*» А. С. Хомякова печатался в «Московском Вестнике» (1828) и в «Деннице» (1830), полностью вышел в 1832 году. О нем Пушкин писал в статье «О народной драме» (1830). (См. стр. 169.)

89. «*У нас первый пример оному...*». — Перечисляя первоначальные опыты пятистопного белого стиха в России — трагедию В. Кюхельбекера «Аргивяне» (1823 — 1825) и трагедию Ротру «Венцеслав», переделанную для русской сцены А. Жандром, Пушкин не упоминает самый ранний опыт этого стиха, «Орлеанскую Деву» Жуковского (1817 — 1821).

— «*Поэту не должно быть площадным из доброй воли*». — См. замечания о Ваде в заметке 1828 года «В зрелой словесности приходит время», стр. 97.

б. «*Je me présente ayant [renoncé à] changé...*». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2373, л. 2). Первая заметка впервые опубликована П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 150; вторая — В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VIII, стр. 321.

Написано (так же как и тексты 6, 7 и 8) во время печатания «Бориса Годунова» — с мая по декабрь 1830 года

Перевод:

Я выступаю перед публикой, изменив свою раннюю манеру. Не имея более надобности заботиться о прославлении неизвестного имени и первой своей молодости, я уже не смею надеяться на снисхождение, с которым был принят доселе. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я из ряда ее любимцев, принося ей глубокую мою благодарность за всё то расположение, с которым при-

нимала она слабые мои опыты в продолжение десяти лет моей жизни.

Когда я писал эту трагедию, я был один, в деревне, не видел никого, не читал ничего кроме газет и т. д. — тем охотнее, что я всегда считал, что только романтизм подходит для нашей сцены: я убедился, что заблуждался. [Поэтому с] мне [поэтому] крайне не хотелось предлагать мою трагедию публике — я хотел, по крайней мере, предпослать ей предисловие и дать к ней примечания. Но я нахожу всё это совершенно излишним.

7. «Дух века требует важных перемен...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, л. 35). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 554.

8. «Вероятно, трагедия моя...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, л. 12). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855; полнее В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 546 — 547.

Настоящий вариант предисловия направлен против Ф. Булгарина; к 1830 году относится ожесточенная полемика между «Литературной Газетой» и Булгариным, отзыв Булгарина о VII главе «Евгения Онегина» и статья Пушкина о «Записках Видока». В разгар полемики, в начале мая 1830 года, Пушкин писал Плетневу: «Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал. Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется не прилично. Как ты думаешь? реши».

91. «Искажены в подражаниях». — Пушкин усмотрел в романе Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПБ 1830) плагиат из «Бориса Годунова»; с трагедией Булгарин мог познакомиться в рукописи (Записка о «Борисе Годунове», составленная для Николая I, повидимому принадлежит Булгарину). См. заметку «Недавно в Пекине случилось...» в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» стр. 130).

9. «Pour une préface. Le public et la critique...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2386 В, л. 79). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 539.

Настоящий вариант предисловия (бумага с вод. зн. «1830») должен быть отнесен к предполагавшемуся Пушкиным в 1831 году второму изданию «Бориса Годунова».

Перевод:

Для предисловия. Публика и критика, принявшие мои первые опыты с живым снисхождением и притом в такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вероятно, навсегда от поприща мною избираемого, заслуживают полной моей признательности: они расплатились со мной совершенно. С этой минуты их строгость или равнодушные уже не могут иметь влияния на труды мои.

(Ответ на статью в «Атенее» об «Евгении Онегине»)

(Стр. 92 — 97)

Печатается по черновому автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова); писано на четырех листах синей бумаги с вод. зн. «1825». Впервые опубликовано Н. К. Козминым в «Звезде» 1930, кн. VII, стр. 224—227. Датируется 1828 годом, так как написано под непосредственным впечатлением критического разбора четвертой и пятой глав «Евгения Онегина», напечатанного М. А. Дмитриевым (за подписью «В») в журнале «Атеней» 1828, ч. I, № 4, стр. 76—89.

Свой ответ критику «Атеней» Пушкин читал в 1828 г. в Петербурге Н. А. Полевому, который передает об этом в своих воспоминаниях: «В нем пробудилась досада, когда он вспомнил о критике одного из своих сочинений, напечатанной в «Атенее», журнале, издававшемся в Москве профессором Павловым. Он сказал мне, что даже написал возражение на эту критику, но не решился напечатать свое возражение и бросил его. Однако он отыскал клочки синей

бумаги, на которой оно было писано, и прочел мне кое-что. Это было, собственно, не возражение, а насмешливое и очень остроумное согласие с глупыми замечаниями его рецензента, которого обличал он в противоречии и невежестве, повидимому, соглашаясь с ним. Я уговаривал Пушкина напечатать остроумную его отповедь «Атенею», но он не согласился, говоря: «Никогда и ни на одну критику моих сочинений я не напечатаю возражения; но не отказываюсь писать в этом роде на утеху себе» («Исторический Вестник» 1887, кн. VI, стр. 567).

В 1830 году Пушкин широко использовал наброски своего старого ответа критику «Атенея» для статьи «Наши критики долго оставляли меня в покое», но и эта статья осталась ненапечатанной.

97. «Что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина...» — См. выше заметки Пушкина «Есть различная смелость» (стр. 55).

— «Поник лавровою главою» — Пушкин, неточно процитировав стих Державина «Потух лавровый твой венок», сам впоследствии использовал свою цитату в «Полководце»: «И никнут в тишине главою лавровой» (1835).

(В зрелой словесности приходит время...)

(стр. 97—99)

Печатается по черновому автографу ПД (собрание А. Ф. Онегина); на этом же листе сохранилась заметка о Торвальдсене и набросок VII главы «Евгения Онегина» (конец 1828 года). Впервые опубликовано в сб. «Неизданный Пушкин», П. 1922, стр. 180—181.

Предшествующее этому отрывку противопоставление «младенческой нашей словесности» зрелой западноевропейской литературе, пресыщенные представители которой, в поисках «сильнейших ощущений», обращаются к «мутным, но кипящим источникам новой народной поэзии», см. в первом наброске предисловия к «Борису Годунову» (1827). О «языке и предметах простонародных», введенных у нас

«в круг возвышенной поэзии Катениным», Пушкин сочувственно писал в статье о последнем в 1833 году (см. т. VIII, стр. 129).

98. *Vade*, Жан-Жозеф (1720 — 1757) — французский поэт и драматург, в произведениях которого широко был использован жаргон парижских рыночных торговцев.

— «*Wordsworth, Coleridge*» — Вордсворт (1770 — 1850), Кольридж (1772 — 1834) — английские поэты романтической «озерной школы».

— «*Мало, весьма мало людей поняло достоинство переводов из Гебеля и еще менее силу и оригинальность «Убийцы»...*» — Пушкин имеет в виду переведенные Жуковским в 1816 — 1817 г. сельские идиллии Гебеля «Овсяный кисель», «Деревенский сторож», «Тленность» и пр. О балладе «Убийца» см. отзыв Пушкина в статье «О сочинениях П. А. Катенина» (1833).

99. *Sauvey* — Соути, Роберт (1774 — 1843), английский поэт, один из представителей «озерной школы». Из его произведений Пушкиным переведены были части «Родрига», начаты «Медок» и «Гимн Пенатам» («Еще одной высокой важной песни»).

⟨Торвальдсен, делая бюст известного человека...⟩

(стр. 99)

Печатается по автографу ПД (собрание А. Ф. Онегина); на листе бумаги, занятом наброском LI строфы VII главы «Евгения Онегина» и началом статьи «В зрелой словесности приходит время». Впервые опубликовано Н. К. Козминым в сб. «Неизданный Пушкин», П. 1922, стр. 182.

Торвальдсен, Бертель (1770 — 1844) — знаменитый датский скульптор. Заметка о нем Пушкина тематически связана с стихотворением «К бюсту завоевателя» (1829), в котором нейтральным именем «завоевателя» прикрыто было имя Александра I. К нему же следует, конечно, отнести и данные о «бюсте известного человека».

Не зная автокомментария Пушкина, В. В. Стасов сохранил в своих воспоминаниях другую версию происхождения стихов «Напрасно видят тут ошибку»: «Рассматривая бюст императора Александра, работы Мартоса, тогда славившегося, он (Пушкин) не про совершенство скульптуры думал, а лишь про сухую правду изображения» («Северный Вестник» 1888, № 10, стр. 182). Версия эта заслуживает внимания, так как бюст Александра I, работы Торвальдсена, неизвестен, и Пушкин мог ошибочно приписать датскому скульптору работу именно Мартоса.

(Несколько московских литераторов...)

(стр. 99 — 101)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2382, лл. 18 — 19). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XI, стр. 348 — 349.

В наброске этой статьи, направленной против редакционного коллектива «Вестника Европы» (о борьбе с ним см. «Отрывок из литературных летописей»), дана была Пушкиным памфлетная характеристика Михаила Трофимовича Каченовского («Трандафырь») и Николая Ивановича Надеждина («Никодим Невеждин»). Самый журнал переименован был при этом в «Азиатский Рак» (О «раке» как эмблеме некоторых русских периодических изданий писали в 1825 году Я. Н. Толстой, Ф. В. Булгарин, кн. П. А. Вяземский), а беспомощность и отсталость его критических разборов подчеркивалась указанием на сочувствие руководителей нового журнала «правилам здоровой критики Курганова и Тредьяковского». Ср. выпады против Каченовского в концовке эпиграммы «Литературное известие»:

И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

100. *«Видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего...»* — Пушкин наме-

кает на объявление о подписке на «Вестник Европы», в котором отмечалось: «Законы словесности молчат при звуках журнальной полемики. Надобно, чтобы голос их доходил до слуха любознательного, который не услаждается звуками кимвала бряцающего и меди звенящей» («Вестник Европы» 1828, № 18, стр. 156).

100. «Г. Х., бывший корректор типографии...» — персонаж из критических фельетонов Надеждина.

— «Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием». — Район Малой Бронной известен был публичными домами.

— «Знаменитый переводчик одного бессмертного романа...» — О романе Леонара «Тереза и Фальдони», переведенном Каченовским, Пушкин упоминал в «Отрывке из литературных летописей» (см. т. VIII, стр. 37).

101. «700 рублей от Ширяева...» — А. С. Ширяев — московский книгопродавец и издатель.

— «Разобрали заглавный лист Истории Государства Российского...» — Каченовский был автором критического разбора «предисловия» к «Истории» Карамзина в «Вестнике Европы» 1819 (см. об этом в т. VIII).

⟨Многие недовольны нашей журнальной полемикою...⟩

(стр. 102)

Печатается по беловому автографу ЛБ (тетрадь № 2382, л. 14). Впервые опубликовано в «Звезде» 1930, кн. VII, стр. 222—223. Датируется 1829 годом на основании положения в рукописи. Вторая редакция этой заметки, несколько обезличенная и лишенная начальной полемической остроты, вошла впоследствии в «Table-talk» (см. стр. 414).

Заметка относится к циклу резких полемических выпадов Пушкина в 1829 году против Н. И. Надеждина, сотрудника «Вестника Европы», профессора Рязанской духовной семинарии и доктора этико-филологических наук Московского университета (см. о нем стр. 671). Особенно близка она строкам «Романа в письмах»:

«Я было заглянула в журналы и принялась за книжки Вестника ***, но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны; смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все, мы Санкт-Петербургские недотроги» (1829).

Ср. наброски: «Граф Нулин» наделал мне больших хлопот», «Мы так привыкли читать ребяческие критики», эпиграмму — «В журнал совсем не европейский».

(Заметка о публикациях Ап. в «Северной Звезде»)

(стр. 102 — 103)

Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2382, лл. 95 об. и 95). Впервые опубликовано (очень неточно) В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XI, стр. 361, полнее — Н. К. Козминым в Акад. изд. соч. Пушкина 1929, т. IX, ч. 2, стр. 290; до конца расшифровано нами в настоящем издании.

Заметка предполагалась, вероятно, для помещения в каком-нибудь журнале на правах «письма в редакцию», но осталась ненапечатанной и осенью 1830 года была частично использована для «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений» (см. стр. 123).

102. *Бестужев-Рюмин*, Михаил Алексеевич (1800—1832) — стихотворец и журналист (его псевдоним: «Аристарх Заветный»), издатель альманаха «Майский Листок» (1824), «Сириус» (1827), «Северная Звезда» (1829), редактор литературно-сатирических листков «Северный Меркурий» (1830 — 1832). Ориентируясь в своих писаниях на армейско-чиновничью и мещанскую аудиторию, Бестужев-Рюмин зарекомендовал себя врагом «литературной аристократии», постоянно иронизировал в своих фельетонах по поводу писаний Дельвига, Пушкина и Вяземского в «Литературной Газете», не брезгая при этом и резкими личными выпадами.

Источник получения Бестужевым-Рюминым неизданных произведений Пушкина (в том числе и нелегального посла-

ния к Чаадаеву) остается до сих пор неизвестным, но любопытно, что еще 24 декабря 1828 года П. А. Плетнев в специальном обращении в Петербургский цензурный комитет протестовал против предстоящей публикации, как нарушающей волю автора, «находящегося в отъезде». Осведомленный об этом протесте, Бестужев-Рюмин заменил имя Пушкина прозрачной аббревиатурой «Ап.» (об этом приеме см. далее, в «Альманашнике», стр. 109) и беспрепятственно провел его стихи с этой подписью в печать. Дата цензурного разрешения «Северной Звезды» — 18 марта 1829 года, время выхода ее в свет — первая декада июля 1829 года. Пушкин был в это время на Кавказе, откуда возвратился в Москву лишь около 20 сентября, а в Петербург приехал между 5 и 10 ноября. Октябрем — ноябрем 1829 года можно датировать и набросок его «письма» с протестом против спекуляции Бестужева-Рюмина. См. также его памфлет на последнего в сценах «Альманашник».

103. *«Г-н Федоров напечатал под моим именем однажды комичную идиллическую нелепость...»* — В альманахе Б. М. Федорова «Памятник Отечественных Муз на 1827 г.» напечатано было шесть произведений Пушкина, отмеченных в предисловии издателя как «первые произведения его музы»: «Романс» («Под вечер осенью ненастной»), «Желание» («Медлительно влекутся дни мои»), отрывки из «Фавна и пастушки», «Здравный кубок», «К живописцу», отрывок из поэмы «Вадим». Характеристика одного из этих произведений как «идиллической нелепости» могла относиться только к «Романсу» или к «Фавну и пастушке». Об отношении Пушкина к Б. М. Федорову см. эпиграммы «Русскому Геснеру» и «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...», а также наброски ответа Пушкина критикам «Евгения Онегина» (см. стр. 158).

— *«Г-н П(ан)аев»* — Панаев, Владимир Иванович (1792—1859) — поэт, автор рассуждения «О пастушеской или сельской поэзии», иронически охарактеризованный Пушкиным в письме от 4 декабря 1824 года к брату как «идиллический коллежский ассессор».

103. «В числе пьес, доставленных г-ном Ап., некоторые принадлежат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны». — Из семи стихотворений, напечатанных в «Северной Звезде» за подписью «Ап.», Пушкину принадлежало 6 (а не 5, как отмечал он сам): 1) «Любви, надежды, тихой славы...», 2) «Она мила, скажу меж нами», 3) «Здесь Пушкин погребен», 4) «О ты, который сочел», 5) «Забудь, любезный мой Каверин», 6) «Любимец ветреных Лаис». Одно же (элегия «О ты, которая из детства») являлось отрывком из стихотворения кн. П. А. Вяземского «Негодование».

⟨Альманашик⟩

(стр. 103—111)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2382, лл. 35—39). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII, стр. 111 — 115; дополнено и исправлено В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XI, стр. 353 — 355. О резко отрицательном отношении Пушкина к спекулятивным изданиям альманашного типа свидетельствует его письмо к Погодину от 31 августа 1827 года: «Вы хотите издать Уранию!! Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель Европейского журнала в Азиатской Москве, вы, честный литератор между лавочниками литературы, вы!.. Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью».

Под именем Бесстыдина в сценах Пушкина выведен М. А. Бестужев-Рюмин (см. стр. 667), под именем «Альманашника», как мы полагаем, Н. А. Татищев, субсидировавший альманахи и газету Бестужева. В воспоминаниях В. П. Бурнашева, близко стоявшего к редакции «Северного Меркурия», сохранилась характеристика Н. А. Татищева как «человека богатого, светского, приличного. Он говаривал, что любит Бестужева за его доброе и незлобивое сердце; но весьма не одобряет в нем его беспорядочности и унижительной страсти к горячим напиткам» («Русский Вестник» 1871, кн. X, стр. 618 — 619).

В воспоминаниях Бурнашева зарисован был очень точно и внешний облик Бестужева-Рюмина: «Речь его, пересыпанная площадными, извозчичьими выражениями, делалась неестественно, по гостинодворски учтиво, с прибавкой «с» почти к каждому слову, когда он хотел с кем-нибудь быть вежлив по своему. Одевался Бестужев безвкусно и имел вид *domestique épidémiaché*, т. е. лакея в праздничном туалете, в котором изобиловали яркие цвета» («Русский Вестник» 1871, кн. IX, стр. 254).

3 августа 1831 года Пушкин писал П. А. Плетневу: «Кстати: что сделалось с Лит. Газетою? Она неисправнее Меркурия. Кстати: не умер ли Бестужев-Рюмин? — Говорят, холера уносит пьяниц».

105. «Ну, так пиши *Выжигина*». «Иван Выжигин» — роман Булгарина (1829), о котором см. далее.

Детская книжка

(стр. 111—113)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2882, лл. 65 об. — 64). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII, стр. 116 — 117, — весьма неточно, под общим заголовком «Детские сказочки» и с неверным названием третьей сказки («Исправленный забияка»).

Пародически учитывая в самой форме своей статьи штампы современной ему литературы для детского чтения, Пушкин дал резкие памфлетные характеристики крупнейших представителей журналистики 1829—1830 гг.: Н. А. Полевого («Ветренный мальчик»), П. П. Свинына («Маленький лжец») и Н. И. Надеждина («Ванюша, сын приходского дьячка»).

«Детская книжка» осталась недописанной и отсутствие в ней, например, Булгарина совершенно случайно: 4 ноября 1830 года Пушкин писал Дельвигу из Болдина: «Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить — Полевого или Булгарина».

111. «Алеша был очень неглупый мальчик...» — В письмах к Вяземскому Пушкин еще в 1825 году характеризовал Полевого как «человека порядочного и честного, но враля и невежду», а в ноябре 1826 года писал ему же о том, что редактор журнала «должен: 1. знать грамматику русскую, 2. писать со смыслом, т. е. согласовывать существительное с прилагательным и связывать их глаголом. А этого-то Полевой и не умеет».

112. «Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик...» — Свинын, Павел Петрович (1788 — 1839), основатель журнала «Отечественные Записки», собиратель и популяризатор памятников русской старины, публицист и романист. Его лживость и хлестаковские замашки увековечены в басне А. Е. Измайлова «Лжец» («Павлушка — медный лоб — приличное названье! — Имел ко лжи большое дарованье») и в набросках Пушкина «Криспин приезжает на ярмонку» (см. т. VII). См. о нем же упоминание в эпиграмме «Собрание насекомых» и далее в дневнике Пушкина.

— «Ванюша, сын приходского дьячка...» — Надеждин, Николай Иванович (1804 — 1856), критик и теоретик литературы, профессор Московского университета, ближайший сотрудник «Вестника Европы», впоследствии редактор «Телескопа» (1831 — 1836), сын священника, воспитанник Рязанской семинарии и Московской духовной академии, автор резких критических разборов «Полтавы» и «Графа Нулина», на которые Пушкин отвечал в 1829 году статьями и многочисленными эпиграммами. См. «Table-talk», стр. 404 и проч.

⟨Наброски письма в редакцию «Литературной Газеты»⟩

(стр. 113 — 117)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2382, лл. 31 — 32 — два первых абзаца и от слов «Вы поминутно говорите» до конца, л. 71 об. — 70 об. — от слов «Но не смешно ли им судить» до «как и граф Нулин»). Впервые опубликовано (как два особых фрагмента) В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XI, стр. 352 — 353 и 367 — 368; в настоящей

композиции — в Полном собр. соч. Пушкина 1936, т. VI, стр. 94 — 97. Объединение обоих набросков произведено на основании их тесной тематической связи, а точное место включения второго фрагмента в первый определено на основании сделанной самим Пушкиным отметки в рукописи (после слов «беда была бы еще небольшая»): (— —).

Несколько строк из этого недописанного письма Пушкин (от «В обществе вы локтем задели вашего соседа» до «Разница критиковать историю Государства Российского — и например***») в 1836 г. использовал для своего анонимного выступления в «Современнике», подписанном инициалами А. Б. и датой «Тверь 23 апреля 1836 г.». Возможно, что и самый замысел этого остроумного выступления в своем журнале под чужим забралом восходил к 1830 г.

«Письмо» заключало в себе возражения на статью кн. П. А. Вяземского «Несколько слов о полемике» в «Литературной Газете» от 27 марта 1830 г.: «Между равно благовоспитанными, образованными людьми, нередко и в споре бывает обмен насмешек, колкостей; но из того не следует, что спор в гостиной между благовоспитанными людьми есть одно и то же, что спор в сенях между лакеями, или на улице между черни. По этому соображению, образованный человек, застенчивый по отношению к чести своей, не войдет в бой неровный, словесный или письменный, с противниками, которые не научились в школе общежития цене выражений и приличиям вежливости. Пойдет ли благородный человек, вооруженный шпагою, драться на поединке с поденщиком, владеющим палкою? Разумеется, не от страха откажется он от боя: оружие его язвительнее, но законы чести, сии необходимые предрассудки общества, определили, что бой на шпагах благороден, а бой на палках унизителен. Английские нравы, может быть, хороши в Англии, но не в литературе: там знатный лорд должен по первому вызову площадного витязя засучить рукава и действовать кулаками. Есть и в литературе аристократия: аристократия талантов; есть и в литературе площадные витязи; но по счастью нет здесь народного обычая, повелевающего литературным джентльме-

нам отвечать на вызовы Джон Буля» («Литературная Газета» 1830, № 18, стр. 143—144). К этой статье Вяземского и к ее образам Пушкин не раз обращался и в своих критических набросках. См. «Разговор А. и В.» (стр. 119), «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (стр. 123).

113. «*Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете...*» и пр. — Пушкин отвечает на критику «Графа Нулина» в «Вестнике Европы». Об этом же см. стр. 134.

115. «*Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее...*» — «Юрий Милославский» М. Н. Заголкина. См. об этом т. VIII, стр. 57.

116. «*У нас вошло в обыкновение... не возражать на критики*». — Строки эти почти дословно повторены в заметке «Писатели, известные у нас под именем аристократов» (см. стр. 122).

117. «*Вы скажете... что публика, etc.*». — Пушкин, вероятно, предполагал перенести сюда несколько строк из «Разговора А. и В.»: «Публика довольно равнодушна к успехам словесности,—истинная критика для нее не занимательна» и пр. (см. стр. 120).

— «*Видок вас обругал*». — Именем полицейского агента Видока Пушкин обозначал Булгарина. См. его статью «О записках Видока», т. VIII, стр. 102, а также «Мою родословную» и эпиграмму.

⟨Французские критики...⟩

(стр. 117)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2382, л. 30 об.). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 259. Датируется на основании положения в рукописи (среди набросков статей для «Литературной Газеты»).

«*Иные даже называют романтизмом неологизм и*

ошибки грамматические». — Пушкин имеет в виду статью в журнале «Le Globe».

Об отношении Пушкина к Андре Шенье см. выше.

(Заметки о критике и полемике)

(стр. 118—123)

1. «Литература у нас существует...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2382, л. 102). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884. Более раннюю формулировку этих суждений см. выше, в полемике Пушкина с Бестужевым, стр. 102.

2. «Критика вообще... Критика—наука открывать красоты...» и пр. Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Акад. изд. собр. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 121. Ср. цитату из этой заметки в «Материалах для биографии Пушкина» 1855.

118. *Винкельман*, Иоганн-Иоахим (1717 — 1768) — немецкий археолог и искусствовед. В библиотеке Пушкина сохранилось французское издание его — «Histoire de l'art chez les anciens», Paris 1789.

3. «Читали вы в последнем № Газеты критику г. NN?..» и пр. Печатается по автографам ЛБ (тетрадь № 2382, л. 94 — кончая словами «Он один пускается в полемику» — и № 2373, лл. 13 — 14 — от слов «Тем хуже для литературы»). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XI, стр. 361 — 362 (первый набросок) и в кн. VIII, стр. 321 — 322 (второй набросок). Оба наброска объединены впервые нами в настоящем издании на основании, во-первых, их тесной тематической связи, во-вторых, одинаковой формы построения (диалог) и, наконец, в-третьих, ввиду того, что фрагмент «Тем хуже для литературы» снабжен в оригинале специальными авторскими звездочками (в начале и в конце), обозначающими, что это

дополнительно написанная вставка, подлежащая переносу в другую тетрадь. Органически примыкая к неоконченному диалогу в тетради № 2382, фрагмент «Тем хуже для литературы» должен был заменить начальную редакцию реплики г. А. «Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой». Эта реплика, случайно лишь не зачеркнутая Пушкиным, нами из основного текста исключена.

119. *Что же касается до отношений г. Раича к г. Полемому...* — О С. Е. Раиче см. выше, прим. к заметке об альманахе «Северная Лира» (стр. 57).

120. *Граф Орлов в бою с ямщиком*. — Граф Орлов, Алексей Григорьевич (1737 — 1808) — убийца Петра III, впоследствии генерал-аншеф. О его увлечении кулачными боями Державин намекал в «Фелице»: «Или кулачными бойцами и пляской веселю мой дух».

— *Трагедия Хомякова* — «Ермак», о котором см. далее, в заметках о народной драме (стр. 169). Пушкин знал эту трагедию по отрывкам, печатавшимся в «Московском Вестнике» 1828 и 1829 гг. и в «Деннице на 1830 г.».

121. *Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью* — см. далее перефразировку этих же строк в «Опыте отражения» (стр. 128).

4. «Критикою у нас большею частию...». Печатается по автографу ПД (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в сб. «Неизданный Пушкин», П. 1922, стр. 185.

5. «Писатели, известные у нас под именем аристократов...». Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова), вод. зн. бумаги «1831». Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 251 — 252. Заметка тематически связана с набросками письма в редакцию «Литературной Газеты» (первые строчки ее почти дословно совпадают со стр. 113), с «Разговором А. и Б.» (см. стр. 119) и с «Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений» (стр. 123).

122. «Журналы назвали их так в шутку, иронически...».—Об этом см. далее.

123. «Один аристократ... извинялся тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение...» и пр.—Пушкин имеет в виду кн. П. А. Вяземского и его статью «Несколько слов о полемике» (см. выше, стр. 119).

Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений (стр. 123—144)

Печатается по черновому автографу ЛБ (тетради № 2387 А, лл. 11, 74, 2387 Б, лл. 39 об., 59, 60, 15 об., 2387 А, лл. 15, 16, 63 об., 2387 Б, л. 30, 2387 А, лл. 13 об., 14, 20, 65, 19, 2387 Б, лл. 30 об., 68, 61, 38, 39). Впервые несколько отрывков из этой статьи было опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 204—206, 208—211, 216, 222—226, П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 48, 288—299 и в Собр. соч. Пушкина, т. V, стр. 25—28, 41—42. Дополнения и поправки к этим отрывкам даны были В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 546—550 и 561—567. В настоящей композиции, с существеннейшими уточнениями прежде известного текста, впервые смонтированного не в произвольном порядке случайных «критических заметок», а как определенные части статьи «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», опубликовано в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 341—349.

В тетради ЛБ (№ 2387 А, л. 15 об.) сохранился начальный план этой статьи в следующем виде:

О китайских анекдотах [О личностях]—О нравственности—[О дворянстве]—Об аристократии—О примеч(ании) Литературной Газеты. Разговор—Обо мне—О литер. напр.

Развернут этот план был в тетради ЛБ (№ 2387 А, л. 16):

Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений

[In statu quo ante bellum]

§ 1.

О личной сатире.— Китайские Анекдоты — Сам съешь

§ 2.

О нравственности — О графе Нулине — Что есть безнравственное сочинение — О Видоке.

§ 3.

Об литературной аристократии — О дворянстве.

§ 4.

Разговор о примеч(ании Литературной Газеты)

З а к л ю ч е н и е

План этот сопровождался припиской, но почти все дополнительно проектируемые параграфы (без цифр) были затем Пушкиным вычеркнуты как лишние:

§ [О невинности и о г. Киреевском — хи-хи] Р.

§ [О цене Евг. Онегина]

§ О знаменитост(ях).

Набрасывая этот план, Пушкин предусматривал в нем порядок размещения только наиболее значительных заметок, не оговаривая всех попутных разъяснений и фактических иллюстраций к основным темам. И те и другие размещены нами на основании учета особенностей их положения в самых рукописях и всякого рода отметок Пушкина на последних (знаки вставок, переносов, замен и т. п.). Название же статьи дважды закреплено было Пушкиным в тетради ЛБ (№ 2387 А, на лл. 16 и 73). Начало статьи (до строк «Один из великих наших сограждан») датировано было самим Пушкиным 2 октября 1830 г., а 4 ноября он же писал Дельвигу из

Болдина: «Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душиить, — Полевого или Булгарина». Об этом же он писал 5 ноября кн. П. А. Вяземскому: «Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться, и отделал бы их на их же манер. В полемике мы скажем с тобою — и нашего тут капля меду есть». Первоначально, как мы полагаем на основании наблюдений над рукописями, Пушкин не думал отделять в своем ответе критикам литературные обвинения от «нелитературных». Заметки, включенные в «Опыт отражения», перемежались поэтому на одних и тех же листах набросками возражений критикам языка и стиля «Евгения Онегина», ответом критикам ранних поэм, суждениями о «Полтаве» и «Борисе Годунове» и пр.

Эпиграф к статье взят был Пушкиным из письма Роберта Соути к издателю «Курьера» (1822).

124. «*Можно не удостаивать ответом своих критиков (как аристократически говорит сам о себе Издатель Истории Русского Народа)...*» — Пушкин имеет в виду статью Полевого в «Московском Телеграфе» 1830, т. XXXIII, № 9, стр. 103.

— «*Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику...*» — Перед этим зачеркнуто:

«Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературой и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и вероятно искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика, и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними еогласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастью замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до

критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что следственно сочинители оных могут быть довольны, удостоверясь, что труды их не потеряны».

125. «*Пэан 12 года*» — «Певец во стане русских воинов» Жуковского.

— «*Я заметил, что самое глупое ругательство, неосновательное суждение, получает вес от волшебного влияния типографии*». — Перед этим зачеркнуто:

«Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как мог на них досадовать; кажется, если б хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел, что самое глупое ругательство...»

— «*Печатный лист кажется святым*» — стих из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794).

126. «*Et moi, je vous soutiens, que mes vers sont très bons*» — слова Оронта в комедии Мольера «Мизантроп».

— «*Один из моих критиков... разбирая кажется Полтаву...*» и пр. — см. т. VIII, стр. 105.

127. «*Один из великих наших сограждан*» — Н.М.Карамзин.

— «****, который в своем журнале напечатал уморительный Анекдот о двух китайских журналистах...» — Пушкин имеет в виду статью Булгарина о распре Каченовского с Полевым (см. «Отрывок из литературных летописей») в «Северной Пчеле» 1829, № 33.

128. «*Что за аристократическая гордость, позволять всякому негодяю швырять в вас грязью*» — см. выше, стр. 121.

— «*Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов...*» и пр. — Пушкин имеет в виду Булгарина, вызванного на дуэль Дельвигом (см. об этом «Table-talk», стр. 404).

— «*Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону...*» и пр. — Булгарин напечатал в «Северной Пчеле»

1830, № 30, «Анекдот» о столкновении двух «французских» литераторов, в котором очень грубо и прозрачно противопоставил себя Пушкину. Ответом последнего явилась заметка «О записках Видока» (см. т. VIII, стр. 102).

130. *«Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать...»* и пр. — Пушкин имеет в виду столкновение свое с Булгариным по поводу сходных мест в трагедии «Борис Годунов» (1825) и в романе «Дмитрий Самозванец» (1829). См. об этом в одном из набросков предисловия Пушкина к «Борису Годунову» (стр. 91).

131. *«Сам съешь есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики».* — Об этом Пушкин писал еще 13 сентября 1825 года кн. Вяземскому: «Сам съешь! — Заметил ли ты, что все наши журнальные Антикритики основаны на с а м - с ъ е ш ь? Булгарин говорит Федорову: «Ты лжешь», Федоров говорит Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: ты невежда, Полевой возражал Пинскому: ты сам невежда. Один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь! — И все правы».

— *«Колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею...»* и пр. — Эпиграмма Баратынского «Писачка в Фебов двор явился» («Литературная Газета» 1830, № 33), на которую Полевой отвечал в «Московском Телеграфе» эпиграммой «Пришел поэт и пущен на Парнас».

— *«Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек...»* — Об эпиграмме Пушкина «Мое собрание насекомых» и об откликах на нее см. т. VIII, стр. 709.

— *«Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратьев за то, что он не дворянин».* — Пушкин имеет в виду глумление Булгарина в «Северной Пчеле» 1825 над «купеческим званием» Н. А. Полевого, в защиту которого резко выступил кн. П. А. Вяземский. См. об этом в т. VIII, стр. 708.

133. *«Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат».* — Перед этими строками в автографе зачеркнуто:

«Сравнивая Шекспира с Байроном, недавно один из наших критиков считал по пальцам, где более мертвых? В трагедии одного или в повести другого. Вот в чем полагал он существенную разницу между ими. Мнение наших критиков о нравственности и приличии, если разобрать его, удивительно забавно».

134. *«Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется в журналах...»* — Пушкин имеет в виду статьи Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы» 1829 и 1830 гг. Первоначальной формой ответа на обвинения «Графа Нулина» в безнравственности было не дописанное Пушкиным письмо в редакцию «Литературной Газеты» (см. выше, стр. 113), тесно связанное с «Опытом отражения».

137. *«Отвратительная Канидия.»* — Под именем «Канидии» (от «сапис» — седой) Гораций в своих сатирах бичевал неаполитанскую отравительницу и гадалку Гратидию.

138. *«В альманахе, изданном 2-ном Федоровым...»* и пр. — См. выше, стр. 668.

— *«Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха...»* — См. выше, стр. 103.

— *«Отчего издателя Литературной Газеты и его сотрудников называют аристократами...»* и пр. — См. т. VIII, стр. 708, а также выше, стр. 121 и 128.

140. *«В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал... был куплен шкипером за бутылку рома.»* — Пушкин имеет в виду фельетон Булгарина («Второе письмо из Карлова») в «Северной Пчеле» от 7 августа 1830, № 94. Пушкин был в этом письме выведен под именем некоего «поэта в Испанской Америке, подражателя Байрона, происходившего от мулата». Поэт этот «стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рома». Пушкин ответил на эти выпады в «Моей родословной» (1830).

140. «Простительно выходяцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее». — Далее в автографе следовала недописанная строка: «Но не простительно было бы нам позволять всякому [выходцу клеветать]».

141. «Послание к князю**...» — послание «К вельможе» («От северных оков освобождая мир»). Адресатом его был князь Н. Б. Юсупов (см. т. II, стр. 565).

— «Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата». — Пушкин имеет в виду памфлетную сцену «Утро в кабинете знатного барина», помещенную Н. А. Полевым в «Новом Живописце общества и литературы», выходявшем в виде прибавления к «Московскому Телеграфу» (1830, ч. 32, № 10 (май), стр. 170 — 171).

— *Мерсье*, Луи-Себастьян (1740 — 1814) — французский беллетрист, публицист и драматург, член Конвента, автор сатирических «Картин Парижа» (1781), из-за которых должен был на время эмигрировать из Франции.

— «Род мой один из самых старинных дворянских». — Перед этим в рукописи зачеркнуто: «В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать — дворянин во мещанстве».

— «Мы происходим от прусского выходца Радши...» — Вся историко-генеалогическая часть «Опыта» впоследствии была переработана Пушкиным в его заметках о родословии Пушкиных и Ганнибалов (см. стр. 461 — 468 и комментарий на стр. 781).

142. «См. Рюлиера и Кастера». — Пушкин имеет в виду запретные для русского читателя книги Клода Рюльера «Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie en 1762», Paris 1797, и Ж. Кастера «Histoire de Catherine II», Paris 1809.

143. «Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях». — Далее зачеркнуто: «Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместья скоро исчезнут. Имя их останется честным, единственным достоянием темных потомков некогда знатного боярского рода — Я русской дворянин, и знал своих предков прежде, чем узнал Байрона».

144. «Я сожалел, видя как, древние дворянские роды уничтожились...» и пр. — См. об этом же в более ранней редакции в «Романе в письмах» (письмо VIII) и в набросках повести «Гости съезжались на дачу» (разговор с испанцем).

(Разговор)

(стр. 145 — 152)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь 2387 Б, лл. 28, 69, 29, 70 (основной текст) и тетрадь 2387 А, л. 17 об. (набросок вставки в статью, от строк «Это замечание могло повредить невинным» до «под их покровительством может быть безопасен»). Впервые частично опубликовано в статье П. В. Анненкова «Общественные идеалы Пушкина» («Вестник Европы» 1880, кн. VI, стр. 601 — 603). Несколько строк (от слов «И на кого журналисты наши нападают» до «Издваться над ним не хорошо») цитировались им же в «Вестнике Европы» 1873, кн. XI, стр. 59. Точнее и полнее дано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 557 — 561. Статья тематически тесно связана с набросками, включенными в «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (см. стр. 123).

145. «Читал ты замечание в Литературной Газете, где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?» — Пушкин имеет в виду анонимную статью «Новые выходы противу так называемой литературной нашей аристократии», которая заканчивалась следующим образом: «Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приутоновили крики: *Аристократов к фонарю* и ничуть не забавные куплеты с припевом: Повесим их, повесим. *Avis au lecteur*» («Литературная Газета» от 9 августа 1830, № 45, стр. 72).

146. «Добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор...» — Томас, Антуан-Леонард (1732 — 1785), Дюкло, Шарль (1704 — 1772), Шамфор, Николай (1741 — 1794) — французские публицисты предреволюционной поры.

147. «Какого ты мнения... о Полиньяке?» — Полиньяк, Жюль, князь (1780 — 1847) — французский политический деятель ультрареакционного лагеря, глава кабинета министров, свергнутого Июльской революцией 1830 года.

148. «Что значат эти точки? — Тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил». — Пушкин имеет в виду концовку статьи Булгарина об «Истории Русского Народа» Н. Полевого, в которой говорилось по поводу «Литературной Газеты»: «Читая в журналах грубую брань, клеветы, сплетни, гнусные выходки зависти, рядом с преувеличенными похвалами бессмертному историографу, поневоле выводим заключение, которое... не идет в печать» («Северная Пчела» от 13 сентября 1830, № 110).

149. «Никогда я не видал в Литературной Газете ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия». — См. прим. к т. VIII, стр. 708 и выше.

151. «Некоторые журналы вступились с такою братскою горячностью за Северную Пчелу...» — «Московский Телеграф» Н. А. Полевого и «Галатей» С. Е. Раича.

⟨Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений⟩

(стр. 152 — 155)

1. О цене «Евгения Онегина». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, лл. 12 об.—13). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 207—208. О намерении Пушкина включить эту заметку в «Опыт отражения» свидетельствует план последнего (тетрадь № 2387 А, л. 16 об.), в котором зачеркнуты строки: «О цене «Евгения Онегина».

Отповедь Пушкина вызвана анонимной заметкой в «Северной Пчеле»: «VII глава Онегина стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 к. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12 долю, 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 рублей. Первая часть сего романа в стихах еще не вышла в свет, а потому и невозможно опреде-

лить цены целого сочинения» («Северная Пчела» от 3 апреля 1830, № 40).

2. Шутки наших критиков. Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, лл. 22 об. и 63). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 232—233; поправки см. в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 551. Об исключении этой заметки из «Опыта отражения» свидетельствует начальная редакция плана последнего (см. тетрадь № 2387 А, л. 16 об.), из которого вычеркнут раздел: «О невинности и о Киреевском — хи-хи».

154. «В прошлом 1830 году...». — Пушкин хотя и писал эти строки в конце 1830 года, рассчитывал на появление их в печати в 1831 году.

— «*Это хи-хи... перепечатали с большой похвалой в Северной Пчеле*». — Сомнительная острога «Вестника Европы» перепечатана была не в «Северной Пчеле», а в «Сыне Отечества» (1830, № 16, стр. 243). Ошибка Пушкина объясняется тем, что оба эти издания выходили под редакцией Булгарина и Греча.

— «*Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности...*» — Пушкин имеет в виду статью И. В. Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 г.», помещенную в альманахе «Денница на 1830 г.». Развернутую характеристику этой статьи см. в рецензии Пушкина в т. VIII, стр. 60.

Строки Киреевского о «душегрейке новейшего уныния» были широко использованы в статьях, заметках и стихах Булгарина, Надеждина, Полевого, Бестужева-Рюмина.

(Проект предисловия к последним главам «Евгения Онегина»)
(стр. 155 — 158)

Печатается по беловому автографу ЛБ (тетрадь № 2387 Б, лл. 36 и 62). Впервые опубликовано (с некоторыми сокращениями) в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 233—235; частично исправлено и дополнено в Соч. Пушкина 1881, т. V, стр. 139—141 и в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 563.

Предисловие предназначалось Пушкиным для несостоявшегося издания последних глав «Онегина», в котором «Путешествие Онегина» должно было печататься в качестве главы восьмой.

156. *«Странно было мне читать, например, следующий отзыв...»* — Пушкин цитировал рецензию Булгарина на VII главу «Онегина» в «Северной Пчеле» от 22 марта и 1 апреля 1830, №№ 35 и 39. Об этом же отзыве см. упоминание Пушкина на стр. 165.

**⟨Наброски возражений критикам языка и стиля
«Евгения Онегина»⟩**

(стр. 158 — 166)

1. «Наши критики долго оставляли меня в покое». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, лл. 64, 18, 67). Впервые опубликовано (в произвольном порядке) в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 228—231 (от слов «Наши критики» до «напрасно ими презирают») и стр. 211 — 215 (от слов «Стих: Два века сосорить не хочу до «см. Богдановича»). Последняя сентенция («Шпионы подобны букве ъ») впервые опубликована В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 549. В заметке использованы наброски ответа критику «Атеней», сделанные еще в 1828 году (см. выше, стр. 92). Материалы эти частично учтены были и в 1833 году в примечаниях к первому полному изданию «Онегина».

162. *«Почти так, как пишет Г**»*. — Пушкин писал в 1830 году о «некоторых погрешностях противу языка» в известном романе Загоскина «Юрий Милославский». Возможно, что его же имел он в виду, говоря о «Г(осподине)**». Расшифровка «Г**» в некоторых изданиях как «Гоголя» лишена всяких оснований, ибо Пушкин осенью, в 1830 году, еще не читал и не знал Гоголя, печатавшегося к тому же в 1829—1830 гг. только под псевдонимами.

2. «Г. Федоров, в журнале, который начал было издавать...» и 3. «Шестой песни не

разбирали...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, л. 67 об.). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 215.

Рецензия Б. М. Федорова на две главы «Евгения Онегина» появилась в «С. Петербургском Зрителе» 1828, кн. I, отд. «Критика», стр. 139. С этой же рецензией Пушкин полемизировал впоследствии в одном из примечаний к первому полному изданию «Евгения Онегина» («В журналах удивлялись, как можно было назвать девою простую крестьянку» и пр.).

4. «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод...». Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, л. 64). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 231.

Заметка эта была частично использована в предисловии к первому изданию последней главы «Евгения Онегина» в 1832 г.

5. «Критику 7-ой песни в «Северной Пчеле...» Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, л. 22). Впервые опубликовано (без примечания о Булгарине) в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 231—232; примечание о Булгарине опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 551.

Отклики Пушкина на эту же рецензию см. выше, стр. 156.

166. «*Описание Москвы взято из Ивана Выжигина...*». — Пушкин имеет в виду строки рецензии о том, что он, якобы, «взял обильную дань из Горя от Ума и... из другой известной книги».

— «*Булгарин не сказывает, что трагедия Борис Годунов взята из его романа*». — См. выше, стр. 130.

⟨Заметки о ранних поэмах⟩

(стр. 166 — 169)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А, лл. 21, 21 об., 12). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 226—228 и 206.

166. «*Весьма дельные вопросы, избобличающие слабость создания поэмы...*» — статья Д. П. Зыкова, друга и единомышленника Катенина, в «Сыне Отечества» 1820, № 38, с рядом вопросов, адресованных как к самому Пушкину, так и к его критикам. Об этой статье Пушкин сочувственно упоминал в предисловии ко второму изданию своей поэмы.

169. «*Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя...*».— Пушкин имеет в виду следующие строки письма Рылеева, полученного им в апреле 1825 года: «Цыган слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтоб привязаться к чему-нибудь, и нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше б было сделать его кузнецом?»

— «*Вяземский повторил то же замечание*». — В рецензии на «Цыган» Вяземский отмечал: «Если непременно нужно свести Алеко в совершенный цыганский быт, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошаадьми» («Московский Телеграф» 1827, № 10).

⟨Заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице»

М. П. Погодина

(стр. 169 — 182)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 Б, лл. 31—35 и 63—67). Впервые опубликовано (неполностью и неточно) в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 242—248; несколько полнее — в Собр. соч. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова 1855, т. VI, стр. 103—108. Страницы разбора «Марфы Посадницы» впервые опубликованы в «Москвитяине» 1842, ч. V, № 10, стр. 462—465.

Перед строками «Иоанн наполняет трагедию» (стр. 180) в рукописи (л. 64) сохранился набросок плана окончания статьи:

Иоанн, его влияние, его политика.

Шекспир. — Народ. — [Посадские] [Женщины]

Выписки — Посадница (как понял ее Карамзин в своей). — Ксения — Действие (Слог).

«Заметки» являются наиболее полным сводом взглядов Пушкина на драму, на ее теорию и историю. Взгляды эти складывались под влиянием изучения драматургии Шекспира и трудов теоретиков романтической драмы (Шлегеля, Гизо, критиков журнала «Globe»). Ряд высказываний в настоящих «Заметках» непосредственно восходит к этим трудам (напр., рассуждения о народном происхождении драмы и о переходе ее к правящим классам совпадают с аналогичными мыслями Гизо в его популярной биографии Шекспира, приложенной к французскому изданию Шекспира, в переводе Летуэнера, которым пользовался Пушкин).

Строки о правдоподобию драмы связаны с шлегелевской критикой классической трагедии. О правдоподобию см. еще заметки Пушкина «Из всех родов сочинений самые неправдоподобные...» (стр. 40) и наброски предисловия к «Борису Годунову» (текст второй, стр. 82).

169. «*Корнель, поэт испанский*». — Трагедии Корнеля создавались под сильным влиянием испанского театра и частью были переделками испанских пьес.

170. *Готшед*, Иоганн-Кристоф (1700 — 1766) — немецкий теоретик поэзии и драмы. Иронизируя над «пользой» искусства, Пушкин имел в виду дидактическую теорию Готшета, восходившую к поэтике Горация и Буало.

171. «*У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов*». — *Ликторы* — служители высших должностных лиц в древнем Риме, встречаются в «Кориолане» Шекспира; *алдерманы* — члены городского управления в Англии.

172. *Клитемнестра* — жена греческого царя Агамемнона; в трагедиях Корнеля ее нет; повидимому, Пушкин имеет в виду Клитемнестру «Ифигении в Авлиде» Расина, которую сопровождают телохранители (*gardes*).

— «*Филоклет*» и «*Эдип*» — трагедии Софокла.

175. *Нерон* изображен в трагедии Расина «Британник»; *Агамемнон* — в его «Ифигении в Авлиде»; приводимые цитаты взяты из этих трагедий.

О просторечии героев Шекспира Пушкин более подробно писал в заметке «О романах Вальтера Скотта» (см. выше, стр. 64).

Об отрицательном отношении Пушкина к творчеству Сумарокова и Озерова см. также в заметках на полях статьи Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (стр. 549). Мысли о народности, не зависящей от национальной тематики, с упоминанием того же круга имен (Расин, Шекспир, Озеров), еще раньше были высказаны Пушкиным в заметке «О народности в литературе» (1826) (см. выше, стр. 51).

176. «Поэт Франции» — Расин.

— «Пожарский—или освобожденная Москва» (1807) — патриотическая пьеса М. Крюковского.

177. «Ермак» — трагедия А. С. Хомякова.

— «Две драматические сатиры» — «Недоросль» Фонвизина и «Горе от ума» Грибоедова.

178. «Опыт народной трагедии». — «Марфа Посадница» М. П. Погодина.

«Марфа Посадница», первые действия которой прочитаны были автором Пушкину в мае 1830 года, была близка драматургической системе «Бориса Годунова» и отвечала теоретическим представлениям Пушкина о новой драме, которая должна преобразовать русскую сцену. Сам Погодин писал о своей трагедии: «У меня нет ни любви (ср. у Пушкина: «une tragédie sans amour souriait à ma imagination»), ни насильственной смерти, ни трех единств. Главное действующее лицо — народ». Трагедия Погодина строилась на «единстве интереса». («Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю махину, все страсти, все пружины» — говорит Пушкин); отвергая условные драматические эффекты, Погодин стремился к объективному историзму (Пушкин: «Его дело воскресить минувший век во всей его истине»; «без театральных преувеличений»), а в языке — к сниженному просторечию, «простонародности». Это соответствовало пушкинскому заданию — «перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений

площади». Существенно было и то, что трагедия написана пятистопным ямбом без рифм.

Прочтя окончательно отделанную «Марфу Посадницу» в Болдине, в ноябре 1830 года, Пушкин отметил ряд частных недостатков (главным образом — неправильность языка). Но общая оценка осталась попрежнему восторженной («Марфа имеет Европейское, высокое достоинство»). Отзыв, данный Пушкиным в письме к Погодину (конец ноября 1830 года), предваряет разбор, развернутый в «Заметках», совпадая с ним даже в деталях и в отдельных выражениях.

Пушкин принимал близкое участие в дальнейшей судьбе трагедии Погодина. В марте 1831 года он просил Жуковского похлопотать о трагедии у Бенкендорфа, который рекомендовал цензору «отложить обнародование сего сочинения до перемены нынешних смутных обстоятельств» (польской революции). Летом 1831 года Пушкин сам говорил о «Марфе Посаднице» с Бенкендорфом. Впоследствии, когда трагедия вышла в свет, Пушкин в письме к Погодину от 11 июля 1832 года вновь упоминал об «истинной драматической силе» его трагедий и предрекал им со временем на сцене «такой народный успех, какого мы, холодные северные зрители Скрибовых водевилей и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем».

〈Об Альфреде Мюссе〉

(стр. 182—185)

Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 296—297. Заметка тесно связана с набросками возражений Пушкина на рецензии о «Графе Нулине» (см. выше, стр. 113, а также стр. 134).

Альфред де-Мюссе (1810—1857) — французский поэт и романист, в 1829 году выпустивший свой первый сборник стихотворений, поэм и драматических сцен «Contes d'Espagne et d'Italie». В январе 1836 года кн. П. А. Вяземский писал об

А. Мюссе А. И. Тургеневу: «Скажи ему, что мы с Пушкиным угадали в нем великого поэта, когда он еще шалил и faisait ses farces dans «Les contes espagnols» («Остаф. Архив» 1899, т. III, стр. 289).

Об отношении Пушкина к лирике Ламартина см. выше. Рецензию Пушкина на сборник Сент-Бева «*Vie, poésie et pensées de Joseph Delorme*» (1829) см. в т. VIII, стр. 82.

183. «*Воспеваает луну такими стихами*» — «*Ballade à la lune*» Мюссе.

— *Гофман*, Франсуа-Бенедикт (1760—1828) и *Кольне де-Равель* (1768—1832) — французские критики.

**⟨Наброски третьей статьи об «Истории Русского Народа»
Н. А. Полевого⟩**

(стр. 185—191)

1. «Противуречия (и) промахи, указанные в разных журналах...» Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2387 Б, лл. 51 об., 52, 52 об.). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 567—568.

2. «Г. Полевой предчувствует присутствие истины...» и пр. Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2387 Б, лл. 47, 52 об., 46). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 270; полнее — П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887, т. V, стр. 81—82.

3. «Освобождение городов не существовало в России...» и пр. Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2387 Б, л. 47, 47 об., 51). Впервые опубликовано в кратком пересказе П. В. Анненкова в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 270—271; точнее — П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887, т. V, стр. 82—83.

Все четыре фрагмента третьей статьи об «Истории Русского Народа» во всех изданиях Пушкина произвольно контамини-

ровались с его заметками по истории французской революции (стр. 192) и о русском дворянстве (стр. 198). Впервые объединены эти статьи в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 418—420.

Первые две статьи Пушкина об «Истории Русского Народа» опубликованы были им в «Литературной Газете» 1830, №№ 4 и 12 (см. т. VIII, стр. 48—57). К проблемам феодализма, впервые привлечшим к себе внимание Пушкина в связи с книгами Полевого, он возвратился в 1831 году в заметках по истории французской революции (см. стр. 192). Суждения о борьбе московских царей с родовой аристократией и об окончательном подавлении последней Петром I и Анной Иоанновной развиты были в заметках о русском дворянстве (см. стр. 198).

191. «*Но никто не предсказал... Полиньяка*» — см. прим. к «Разговору», стр. 684.

(Заметки о русских журналах)

(стр. 191—192)

Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Акад. изд. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 138—139.

Заметка, предназначенная для «Литературной Газеты», тематически связана с набросками «Ignorance des seigneurs Russes...» (стр. 66) и «Что есть журнал европейский» (стр. 544). О неосновательности претензии руководителей русских журналов быть выразителями «общего мнения» Пушкин писал 11 июля 1832 года М. П. Погодину: «Что, если бы еще должны мы были уважать мнения Булгарина, Полевого, Надеждина? Приходилось бы стреляться после каждого номера их журналов. Слава богу, что общее мнение (каково бы оно у нас ни было) избавляет нас от хлопот».

192. «*Мартиньяк, Перонет*». — *Мартиньяк*, Жан-Батист-Ге (1778—1832), виконт — министр внутренних дел во Франции (с 1828), умеренный консерватор; *Перонет*, Шарль-Иньяс (1778—1854), граф — публицист ультраконсерватив-

ного лагеря, член кабинета министров, свергнутого Июльской революцией.

192. «*Кеннинг, Гиффорд, Джеффри, Питт*». — О Кеннинге см. выше. *Гиффорд*, Вильям (1756—1826) — публицист, редактор консервативного «Quarterly Review»; *Джеффри*, Фрэнсис (1773—1850) — публицист, редактор «Эдинбургского Обозрения»; *Питт* младший, Вильям (1759 — 1806) — английский государственный деятель, лидер вигов.

— «*Северный Меркурий*» — литературная газета, издававшаяся с 1830 по 1832 год М. А. Бестужевым-Рюминым, о котором см. выше — фельетон Пушкина «Альманашик» (стр. 103).

(Заметки по истории французской революции)

(стр. 192 — 197)

1. «Прежде нежели приступим...» и пр. Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано, с некоторыми сокращениями, П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 267—269, полнее — в Акад. изд. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 71 — 73. Более ранняя редакция наброска (с датой «30 мая 1831. Ц. С(ело)») хранится в *ПД* (собрание Л. Н. Майкова); там же и начальные черновые фрагменты ее, опубликованные в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», СПб. 1903, стр. 56 — 58.

2. «Мало-по-малу народ откупился...» и пр. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 В, л. 1 и 1 об.). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 268 — 269. Печатаемому нами тексту в публикации этой предшествовали строки, автограф которых неизвестен и, возможно, представляет собою не подлинный текст Пушкина, а изложение П. В. Анненкова:

«Продолжительные войны дали им время основать свою самобытность. Таким образом родились парламенты. Нужда в деньгах заставила баронов и епископов продавать васса-

лам права, некогда присвоенные завоевателями. Сначала откупились рабы от вассалов, затем общины приобрели привилегии. В последствии времени короли, для уничтожения власти сильных владельцев, непрестанно покровительствовали общины».

3. «Феодальное правление. Его основание». Печатается по автографу ПД. Впервые опубликовано Н. К. Козминым в «Литературном Наследстве» 1934, № 16 — 18, стр. 880.

4. «Феодальное правление, основанное...» и пр. Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 267.

Заметки относятся к неосуществленной работе по истории французской революции, о которой Пушкин писал в середине июня 1831 года Е. М. Хитрово: «Я предпринял исследование (une étude) о Французской революции и умоляю вас прислать мне Тьера и Минье, если возможно. Оба эти труда запрещены. У меня здесь имеются лишь «Мемуары, относящиеся к революции». (Подлинник по-французски.)

Здесь названы основные работы, которыми пользовался Пушкин: «Histoire de la Révolution Française, depuis 1789 jusqu'à 1814», par F. A. Mignet (2 тт., 1824); «Histoire de la Révolution Française» par M. A. Thiers (10 тт., 1823—1827); «Collections des Mémoires relatifs à la Révolution Française» (23 тт., 1821—1825). Все они сохранились в библиотеке Пушкина.

Кроме названных работ, Пушкин мог пользоваться также книгами Минье «De la féodalité des institutions de Saint-Louis et de la législation de ce prince» (1822), Лакретеля «Histoire de France pendant le XVIII siècle» (1812), Гизо «Histoire de la civilisation en France» (1830—1832) и трактатом m-me де-Сталь «Considérations sur la Révolution Française» (1818).

Работа Пушкина остановилась на этом конспекте введения.

195. *Ришелье* (1585 — 1642) — кардинал, с 1624 года — первый министр Франции.

⟨О народном представительстве в 1789 г.⟩

(стр. 197 — 198)

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 420.

Пушкин комментирует выписанные им цитаты из речей, произнесенных 17 июня 1789 года на заседании Генеральных Штатов, в прениях о праве третьего сословия представлять всю нацию.

Перевод:

«Менее всего допустимо, чтобы 24 миллиона человек против 200 000 имели половину голосов». *Байи*.

Но эти 200 000 были уже в некотором роде отборная часть нации, хотя и облеченная чрезмерными преимуществами, но представляющая собою класс просвещенный и имущий. Поэтому было неразумно обессиливать этот класс, а следовало внести только некоторые изменения. Было неразумно не рассматривать эти 200 000 как часть 24 миллионов.

Третье сословие равняется нации минус знать и духовенство. *Рабо де-Сент-Этьен*. Это значит: нация равняется народу минус его представители.

Порядок, установленный Генеральными Штатами, являлся по существу республиканским — духовенство и знать, представлявшие собою верхнюю палату, являлись не промежуточной ступенью между королевской властью и народом, а лишь одним крылом той же палаты.

197. «24 миллиона» — слова, приписанные Пушкиным Байи; в действительности были сказаны Сийесом. Речь Сийеса в отношении этих цифр повторяла положения его знаменитой брошюры «Что такое третье сословие?»: «Третье сословие составляет огромное большинство населения. Хотя здесь и не существует точных цифр, однако я позволю себе привести приблизительный расчет: духовных, включая монахов и монахинь, 80 400 душ, дворян вместе с семьями — 110 000 душ. Всего в обоих привилегированных сословиях менее 200 000

душ. Сравните это число с 25—26 миллионами всего населения Франции и судите».

— *Байи*, Жан-Сильвен (1736 — 1795) — французский политический деятель умеренно либерального направления, член Генеральных Штатов, впоследствии первый председатель Национального собрания.

— «*Порядок, установленный Генеральными Штатами*» — однопалатная система народного представительства.

(Заметки о русском дворянстве)

(стр. 198 — 202)

1. «*Attentat de Феодор*». — Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 Б, л. 22). Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в «Русском Архиве» 1881, кн. III; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 422. Заметки хронологически и тематически связаны с письмом Пушкина к кн. Вяземскому от 16 марта 1830 года: «Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контр-революции Революции Петра. Правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу». Законопроекты, о которых писал Пушкин (новый закон «о состояниях» и о порядке гражданской службы, о запрещении помещикам отчуждать крепостных без земли и на взнос, об ограничениях в праве владения дворовыми, об ограничении раздробления недвижимых населенных имений и пр.), действительно внесены были 6 марта 1830 года в Государственный совет, но реализованы не были ввиду того, что под впечатлением Июльской революции 1830 года николаевское правительство совершенно отказалось от реформ в том объеме, в каком они намечались первоначально.

198. «*Attentat de Феодор*» — уничтожение местничества царем Федором Алексеевичем в 1682 году. Сочувственный отзыв Пушкина об этом акте см. в «Отрывках из писем»

1827 г. (т. VIII, стр. 26). Ср. также строки о местничестве в диалоге царя и Басманова в «Борисе Годунове».

198. «*Ukaz de 1714*» — закон об единонаследии.

— «*Les rangs — Chute de la Noblesse*». — О «табеле о рангах» (1722) и об «уничтожении дворянства чинами» см. примечания к следующему наброску.

— «*Opposition des Dolgorouky*». — В черновой редакции главы второй «Путешествия из Москвы в Петербург» Пушкин писал: «После смерти (Петра I), когда старая наша Аристократия на минуту возымела свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей, но смерть молодого Петра II, возведение на престол Анны Иоановны снова утвердило за молодым Петербургом его недавние права» («Неизданный Пушкин». Собрание А. Ф. Онегина, П. 1922, стр. 186 — 187).

— «*Opposition de Panine*». — Панин, Никита Иванович (1718 — 1783) — глава Коллегии иностранных дел в первые годы царствования Екатерины II, лидер дворянской фронды 60-х — 70-х годов, автор проекта аристократической конституции.

— *Новосильцов, Чарторижский, Кочубей* — ближайшие сотрудники Александра I в пору реформ первых лет его царствования, создатели, вместе с М. М. Сперанским, нового государственного аппарата.

— «*Speransky — Popovitch turbulent et ignoré*». — Сперанский, Михаил Михайлович (1772 — 1839) — статс-секретарь, по происхождению сын сельского священника, вдохновитель и ближайший руководитель всех мероприятий по реорганизации государственного аппарата с 1808 по 1812 год, расходившихся с интересами дворянской массы. При Николае I руководил работами по изданию «Полного собрания законов» (1830) и составлению «Свода законов Российской империи» (1832). В 1834 — 1835 гг. Пушкин часто встречался с Сперанским, о чем см. далее в его дневнике (стр. 487, 498). Особенно интересна их беседа 25 марта 1834 года, о которой Пушкин записал: «Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра». «Вы и Аракчеев — вы стоите

в дверях противоположных этого царствования, как гении зла и блага».

198. «*L'hérédité de haute noblesse*». — Суждение Пушкина о дворянстве отдаленно напоминает сентенции Бэкона в главе «Of Nobility» книги «*Essays moral, economical and political by Francis Bacon*». Из этого сборника Пушкиным сделана выписка, впервые опубликованная (по рукописи ПД) Д. П. Якубовичем в «Звеньях» 1932, № 2, стр. 228:

It is a reverend thing to see an ancient castle or building not in decay, or to see a fair timber-tree sound and perfect; how much more to behold an ancient noble family, which hath stood again the waves and weathers of time.

Bacon.

Перевод:

Достойная уважения вещь видеть древний замок либо постройку не в упадке, или видеть прекрасное строевое дерево крепким и целым. Сколь еще более достойно уважения взирать на древний дворянский род, который выстоял против волн и непогод времени. *Бэкон*.

Далее Бэкон писал: «Монархия, там где вовсе нет дворянства, есть всегда чистая и абсолютная тирания, каковой она является у турок. Дворянство смягчает неограниченную власть и до некоторой степени отвращает взоры народа от королевской фамилии. Что касается до демократий, то они в дворянстве не нуждаются; они обычно более спокойны и менее подвержены мятежам, чем тот строй, где есть родовое дворянство...»

2. «Что такое дворянство?» Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано (не полностью и не точно) П. В. Анненковым в статье «Общественные идеалы Пушкина» («Вестник Европы» 1880, кн. VI, стр. 605—609); с еще большими извращениями печаталось в 1929 году Н. К. Козминым, произвольно разбившим заметки на три части, одну из которых он при этом перенес в середину так называемой третьей статьи об «Истории Русского Народа» (Собр. соч. Пушкина 1929, т. IX, стр. 161—

162 и 76—77). Ошибки первых публикаторов устранены в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 422—423.

Рассуждения Пушкина о «дворянстве потомственном» и о его политических функциях, намечаемые как в этих набросках, так и в «Романе в письмах», очень близки даже в деталях к высказываниям на эти же темы Н. М. Карамзина в его «Записке о древней и новой России».

«Самодержавие есть Палладиум России, — писал Н. М. Карамзин. — Целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских, или царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином, но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав государственный. Монтескье сказал: «point de Monarque — point de noblesse; point de noblesse — point de Monarque!» Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей, и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком. Личные подвижные чины не могут заменить дворянства родового, постоянного, и, хотя необходимы для означения степеней государственной службы, однако ж в благополучной монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оною. Надлежало бы не дворянству быть по чинам, но чинам по дворянству, т. е. для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра Великого не соблюдается: офицер уже есть дворянин. Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать пути к высшим степеням, — но пусть государь дает дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим.

Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдинов в министры, в вельможи, в генералы, то с знатностью придется давать им и богатство, необходимое для ее сияния, — казна истощается. Напротив того, дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий. 2) Оскорбляете дворянство, представляя ему людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обyklи видеть бояр сановитых. Ни слова, буде сии люди ознаменованы способностями редкими, выпренными; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сии высшие места занимались дворянами. 3) Природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навикает от самой колыбели уважать себя, любить отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностью, — уделом его предков, и наградою личных будущих заслуг его. Сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое, сверх иных намерений, было целию при учреждении наследственного дворянства, — преимущество важное, редко заменяемое естественными дарами простолюдина, который, в самой знатности, боится презрения, обыкновенно не любит дворян и мыслит лично надменною изгладить из памяти людей свое низкое происхождение. Добродетель редка. Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ. Мнение не мое, но всех глубокомысленных политиков есть, что твердо основанные права благородства в монархии служат ей опорой» («Записка о древней и новой России», СПб 1914, стр. 126 — 129).

Последние строки заметок Пушкина развернуты в его дневнике от 22 декабря 1834 г. при записи его спора с вел. кн. Михаилом Павловичем по поводу закона о почетном гражданстве: «Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если в дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что всё равно)

всё будет дворянством. Что касается до tiers état что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении...» И далее: «*Tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs*» («Все Романовы — революционеры и уравнители»).

201. «Отчего г. Полевой говорит, что они были равные со смердами?» — Пушкин имеет в виду следующие строки: «Деление сословий народных на аристократов, духовенство и народ, после Ярослава, существовало уже решительно на Руси. Но аристократизм существовал собственно только в отношении к народу: перед лицом князя всё сливалось в одно звание: р а б о в. Его первый чиновник и последний смерд были пред ним равны» («История Русского Народа», т. II, М. 1830, стр. 87).

3. «Русское дворянство что ныне знач и т?» Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2374, л. 24). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. IX, стр. 644. Эта программа статьи, в которой Пушкин, очевидно, рассчитывал использовать свои заметки о дворянстве, печатаемые нами выше, тесно связана и с рассуждениями «Романа в письмах» (1830) и с записью в дневнике Пушкина от 22 декабря 1834 года (см. стр. 519). Возможно, что программу эту Пушкин рассчитывал реализовать в одной из глав «Путешествия из Москвы в Петербург», а не в виде особой статьи.

(Заметки по истории Украины)

(стр. 202 — 207)

I. «*Sous le nom d'Ukraine ou de Petite Russie...*» Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Бумага с вод. зн. «1830» и «1831». Впервые опубли-

ковано Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 470—471.

Перевод:

Украиной, или Малороссией, называют обширное пространство, соединенное с колоссом Россией и состоящее из губерний Черниговской, Киевской, Харьковской, Полтавской и Подольской.

Климат там мягок, земля плодородна; страна в своей западной части покрыта лесом. На юге тянутся огромные равнины, пересекаемые широкими реками, где путешественник не встретит ни леса, ни холма.

Славяне с незапамятных времен населяли эту обширную область; города Киев, Чернигов и Любеч не менее древни, чем Новгород Великий, свободный торговый город, основание которого относится к первым векам нашей эры.

Поляне жили на берегах Днепра, северяне и суличи — на берегах Десны, Сейма и Сулы, радимичи — на берегах Сожа, дреговичи — между Западной Двиной и Припетью, древляне — в Волыни, бужане и дулебы — по Бугу, лутичи и тиверцы — у устьев Днестра и Дуная.

К середине девятого века Новгород был завоеван норманнами, известными под именем варяго-русов. Эти предприимчивые удалцы, вторгаясь далее в глубь страны, подчинили себе одно за другим племена, жившие на Днепре, Буге, Десне. Различные славянские племена, принявшие имя русских, увеличили войска своих победителей. Они захватили Киев, и Олег сделал его своей столицей. Варяго-русы стали грозой Восточно-Римской империи, и не раз их варварский флот появлялся угрозой у стен богатой и слабой Византии. Не будучи в состоянии отразить их силой оружия, она гордилась тем, что смирила их посредством религии. Дикие поклонники Перуна услышали проповедь евангелия, и Владимир принял крещение. Его подданные с тупым равнодушием усвоили веру, избранную их вождем.

Русские, наводившие ужас на отдаленные народы, сами постоянно подвергались нападениям соседних племен: болгар,

печенегов и половцев. Владимир разделил между своими сыновьями земли, завоеванные его предками.

Эти князья в своих уделах являлись представителями государя, которым было поручено подавлять возмущения и отражать нападения врагов. Это, как мы видим, вовсе не была феодальная система, основанная на независимости отдельных лиц и на равном праве их участия в добыче.

Но вскоре начались раздоры и войны, длившиеся непрерывно более чем двести лет. Столица государя была перенесена во Владимир. Чернигов и Киев потеряли постепенно свое значение. Тем временем в южной России возникли другие города: Корсунь и Богуслав на Роси (в Киевской губернии), Стародуб на Бабенце (в Черниговской губ.), Стрецьк и Вострецьк (в Черниговской губ.), Триполь (под Киевом), Лубны и Хорол (в Полтавской губ.), Прилуки (в Полтавской губ.), Новгород-Северский (в Черниговской губ.). Все эти города существовали уже к концу XIII века.

В то время как внуки Владимира-тирана занимались раздорами и воинственные племена, обитавшие к востоку от Черного моря, оказывали помощь одним из них, чтобы делить добычу, доставшуюся от других, неожиданное бедствие обрушилось на русских князей и весь народ.

Татары появились у границ России. Им предшествовали всё те же половцы, прогнанные со своих пастбищ и массами устремившиеся к тем князьям, которым раньше они служили или которых разоряли. Князья собрались в Киеве. Война была решена; отовсюду стекался народ и становился под знамена. Один только Юрий, великий князь владимирский, не пожелал принять участия в опасностях похода. Он ожидал ослабления уделов в результате этой войны.

Войска князей, соединившись с половцами, подвигались против неведомого, но уже грозного врага. Татарские послы прибыли на берег Днепра в то время, как русские войска начали переправу. Они предложили князьям союз против половцев, но последние употребили всё свое влияние, и послы были перебиты. Войска продвигались всё дальше;

между тем не замедлили вспыхнуть раздоры. Два Мстислава, князь киевский и князь галицкий, дошли до открытого разрыва. Прибыв на берег Калки (река в Екатеринославской губернии), Мстислав галицкий перешел ее с своим войском, в то время как остальная армия, под начальством князя киевского, укрепилась на противоположном берегу. На следующий день (31 мая 1224 года) враг появился, и началась битва между татарскими войсками и передовым отрядом, состоявшим из войск князя галицкого и половцев. Последние вскоре дрогнули и внесли беспорядок в ряды русских. Те еще сражались, воодушевляемые примером храброго Даниила Волынского, но безрассудная гордость князей была причиной их гибели. Мстислав киевский не посылал подкрепления князю галицкому, а тот его не желал просить.

Вскоре смятение объяло всех; бегущие половцы убивали русских, чтобы поскорее их грабить. Русские отступили за Калку, преследуемые татарами, и миновали лагерь князя киевского, который, оставаясь неподвижным зрителем их поражения, еще рассчитывал на собственные силы, чтобы отразить победителей, которые скоро его окружили. Татары начали переговоры, которые позволили им овладеть лагерем. Произошло страшное избиение. Мстислав и некоторые другие князья подверглись ужасной участи: татары связали их и положили на землю, покрыли доской, на которую сели, раздавив их заживо.

Так погибло войско, еще недавно грозное. Татары преследовали русских до Чернигова и Новгорода-Северского, предавая всё огню и мечу. Внезапно победители остановились, и их орда ушла на восток, где она соединилась с великой армией Чингис-хана, стоявшей в то время в Бухаре.

2. «Что ныне называется Малороссией?» Печатается по автографу ПД (собрание И. А. Шляпкина). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 266.—267.

Заметки Пушкина представляют собою пересказ соответственных мест «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (т. I—III) и первых глав «Истории Малой России»

Д. Н. Бантыша-Каменского (М. 1822). К последнему источнику полностью восходят строки от «*Les Polanes habitaient*» до «*du Danube*» и рассказ об опустошении Киева и Чернигова половцами. Наброски же плана («Что ныне называется Малороссией») свидетельствуют, что Пушкин руководствовался данными рукописной «Истории Руссов» (см. о ней т. VIII, стр. 133). Так, Карамзин и Бантыш-Каменский, отрицая возможность завоевания Гедимином Киева и Северских городов, относили литовское владычество к более позднему времени. Пушкин же принимал, очевидно, точку зрения автора «Истории Руссов», описывавшего «приход Гедимины в пределы Малороссийские» в 1320 году; для Бантыша-Каменского гетманат Сагайдачного, «обнажившего в 1618 году меч свой против соотечественников», т. е. против Москвы, не является вехой истории Украины. Пушкин же, вслед за «Историей Руссов», целый исторический период именует: «От Сагайдачного до Хмельницкого».

Устанавливаемая таким образом связь плана Пушкина с «Историей Руссов» позволяет высказать предположение, что заметки по истории Украины связаны с проектом издания рукописи «Истории Руссов». Материал же, получивший отражение во французском конспекте истории Киевской Руси, предназначался для введения или для примечаний к задуманному изданию, ибо в «Истории Руссов», судя по позднейшей пушкинской характеристике этого памятника в «Современнике», именно начальные главы вызвали серьезные сомнения и требовали фактических дополнений и поправок (см. т. VIII, стр. 133).

Манускрипт «Истории Руссов», автором которой в течение долгого времени ошибочно считался Георгий Кониский, обнаружен был в 1824—1825 гг., но сведения о нем в печати ограничивались до 1836 года (возможно, по цензурным соображениям) лишь случайными цитатами и пересказами.

В пору печатания «Полтавы» Пушкин располагал списком «Истории Руссов», принадлежавшим М. А. Максимовичу (см. ссылку на «Летопись Кониского» в заметке Пушкина

«Habent sua fata libelli» (т. VIII, стр. 165) и данные «Истории славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, 1879, т. I, СПб, стр. 366). Вероятно, с интересом его именно к этой замечательной исторической хронике связано сообщение М. П. Погодина в письме от 28 апреля 1829 года к С. П. Шевыреву: «Пушкин собирается писать историю Малороссии» («Русский Архив» 1882, кн. II, стр. 80—81). Причины отказа Пушкина от этого плана неизвестны.

⟨Заметка о Дмитрие Самозванце⟩

(стр. 208)

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 272.

Заметка связана, вероятно, с работой Пушкина над предисловием к отдельному изданию «Бориса Годунова».

⟨В древние времена...⟩

(стр. 208 — 209)

Печатается по беловому автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано в сб. «Неизданный Пушкин», П. 1922, стр. 213; точнее Д. П. Якубовичем в Полном собр. соч. Пушкина 1933, т. V, кн. 2, стр. 664. Условно датируется 1832—1833 г. по связи с предыдущими заметками, но, возможно, относится к плану повести «Сын казненного стрельца» (1834—1835).

⟨Москва была освобождена...⟩

(стр. 209 — 211)

Печатается по беловому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2373, лл. 16—17). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VIII, стр. 323—324. Условно — по месту в рукописи — датируется 1832 — 1833 гг. См. «Заметку о приказах».

⟨Заметка о «Моцарте и Сальери»⟩

(стр. 211)

Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова), писанному на обороте записки Н. М. Смирнова к Пушкину от середины 1832 года. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 288.

Заметка предназначалась, вероятно, для использования при переиздании «Моцарта и Сальери».

211. «В первое представление Дон Жуана». — «Дон Жуан» впервые был поставлен в Праге, 29 октября 1787 года. Пушкин имел, вероятно, в виду не этот спектакль, на котором Сальери не мог присутствовать, а премьеру «Дон Жуана» в Вене в 1788 году.

— «Сальери умер лет 8 тому назад». — Сальери, Антонио (1750—1825). Последние его годы были омрачены тяжелым психическим недугом. В числе бредовых его фантазий был и рассказ о том, что он якобы отравил Моцарта. Слухи о «признаниях» Сальери проникли в печать еще в 1824 году и были использованы Пушкиным для «драматических сцен», самый замысел которых датируется 1826 годом. (Время написания — 1830 г.)

⟨О новейших романах⟩

(стр. 211)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2372, л. 60). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VIII, стр. 318. Судя по времени составления этого плана, статья «О новейших романах» предназначалась Пушкиным для его несостоявшейся газеты «Дневник». К этой статье относится набросок «Всемирно известно, что французы народ самый антипоэтический» (см. стр. 212).

211. «*Barnave*», «*Confession*», «*Femme guillotinée*» — романы Жюль Жанена, вышедшие в свет между 1829 и 1831 годами.

— *Муравьев* — Пушкин имеет, вероятно, в виду «Путешествие ко св. местам» А. Н. Муравьева, о котором см. стр. 710.

211. *Полевой — романист.* — В 1832 году вышла известная историческая повесть Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем».

— *Свиньин.* — В 1832 году вышел в свет исторический роман П. П. Свиньина «Шемякин суд».

**(Все́м известно, что французы народ самый
антипоэтический...)**

(стр. 212 — 213)

Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 237 — 238; точнее — Б. В. Томашевским в Полном собр. соч. Пушкина 1934, т. V, кн. 2, стр. 581. Набросок предназначался для статьи «О новейших романах» в несостоявшейся газете Пушкина (см. раздел плана этой статьи на стр. 211, посвященный «Поэзии французской»). С еще большей резкостью Пушкин писал о своем замысле М. П. Погодину в сентябре 1832 года: «Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Ламартин скучнее Юнга и не имеет его глубины, Беранже не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, т. е. истины, что романы А. Виньи хуже романов Загоскина, что их журналы невежды; что их критики почти не лучше наших Телескопских и (Теле)графских. Я в душе уверен, что XIX век, в сравнении с XVIII, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией». Ср. столь же резкую характеристику современной французской поэзии в статье о Вольтере (1836).

212. *«Лучшие писатели их доказали... сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно».* — В зачеркнутом далее абзаце статьи Пушкин конкретизировал свое утверждение: «Монтань, путешествовавший по Италии, не упоминает ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэле. Монтескье смеется над Гомером, Вольтер, кроме Расина и Горация, ка-

жется, не понял ни одного поэта; Лагарп ставит Шекспира на одной доске с...»

212. *«Прелестные шалости Колле»*. — Колле, Шарль (1709 — 1783) — французский поэт, автор фривольных сатирических песенок и комедий.

— *«Не знаю, признались ли, наконец, они в том же и вялом однообразии своего Ламартина...»* — Сочувственно отозвавшись о первых сборниках Ламартина (см. выше, стр. 34), Пушкин резко меняет свое отношение к нему примерно с 1825 года, иронизируя над тем, что «под романтизмом у нас разумеют Ламартина», и резко отрицательно характеризуя его в заметке об Альфреде Мюссе (1830).

— *«Cinq-Mars, посредственный роман графа де Вильи...»* — См. резкую характеристику этого же романа в набросках предсмертной статьи Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» (1837).

213. *«В Литературной Газете упомянули о них с похвалою...»* — Пушкин имеет в виду свою статью о стихотворениях Делорма (Сент-Бева) (см. т. VIII, стр. 82).

— *«Victor Hugo, поэт и человек с истинным дарованием...»* — В заметках 1830 года Пушкин отметил «блестящие, хотя и натянутые Восточные стихотворения» (Les Orientales) Гюго. В письме к Е. М. Хитрово от середины мая 1830 г. он же отмечал, что «Hugo et Sainte-Beuve sont sans contredit les seuls poètes français de l'époque, surtout Sainte-Beuve». Отрицательная характеристика «Кромвеля» Гюго (которого Пушкин все же признает поэтом, «хотя и второстепенным») дана в набросках статьи «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая».

⟨О «Путешествии ко св. местам» А. Н. Муравьева⟩

(стр. 213 — 215)

Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2373, лл. 22 — 23). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VIII, стр. 326 — 327, точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 358.

213. *Муравьев*, Андрей Николаевич (1806 — 1874) — поэт и реакционно-клерикальный публицист, о первых стихотворных опытах которого Пушкин благосклонно отзывался в наброске рецензии на альманах «Северная Лира» (см. стр. 57). Против него же направлена эпиграмма Пушкина «Лук звенит, стрела трепещет».

Книга А. Н. Муравьева «Путешествие ко святым местам в 1830 г.» вышла в свет в 1832 году (дата цензурного ее разрешения — 2 февраля 1832 г.). Рецензию на нее Пушкин предназначал, очевидно, для своей газеты «Дневник». Об этой же книге Пушкин сочувственно упомянул в предисловии к «Путешествию в Арзрум» (1836); «Из поэтов, бывших в Турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление».

214. «Здесь..., говорит другой русский путешественник...» — Пушкин имеет в виду, как мы полагаем, цитату из статьи «Русские поклонники в Иерусалиме (Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г.)»: «Здесь, у подошвы Сиона, всяк христианин, всяк верующий, кто только сохранил жар в сердце и любовь к великому» («Северные Цветы на 1826 г.», стр. 225 — 226).

— «Он не старается, как Шатобриан...» — Пушкин имеет в виду «Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris» (1811).

— «Страшный преобразователь Египта» — Мегмет-Али (1769 — 1849), египетский диктатор с 1805 года.

(План издания русских песен и статьи о них)

(стр. 215)

Печатается по автографу ПД (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано с многочисленными ошибками в чтении, обесмыслившими текст, и с объяснением всей записи как якобы «Плана статьи о русской литературе с очерком

французской» в сб. «Неизданный Пушкин», П. 1922, стр. 183 и в Акад. изд. соч. Пушкина 1929, т. IX, ч. II, стр. 617; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 357.

Запись эта, сохранившаяся на листе, занятом черновыми набросками «Путешествия Онегина» (1830) и перечнем произведений, предназначавшихся для включения в третью часть «Стихотворений Александра Пушкина» (цензурная дата — 20 января 1832 г.), приурочивается нами к концу 1831 года.

«Пушкин говорит, — писал Н. М. Языков 16 декабря 1831 года брату, — что он сличил все донные напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, заневедь они издавались без всякого толку» («Исторический Вестник» 1883, кн. XII, стр. 533 — 534). Ср. письмо С. А. Соболевского от 15 декабря 1831 года к С. П. Шевыреву о затеянном им, совместно с Пушкиным, еще в 1828 году «Собрании русских песен» («Русский Архив» 1909, кн. 7, стр. 502), а также свидетельство П. В. Киреевского в письме от 12 октября 1832 года к Н. М. Языкову: «Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он... намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много» («Исторический Вестник» 1883, кн. XII, стр. 535). О передаче в конце 1833 года собранных Пушкиным материалов П. В. Киреевскому (через С. А. Соболевского) см. «Рукою Пушкина», М. 1935, стр. 435 — 436.

(Заметка к «Графу Нулину»)

(стр. 215 — 216)

Печатается по автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 167, полностью П. О. Морозовым в Акад. изд. соч. Пушкина 1916, т. IV, примечания, стр. 231.

Имя *Публиколы*, друга Брута, одного из основателей римской республики, в заметке Пушкина проставлено оши-

бочно вм. имени *Коллатина*, мужа Лукреции, упоминаемого и Титом Ливием в римской легенде об изгнании царей, и в поэме Шекспира «Лукреция».

216. «*Происшествие в Новоржевском уезде*» — вероятно, случай с А. Н. Вульфом, приятелем Пушкина, приволокнувшимся за молодой поповной в имени своего дяди.

⟨Заметки о приказах⟩

(стр. 216 — 217)

Печатается по беловому автографу *ЛБ* (тетрадь № 2373, л. 43 об.). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1844, кн. VIII, стр. 330. Условно — по месту в рукописи — датируется 1833 годом.

Заметки о Дельвиго

(стр. 217 — 221)

1. «Дельвиго». Печатается по автографу *ПД* (бумага с вод. зн. «1833»). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 57 — 60; пропущенные места и искажения указаны Б. Л. Модзалевским в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.», П. 1922, стр. 8 — 9.

Заметки предназначались, вероятно, для той биографии Дельвиго, которую Пушкин задумал написать вместе с Баратынским и Плетневым еще в 1831 году.

Под впечатлением известия о смерти Дельвиго Пушкин писал 21 января 1831 года П. А. Плетневу: «Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе Дельвиго. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели». 31 января он же в письме к Плетневу сообщал: «Баратынский собирается написать жизнь Дельвиго. — Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной спра-

ведливости. С ним читал я Державина и Жуковского, с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. — Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами». В середине февраля 1831 года Пушкин, откликаясь на статью Плетнева о Дельвиге в «Литературной Газете», писал ему: «Твоя статья прекрасна... Но надобно подробностей, — изложения его мнений, анекдотов, разбора его стихов etc.». Несмотря на то, что надежды на коллективную биографию Дельвига не оправдались, Пушкин в 1833 — 1834 г. приступил к записи своих воспоминаний о нем. См. также запись анекдотов о Дельвиге (стр. 405).

219. *Гельти*, Людвиг (1748 — 1776) — немецкий поэт геттингенской национально-романтической школы, автор баллад, идиллий и элегий, в которых характерно приближение к формам народного певучего стиха.

— «*Живой лексикон и вдохновенный комментарий*» — В. К. Кюхельбекер.

220. «*Стихи одного из его товарищей, стихи посредственные...*» — стихи А. Д. Илличевского, лучшие из которых впоследствии были объединены в сб. «Опыты в Антологическом роде» (1827).

2. «Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву». Печатается по автографу ПД (вод. зн. «1834»). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 279 — 280.

«Путешествие из Москвы в Петербург»

(стр. 221 — 266)

Печатается по белой рукописи ЛБ (тетрадь № 2385 Б и № 2386 Б). Сохранились черновики статьи (ЛБ, № 2384,

№ 2377 А и ПД, собрание А. Ф. Онегина), а также писарская копия, правленная Пушкиным (ЛБ, тетрадь № 2385 В).

Впервые напечатаны были отрывки из «Путешествия» в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 5—54, без заглавия, а затем в Собр. соч. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова 1855, т. VI, стр. 75—95, под заглавием, придуманным самим редактором: «Мысли на дороге». Это заглавие, явно цензурного происхождения, сохранялось и во всех последующих изданиях. Заглавие «Путешествие из Москвы в Петербург», более соответствующее замыслу и содержанию произведения, дано впервые в Полном собр. соч. Пушкина, изд. ГИХЛ, 1933.

Статья начата Пушкиным в декабре 1833 года и оставлена в недоконченном виде в апреле 1834. Глава «Москва» писалась позже — в январе 1835 года.

«Путешествие», по замыслу Пушкина, должно было явиться своеобразным ответом на знаменитую книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1789), представляющую собой резкий обвинительный акт против самодержавия и крепостного права. Главы книги Радищева названы именами почтовых станций от Петербурга до Москвы; встречи на станциях, впечатления от природы и людей являются поводом для тирад и рассуждений на политические, социальные и литературные темы. У Пушкина рассказчик путешествует в обратном направлении — из Москвы в Петербург, читая книгу Радищева от конца к началу и как бы проверяя его впечатления своими.

Интерес Пушкина к Радищеву и его запрещенной книге начался еще в лицее и продолжался на протяжении всей жизни: «Бова» (1815) написан в подражание «Бове» Радищева, «Вольность» (1817) в подражание «Вольности» Радищева. В позднейших стихах и письмах Пушкина не раз упоминается с сочувствием имя Радищева. В 1824 году он упрекал А. А. Бестужева (Марлинского), автора «Взгляда на старую и новую словесность в России» («Полярная Звезда на 1823 год»), за то, что тот пропустил в своем обзоре имя Радищева. Предприняв в 1834 году свой обзор русской ли-

тературы («О ничтожестве литературы русской»), Пушкин в план его вводит имя Радищева в сопоставлении с именами Фонвизина и Екатерины II. Наконец, в «Памятнике» (1836) Пушкин называет Радищева как своего предшественника в «гражданской» поэзии («...Что вслед Радищеву восславил я свободу» — вариант белой рукописи «Памятника»).

В литературе существуют две противоположные точки зрения по вопросу о замысле и характере пушкинского «Путешествия». Одни исследователи считают, что основной целью Пушкина было привлечь внимание читателей к Радищеву и под видом полемики с его взглядами пропагандировать эти взгляды (В. Е. Якушкин, «О Пушкине», СПб 1903). Другие видят в возражениях Пушкина Радищеву подлинное выражение его убеждений и целью статьи считают опровержение радищевских взглядов (П. Н. Сакулин, «Пушкин. Историко-литературные эскизы», М. 1920). В действительности дело обстояло, повидимому, сложнее. Нет сомнения, что, давая такие обильные цитаты из «Путешествия из Петербурга в Москву», сопровождаемые иной раз лишь самыми краткими замечаниями или заявлениями своего согласия с Радищевым, Пушкин действительно имел целью обойти цензурный запрет и познакомить читателей хотя бы в отрывках с запрещенной книгой Радищева. Но это не было пропагандой взглядов Радищева. Политические, социальные и литературные убеждения Пушкина в 30-х годах, поскольку они нам известны из других источников, сильно расходятся с взглядами Радищева и по общему направлению совпадают с его высказываниями в комментируемой статье.

При переписке набело своего черновика, написанного в 1834 году, Пушкин в ряде мест сократил и несколько смягчил в цензурном отношении свою статью; этот черновик представляет собой поэтому большой интерес как более свободное выражение мыслей Пушкина. Ниже мы приводим из него дополнения и наиболее интересные варианты.

«Путешествие» Пушкина представляет собой замечания на одиннадцать последних глав «Путешествия из Петербурга в Москву» (точнее, на десять, так как одна из глав Радищева—

«Завидово»—была пропущена Пушкиным). В черновой рукописи главы статьи носили, как у Радищева, заглавия по именам станций, по которым проезжал путешественник (см. ниже).

В черновике первой главы заглавие отсутствует. В белой рукописи названию «Шоссе» предшествовало зачеркнутое название «Дорожный товарищ».

Вторая глава—«Москва»—отсутствует в черновой рукописи 1834 года, она была написана позже—в 1835 году. Приведем дополнения из черновиков ее:

(1)

«Обеднение Москвы есть доказательство обеднения русского дворянства, происшедшего от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою—так что правнук богача делается бедняком потому только, что дед его имел четверо сыновей, отец его—столько же... Он уже не может жить этим огромным домом, который не в состоянии он освещать, даже отапливать.

Он продает его в казну или отдает за бесценок старым заимодавцам—и едет в свою деревушку, заложенную и перезаложенную, где живет в скуке и в нужде, мало заботясь о судьбе детей, которых на досуге рождает ему жена и которые будут совершенно нищими. [Состояние же крестьян не улучшается—и крепостной мелкопоместного владельца терпит более притеснений и несет более повинностей, нежели крестьянин богатого барина.]

Но, говорят некоторые, раздробление имений способствует к освобождению крестьян: помещики, не получая достаточных доходов, принуждены заложить своих крестьян в Опекунский совет и, разорив их, приходят в невозможность платить проценты; имение тогда поступает в ведомство правительства, которое может их обратить в вольные хлебопашцы или в экономические крестьяне. Расчет ошибочный! Помещик, пришедший в крайность, спешает продать своих крестьян, на что всегда найдет охотников, а долг дворянский связывает руки правительству и не допускает его освободить

крестьян, ибо в таком случае дворянство справедливо почтет свой долг угашенным уничтожением залога.

(2)

[Екатерина ласкала Москву, прислушиваясь к ее мнению, не мешала ни ее весельям, ни свободе ее толков, и во все время своего долгого царствования только два раза удостоила Москву своим присутствием.]

Покойный император Александр после своего венчания на царство был в Москве три раза.

В 1810 году в первый раз увидел я государя. Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой. Народ, наполнявший все улицы, по которым должен он был проезжать, ожидал его нетерпеливо. Наконец показалась толпа генералов, едущих верхами. Государь был между ими. Подъехав к церкви, он один перекрестился—и по сему знаку народ узнал своего государя.

Через два года, перед началом войны, государь опять явился в древней столице, требуя содействия от своего дворянства, которое славно отвечало ему устами графа Мамонова. В 1818 приехал он в Москву, восставшую и обновленную; во время присутствия державного семейства пушечная пальба возвестила Москве рождение великого князя Александра Николаевича.

Ныне царствующий император чаще других государей удостаивает Москву своим посещением, и старая столица каждый (раз) оживляется и молодеет с приездом своего государя. Неожиданный его приезд в 1830 году, во время появления холеры, принадлежит истории.

В Англии правительство только тогда и показывается народу, когда приходит оно стучаться под окнами, собирая подать. Во Франции—когда выводит оно свои пушки против площадного мятежа.

(3)

Ныне нет в Москве мнения народного: ныне бедствие или слава отечества не отзывается в ее сердце. Грустно

было слышать толки московского общества во время последнего польского возмущения. Гадко было видеть бездушного читателя французских газет, улыбающегося при вести о наших неудачах».

Обещанного в конце главы сравнения Москвы с Петербургом не нашлось в рукописях Пушкина. Возможно, что Пушкин думал вставить в эту главу статью Гоголя «Москва и Петербург».

В третьей главе — «Ломоносов» — в окончательный текст не вошли из черновика следующие места:

(1)

«Его влияние было вредное, и до сих пор отзывается в тощей нашей литературе. Изысканность, высокопарность, отвращение от простоты и точности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать: да лобжет мя лобзаниями, вместо целуй меня etc.? Конечно, и Ломоносов того не думал и предлагал изучение славянского языка как необходимое средство к основательному знанию языка русского. [Знаю, что Рассуждение о старом и новом слоге¹ так же походит на Слово о пользе книг церковных в российском языке², как псалом Шатрова на Размышление о величестве божьем, но тем не менее должно укорить Ломоносова в заблуждениях бездарных его последователей.]

¹ (А. С. Шишкова.)

² (Ломоносова.)

(2)

Радищев говорит, что Ломоносов ни в какой отрасли наук не проложил новых следов¹—и тут же сравнивает его—с лордом Беконом!² Таковое странное понятие имел 18 век о величайшем уме новейших времен, о человеке, произведшем в науках сильнейший переворот и давшем им то направление, по которому текут они ныне.

Если Ломоносова можно назвать русским Беконом, то это разве в таком же смысле, как Хераскова называли русским Гомером; к чему эти прозвища? Ломоносов есть русский Ломоносов—этого с него, право, довольно.

(3)

Во Франции ее блестящая литература века Людовика XIV была в передней. Анекдот о Бенсераде дает понятие о тогдашних нравах³; и заметьте, что Бель приводит эту черту безо всякого замечания, как дело весьма обыкновенное! Ныне во Франции нравы уже не те, но сословие писателей потому только не ползает перед министрами, что публика в состоянии дать больше денег. Зато как бесстыдно пол-

¹ («Он скитался путями проложенными, и в неисчисленном богатстве природы не нашел он ни малейшия былинки, которой бы не зрели лучшие его очи, не соглядал он ниже грубейшия пружины в вещественности, которую не обнаружили его предшественники».)

² («Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бекон Веруламский недостоин разве напоминовения, что мог токмо сказать, как можно размножить науки?»).

³ («Однажды кардинал Мазарини, будучи у короля, рассказывал, как он жил при папском дворе, где он провел свою молодость. Он говорил, что он любил науки, но что главным его занятием была литература—и особенно поэзия,

зают они перед господствующими модами! Какой талант ныне во Франции не запятнал себя грязью и кровью в угоду толпы, требующей грязи и крови? Можно ли J. Janin сравнить с Краббом?

⟨ 4 ⟩

Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас

в которой он достиг довольно хорошего успеха, и что он при папском дворе был то же, что Бенсерад при французском. Спустя некоторое время кардинал вышел и отправился в свои покои. Через час пришел Бенсерад (известный писатель того времени); его друзья стали ему рассказывать, что говорил кардинал. Едва они кончили, как Бенсерад, охваченный радостью, внезапно оставил их, ничего им не сказав. Он прибежал в покои кардинала и стал стучаться изо всей силы, добиваясь, чтобы его приняли. Кардинал только что лег. Бенсерад так усиленно настаивал и поднял такой шум, что пришлось его впустить. Вбежав, он бросился на колени перед изголовьем кровати его высокопреосвященства и после тысячи извинений за свою наглость, сказал ему о том, что он сейчас узнал, и с необыкновенным жаром благодарил за честь, которую ему оказал кардинал, сравнив его с собой в отношении поэтической репутации. Он прибавил, что он так был польщен, что не мог сдержать радости и что он умер бы у его дверей, если бы ему помешали войти и изъявить свою признательность. Эта горячность очень понравилась кардиналу. Он уверил его в своем благоволении и обещал, что оно не будет для него бесполезным: и действительно, спустя шесть дней, он назначил ему небольшой пенсион в две тысячи франков. Через некоторое время он стал получать другую значительную сумму с аббатства и он стал бы епископом, если бы захотел посвятить себя церкви» («Исторический и критический словарь» П. Бейля.)

существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели-дворяне (или те, которые почитают себя *à tort ou à raison*¹ членами высшего общества) постепенно начинают от них удаляться, под предлогом какого-то неприличия. Странно, что в то время, когда во всей Европе готический предрассудок против науки и словесности, будто бы несовместимых с благородством и знатностью, почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодovitых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что она дело не дворянское. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых новичков отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех выслужившихся проходимцев может быть достаточным предлогом для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов?

(5)

Все журналы в [припадке] благородного бешенства встали против стихотворца, который (о, верх унижения!) в ответ на приглашение князя** [извинялся в стихах], что не может к нему приехать, и обещался к нему приехать на дачу! Сие несчастное послание было предметом всенародного проклятия, и с той поры, говорит один журналист, слава*** (Пушкина) упала совершенно».

В последнем отрывке Пушкин говорит о своем послании «К вельможе», адресованном к князю Б. Н. Юсупову.

Четвертая глава — «Браки» — в черновике носит заглавие «Черная грязь» (первая станция от Москвы). Вариант черновика: после слов о новом законе, регулирующем возраст вступающих в брак, — «это уже шаг к улучшению» было добавлено: «но и предлог к притеснению».

¹ (Справедливо или нет.)

Пятая глава — «Русская изба» — в черновике носит название «Подсолнечная» (у Радищева соответствующая глава названа «Пешки», по имени «станции, ныне уничтоженной». В черновике вторая часть статьи имеет совершенно иной вид:

«Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника... Всё это, конечно, переменялось [и я полагаю, что французский земледелец ныне счастливее русского крестьянина].

Однако строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе русского крестьянина.

К тому ж подушное, боярщина, оброк,
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?¹

Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36; я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин: Английский крестьянин.

Я: Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба.

Он: Что такое свобода?

Я: Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он: Следственно, свободы нет нигде, — ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я: Так, но разница покоряться предписанным нами самими законам, или повиноваться чужой воле.

Он: Ваша правда. [Но разве народ английский участвует в законодательстве? Разве власть не в руках малого числа? Разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?]

Я: В чем вы полагаете народное благополучие?

Он: В умеренности и соразмерности податей.

Я: Как?

¹ (Из басни Крылова «Крестьянин и смерть».)

Он: Вообще повинности в России не очень тягостны для народа. Подушная платится миром. Оброк не разорителен (кроме в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности умножает корыстолюбие владельцев). Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст выработать себе деньгу. И это вы называете рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простору действовать.

Я: Но злоупотребления...

Он: Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников — волоса встанут дыбом. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет об сукнах г-на Шмидта или об иголках г-на Томпсона. В России нет ничего подобного.

Я: Вы не читали наших уголовных дел.

Он: Уголовные дела везде ужасны: я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотреблениях, не о преступлениях. Кажется, нет в мире несчастнее английского работника — что хуже его жребия? Но посмотрите, что делается у нас при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять или десять народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию...

Я: Живали вы в наших деревнях?

Он: Я видел их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я: Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он: Его опрятность, смышленность и свобода.

Я: Как это?

Он: Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет

себе руки. О его смысленности говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия: никогда не встречал я между ими то, что соседи наши называют *un badaud*, никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я: Справедливо; но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он: Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения? есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?

Я: Не удалось.

Он: Так вы не видали оттенков подлости, отличающих у нас один класс от другого. Вы не видали раболепного *main-tien*¹ Нижней палаты перед Верхней, джентльменства перед аристократией, купечества перед джентльменством, бедности перед богатством, повиновения перед властью... А нравы наши, а *conversation criminal*², а продажные голоса, а уловки министерства, а тиранство наше в Индии, а отношения наши со всеми другими народами?..

Англичанин мой разгорячился и совсем отдалился от предмета нашего разговора. Я перестал следовать за его мыслями — и мы приехали в Клин».

Шестая глава — «Слепой» — в черновике носит название «Клин».

250. *Вертер* — герой романа Гете «Страдания молодого Вертера».

— *П. В. Киреевский* (1808 — 1856) — собиратель памятников народной поэзии. Пушкин передал ему тетрадь народных песен, которые он сам собрал в Псковской губернии.

¹ (Поведения.)

² (Бракоразводные процессы.)

Седьмая глава — «Рекрутство» — в черновике не имеет заглавия (у Радищева соответствующая глава носит заглавие «Городня»). В черновике после фразы «Но может ли государство обойтись без постоянного войска?» следовало: «По крайней мере представляет выгоды правительству, следственно и народу».

253. *Пресс* — существовавшая в конце XVIII и первой половине XIX века в Англии система насильственной вербовки матросов. *Landwehr* (ландвер), — прусская система устройства войска, по которой, кроме постоянной армии, все способное носить оружие мужское население страны зачисляется в резерв, ополчение (ландвер и ландштурм) на случай серьезной опасности для государства. *Конскрипция* — аналогичная система во Франции.

— «Чудовище, склоняясь на колыбель детей...» и т. д. — стихи из стихотворения Жуковского «Императору Александру».

255. *Простодум* — действующее лицо комедии Я. Б. Княжнина «Хвастун».

Главы восьмая и девятая отсутствуют в черновиках. Последняя фраза девятой главы («Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях, с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...») имеет в виду, по всей вероятности, следующее место из соответствующей главы книги Радищева («Медное»):

Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания, и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг. — Что тебе сделалось? ты плачешь! Возвратись! сказал я ему; не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварский в продаже черных невольников, в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, повторил я, не будь свидетелем нашего затмения, и да невозвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседуя с ними о наших нравах. — Не могу сему я верить, сказал мне мой друг; невозможно, чтобы

там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение. — Не дивись, сказал я ему, установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

258. А. Х. Востоков (1784 — 1864), упоминаемый в конце восьмой главы, — ученый филолог, поэт и стиховед, автор книги «Опыт о русском стихосложении».

Десятая глава — «О цензуре» — в черновике не имеет заглавия. Глава эта написана была, повидимому, в два приема: вторая часть ее, направленная против злоупотреблений цензуры, написана несколько месяцев спустя после первой части — в 1835 году. Возможно, что этим объясняется и отсутствие этого текста в беловике. Мы даем ее в основном тексте по черновику. Приведем некоторые варианты.

Начало главы: «Статья под заглавием «Торжок» весьма замечательна: в ней дело идет о свободе книгопечатания. Любопытно видеть о сем предмете мнение того человека, который вполне разрешил сам себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит из всех пределов.

Приступая к рассмотрению сей статьи, долгом почитаю сказать, что я убежден в необходимости цензуры в образованном, нравственном и христианском обществе, под какими бы законами и правлением оно бы ни находилось.

Что и составляет величие человека, ежели не *мысль*. Да будет же *мысль свободна*» (см. стр. 260).

После слов «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу разрушительного действия типографского снаряда»:

«Взгляните на нынешнюю Францию: Людовик Филипп, воцарившийся милостию свободного книгопечатания, принужден уже обуздывать сию свободу, несмотря на отчаянные крики оппозиции».

259. «Один из французских публицистов», с которым полемизирует Пушкин в первой части главы, — Бенжамен Констан (1767 — 1830), в сочинении которого «Рассуждение о конституциях и их гарантиях» находится упоминаемое Пушкиным место.

Одиннадцатая глава — «Этикет» — в черновике носит заглавие «Выдропуск».

Двенадцатая глава имеет два заглавия, и оба зачеркнутые: «Шлюзы» и «Вышний Волочек».

Отказавшись от мысли отдать в цензуру написанные и уже приготовленные в писарской копии главы своего «Путешествия», Пушкин в том же 1835 году, когда заканчивался текст «Путешествия», написал новую статью о Радищеве — «Александр Радищев», приведя в ней из книги Радищева всего одну цитату (самую безобидную в политическом отношении главу — «Клин») и наполнив свою статью резкими возражениями, осуждающими эпитетами по адресу книги Радищева и ее идей. Но и в таком виде цензура не пропустила статьи (см. примечания к статье «Александр Радищев»).

О ничтожестве литературы русской

(стр. 266 — 279)

Печатается по нескольким рукописям: 1) беловик с самыми исправлениями, находящийся в ПД; 2) черновик статьи в тетради ЛБ, № 2384; 3) заглавие и первый абзац статьи на отдельном листке (ЛБ).

Впервые в отрывках напечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII. Начиная с издания 1887 года (под редакцией П. О. Морозова), статья печаталась под придуманным редактором заглавием «О русской литературе с очерком французской» и с произвольной композицией от-

дельных частей ее в разных источниках. Впервые напечатана согласно рукописи в статье С. Бонди «Историко-литературные опыты Пушкина» («Литературное Наследство» 1934, № 16—18).

Статья писалась Пушкиным в 1834 году, одновременно с «Путешествием из Москвы в Петербург» и в той же тетради, вследствие чего в некоторых изданиях она печаталась как составная часть «Путешествия». С начала 1830-х годов Пушкин не раз принимался набрасывать свои замечания по истории русской литературы и наконец в 1834 году начал писать большую статью, под заглавием «О ничтожестве литературы русской». В рукописях сохранилось два плана ее. Первый (находящийся ныне в ЛБ) опубликован М. А. Цявловским в «Трудах Публичной библиотеки СССР им. Ленина», М. 1934, стр. 19—21.

(1)

«1. Быстрый отчет о французской словесности в 17 столетии.

2. 18 столетие [Вольтер].

3.—Начало русской словесности—Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация, умирает 28 лет—Ломоносов, плененный Гармонией Рифма (т. е. ритма), пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости etc.—и обращается к точным наукам—*dégouté*¹ славой Сумарокова—Сумароков—В сие время Тредьяковский—один понимающий свое дело—Между тем 18-е столетие *allait son train*². Вольтер и великаны не имеют ни одного последователя в России; но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов—Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, Мадам де Жанлис—овладевают русской словесностью. *Sterne* нам чужд—за исключением Карамзина.

4. Екатерина, ученица 18-го столетия. Она одна дает толчок своему веку. Ее угождения философам. Наказ. Словес-

¹ (Отвращенный.)

² (Шло своим путем.)

ность отказывается за нею следовать, точно так же, как народ (члены комиссии, депутаты). Державин, Богданович, Дмитриев, Карамзин (Радищев)¹.

Век Александров². Карамзин удаляется, дабы писать свою историю. Дмитриев — министр. Ничтожество общее³. Между тем французская обмелевшая литература envahit tout⁴. Парни и влияние сластолюбивой поэзии на Батюшкова, Вяземского, Давыдова, Пушкина и Баратынского.

Жуковский и двенадцатый год; влияние немецкое пре-возмогает.— Нынешнее влияние критики французской и юной словесности. Исключения».

Другой, более короткий план, сохранившийся в тетради ЛБ, № 2384 (впервые опубликован В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 523), касается только русской литературы.

(2)

«Кантемир. Ломоносов. Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым. (Влияние) Тредьяковского (уничтожается) его бездарностью. Постоянное бореие Тредьяковского. Он побежден. Сумароков.

Екатерина. (Вольтер) Фонвизин. Державин».

Работая над этой статьей, Пушкин для раздела о французской литературе использовал свою старую ненапечатанную статью «О поэзии классической и романтической» (1825), заимствуя оттуда целые абзацы (ср. стр. 41). Закончив в черновике статьи экскурс о французской литературе XVII—XVIII в. и дойдя до русской литературы XVIII века, Пушкин бросил писать дальше и переписал начало статьи, попутно сильно перерабатывая его. Эта часть статьи (до слов о Корнеле — единственном «представителе

¹ (На полях приписано: «Екатерина, Фонвизин и Радищев».)

² (Зачеркнуто: «влияние французской литературы».)

³ (Зачеркнуто: «Восстает Жуковский».)

⁴ (Заполняет все.)

романтической трагедии, которую так славно вывел он на французскую сцену» (см. стр. 273), печатается нами по беловику, подвергнутому исправлениям. Остальная часть, не переписанная Пушкиным набело, печатается по его черновику. В том же черновике остался еще кусок текста, относящийся, видимо, к той же статье, но не примыкающий непосредственно к существующему тексту ее. Приводим его здесь.

«Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней (и дальше гостиной не доходила). Это слово было повторено во французских журналах и замечено, как жалкое мнение (*opinion déplorable*). Это не мнение, но истина историческая, правильно выраженная: Марот был камердинером Франциска I-го (*valet de chambre*). Мольер— камердинером Людовика XIV... Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостиной, но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах говорить нечего. Они конечно на площади, с чем их и поздравляем.

Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию принаравливаться к господствующему вкусу и мнениям публики. Замечательно, что (все) известные французские поэты были из Парижа. Вольтер, изгнанный из столицы тайным указом Людовика XV, полусутоливым, полуважным тоном советует писателям оставаться в Париже, если дорожат они покровительством Аполлона и бога вкуса.

Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы. Расин перестал писать, увидя неуспех своей Гофоллии. Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы составить публику), легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они, дабы взойти (в) доверенность, обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостию и

странностями, но с одной целью: выманить себе [репутацию] или деньги. В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!»

Невысокое мнение о русской литературе Пушкин высказывал не раз и в своих письмах и в набросках статей, совпадая в этом с А. Бестужевым (Марлинским). Вообще в статье Пушкина чувствуются следы влияния обзоров русской литературы, печатавшихся А. Бестужевым в «Полярной Звезде» 1823—1825 гг.

Можно предположить, что статья Пушкина осталась недописанной вследствие того, что в том же 1834 году, когда писал ее Пушкин, в «Молве» стали печататься «Литературные мечтания» Белинского, написанные им по сходному плану и выставляющие то же главное положение — о «ничтожестве» русской литературы.

270. *Татищев*, Василий Никитич (1686 — 1750) — историк и государственный деятель. См. о нем т. VIII.

— «Сын молдавского господаря» — Кантемир, Антиох Дмитриевич (1708 — 1744), поэт-сатирик и дипломат.

271. «Тройственная поэма» — поэма Данте (1255 — 1321) «Божественная Комедия», состоящая из трех частей: «Ад», «Чистилище» и «Рай».

272. П е р е в о д :

Наконец пришел Малерб и первый во Франции
Дал почувствовать в стихах точную гармонию,
Показал силу слова, помещенного на должном месте,
И подчинил музу правилам долга.
Исправленный этим мудрым писателем, язык
Перестал являть разборчивому уху что-либо грубое —
Строфы научились литься с изяществом,
И один стих не дерзал более вторгаться в другой.

276. *Книга «сладкоречивого епископа»* — авантюрно-педагогический роман Фенелона «Приключения Телемака».

277. «Эпопея» *Вольтера* — поэма «Генриада» (1783); *циническая поэма* — «Орлеанская дева» (1755).

〈О Байроне〉
(стр. 279 — 287)

Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2386 Б, лл. 1, 3—7, 32—36). Впервые опубликовано в Посмертном изд. собр. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 81—88; точнее — в Полн. собр. соч. Пушкина 1933, т. V, кн. 2, стр. 630—636 (редакция Т. Г. Зенгер). На л. 1 сохранился набросок заголовка статьи (или эпиграф к ней?), представляющий собою перифразу стиха из «Горя от ума»: «О Байроне и о предметах важных. 1835. Черная Речка, дача Миллера, 25 июля».

В основу статьи Пушкина положены материалы французского издания «*Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore*», Paris 1830.

П е р е в о д :

В последнее время я много думал о Мэри Дёфф. Как это странно, что я был так безгранично предан и так глубоко привязан к этой девушке, в возрасте, когда я не мог не только испытывать страсть, но даже понять значение этого слова. И однако же это была страсть! Моя мать имела обыкновение смеяться над этой детской любовью; и много лет спустя, — когда мне было примерно лет шестнадцать, — она мне сказала однажды: «Ах, Байрон, я получила письмо из Эдинбурга, от мисс Аберкромби; ваша бывшая любовь, Мэри Дёфф, вышла замуж за господина С.» И что же я ей ответил? Я не могу постичь и объяснить то чувство, которое мною овладело в это мгновение. Со мною почти сделались судороги; моя мать была так этим встревожена, что потом, когда я оправился, она упорно избегала заговаривать со мной на эту тему, довольствуясь беседой об этом со своими приятельницами. И сейчас я спрашиваю себя, что бы это значило? Я не виделся с нею больше с тех пор, когда, вследствие проступка ее матери в Абердине, она поселилась у своей бабушки в Банфе; мы оба были тогда детьми. Я пятьдесят раз с тех пор влюблялся; и тем не менее я помню всё то, о чем мы говорили, помню наши ласки,

ее черты, мое волнение, бессонницы и то, как я мучил горничную моей матери, заставляя ее писать Мэри письма от моего имени; и она в конце концов уступала, чтобы меня успокоить. Бедняжка считала меня сумасшедшим, и так как я в ту пору еще не умел как следует писать, она была моим секретарем. Я припоминаю также наши прогулки и то блаженство, которое я испытывал, сидя около Мэри в ее детской, в доме, где она жила, около Пленстоуна, в Абердине, в то время как ее маленькая сестра играла в куклы, а мы с серьезностью, на свой лад, ухаживали друг за другом.

Но как же это чувство могло пробудиться во мне так рано? Какова была причина и источник этого? И в ту пору, и несколько лет спустя я не имел никакого понятия о различии полов. И тем не менее, мои страдания, моя любовь к этой маленькой девочке были так сильны, что на меня находит иногда сомнение: любил ли я по-настоящему когда-либо с тех пор? Как бы то ни было, известие о ее замужестве как громом меня поразило. Я чуть не задохнулся, к великому ужасу моей матери и к неверию почти всех остальных. Это необычайное явление в моей жизни (ведь мне еще не было тогда полных восьми лет) заставило меня задуматься, и разрешение его будет меня мучить до конца моих дней. С некоторого времени,— сам не знаю почему,— *воспоминание* о Мэри (*не* чувство к ней) вновь пробудилось во мне с большей силой, чем когда-либо. Я хотел бы знать, помнит ли она обо всем этом, как и вообще обо мне? И вспоминает ли, как жалела когда-то свою сестренку Эллен за то, что у той не было тоже своего поклонника? Какой очаровательный образ ее сохранился в моей душе! Ее каштановые волосы, ласковые светло-карие глаза,— всё, вплоть до ее костюма! Я был бы поистине несчастен, если бы *увидел ее теперь*. Действительность, как бы ни была она прекрасна, разрушила бы или, по меньшей мере, замутила бы черты восхитительной Пери, которою она тогда являлась и которая продолжает еще жить во мне, хотя с тех пор прошло более шестнадцати лет: ибо мне сейчас двадцать пять лет и несколько месяцев.

⟨Заметки при чтении «Нестора» Шлецера⟩

(стр. 287 — 288)

Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», СПб 1903, стр. 59, с неверной датой «1832 г.» Заметки относятся к концу 1836 года, на основании полеми-ческого упоминания о «статье» Чаадаева («Философическое письмо» в «Телескопе» 1836 года) и в силу палеографиче-ских данных.

Пушкин читал исследование Шлецера «Нестор», судя по точным ссылкам на страницы, в переводе Д. И. Языкова, СПб 1809.

⟨Замечания на «Песнь о Полку Игореве»⟩

(стр. 288 — 299)

1. Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 Г). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 478 — 487; дополнения к этой публикации см. в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 542 — 543. Датируется статья 1836 годом на основа-нии письма А. И. Тургенева к брату Николаю от 3 декабря 1836 года, в котором он сообщал, что Пушкин «хочет сделать критическое издание ⟨«Песни о полку Игореве»⟩ вроде Шле-цера Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дожидаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не умо-рить его критику, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, осо-бливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий слав. и языка русского» (П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пуш-кина», изд. 3-е, 1928, стр. 278). Об усиленном интересе Пушкина к «Слову о полку Игореве» в период 1833 — 1837 гг. свиде-тельствует и переписка Пушкина и воспоминания о нем

С. П. Шевырева, И. М. Снегирева и И. П. Сахарова. В бумагах Пушкина сохранился рукописный перевод «Слова» на современный русский язык, сделанный В. А. Жуковским и снабженный многочисленными замечаниями и поправками Пушкина (см. «Рукою Пушкина» 1935, стр. 127—149, 217—220). Следы столь же внимательного чтения сохранились и на экземпляре перевода «Слова», выпущенного А. Ф. Вельтманом в 1833 году (см. стр. 298).

289. «*Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии...*» — Подлинность текста «Слова» из современников Пушкина отвергали М. Т. Каченовский, О. И. Сенковский и И. И. Давыдов. Во время посещения Пушкиным, в сентябре 1832 года, Московского университета он в споре с Каченовским «горячо отстаивал подлинность древне-русского эпоса». (Воспоминания И. А. Гончарова).

— «*Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley...*» — Чаттертон, Томас (1752—1770)—молодой английский поэт, автор стилизованных баллад и поэм, проведенных им в печать как произведения монаха XV века. Подделка разоблачена была писателем Орасом Вальполем.

— «*Джонсон тотчас уличил Макферсона...*» — разоблачение Самюэлем Джонсоном в 1779 году подделки песен Оссиана, изданных в 1750 году шотландским ученым Джемсом Макферсоном.

294. «*Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется...*» — Пушкин имеет в виду книгу Я. О. Пожарского «Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгорода Северского, вновь переложенное, с присовокуплением примечаний», СПб 1819.

2. 298. (Заметка к «Слову о полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана). Печатается по автографу ПД, обнаруженному в библиотеке Пушкина, в книге «Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород Северского». Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом, М. 1833. Впервые опубли-

ковано (вместе с факсимиле) Б. Л. Модзалевским в книге «Библиотека Пушкина» 1910, стр. 21.

298. «Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское...» — На это выражение впервые обратил внимание Каченовский, судя по следующей цитате из его лекции: «*Хочу копие приломати... с вами.* Фраза рыцарская! *Rompre une lance avec* и также *rouir quelq'un.* Смотри словари. Странная встреча!» («Ученые записки Московского Университета» 1834, ч. V, стр. 457). Пушкин или ошибся, приписав Сенковскому мнение Каченовского, или не знал, что Сенковский заимствовал свое замечание у Каченовского.

Наброски статей для «Современника»

(стр. 299—304)

1. (Об «Истории поэзии» С. П. Шевырева). Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2382, лл. 41—42). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XI, стр. 356—357; в настоящей композиции — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 388.

Дата цензурного разрешения «Истории поэзии» — 21 декабря 1835 года. О работе Пушкина над рецензией на нее свидетельствует письмо В. Ф. Одоевского к С. П. Шевыреву, писанное, вероятно, в марте — апреле 1836 года: «Пушкин издает «Современник», в котором и я несколько участвую. Он написал разбор твоей «Истории поэзии» («Русский Архив» 1878, кн. II, стр. 55). Осенью 1836 года кн. П. А. Вяземский запрашивал Пушкина об этой же рецензии: «У тебя есть замечания на книгу Шевырева о Поэзии. Дай их мне, если не готовишь их в свой журнал. Мне хочется написать несколько писем о текущей словесности».

Заметки Пушкина об «Истории поэзии» представляют собою весьма точный конспект первой главы книги Шевырева («Чтение первое, вступительное», стр. 1—36), которому предшествуют лишь несколько строк собственных суждений рецензента о России, как «судилище Европы» («Nous sommes

les grands joueurs») и о ничтожестве нашей литературной критики. Пушкину, а не Шевыреву, принадлежит и резкая формулировка в конце предпоследнего абзаца: «Народ (der Herr Omnis) властвует...» и пр. Ср. аналогичные высказывания о принципах формальной демократии в «Джоне Теннере» (т. VIII, стр. 234).

301. «Девиз России: *Suum cuique*». — В книге Шевырева это положение сформулировано так: «И давно ли Франция, подвигнутая исполином, рожденным на огненной земле юга, хотела наложить иго своей национальности на все народы и превратить весь мир человечества в себя? Но какая страна, своими снегами и своим оружием, охладила и пресекла это стремление, и, младшая из всех, была всех великодушнее и избрала девизом: всякому свое?» («История поэзии», М. 1835, стр. 35).

2. Путешествие В. Л. П. Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2386 А, лл. 10, 11, 52). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 10—11; полнее — В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 531. Во всех изданиях ошибочно датировалось 1834 годом. В настоящей композиции (несколько условной, ибо автограф Пушкина представляет собой беглую запись с несколькими дополнениями на особом листе, причем самый порядок этих вставок и монтаж отдельных замечаний не поддаются точному определению) и с приурочением к 1836 году (на основании перечня статей для «Современника», см. далее, стр. 740) впервые напечатано в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 387.

Автором книжки, которой посвящена заметка Пушкина, был И. И. Дмитриев.

Суждения, которые Пушкин предполагал развернуть в статье о «Путешествии В. Л. П.», сложились у него в определенную систему еще в пору работ над первой главой «Евгения Онегина». Так, полемизируя в письме к Рылеву от 25 января 1825 года с некоторыми критическими замечаниями Бестужева, Пушкин замечал: «Ужели

хочет он изгнать всё легкое и веселое из области поэзии? Куда же денутся сатиры и комедии? Следственно должно будет уничтожить и Реникефукс и Гудибраса, и Руселле и Вер-Вера и Реникефукс и лучшую часть Душеньки и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc., etc., etc.» Ср. развитие этих же суждений в заметках, связанных с полемикой вокруг «Графа Нулина» («Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений» и наброски письма в редакцию «Литературной Газеты» 1830).

3. («Путешествие в Сибирь» аббата Шапп д'Отроша и «Антидот» Екатерины Второй). Печатается по черновому автографу ПД (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в Акад. изд. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 59, с неправильным приурочением к «началу 30-х годов». О том, что набросок должен датироваться 1836 годом, свидетельствует упоминание о нем в перечне статей, проектированных для «Современника» (см. далее, стр. 740).

303. *Шапп д'Отрош* (1722 — 1769) — французский астроном, автор «Путешествия в Сибирь» (1768), возбудившего негодование Екатерины II. Историк Гергард-Фридрих Миллер и И. Н. Болтин, которым, по данным Пушкина, предложено было ответить аббату Шаппу, очевидно не выполнили этого задания, ибо «Антидот» был написан Екатериною при помощи других сотрудников. Об аббате Шаппе Пушкин располагал материалами не только «Антидота», но и следующими сведениями в мемуарах Дидро, сохранившихся в его библиотеке в издании 1830 года: «Одного способного молодого человека по имени Демаре собирались послать в Сибирь для производства там наблюдений; он не поедет туда. Ему предпочли дурака, которого зовут аббат Шапп... Я был знаком с Демаре и Тилье; мы здороваемся, обнимаемся и я говорю Демаре: «Что вы здесь делаете? Я полагал, что вы дрожите от холода на Камчатке, в какой-нибудь глухой дыре, среди якутов». На это он мне ответил: «Заботясь об успехе наук, я жалею, что другой совершит это путешествие». И он прибавил, что приготовил большое число опытов, которых

аббат Шапп без сомнения не сделает.— «Составили ли вы подробное описание всех этих опытов?» — «Оно у меня вполне готово». — «Знаете, что вы должны сделать? Отдать его аббату Шаппу. Раз вы не можете сами сделать полезное дело, не обязаны ли вы приложить все усилия к тому, чтобы оно было сделано другим?..» Все со мною согласилось».

К имени Шаппа редакцией издания 1830 года сделано было примечание: «La Relation d'un Voyage en Sibérie», Париж 1768, 2 тт., действительно, вызовет со стороны многих лиц осуждение. Аббату Шаппу ставили в упрек множество до смешного мелочных подробностей, множество заимствований у прежних путешественников, а в особенности огромное количество ложных или поверхностно сделанных наблюдений. Все эти упреки собраны в резком и откровенном «Письме» к издателю «Энциклопедического Журнала» 1771. Императрица Екатерина, найдя, что путешественник несправедливо отозвался о России, лично написала опровержение «Отчета» в виде брошюры, озаглавленной «Antidote contre le voyage de l'abbé Chappe» (Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot, t. I, Paris 1830, pp. 424 — 425).

⟨Перечень статей, намеченных для «Современника⟩

(стр. 304—305)

Печатается по автографу ПД (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано Н. К. Козминым в сб. «Неизданный Пушкин», П. 1922, стр. 209.

Крестиком отмечены, вероятно, статьи уже написанные Пушкиным; из них дошли до нас три («Записки Морозе-Бразе», «Александр Радищев», «Об истории Пугачевского бунта») и материал для четвертой (копия редчайшего издания календаря на 1721 г.).

Большая часть прочих статей и заметок, проектированных Пушкиным, посвящалась или редким старым изданиям («Путешествие В. Л. П.», «Voyage en Sibérie» par l'Abbé Chappe — 1769, «Antidote» — 1771, о которых см. выше,

стр. 739; «История Ваньки Каина», «Les histoires tragiques de nostre tems, composées par F. de Rosset»—1666, «О легчайшем способе возражать на критики»—1811, «Древняя Российская Вивлиофика» Новикова, или рецензиям на новые книги («Русские в своих пословицах» И. Снегирева, «Походные записки артиллериста» И. Радожицкого и пр.). Труднее судить о характере задуманных Пушкиным статей о Тредьяковском, о «Русских шутках», о сказках, о собрании русских песен (П. В. Киреевского?).

⟨Материалы для истории Петра Великого⟩

(стр. 305—359)

1. Очерк введения. Печатается по автографу *П.Д.* Впервые опубликовано в Полн. собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 461—462. Факсимиле одного листа этой рукописи см. в «Литературном Наследстве» 1934, кн. 16—18, стр. 499.

2. Заметки при чтении Введения к «Деяниям Петра Великого» Голикова. Печатается по автографу *П.Д.* Впервые опубликовано П. Е. Шеголевым в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 457—461. Факсимиле первого листа см. в «Литературном Наследстве» 1934, кн. 16—18, стр. 473.

К работе над материалами по истории Петра Великого Пушкин должен был приступить в порядке исполнения особого задания императора Николая I еще в 1831 году, когда и перед самим Пушкиным и перед государственным аппаратом впервые встал вопрос об оформлении и служебного и материального положения поэта, официально включаемого в систему придворных отношений. Получив запрос о собственных своих пожеланиях в этом направлении, Пушкин 21—22 июля 1831 года отвечал шефу жандармов: «Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнить волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей... С радостью взялся бы я за редакцию Полити-

ческого и Литературного Журнала. Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III». Доложив письмо Пушкина царю, А. Х. Бенкендорф резолюцию последнего записал следующим образом: «Написать гр. Нессельроде, что государь велел его (Пушкина) принять в Иностранную Коллегию с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого».

К 18 февраля 1832 года относится первое посещение Пушкиным Архива Коллегии Иностранных дел, а к 24 февраля обращение его к гр. Бенкендорфу с просьбой о разрешении «рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его Истории Петра Великого». В этом же письме Пушкин заверял, что начинаемый им исторический труд «будет ознаменован, если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностью». Однако исследовательская работа, к которой приступил Пушкин в 1832 г., с самого начала двигалась очень медленно. Характерно, что и внешним выражением ее явились прежде всего художественные образы «Медного Всадника», а не конкретные главы научной истории Петра. С начала же 1833 г. в круг творческих интересов Пушкина входит новая историческая тема — Пугачев. Правда, объясняя в феврале 1833 года царю причины остановки своей прежней работы, Пушкин пытается указать на то, что «трудиться ему одному над архивами невозможно», что он нуждается в помощи цеховых источниковедов и пр., но, получив согласие на привлечение к сотрудничеству рекомендованного им же М. П. Погодина, Пушкин никак не обеспечивает реального участия последнего и прерывает работу над Петром почти на полтора года.

В начале апреля 1834 года, отвечая Погодину на запрос его о Петре, Пушкин писал: «К Петру приступаю со страхом и трепетом»; 11 июня 1834 года он же сообщал жене: «Петр I-й идет; того и гляди, напечатаю первый том к зиме». Однако никаких материалов, отражающих этот этап работы Пушкина над материалами по истории Петра Великого, до нас не дошло.

К февралю 1835 года относится запись в дневнике Пушкина: «С генваря очень я занят Петром». Запись эта точно документируется рукописью, представляющей собой критический конспект (с многочисленными резюмирующими замечаниями Пушкина, сопоставлениями с другими историческими источниками, с разными знаками сомнения и несогласия и т. п.) десятичного издания И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам», Москва, в Университетской типографии у Н. Новикова, 1788—1789 г. Всего дошло до нас 22 тетради заметок и выписок Пушкина, было же их 31, как свидетельствует счет переписчика, хранящийся в архиве опеки, учрежденной над его детьми и имуществом в 1837 году. Об этих не дошедших до нас тетрадях см. ниже стр. 744.

Датируется работа Пушкина над материалами Голикова очень точно. На первой тетради сохранилась отметка, свидетельствующая о приступе его к работе 16 января, а записи последней тетради кончаются датой 15 декабря 1835 года. В этом же году Пушкин приготовил к печати комментированный перевод записок Моро-де-Бразе о походе 1711 года (см. т. VIII). Копии некоторых других материалов по «Истории Петра I», над которыми работал Пушкин, см. в ЛБ (тетрадь № 2388).

В 1836 году работа продолжалась, хотя и менее интенсивно. 14 мая, в письме к жене из Москвы Пушкин сообщал: «В Архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть». Намерение это осуществлено, как известно, не было. 14 октября 1836 года, получив от М. А. Корфа библиографию иностранной литературы о Петре,

Пушкин писал: «Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. Употреблю все возможные старания, дабы их достать. Какое поле — эта новейшая русская история». К концу декабря 1836 года относится интереснейшая запись в дневнике Д. Е. Келлера о его визите к Пушкину: «Александр Сергеевич на вопрос мой: скоро ли будем иметь удовольствие прочесть произведение его о Петре, отвечал: «Я до сих пор ничего еще не написал, занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам»... Возложенное на него поручение писать историю Петра весьма его обременяло. — «C'est un travail tuant» («Эта работа убийственная»), — сказал он мне, — «si je le savais d'avance je ne m'en serais pas chargé» (если бы я наперед знал, я бы не взялся за нее).

Последнее высказывание Пушкина об истории Петра Великого относится к 21 января 1837 г. и записано в дневнике А. В. Никитенка: «Вечер провел у Плетнева. Там был Пушкин... Он сознавался, что историю Петра пока нельзя писать, т. е. ее не позволят печатать».

Сомнения Пушкина были вполне основательны и оправдались прежде всего при рассмотрении его же конспектов цензорами посмертного издания его сочинений. Николай I, лично просматривавший пушкинские материалы для истории Петра Великого, указал В. А. Жуковскому, что «сия рукопись издана быть не может по причине многих неприличных выражений на счет Петра Великого». После того как все сомнительные места пушкинского текста были устранены редакторами издания и чиновниками СПб цензурного комитета, рукопись была разрешена летом 1840 года к печати, но в свет не вышла. Извлечения из нее были опубликованы в 1855—1857 гг. П. В. Анненковым, а полный текст, обнаруженный только в 1921 году (за исключением несохранившихся конспектов за 1690—1694 гг. и за 1719—1721 гг.), готовится к печати в Академическом издании сочинений Пушкина.

3. Выписки и конспекты «1672—1689». Печатается по публикации П. В. Анненкова (в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII, ч. 2, стр. 7—28), восходящей к копии с автографа, сделанной для посмертного издания сочинений Пушкина в 1837 году. Три отрывка из этой части материалов (о Лефорте, о Хованском и о «винах» кн. Голицыных) цитировались П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 404. Автограф не сохранился.

1703. Печатается по публикации П. В. Анненкова в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 406—409, восходящей к копии с автографа, сделанной в 1837 г. Автограф не сохранился.

1709. (Полтавская битва и события второй половины года.) Печатается по копии с автографа, сделанной в 1837 году (ПД). Впервые опубликовано П. Е. Щеголевым в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 448—453. Автограф не сохранился.

1725. Печатается по автографу ПД. Впервые опубликовано (по копии 1837 года) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 409—412.

4. Заметки из неизданных тетрадей. Печатается по копии П. А. Ефремова (ПД), воспроизводящей сделанный П. В. Анненковым свод важнейших мест рукописи Пушкина, запрещенных цензурой в 1840 г. Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 405 и в статье «Общественные идеалы Пушкина» («Вестник Европы» 1880, кн. VI, стр. 633—634); полностью — П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина 1903, т. VI, стр. 641—646.

<Заметки при чтении «Описания земли Камчатки»

С. П. Крашенинникова)

(стр. 359—381)

1. О Камчатке. Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2388 Ж — рукопись на 17 лл.). Впервые опубликовано С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина 1933, т. V,

стр. 711 — 717. Датируется первой половиной января 1837 года на основании связи с следующими заметками.

2. Камчатские дела (От 1694 до 1740 года). Печатается по автографу *ПД* (рукопись на 22 лл., в обложке, на которой заголовок и дата). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1857, т. VII, ч. 2, стр. 29 — 49; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 462 — 469. На обложке рукописи дата: «20 января 1837 г.» Книга академика С. П. Крашенинникова, автора первого научного «Описания земли Камчатки» (1755), сохранилась в библиотеке Пушкина во втором издании (1786). Выписки и заметки предназначались для задуманной Пушкиным статьи о завоевании Камчатки (план ее и наброски начала см. ниже), особенности построения которой, вероятно, были бы близки «Джону Теннеру». Статья о Камчатке, предназначавшаяся для первой или второй книжки «Современника» в 1837 году, являлась, очевидно, последней литературной работой Пушкина.

⟨План и набросок начала статьи о Камчатке⟩

(стр. 381—382)

Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377 А, л. 22). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. X, стр. 91 — 92; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, кн. XI, стр. 470. Датируется 1837 годом на основании связи с предыдущими выписками из книги С. П. Крашенинникова.

Материалы записных книжек, черновые «мысли и замечания», выписки и анекдоты

(Старинные пословицы и поговорки)

(стр. 385—386)

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 254; полностью — в Акад. изд. собр. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 399 — 400.

Некоторые из этих пословиц выписаны Пушкиным из двух сборников, сохранившихся в его библиотеке: 1) «Собрание 4291 древних Российских пословиц», М. 1770, 2) «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенных по азбучному порядку», СПб 1822.

На одной из страниц первого сборника рукою Пушкина сделана приписка: «В кабак далеко, да ходить легко. — В церковь близко, да ходить склизко».

Одна из пословиц, выписанных Пушкиным, использована была им в «Арапе Петра Великого» (1827) (гл. VI: «Благодарю за дружеский совет, — прервал холодно Ибрагим, — не знаешь пословицу: не твоя печаль чужих детей качать»), другая («Кто в деле, тот и в ответе») учтена в рецензии на роман Загоскина «Юрий Милославский» (1830).

В пору своей поездки в места, связанные с восстанием Пугачева, Пушкин в записной своей книжке отметил не-

сколько поговорок, впервые опубликованных И. А. Бычковым в «Отчете Публичной библиотеки за 1889 г.», 1893, приложение, стр. 38:

Нынче калмыки так обрусели, что готовы с живого шкуру содрать.

Слова мордвина 16 сент. (1833 г.)

Долгая молитва — широкий крест.

Хорошего не лизать, дурного не тесать.

⟨Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»
1827 г.⟩

(стр. 386—392)

⟨1⟩

386. «Кс. находит какое-то сочинение глупым...». Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2368, л. 30, среди черновиков «Отрывков из писем, мыслей и замечаний»). Впервые опубликовано в «Русской Старине» 1884, кн. VI, стр. 539. Дата определяется положением в рукописи.

— «Проза князя Вяземского...». Печатается по черновому автографу ЛБ (тетрадь № 2368, л. 30, среди черновиков «Отрывков из писем, мыслей и замечаний»). Впервые опубликовано в «Русской Старине» 1884, кн. VI, стр. 539. Дата определяется положением в рукописи. Заключительные строки использованы в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»: «Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне» и проч.

Говоря о «прозе кн. Вяземского», Пушкин имел, вероятно, в виду «Выдержки из записной книжки», статью «О злоупотреблении слов» и другие публикации П. А. Вяземского в «Московском Телеграфе» 1826—1827 г., в «Северных Цветах на 1827 г.» и пр. Именно с этими статьями Вязем-

ского перекликаются «Отрывки из писем, мысли и замечания» Пушкина.

387. «Повторенное острое слово...». Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2368, л. 31, среди черновиков «Отрывков из писем, мыслей и замечаний»). Впервые опубликовано в «Русской Старине» 1884, кн. VI, стр. 540. Дата определяется положением в рукописи. Строки об эпиграмме использованы для позднейших заметок о Баратынском (1830—1831) (см. стр. 66).

— «Браните мужчин вообще...». Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2367, л. 46 об., среди черновиков «Отрывков из писем, мыслей и замечаний»). Впервые опубликовано в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 350.

— «Одна из причин жадности...». Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2367, л. 47, среди черновиков «Отрывков из писем, мыслей и замечаний»). Впервые опубликовано в «Русской Старине» 1884, кн. V, стр. 350.

Заметка связана с суждениями, развитыми Пушкиным в письме к П. А. Вяземскому осенью 1825 года: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому, что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. «Он мал, как мы, он мерзок, как мы!» — Врете, подлецы: Он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе!»

(2)

387. «У нас употребляют прозу...». Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано в Акад. изд. соч. Пушкина 1928, т. IX, стр. 399.

388. «Ne pas admettre l'existence de Dieu...». Печатается по беловому автографу *ПБЛ*, сохранившемуся среди «Отрывков из путешествия Онегина» (1829). Впервые опубликовано в «Отчете Публичной библиотеки за 1898 г.», СПб 1902, стр. 146.

Первоисточник выписки неизвестен.

388. «В миг, когда любовь исчезает...». Печатается по автографу *ПБЛ*, сохранившемуся среди «Отрывков из путешествия Онегина» (1829). Впервые опубликовано (не точно) в «Отчете Публичной библиотеки за 1898 г.», СПб 1902, стр. 146.

— «Гладиатор у Байрона» — «Странствования Чайльд-Гарольда», песнь IV («I see before me the Gladiator lie» etc.). Вольный перевод этих стихов дан Лермонтовым («Ликует буйный Рим... Торжественно гремит» и проч.).

— «Первый нес(частный) в о з д ы х а т е л ь...». Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание И. А. Шляпкина). Впервые опубликовано в вольном изложении П. В. Анненкова в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 272; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 406.

— «Переводчики — почтовые лошади просвещения». Печатается по автографу *ПД* (собрание И. А. Шляпкина). Впервые опубликовано в неверном пересказе П. В. Анненкова (вм. «почтовые» напечатано «подставные») в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 271, откуда перепечатывалось во всех изданиях Пушкина, с ошибочным отнесением к 1825 году; впервые точно воспроизведено в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 407. Датируется 1830 годом на основании положения в рукописи — среди черновиков главы восьмой «Евгения Онегина» и планов «Истории села Горюхина».

389. «Уважение к минувшему — вот черт а...». Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII.

— «Stabilité — première condition...». Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2387 В, л. 28 об.). Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в «Русском Архиве» 1881, кн. III.

Запись эта является, вероятно, выпиской, первоисточник которой еще не установлен.

389. «Зависть—сестра соревнования...». Печатается по автографу *ЛД* (собрание Л. Н. Майкова), сохранившемуся на листке, занятом заметкой «Писатели, известные у нас под именем аристократов» (см. стр. 122). Вод. зн. «1831». Впервые опубликовано (не точно) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 288.

— «Какой-то лорд, известный ленивец...». Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377 В, л. 69). Впервые опубликовано в Посмертном изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 159.

— «Д—говаривал, что самую полную сатирую...». Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2372, л. 59 об.). На этом же листе запись, публикуемая ниже. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VIII, стр. 318. Датируется на основании положения в рукописи.

— «Д—» — вероятно, А. А. Дельвиг.

390. «Грамматика не предписывает законов...». Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2372, л. 59 об. На этом же листе предыдущая запись). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VIII, стр. 318. Датируется на основании положения в рукописи.

390. «Множество слов и выражений...». Печатается по автографу *ЛД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 255—256.

О слове «трогательный» А. С. Шишков писал в «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка» (1803).

— «Буквы, составляющие славенскую азбуку...» Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377, л. 19). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. X, стр. 89—90. Датируется нами на основании вод. зн. бумаги «1834».

Ссылка на Н. Ф. Грамматина имеет в виду его примечания к «Слову о Полку Игореве», М. 1823, стр. 113.

Перевод:

Эно и Икаэль
Трагедия.

Действующие лица.

Принц Эно.

Принцесса Икаэль, возлюбленная принца Эно.

Аббат Пекю, соперник принца Эно.

Икс, Игрек, Зед — телохранители принца Эно.

Сцена единственная.

Принц Эно, принцесса Икаэль, аббат Пекю, телохранители.

Эно.

Аббат! уступите...

А б б а т.

Э! ф...

Эно (хватаясь за секиру).

У меня — секира!

Икаэль (бросаясь в объятия Эно).

Икаэль любит Эно. (Они нежно целуются).

Эно (с живостью, оборачиваясь).

Пекю остался? Икс, Игрек, Зед! возьмите господина аббата и выбросьте его в окно.

Богородицны дочки

(стр. 392—393)

Печатается по автографу П.Д. Впервые опубликовано Я. К. Гротом в газете «Русь» 1885, № 22, стр. 3. Датируется на основании упоминания в тексте 1830 года как «прошлого». Запись близка и тематически и стилистически к рассказам Н. К. Загряжской. Фамилия денщика и его дочерей — Ведель.

〈Выписка о Поле Поттере〉

(стр. 393)

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. V, стр. 405.

Поттер, Поль (1625 — 1654) — голландский художник-пейзажист.

〈Выписки из Четь-Миней〉

(стр. 394—395)

Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», СПб 1903, стр. 53. Датируется нами 1831 годом на основании письма Пушкина к П. А. Плетневу от первой половины апреля 1831 года: «Присоветуй (Жуковскому) читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах, прелесть простоты и вымысла».

Все выписки сделаны Пушкиным из январских Четь-Миней. К материалу последних он обращался и в 1825 году, во время работ над «Борисом Годуновым».

Преподобный Савва Игумен

(стр. 395—396)

Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2386 Б, лл. 8 и 31). Впервые опубликовано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1904, т. VI, стр. 438—439. Датируется началом 30-х гг. на основании вод. зн. рукописи «1830».

〈Материалы о соколиной охоте〉

(стр. 396—398)

Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377, л. 20). Впервые опубликовано (частично) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, и полностью В. Е.

Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. X, стр. 90—91; точнее—в Полном собр. соч. Пушкина 1933, т. V, кн. 2, стр. 771. Условно датируется началом 30-х гг., но писано на бумаге с вод. зн. «1819».

Все выписки заимствованы из «Урядника или нового уложения и устройства чина сокольничья пути» (1668). Возможно, что они связаны с работой над повестью о стрелецком сыне, к которой Пушкин дважды обращался после отказа от «Арапа Петра Великого».

⟨Заметка по поводу слова «блудит» в сатирах Кантемира⟩

(стр. 398)

Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Библиотеке Пушкина» 1910, стр. 47.

Пушкин имеет в виду стихи II и VII сатиры Кантемира: «Но бедно блудит наш ум» и «Дружок, ум твой блудит».

⟨Гастрономические сентенции⟩

(стр. 398)

Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Библиотеке Пушкина» 1910, стр. 310. См. там же и факсимильное воспроизведение этих строк.

Заметки набросаны на листке, вложенном в книгу «Physiologie du goût», Paris 1834.

⟨Заметка при чтении «Путевых картин» Гейне⟩

(стр. 398—399)

Печатается по автографу *ПД* (на обрывке письма неизвестного к Пушкину от 22 апреля 1835 года). Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Библиотеке Пушкина» 1910, стр. 247.

Перевод:

Освобождение Европы придет из России, так как только там предрассудок аристократии не существует вовсе. В других местах верят в аристократию, одни, чтобы презирать ее, другие, чтобы ненавидеть, третьи, чтобы извлекать из нее выгоду, тщеславие и т. п. В России ничего подобного. В нее не верят, вот и всё.

Предположение Б. Л. Модзалевского о том, что строки эти являются выпиской из Гейне, не оправдалось, так как ни в одном из произведений Гейне соответствующего текста обнаружено не было. Более вероятно, что заметка эта резюмирует некоторые высказывания Гейне о России в «Путевых картинах».

〈Шотландская пословица〉

(стр. 399)

Печатается по автографу *ПБЛ*, сохранившемуся на обороте письма Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года. Впервые опубликовано П. И. Бартевым в «Русском Архиве» 1884, кн. IV, стр. 455.

В сборнике «Собрание 4291 древних Российских пословиц», М. 1770, сохранившемся в библиотеке Пушкина, отмечена на полях крестиком эта же самая пословица: «Ворон ворону глаза не выклюнет; а хоть и выклюнет, да не вытащит». В тексте же Вальтер Скотта, на который ссылается Пушкин, речь шла не о воронах, а о ястребах.

Table - talk

(стр. 399 — 434)

Печатается по автографу *ЛБ* (тетрадь № 2377). Впервые частично опубликовано после смерти Пушкина в «Современнике» 1837, кн. 8, стр. 224 — 239 (тридцать две заметки из 55). Четырнадцать анекдотов, не включенных в «Современ-

ник» по цензурным и редакционно-тактическим соображениям (1. «Суворов наблюдал посты», 2. «Я встретился с Надеждиным», 3. «Дельвиг звал однажды Рылеева», 4. «Об арапе графа С.», 5. «Зорич был очень прост», 6. «Государь долго не производил», 7. «Графа Кочубея похоронили», 8. «Голландская королева», 9. «Будри, профессор французской словесности», 10. «Потемкин, встречаясь с Шешковским», 11. «Orloff étoit mal élevé», 12. «Государь Петр III однажды», 13. «Однажды Потемкин недовольный», 14. «Князь Потемкин во время Очаковского»), появились в «Библиографических Записках» 1859, № 5, стр. 136 — 139; анекдот «Однажды маленький арап» опубликован был П. В. Анненковым в «Вестнике Европы» 1873, кн. XI, стр. 12; восемь остальных (1. «Когда в 1815 г. дело шло», 2. «Барков заспорил однажды», 3. «Дмитриев предлагал императору», 4. «Граф К. Разумовский», 5. «Это было перед самым», 6. «Orloff étoit régicide», 7. «Я была очень смешлива», 8. «Когда Потемкин вошел в силу») опубликованы П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина 1881, т. V, стр. 316 — 331. Конец анекдота «Генерал Раевский был насмешлив» впервые появился в «Русской Старине» 1884, кн. X, стр. 92. В настоящей композиции и с исправлением всех неточностей и пропусков прежних публикаций дано впервые Т. Г. Зенгер в Полном собр. соч. Пушкина 1933, т. V.

399. Граф *Поццо-ди-Борго*, Карл Осипович (1768—1842)— французский эмигрант, корсиканец по происхождению, перешедший в 1805 г. на русскую службу; в 1814—1832 гг. — посол русского правительства в Париже. Записка Лагарпа и Поццо-ди-Борго от 25 июня (7 июля) 1814 года о политическом положении дел в Европе и в частности о Польше напечатана в сочинении Н. К. Шильдера «Император Александр I», т. III, стр. 533 — 537. Запись Пушкина сделана со слов кн. П. Б. Козловского (1783 — 1840), дипломата, участника Венского конгресса, близкого знакомого Пушкина.

400. «*Сенька-бандурист*» — Семен Федорович Уваров (ум. в 1788 г.), командир лейб-гренадерского полка, флигель-адъютант Екатерины II, отец министра народного просвещения

С. С. Уварова. О «Сеньке-бандуристе» есть сведения в «Записках» Ф. Ф. Вигеля, от которого, возможно, Пушкин и слышал этот анекдот.

400. *Посвин*, Антоний (1534 — 1611) — римский дипломат, деятель католической пропаганды в Восточной Европе, исполнявший секретные задания Ватикана; способствовал заключению перемирия между Россией и Польшей в 1582 году. Запись сделана на основании предисловия к полному собранию сочинений Макиавелли на французском языке в переводе Ж.-В. Перье (в десяти томах, 1823 — 1826 гг.). Издание это было в библиотеке Пушкина.

401. «*Ученый Conringius*» — Герман Конринг (1606 — 1681), немецкий государствовед, историк и врач. «*Государь*» («*Il principe*») — самое известное из сочинений Макиавелли, трактат, посвященный учению о государстве.

402. *Орозман* — герой трагедии Вольтера «Заира». Приводимый Пушкиным стих взят из монолога I действия, сцена 5.

— «*Маленький арап*» — прадед Пушкина по матери, Ибрагим Петрович Ганнибал, фамилия которого названа в записи Пушкина, но зачеркнута. О нем см. стр. 464.

— *Барков*, Иван Семенович (1732 — 1768) — поэт, переводчик, прославившийся своими порнографическими стихотворениями, пародировавшими торжественные классические оды и трагедии. Пушкин высоко ценил поэтический талант Баркова.

403. О чтении Пушкиным на лицейском экзамене стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» см. во второй строфе главы восьмой «Евгения Онегина».

404. Кн. *Багратион*, Петр Иванович (1765 — 1812), в кампанию 1812 года командовал второй западной армией. Анекдот в другой редакции был записан Пушкиным в лицейском дневнике.

— Пушкин познакомился с Н. И. Надеждиным у М. П. Погодина 23 марта 1830 г. «*Критики*» Надеждина — статьи его в «Вестнике Европы» о «Графе Нулине» (1829, № 3) и о «Полтаве» (1829, №№ 8 и 9).

405. *Милонов, Михаил Васильевич* (1792—1821)—поэт. — «*Граф Мор...*» — скрипач, называвшийся графом Морелли, в действительности французский полковой музыкант Розатти.

406. «*Один из адъютантов Потемкина...*» — Этот рассказ имеется в «Записках» Л. Н. Энгельгардта, где названа и фамилия адъютанта — Специнский.

407. Кто скрыт под «*графом С.*», остается неизвестным. Нет никаких оснований видеть в нем графа Строганова.

409. «*Второй Фальстаф*», с которым был знаком Пушкин, — А. Л. Давыдов, которому поэт посвятил стихотворение «Нельзя, мой толстый Аристипп» (см. т. II, стр. 111).

410. Пугачев сидел в Москве в клетке не на Менювом, а на Монетном дворе, как и отмечено у Пушкина в «Истории Пугачева».

— *Дмитриев, Иван Иванович* (1766 — 1837)—поэт, бывший в 1810 — 1814 гг. министром юстиции. Речь идет, вероятно, об Иване Матвеевиче Муравьеве-Апостоле (1768—1851), отце декабристов. В 1802 году он был назначен посланником в Мадрид. Вернувшись в Петербург в 1805 году, Муравьев-Апостол был очень холодно принят Александром и никакого назначения не получил, почему и уехал в свое имение. Сенатором назначен он был лишь в 1824 году.

411. Граф Петр Алексеевич фон-дер *Пален* (1745—1826)—петербургский военный губернатор в последние месяцы жизни Павла, глава заговора против него. Иосиф *де-Рибас* (1749 — 1800)—адмирал, строитель Одессы; будучи в дружеских отношениях с Паленом и Паниным, первый подал мысль о свержении Павла. Сообщение о том, что Рибас «отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла», надо думать, не соответствует действительности. 1 марта 1800 г. де-Рибас был уволен от службы, 30 октября снова принят, а 2 декабря 1800 года умер. Вице-канцлеру графу Никите Петровичу *Панину* (1770—1837) принадлежит план объявления Павла сумасшедшим и регентства Александра. Назначенный членом коллегии иностранных дел (фактически он был министром) тотчас же по воцарении Александра, Панин в сен-

тябре 1801 года был принужден просить об увольнении, а в 1804 году ему было запрещено пребывание в столицах. Записанное Пушкиным свидетельство Дмитриева, что Панин был удален по настоянию вдовы Павла, подтверждается и другими показаниями.

413. Кн. *Долгоруков*, Яков Федорович (1639 — 1720) — сенатор, председатель Ревизион-коллегии, гражданские доблести которого широко были популяризированы в «Вельможе» Державина, в «Гражданском мужестве» Рылеева, в «Послании к Н. С. Мордвинову» и в «Стансах» Пушкина. «Славный анекдот» о Долгорукове рассказан Голиковым в «Деяниях Петра Великого».

414. Пушкин имеет в виду «Манфреда» и «Преображенного урод», произведения Байрона, написанные под влиянием «Фауста» Гете.

415. *Зорич*, Семен Гаврилович (1745 — 1799) — один из фаворитов Екатерины II, бывший «в случае» в 1777 — 1778 гг. О спектаклях у Зорича в Шклове, в которых принимала участие кн. Екатерина Александровна Долгорукова (1750 — 1811), рассказывает в своих воспоминаниях Л. Н. Энгельгардт.

416. Записано со слов кн. Екатерины Федоровны Долгоруковой, рожд. кн. Барятинской (1769 — 1849), бывшей замужем за кн. Вас. Вас. Долгоруковым, участником крымского похода и штурма Очакова. У сына кн. Е. Ф. и В. В. Долгоруковых, кн. Василия Васильевича (1787 — 1858), Пушкин во время своей работы над историей Петра I брал семейные бумаги Долгоруковых и письма Петра I.

— *Болдырев*, Аркадий Африканович — петербургский плац-майор. Рассказываемое в записи Пушкина вспоминает со слов «одного современного лица» в своих записках и гр. М. Д. Бутурлин. См. «Русский Архив» 1898, № 2, стр. 270 — 271.

— О смерти кн. В. П. Кочубея (3 июня 1834 г.) см. дальше, в дневнике Пушкина и в письмах его к жене. «*Старушка Новосильцова*» — возможно, Екатерина Ивановна Новосильцова (1755 — 1842), вдова сенатора.

417. *Кречетников*, Михаил Никитич (1729 — 1783), своей карьерой обязанный покровительству Потемкина, после первого раздела Польши бывший псковским генерал-губернатором, а в 1792 году командовавший войсками, действовавшими в Литве, где он затем был генерал-губернатором. Запись сделана со слов гр. Михаила Юрьевича Виельгорского (1788 — 1856), приятеля Пушкина, Жуковского и Вяземского.

418. «*Французские принцы*» — сыновья французского короля Людовика-Филиппа, Фердинанд (1810 — 1842), герцог Шартрский, после восшествия отца на престол называвшийся герцогом Орлеанским, и Людовик (1814 — 1896), герцог Немурский. В Берлине они были 11 — 25 мая 1836 года.

— «*Старый принц Витгенштейн*» — кн. Фридрих-Карл Сайн-Витгенштейн-Гогенштедт (1766 — 1837); граф Карл Брессон (1798 — 1847) — французский посол в Берлине.

— «*Голландская королева*» — Вильгельмина, жена короля Вильгельма I (1772 — 1843). *Принц Орлеанский* — впоследствии французский король Людовик-Филипп (1773 — 1850).

419. *Генерал Раевский* — Николай Николаевич Раевский, о котором см. заметку «О некрологии генерала Н. Н. Раевского» и примечания к ней (т. VIII, стр. 93 и 742). Первый рассказ относится к турецкой войне 1810 — 1811 года. Главнокомандующий гр. Николай Михайлович Каменский (1776 — 1811) не любил Раевского, командовавшего корпусом и отличившегося при взятии Силистрии и под Шумлюю, и удалил его, хотя и с повышением, в Яссы. О каком генерале говорится во втором рассказе, неизвестно.

— *Де-Будри*, Давид Иванович (1756 — 1821), брат Марата, приехал в Россию в 1784 году в качестве воспитателя детей В. П. Салтыкова. Впоследствии Будри в Петербурге преподавал французский язык в пансионах, гимназии и в частных домах, а при основании лицея был назначен профессором. В своей записке о Пушкине барон М. А. Корф писал о Будри, что он «один из всех данных нам наставников вполне понимал свое призвание, как человек в высшей степени практический, и наиболее способствовал нашему развитию, отнюдь не в одном познании французского языка».

420. *Равальяк* (1578—1610)—убийца короля Франции Генриха IV.

424. В подлиннике в сноске указано, что «К. Х.» — «Кн. Мих. Вас. Хованский», но затем это зачеркнуто. Рассказ относится не к кн. Михаилу Васильевичу Хованскому, так как такого не существовало, а к одному из его братьев.

— *Граф Салтыков*, Николай Иванович (1736—1816)—фельдмаршал.

— *Шешковский*, Степан Иванович (1727—1794)—чиновник тайной экспедиции Сената, фактически глава тайной полиции при Екатерине II.

— «Разговоры Н. К. Загряжской» — Наталья Кирилловна Загряжская, рожд. графиня Разумовская (1747—1837), дочь малороссийского гетмана, по мужу приходилась теткой теще Пушкина, Наталье Ивановне Гончаровой. Пушкин представился Наталье Кирилловне в 20-х числах июля 1830 года, о чем писал невесте, а затем бывал, в качестве свойственника, в ее салоне, одном из самых видных в Петербурге в течение более шестидесяти лет. По словам кн. П. А. Вяземского, «Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны: он ловил при ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую и поэтическую». Один из рассказов Загряжской Пушкин записал в своем дневнике под 4 декабря 1833 года. Позднее, в 1835 году, по совету Жуковского, поэт решил более серьезно заняться этим и записал девять рассказов Загряжской, введя их в свое собрание «Table-talk».

425. *Граф Строганов*, Александр Сергеевич (1733—1811)—президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки. Воспитателем его единственного сына, графа Павла Александровича (1774—1817), был француз Жильбер *Ромм* (1750—1795), приехавший из Франции со своим воспитанником в Россию в 1779 году и проживший здесь до 1787 года. Возвратившись с П. А. Строгановым в Париж, он принял ближайшее участие в событиях Великой французской революции, был избран членом Законодательного собра-

ния и Конвента, где принадлежал к партии монтаньяров и был в числе подписавших смертный приговор Людовику XVI. После свержения «Горы» Ромм был арестован и, приговоренный к гильотине, заколол себя кинжалом. Математик по образованию, Ромм составил революционный календарь, введенный в 1793 г. Конвентом и отмененный в 1806 г. Наполеоном.

426. *Шувалов, Иван Иванович* (1727—1797)— фаворит императрицы Елизаветы Петровны, меценат, покровительствовавший Ломоносову, учредитель Московского университета.

— *«Граф Николай Иванович»* — Салтыков. См. выше, стр. 761.

— *«Князь Григорий Александрович»* — Потемкин.

— *Знаменское* — имение К. Г. Разумовского близ Петергофа.

427. Воспоминания Загряжской о государственном перевороте, возведшем на трон Екатерину II, изобилуют неточностями. Рассказанное Загряжской происходило 28 и 29 июня 1762 года.

Граф Разумовский, Кирилл Григорьевич, отец Натальи Кирилловны, вопреки ее рассказам, не находился в числе лиц, бывших с Петром III 28 июня.

428. *Графиня Воронцова, Анна Карловна* (1723—1777)— жена канцлера. *Графиня Лизавета Романовна Воронцова* (1739—1792),— фаворитка Петра III.

Из Кронштадта Петр III на галере с компанией отправился в Ораниенбаум, куда и прибыл утром 29 июня. Отсюда он отправил два письма Екатерине: первое с обещанием полного примирения и второе с отречением от престола. В первом часу дня арестованный Петр III был привезен в карете в Петергоф, а в пятом часу дня отвезен в Ропшу, где и был задушен 7 июля.

— *Машенька* — племянница Натальи Кирилловны, дочь ее сестры Анны Кирилловны, бывшей замужем за В. С. Васильчиковым. Марья Васильевна Васильчикова (1779—1844) была замужем за графом Виктором Павловичем Кочубеем.

429. *Орлов, Алексей Григорьевич* (1737—1808)— брат фаворита Екатерины II, один из главных деятелей перево-

рота 1762 года. О шраме на щеке А. Г. Орлова см. «Заметки» к «Истории Пугачева» (т. VIII, стр. 573).

430. *Тамара*, Василий Степанович (1746—1819)— чиновник канцелярии Потемкина, впоследствии посол в Константинополе.

431. Граф А. Г. Орлов в начале царствования Павла I уехал за границу, где и пробыл до вступления на престол Александра I.

432. *Анна Алексеевна*—его единственная дочь.

— *N. N.*—Полторацкий, Марк Федорович (1729—1795), придворный певчий, затем регент придворного хора и директор придворной певческой капеллы. Чин действительного статского советника он получил 6 августа 1783 года. М. Ф. Полторацкий—дед друга Пушкина С. Д. Полторацкого.

433. Основанием для рассказа Пушкина послужил эпизод в ставке Потемкина под Бендерами. Об этом же случае рассказывает в своих воспоминаниях Л. Н. Энгельгардт. В позднейших версиях анекдота место действия перенесено было под Очаков. О кн. Е. Ф. Долгоруковой и ее муже см. выше, стр. 759.

Дневники и автобиографические записи

〈Из лицейского дневника 1815 г.〉

(стр. 437 — 447)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2366). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 22 — 27. Пропущенные там части из заметки «Мои мысли о Шаховском» напечатаны полностью Д. Сапожниковым в «Русском Архиве» 1899, кн. II.

437. *Давыдов*, Денис Васильевич (1784 — 1839) — организатор партизанских отрядов из крестьян в помощь регулярным войскам во время войны с Наполеоном в 1812 г., известный поэт, впоследствии приятель Пушкина. О нем см. в I томе примечание к стихотворению «Певец-гусар, ты пел биваки».

— Граф *Беннигсен*, Леонтий Леонтьевич (1745 — 1826) — боевой генерал, один из участников убийства Павла I; князь *Багратион*, Петр Иванович (1765 — 1812) — генерал-от-инфантерии, участник походов Суворова и войн с Наполеоном в 1805 — 1812 г. Анекдот о нем, записанный Пушкиным в юности, включен с небольшим вариантом в «Table-talk» (см. стр. 404).

— «*Жуковский дарит...*» — Пушкин говорит о первой части «Стихотворений Василия Жуковского», СПб 1815 — 1816. Книга вышла в свет около 7 декабря 1815 года. Очевидно, Жуковский привез Пушкину один из первых экземпляров, так как запись сделана Пушкиным до 28 ноября.

437. «*Шишков и г-жа Бунина...*»—Шишков, Бунина и Шаховской—писатели, члены «Беседы любителей русского слова». Венчанье лаврами Шаховского происходило в доме Буниной 24 сентября 1815 года, на другой день после первого представления пьесы его «Урок кокеткам, или Липецкие воды», где под видом бездарного сентиментального поэта Фиалкина выведен Жуковский. Пьеса Шаховского явилась поводом для основания литературного общества «Арзамас», враждебного «Беседе любителей русского слова». Организационное заседание происходило 14 октября 1815 года, а на заседании 29 октября вступивший в члены «Арзамаса» Д. В. Дашков держал речь о драматурге Шаховском («Шутовском»). Вскоре был сочинен им и гимн на «*Венчанье Шутовского*».

438. «*Творец затей*»—Шаховской, автор комедии «Полубарские затей».—«*Гроза баллад*», то есть автор «Липецких вод», где высмеиваются баллады Жуковского. Хлыстов—граф Хвостов, поэт, член «Беседы любителей русского слова», мишень литературных нападок карамзинистов и арзамасцев, неоднократно осмеянный Пушкиным. См., например, его пародийную «Оду гр. Хвостову». «*Шубы*»—ирои-комическая поэма Шаховского «Расхищенные шубы». «*Старик седой*»—Шишков. *Поэтов бледный строй*—члены «Беседы».

439. «*И «Воды» я пишу водой*»—намеки на бессодержательность «Липецких вод». «*Еврей мой написал Дебору, а я списал*»—намеки на то, что Шаховской будто бы отчасти воспользовался для своей пьесы «Дебора, или торжество веры» (1811) трудом Л. Н. Неваховича, жившего в доме Шаховского и служившего в том же театре.

440. *Макар*—слуга Шаховского. *Ежова*—Екатерина Ивановна, петербургская комическая актриса, гражданская жена Шаховского.

— 29 ноября. Запись о Е. П. Бакуниной. О ней см. комментарии к элегиям 1816 года в т. I.

441. 10 декабря. «*Фатам или разум человеческий*»—не дошло до нас. С. С.—вероятно, Степан Степанович Фролов, лицейский гувернер. «*Жизнь Вольтера*»—вероятно, известная

биография, написанная Кондорсе. «Начал я комедию...»—О не дошедшей до нас комедии этой товарищ Пушкина по лицу А. Д. Илличевский писал 16 января 1816 г.: «Пушкин пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием «Философ». План довольно удачен, и начало, то есть первое действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее; стихи—и говорить нечего, а острых слов—сколько хочешь! Дай только бог ему терпения и постоянства... Это—первый большой *ouvrage*, начатый им, *ouvrage*, которым он хочет открыть свое поприще по выходе из лицея». Поэма «Игорь и Ольга» до нас не дошла. Эпиграмма «Угрюмых тройка есть певцов»—переделка эпиграммы Бомарше «*Vit-on jamais rien de si sot*». «Картина Царского Села», вероятно, не была написана. «Пели куплеты»—так называемые «национальные песни», коллективно сочинявшиеся воспитанниками лицея и высмеивавшие учителей и товарищей. «Бери себе повесу»—пародия песни Дмитриева «Карикатура» («Сними с себя завесу»).

442. *Георгиевский*—Петр Егорович, адъюнкт русской и латинской словесности и эстетики, отличавшийся надутым красноречием. *Бутервек* (1766—1828)—немецкий философ, историк литературы, профессор в Геттингене, имевший большое влияние на романтиков; возможно, что Георгиевский говорил на лекциях о его книге «Эстетика». *Кайданов*—Иван Козьмич, преподаватель исторических наук в Царско-сельском лицее. «*Борнгольм*»—повесть Карамзина «Остров Борнгольм». *Карцев*—Яков Иванович, преподаватель физики и математических наук. «*Доктор*»—Франц Осипович Пешель, о котором см. стихотворение «Завтра с свечкой грошевою» (т. I, стр. 217).

443. *Камараж*—Илья Антонович, лицейский надзиратель по хозяйственной части. *Роман*, *Фридебург*, *Шумахер*—лица неизвестные. *Гакен*—Август-Фридрих, лицейский гувернер. *Владиславлев*—Александр Андреевич, гувернер, отставной капитан. *Матвейюшка*—Матвей Александрович Золотарев, помощник надзирателя по хозяйственной части, о котором см. в стихотворении «К Галичу». *Левашов* Василий Васильевич,

впоследствии граф и председатель Государственного совета, в 1815—1822 гг. командир лейб-гвардейского гусарского полка, руководивший обучением лицейстов верховой езде. О нем см. в стихотворении «Ноель на лейб-гусарский полк» (т. I).

444. *Вильмушка*—Кюхельбекер. Куплет этот—намеки на анонимный эпиграмматический диалог «Демон метромании и стихотворец Гезель», направленный против Кюхельбекера, в рукописном журнале «Лицейский мудрец» 1815, № 2. *Иконников*—Алексей Николаевич, бывший в 1811—1812 гг. гувернером в лицее, характеристику которого см. в следующей записи дневника. *Куницын*—Александр Петрович, преподаватель «нравственных и политических наук», очень ценимый Пушкиным. О нем см. примечания к стихотворению «Лицейская годовщина» 1836 года.

— 17 декабря. «*Вчера провел я вечер с Иконниковым*»—самый ранний отрывок художественной прозы Пушкина, дошедший до нас.

Мои мысли о Шаховском.

Первый абзац заметки—общая характеристика Шаховского—очень напоминает суждение некоего N в «Мыслях и характерах» («Российский Музеум» 1815, № 12), где читаем: «Клеон пишет трагедии, комедии, поэмы, сатиры, *водевилли*. В некоторых обществах его венчают лавровыми венками, равняют с Молиером и Депрео, удивляются его дарованиям, превозносят его ум, одним словом, почитают его гением нашего времени. Этот гений не что иное как наглый и безграмотный писатель, не учившийся ничему, не знающий начальных правил Грамматики, и который сочиняет плоские и водяные стихи единственно по слуху и на попад».—Если признать, что Пушкин усвоил некоторые положения из этой статьи в журнале, который он постоянно читал, то заметку о Шаховском надо датировать временем не ранее 12 февраля 1816 года, так как 12-й номер журнала вышел с опозданием в этот день.

446. «*Ломоносов*» — «Ломоносов или рекрут-стихотворец», опера-водевиль, ставившаяся с 1813 года, но напечатанная в 1816. «*Казак-стихотворец*» — опера-водевиль в 1 действии (1815). «*Встреча незваных*» — второе название пьесы в 2 действиях «Крестьяне» (1815).

447. «*Кокетка*» — «Урок кокеткам или Липецкие воды» (1815).

⟨Из Кишиневского дневника⟩

(стр. 447 — 449)

Печатается по автографу Пушкина: листок с началом текста, кончая словами «Жалею, что не получил он моих писем: они», хранится в ЛБ (вшит в тетрадь № 2387 А); листок с продолжением хранится в ПД (собрание А. Ф. Онегина). Начало впервые напечатано Жуковским в Посмертном изд. соч. Пушкина. Конец (по копии) напечатан впервые Н. О. Лернером в журнале «Нива» 1912, № 5.

447. *H. G.* — неизвестное лицо. *A. Ипсиланти* — о нем см. выше, стр. 626.

— *Владимиреско*, Тодор (1770 — 1821) — валахский солдат, награжденный чином поручика и владимирским крестом за участие в русско-турецкой войне 1810 — 1812 гг., вождь крестьянского восстания, охватившего Молдавию и Валахию в 1821 г., недолговременный союзник Александра Ипсиланти. О нем см. письмо Пушкина к В. Л. Давыдову.

— «*Хоронили мы здешнего митрополита*» — Гавриил Банулеско Бодони. О смерти его см. еще в стихотворении «В. Л. Давыдову».

448. «*Послание князя Вяземского к Жуковскому*» («О ты, который нам явить с успехом мог») было напечатано в «Сыне Отечества» от 5 марта 1821 г., № 10. Тяжелым дидактическим стихам Вяземского Пушкин противопоставляет музыкальное стихотворение Баратынского «Лиде» («Твой детский вызов мне приятен»), помещенное одновременно с его русской песней «Страшно воеет, завывает» вслед за посланием Вяземского в № 10 «Сына Отечества».

448. «Утро провел я с Пестелем». — П. И. Пестель, будущий глава Южного общества декабристов, был командирован в Бессарабию для собирания сведений о греческом восстании. Об этой встрече Пушкин вспомнил в дневнике 24 ноября 1834 года.

— «Получил письмо от Чадаева». — Признание Пушкина о первенствующем значении для него дружбы Чадаева отразилось в написанном в то время (6 и 20 апреля) послании Чадаеву («В стране, где я забыл...») и (11 апреля) «К моей чернильнице».

449. «Письмо мое к Василию Львовичу...» — «Тебе, о Нестор Арзамаса», написанное еще 22 декабря 1816 года и ходившее в списках, было напечатано в «Сыне Отечества» от 12 марта 1821 года, № 11.

— «Официальное письмо Гречу» не дошло до нас.

— Князь Дм. Ипсиланти, брат Александра, адъютант Н. Н. Раевского старшего, передавал неверный слух.

— «4 мая был я принят в масоны» — в ложу «Овидий» № 25, которая была закрыта 9 декабря 1821 года. Сам Пушкин писал: «Я был масон в кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи» (письмо к Жуковскому от второй половины января 1826 года). При закрытии ложи «Овидий» Пушкин взял себе счетные книги ордена, которыми он стал пользоваться с 1823 года как черновыми тетрадями (ныне №№ 2369, 2370 и 2368 ЛБ).

— «Писал я к князю Ипсиланти...» — запись, говорящая о том, что Пушкин был в тайной переписке с главой греческого восстания. Письмо не дошло до нас. Может быть, в связи с этим находится фраза Пушкина в письме к Дельвигу от 23 марта 1821 года: «Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию: есть страны благословеннее. Праздный мир не лучшее состояние жизни». В августе 1821 г. в Москве распространились слухи о бегстве Пушкина в армию восставших греков.

— Кн. Суццо, Михаил, — молдавский господарь, бывший сам гетеристом; жил в Кишиневе как агент А. Ипсиланти.

449. Баранов, Александр Николаевич — таврический граж-

данский губернатор, которого Пушкин вместе с Н. Н. Раевским навестил в Симферополе в 1820 году.

449. 26 мая — день рождения Пушкина.

— *Алексеев*, Николай Степанович — приятель Пушкина, о котором см. в примечаниях к стихотворению «Алексееву» (1821).

— *Инзов* — см. в примечаниях к стихотворению «В. Л. Давыдову» 1821 года и в «Воображаемом разговоре с Александром I».

— О *Пущине*, Павле Сергеевиче, см. примечание к стихотворению «Генералу Пущину» («В дыму, в крови...») (1821).

— *Тарас Кирилов* — может быть, бежавший из тюрьмы уголовный арестант, прощавшийся с Пушкиным накануне. См. примечание к стихотворению «Узник» (1822).

— *Крупенские* — кишиневский вице-губернатор Матвей Егорович и жена его Елизавета Христофоровна, у которых Пушкин часто бывал.

— *M-r Déguilly* — француз, уклонившийся от дуэли с Пушкиным.

(Из записной книжки 1820 — 1822 гг.)

(стр. 450)

Печатается по записной книжке Пушкина, хранящейся в ПБЛ. Впервые напечатано П. О. Морозовым в Собр. соч. Пушкина 1887.

Слова М. Ф. Орлова (которого нужно видеть в «О» записи) можно сопоставить с записью Н. И. Тургенева в дневнике под 22 сентября 1820 года: «В течение 7 месяцев третья революция! говорит Гамбургская газета.— Но все говорят, что Португалии должно было ожидать того, что случилось. Незадолго перед сим, когда царствовала в правительствах охота к конституциям, когда каждая почта извещала о конституциях — Баденской, Дармштадской и проч. и проч. — видаясь в кlobe с читателями газет, мы спрашивали друг друга при встрече: «Нет ли еще конституции?» Теперь можно спрашивать: «Нет ли еще революции?» О революции

в Испании см. т. I, прим. к стихотворению «Сказали раздарию, что наконец»; о революции в Неаполе см. там же стихотворение «В. Л. Давыдову» («Меж тем как генерал Орлов»). Вслед за испанской революцией в 1820 году вспыхнула революция в Португалии, и король (Иоанн VI) вынужден был в 1822 году признать демократическую конституцию, отмененную, правда, в следующем году.

450. *Генерал Р.*—Н. Н. Раевский старший. (О нем см. выше). Его слова—переделка изречения Наполеона I: «От великого до смешного один шаг».

⟨Из автобиографических записок⟩

(стр. 451)

Печатается по автографу ПД. Впервые напечатано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 43.

451. «*Вышел из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери.*»—Выпускной акт в лицее был 9 июня 1817 года. Уехал Пушкин в Михайловское 8—10 июля, где пробыл до конца августа.

— «*Деревня est le premier...*» — Недописанная цитата из Вольтера не вскрыта, но, очевидно, должна развертываться в обычном для Вольтера смысле осуждения деревни.

«*Старый Арап*» — Петр Абрамович Ганнибал (1742—1826), дядя матери Пушкина, сын «царского арапа» Ибрагима Ганнибала. Пушкин навестил его летом 1817 года в его имении Петровском, расположенном около Михайловского.

⟨Воображаемый разговор с Александром I⟩

(стр. 451—454)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2370). Впервые напечатано П. И. Бартевым в «Русском Архиве» 1855, № 5, стр. 195.

451. *Ода «Свобода»* — ода «Вольность», из-за которой Пушкин был выслан.

452. «*Нелепой клеветой*» должен был назвать Александр I обвинение его в соучастии в убийстве его отца в строфе 11 «Вольности», о чем см. примечание к стихотворению.

— «*Онегин*» *печатается...*» — Первая глава «Евгения Онегина», с предисловием «Разговор книгопродавца с поэтом», вышла в свет 15 февраля 1825 года.

— *И. А. Крылов* служил в Императорской публичной библиотеке.

— «*Инзов... за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, Франкфуртский журнал*». — В письме к Тургеневу Пушкин 14 июля 1824 г. писал: «Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз как мне случалось побить молдавского боярина. Правда—но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мной об Гишпанской революции». Ср. еще стихотворение: «Мой друг, уже три дня сижу я под арестом».

— *Франкфуртский журнал* («Frankfurter Oberpostamtszeitung») — еженедельный общественно-политический журнал.

— «*Граф Воронцов не сажал меня под арест...*» — «Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж верно не пришел бы ко мне толковать о конституции кортесов» (из того же письма к Тургеневу).

— *Герцог Веллингтон* — сэр Артур Веллеслей, герцог Веллингтон (1769 — 1852), великобританский фельдмаршал и государственный деятель, в 1822 году представитель Великобритании на Веронском конгрессе.

453. «*Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?*» — За полгода до написания «Воображаемого разговора» Пушкин писал Тургеневу: «Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым: дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дожидаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желание. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое».

453. *«Он русский в душе...»*—С этих слов Инзову противопоставляется скрытая характеристика Воронцова. Об англоманстве Воронцова см. примечания к стихотворению «Полумилорд—полу-купец». Воронцов был в связи с Нарышкиной, рожд. Потоцкой, и с Суворовой, рожд. Нарышкиной.

— *«Всякое сочинение противузаконное приписывают мне...»*— ср. в письме к Вяземскому от 10 июля 1826 года: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова».

— *Князь Цицианов*— Дмитрий Евсеевич (1747—1835), человек славившийся неистощимым остроумием.

— *«Как можно судить человека по письму, писанному товарищу...»*— Пушкин открыто говорит о том, что ему известно, что его письмо к Вяземскому (от первой половины марта 1824 года) со строками «Святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира» и «беру уроки чистого афеизма» было перехвачено одесской полицией. Перлюстрация этого письма была последним поводом к высылке Пушкина из Одессы в Михайловское.

— Пушкин неоднократно высказывался о том, что он выслан из-за «двух пустых фраз», то есть о «святом духе» и о «чистом афеизме» — «я сослан за строчку глупого письма» (письмо Жуковскому от 29 ноября 1824 года); «покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные» (Плетневу, около 20 января 1826 года); «сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я конечно не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам» (Дельвигу, около 15 февраля 1826 года). Последними словами и объясняется выражение Пушкина: «последний поступок со мною».

— *Карл X*—французский король, только что (16 сентября 1824 года) вступивший на престол (был свержен Июльской революцией 1830 года).

454. *Ермак*— фигура завоевателя Сибири, очевидно, привлекала Пушкина как тема поэмы. Вскоре (22 апреля 1825 года) он писал брату, требуя среди прочих книг

«Сибирский Вестник весь» (журнал, изд. Г. И. Спасским в 1818 — 1824 годах), прочтя в рецензии в «Московском Телеграфе» (1825, № 3, стр. 251) о имеющемся в журнале «множестве драгоценных исторических и географических отрывков и описаний».

454. *Кочум* — Кучум, сибирский хан, разбивший Ермака и его войско.

〈Из автобиографических записок〉

(стр. 454 — 458)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А) и по автографу ПД. Впервые напечатано в «Сыне Отечества» 1840, кн. 3, стр. 463.

454. «*запечатлены печатью вольномыслия*». — В утраченном начале этих записок Пушкин, очевидно, говорит о своих юношеских политических стихах.

— «*Болезнь*». — Пушкин проболел шесть недель в январе — феврале 1818 года. *Лейтон*, Яков (1792 — 1822) — доктор медицины.

455. «*Одна дама, впрочем весьма почтенная*» — кн. Е. И. Голицына, о которой см. примечание к стихотворению «Простой воспитанник природы».

456. «*Каченовский бросился на одно предисловие...*» — в статье «От киевского жителя к его другу» («Вестник Европы» 1819), рецензирующей два французских перевода предисловия к «Истории Государства Российского». Пушкин издевался над этим еще через три года в заметке «Несколько московских литераторов», см. выше, стр. 99.

— «*Ноты Русской истории*» — примечания Карамзина, имеющиеся в конце каждого тома и превосходящие размером основной текст.

457. «*Никита Муравьев... разобрал предисловие...*» — Будущий декабрист (см. о нем в X главе «Евгения Онегина») написал мнение об «Истории» (где главным образом разбирает предисловие), ходившее по рукам. О *Мих. Орлове* см. в примечаниях к стихотворению «В. Л. Давыдову».

457. «Некоторые остряки за ужином...» — может быть, имеются в виду заседания «Зеленой Лампы».

— «Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм» — вероятно, Пушкин разумеет эпиграмму «В его истории изящность, простота» (см. в Dubia, т. I).

— «Любимыми парадоксами» Карамзина Пушкин называет его идеи о том, что Россия может существовать лишь как монархия.

458. *Шихматов* — кн. Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, поэт, член Российской Академии и «Беседы любителей русского слова». О нем см. эпиграмму Пушкина «Угрюмых тройка есть певцов» (1815).

— *Кутузов* — П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829), одописец и переводчик, член Российской Академии; политический и литературный противник Карамзина, которого обвинял в 1810 году в «вольнодумческом и якобинском яде», в «безбожии и безначалии».

— «Шестилетнее знакомство». — В «Программе записок» Пушкин также относит приезд Карамзина к 1814 г. Если не считать того, что Пушкин ребенком, живя в Москве, знал Карамзина, который бывал у его отца и дяди, то настоящее знакомство поэта с Карамзиным началось лишь в марте 1816 г. в Царском Селе, когда Карамзин проездом из Петербурга в Москву заезжал в лицей с В. Л. Пушкиным и Вяземским. Лето 1816 г. Карамзины проводили в Царском Селе на даче, и Пушкин очень часто бывал у них. В последний раз виделся Пушкин с Карамзиным в мае 1820 г. перед своей ссылкой на юг. В *Павловск* Карамзин ездил к жившей там императрице Марии Федоровне, вдове Павла I.

(Встреча с Кюхельбекером)

(стр. 458 — 459)

Печатается по автографу П. Д. Впервые частично напечатано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, и Е. И. Якушкиным в «Библиографических Записках» 1859; полностью — Ефремовым.

Встреча произошла на пути Пушкина из Михайловского в Петербург.

458. «Следующая станция» после Боровичей в Петербург—Залазы.

— Шиллеров «Духовидец» — «Духовидец» — история, взятая из записок графа О*** и изданная Фридрихом Шиллером»; пер. с нем.—6 частей. М. 1807, 2-е изд. М. 1818.

— «Вероятно, поляки?»—члены национального патриотического товарищества, имевшие связь с декабристами.

459. «Но куда же?» — Кюхельбекера везли из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую (в Двинске). По приговору он был осужден на двадцатилетнюю каторгу, которую заменили крепостью. С 1835 года жил на поселении в Восточной Сибири, где и умер в 1846 году. После этой мимолетной встречи друзья больше не виделись. Пушкин посылал Кюхельбекеру книги и был с ним в переписке. Описание встречи сохранилось в рапорте фельдъегеря, везшего Кюхельбекера:

«Господину дежурному генералу Главного Штаба, е. и. в. генерал-адъютанту и кавалеру Потапову.

Фельдъегеря Подгорного

Р а п о р т

Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и по пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнейше отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег; я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложит его императорскому величеству, как за недопущение распротиться с другом, так и дать ему на

дорогу денег; сверх того, не преминул также сказать и ген.-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин между прочими угрозами объявил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет. 28 октября 1827 г.»

〈Программа записок〉

(стр. 459 — 461)

Печатается по автографу П.Д. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, т. I, стр. 280.

459. «*Семья моего отца*». — Пушкин разумеет своего деда, Льва Александровича Пушкина, о котором см. в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов». От второй жены у него было два сына — Василий (поэт) и Сергей (отец Пушкина), и две дочери — Анна и Елизавета.

— «*Бабушка и ее мать*». — Бабушка поэта по матери, Марья Алексеевна, рожд. Пушкина (1745—1818), была замужем за Осипом Абрамовичем Ганнибалом, младшим сыном «арапа Петра Великого». Оставленная мужем, женившимся, не получив развода, на У. Е. Толстой, Марья Алексеевна жила с малолетней дочерью Надеждой Осиповной в Липецке у матери своей Сарры Юрьевны, рожд. Ржевской, вдовы тамбовского воеводы.

— *Иван Абрамович* — Ганнибал, брат мужа Марии Алексеевны, строитель Херсона. О нем см. примечание к стихотворению «Воспоминания в Царском Селе» (1829). Он принял участие в судьбе своей невестки и привез ее в Петербург, где и выдал замуж Надежду Осиповну за Сергея Львовича Пушкина (в ноябре 1796 года).

460. «*Смерть Екатерины*». — Екатерина II умерла 6 ноября 1796 года. «*Рождение Ольги*». — Старшая сестра поэта Ольга Сергеевна (по мужу Павлищева) род. 20 декабря 1797 года в Петербурге. «*Рождение мое*». — Пушкин родился в Москве

на Немецкой ул., в доме Скворцова (ныне № 10 по Баумановской улице).

460. «*Юсупов сад*» — сад при доме кн. Юсупова в Хари-тоньевском пер. (ныне № 22) в Москве.

— «*Землетрясение*». — 14 октября 1802 года в Москве было небольшое землетрясение, вызвавшее статьи в журналах.

— *Няня* — Арина Родионовна (1758 — 1828) из крепостных Марии Алексеевны Ганнибал. Ей посвящены Пушкиным стихи «Подруга дней моих суровых», «Зимний вечер»; ее вспоминает он в стихотворении «Вновь я посетил».

— *Гувернантки*. — О. С. Павлицева рассказывала в своих «Воспоминаниях» об англичанке м-м Бэли, своей гувернантке, учившей и Пушкина английскому языку, и об одной гувернантке-немке, говорившей всегда по-русски. Отец поэта назвал фамилию немки — Лорж.

— «*[Ранняя любовь]*». — Пушкин имеет в виду девочку, которую скрыл под *** в «Послании к Юдину»; вероятно, это была Софья Николаевна Сушкова, с которой дети Пушкина брали совместно уроки танцев.

— «*Рождение Льва*». — Лев Сергеевич Пушкин родился 17 апреля 1805 года в Москве.

— «*Смерть Николая*». — Шестилетний брат Пушкина Николай умер 30 июля 1807 года в имении бабушки Захарово, где Пушкины проводили летнее время.

— *Монфор* — граф, французский эмигрант, первый воспитатель Пушкина и его сестры, «человек образованный, музыкант и живописец».

— *Русло* — следующий гувернер Пушкиных, писавший «хорошо французские стихи». Гувернерам, «как водилось тогда, дана была полная воля над детьми. Разумеется, что дети и говорили и учились только по-французски».

— «*Охота к чтению*». — Сестра поэта вспоминала, что он «уже девяти лет любил читать Плутарха или Илиаду и Одиссею...» Он часто забирался в кабинет отца и читал другие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века. Пущин писал, что Пушкин «многое прочел, о чем мы и не слышали; всё, что читал, помнил».

460 «*Меня везут в П. Б.*». — В середине июля 1811 года Василий Львович повез Пушкина в Петербург для подготовки к экзаменам в лицей.

— «*Езуиты*». — Вероятно, имеется в виду проект поступления Пушкина в Петербургский «иезуитский коллегиум (или пансион)».

— *Тургенев* — А. И. Тургенев, содействовавший помещению Пушкина в лицей. О Тургеневе см. в примечании к стихотворению «Тургенев, верный покровитель» (т. I, стр. 250).

— «*Дядя Василий Львович*» — В. Л. Пушкин ездил в Петербург для издания брошюрой своих стихотворений «Послание к Жуковскому» и «Послание к Дашкову». С июля по начало октября Пушкин жил у В. Л. в Петербурге на Мойке, где видел приходивших к нему Дмитриева, Дашкова, Блудова.

— *Ан. Ник.* — Ворожейкина, Анна Николаевна, гражданская жена В. Л. Пушкина, мать тогда годовалой дочери его Маргариты.

— «*Лицей. Открытие*». — Торжественное открытие состоялось 19 октября 1811 года. Далее названы бывшие на открытии Александр I, педагоги и Аракчеев. *Малиновский*, Василий Федорович (1765 — 1814) — первый директор лицея. *Куницын*, Александр Петрович (1783 — 1841) — преподаватель нравственных и политических наук в лицее, сказавший при открытии лицея речь, о чем см. в стихотворении «19 октября 1836 г.» и примечание к нему.

— «*Начальники наши*» — Малиновский, Гауеншильд (о котором см. примечание к стихотворению «Гауеншильд и Энгельгардт») и Пилецкий-Урбанович.

— «*Мы прогоняем Пилецкого*». — *Пилецкий-Урбанович*, Мартын Степанович (1780 — 1859) — надзиратель (1811 — 1813) в лицее, мистик, ханжа, введший в методы воспитания приемы сыска, был ненавидим лицеистами. Еще в ноябре 1812 года он довел лицеистов во главе с Пушкиным, Кюхельбекером, Малиновским и Дельвигом до открытого возмущения, замятого дирекцией. Но летом 1813 года лицеисты предложили Пилецкому выбрать — ему ли покинуть

лицей или всем воспитанникам. Пилецкому пришлось уйти. Пушкин ошибся в дате.

460. «1812 г.» — События кампании 1812 — 1813 гг. живо увлекали лицейстов, бывших свидетелями проводов войск, шедших на войну. См. «Воспоминания в Царском Селе» (1815) и «Лицейская годовщина 1831 г.».

— «*Государыня в Сарском Селе*». — Жена Александра I, Елизавета Алексеевна, оставленная мужем, жила в одиночестве в Царском Селе. Об отношении к ней Пушкина см. стихотворение «*Ответ на вызов...*»

— *Гр. Кочубей* — Наталья Викторовна, дочь министра внутренних дел, проживавшая в Царском Селе. Пушкин был в нее влюблен и посвятил ей стихи «*Измены*». В 1835 году он хотел вывести ее в «*Русском Пелаге*».

— *Чачков*, Василий Васильевич, занимал место Пилецкого с 25 июля 1813 года по март 1814 года.

— *Фролов*, Степан Степанович — инспектор лицея, отчаянный игрок.

461. «*Известие о взятии Парижа*». — Париж был взят войсками союзников 19 марта 1814 года. Это событие упоминается в стихотворениях «*Воспоминания в Царском Селе*» и «*На возвращение государя...*».

— «*Смерть Малиновского*» — смерть директора лицея (27 марта 1814 года).

«*Безначалие*». — На пост директора лицея после смерти Малиновского никто не был назначен. Исполнял обязанности директора преподаватель немецкого языка Гауеншильд, не пользовавшийся никаким авторитетом среди лицейстов.

— «*[Приезд Карамз.]*». — Карамзин посетил лицей с В. Л. Пушкиным и Вяземским 23 марта 1816 года. Пушкин ошибочно отнес это событие к 1814 году, почему и зачеркнул эти слова.

— «*[Первая любовь]*» — разумеется Е. П. Бакунина, о которой см. примечание к элегиям 1816 года. Так как увлечение это было в 1815 — 1816 гг., то Пушкин вычеркнул это место.

461. «[Жизнь Карамзина]». — Вычеркнуто, потому что Пушкин сдвинул события 1814 и 1816 годов.

— «Больница». — В 1814 году Пушкин трижды болел. Отмечает он, вероятно, последнее пребывание в лицейской больнице, во время простуды, 12 — 14 октября, когда он с исключительным успехом прочитал навестившим его товарищам свое новое стихотворение «Пирующие студенты».

— «Приезд матери». — Н. О. Пушкина переехала в Петербург из Москвы в 1814 году и впервые вместе с детьми посетила сына в лицее 12 апреля.

— «Приезд отца». — С. Л. Пушкин приехал в Петербург из Варшавы, где он служил одно время. Впервые посетил он сына в лицее 11 октября 1814 года.

— *Экзамен* при переходе с младшего курса на старший происходил публично 8 января 1815 года. Пушкин написал для него стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», по заказу Галича (о котором см. в стихотворениях «Послание Галичу» и «Галичу» и примечания к ним). Стихи эти Пушкин читал на экзамене в присутствии Державина. Об этом знакомстве с Державиным см. рассказ в «Table-talk» («Державина видел я...»).

⟨Родословная Пушкиных и Ганнибалов⟩

(стр. 461 — 468)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2387 А). Впервые напечатано в «Сыне Отечества» 1840, № 7.

461. «Ежедневные записки». — От этих записок сохранились отрывки лицейского и Кишиневского дневников. (Запись 1827 года о Кюхельбекере, сделанная на другой день после встречи, не входила, конечно, в «ежедневные записки». Дневник 1833 — 1834 гг. велся спустя несколько лет после комментируемой записи).

— *Биографию* свою Пушкин писал главным образом в михайловском уединении. В ноябре 1824 г. писал он брату: «Знаешь ли мои занятия. До обеда пишу записки, обедаю поздно...» и в другом письме: «Образ жизни моей все тот же,

стихов не пишу, продолжаю свои записки да читаю...». Около 12 сентября 1825 г. Пушкин писал Катенину: «Стихи покамест я бросил и пишу свои *shoïges*, то есть переписываю набело скучную и сбивчивую черновую тетрадь...». В те же дни Пушкин, в письме к Вяземскому, по поводу записок Байрона, так писал, конечно о чувствах, переживавшихся в это время им самим: «Писать свои *shoïges* заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощаемый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега, перед пропастью — на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать (*braver*) суд людей не трудно; презирать суд собственный невозможно».

461. *«Я принужден был сжечь сии записки».* — До нас дошло от автобиографии Пушкина всего несколько листов, которые сохранились в бумагах Пушкина: «Вышед из лица» и «(запечат)лены печатью вольномыслия». Может быть, последний отрывок имел в виду Пушкин, когда писал Вяземскому 14 августа 1826 г.: «Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя».

— *«О людях, которые после сделались историческими лицами...»* — Пушкин лично знал пятерых повешенных декабристов и очень многих, как пострадавших декабристов, так и не привлекавшихся к суду. Он признавался Жуковскому в конфиденциальном письме в январе 1826 г., что «был в связи с большею частью нынешних заговорщиков».

Пушкин писал историю своего рода, вероятно, осенью 1834 года, так как в это время показывал в Болдине А. М. Языкову среди других работ «историю рода Пушкиных».

462. *Радша* — лицо, от которого производили себя многие дворянские фамилии; жил в XII веке, то есть лет за сто до Александра Невского.

— *«Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории».* — «Двадцать один раз говорится о них в «Истории Государства Российского» (откуда по преимуществу узнавал

поэт о своем роде). Вдвое, втрое большее число их можно набрать из летописей, разрядов, чиновников, синодиков и пр.» (Бартенев, «Род и детство Пушкина», стр. 3).

462. *Григорий Гаврилович.*— Пушкин описался: он разумел Гавриила Григорьевича Слепого, а назвал его сына, деятеля эпохи первых Романовых—воеводу в Туле в 1642 году, великого посла в Швецию в 1646 году, посла в Польшу в 1650 году, умершего в 1656 году. *Гавриил Григорьевич* (ум. 1638)—приверженец Лжедмитрия, государственный деятель, выведенный Пушкиным в «Борисе Годунове». О нем писал Пушкин в письме о «Борисе Годунове» 30 января 1829 года.

В одной из заметок при сочинении «Бориса Годунова» Пушкин писал о Гавриле Пушкине: «Предался Самозванцу, был им с Плещеевым послан возмущать Москву—пожалован им в великие сокольничьи (небывалый чин), находился потом думным дворянином (1616 г.) с Мининым, получая 120 р. окладу.— В 1630 г. находился в том же чине. 1 октября 1619 года у Сретенских ворот, с Макс. Радиловым, защищает Москву против Владислава и Сагайдашного. В Вильне принимает возвращающегося из плена Филарета. В 1643 году он Елатомским наместником и послом в Польше (о границах)».

— «*Другой Пушкин*» — Григорий Григорьевич Сулемша, старший брат Гавриила Григорьевича. Слова Карамзина о нем приведены Пушкиным из т. XII, гл. I (изложение событий 1607 года).

Этих Пушкиных поэт разумел в стихах «Моей родословной»:

Водились Пушкины с царями,
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

— «*Четверо Пушкиных подписались...*» — В письме к Дельвигу от 8 июня 1825 года Пушкин говорил, что их было шесть. На самом деле их было семь. Пушкин был весьма неравнодушен к этому факту и упомянул его в «Моей родословной»:

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,—
Мы к оной руку приложили.

Любопытно воспоминание Юзефовича о Пушкине по этому поводу: «Однажды, когда Пушкин расхвастался, что четыре его предка подписали выборную грамоту Романовых, Николай Раевский ему в насмешку заметил: «есть чем хвастать». — Пушкин как в воду окунулся, и больше ни гу-гу».

462. *Матвей Степанович* (ум. 1698 или 1706)— боярин. Пройдя все ступени государственных должностей, назначенный в 1697 году воеводой в Азов, Матвей Степанович через месяц был лишен боярской чести и сослан с семьей в Енисейск за участие сына Федора в стрелецком мятеже.

— *Федор Матвеевич* — стольник, казнен 4 марта 1697 года за участие в стрелецком мятеже вместе со стрелецким полковником Иваном Ивановичем *Цыклером* и окольниковым Алексеем Прокофьевичем *Соковниным*.

Федора Матвеевича разумеет Пушкин в «Моей родословной» в стихах:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

463. *Александр Петрович Пушкин* (1686—1725)— капитан-армус Преображенского полка (1722), владелец Болдина и смежных нижегородских деревень.

— *Жена его*—Евдокия Ивановна Головина (дочь адмирала, генерал-кригскомиссара адмиралтейства при Екатерине I), зарезана мужем в 1725 году. Ср. в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений», где сказано, что «он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену». Он умер в том же году, трид-

цати девяти лет. Сведения о безумии и убийстве, совершенном прадедом Пушкина, известны лишь по запискам поэта, который записал, очевидно, семейные предания.

463. *Лев Александрович* (1723—1790)—дед поэта, о котором он читал у французских историков Рюлиера и Кастера (см. «Опыт отражения»). О нем вспоминает Пушкин в «Моей родословной»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью Третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой — в крепость, в карантин.

— «*Повесил на черном дворе*». — Пушкин писал невесте 30 сентября 1830 года из Болдина: «Мой ангел, только одна ваша любовь препятствует мне повеситься на воротах моего печального замка (на этих воротах, скажу в скобках, мой дед некогда повесил француза, un outchitel, аббата Николь, которым он был недоволен)». Возможно, что этот рассказ был преувеличен; в формуляре Л. А. Пушкина значится, что он «за непорядочные побои находящегося у него в службе венецианина Харлампия Меркадии был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить».

— «*Вторая жена его*» — Ольга Васильевна Чичерина (1737—1802), бабушка поэта.

464. «*Дед ее*» — Ибрагим или Абрам Петрович Ганнибал (1698—1781), изображенный Пушкиным в повести «Арап Петра Великого», в Post-scriptum'e «Моей родословной».

466. «*Его немецкий биограф...*» — Биография А. П. Ганнибала на немецком языке и перевод ее на русский язык, сделанный Пушкиным, хранятся в бумагах поэта в ЛБ (опубликовано в сб. «Рукою Пушкина», М.—Л. 1935).

— *Первая жена* прадеда Пушкина Ганнибала — Евдокия Андреевна Диопер, гречанка, дочь капитана галерного флота

в Петербурге. По архивным данным, история их брака и развода выясняется в несколько ином виде. Насильно выданная замуж в начале 1731 года, Евдокия Андреевна до брака сошлась с другим. Через месяц после брака Ганнибал с женой переехали в Пернов, где она сблизилась с «кондуктором» Яковом Шишковым. Ганнибал донес в суд, что Шишков хотел его отравить и после месяца истязаний жены «смертельными побоями необычно» предал и ее суду. Пять лет провела она под арестом, питаясь общественным подаванием. Ганнибал же в 1736 г. женился незаконно на второй жене. Приговоренная к наказанию — «гонять по городу лозами, а прогнавши отослать на Прядильный двор на работу вечно» — «прелюбодеица» Евдокия Андреевна стала хлопотать о пересмотре дела. Лишь в 1743 году дело рассматривалось в Синоде, а она была отдана на поруки и поселилась у родных на Васильевском острове в Петербурге. Она сблизилась с подмастерьем Академии Наук Обумовым и в 1746 году родила дочь Агриппину, вскоре умершую. Может быть, этот случай и дал основание для семейного предания о белой дочери *Поликсене*. Судебное дело разрешилось лишь в 1754 году, когда Евдокия Андреевна была заключена в Староладожский женский (а не Тихвинский) монастырь, где вскоре и умерла.

— *Вторая жена Ганнибала Христина-Регина фон-Шеберх* — дочь капитана полка в Ревеле, прабабка Пушкина.

467. *Ивана Абрамовича Ганнибала* (1732—1801) Пушкин называет в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1829) среди героев, памятники которым поставлены в Царско-сельском парке. Ему же отводит он строфу в «Моей родословной»:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

— *Осип Абрамович* (1744 — 1806) — офицер флота артиллерии.

467. *Марья Алексеевна*, рожд. Пушкина (1745 — 1818) — бабушка Пушкина, учившая его грамоте. О ней поэт вспоминал в стихотворениях «Сон» и «Муза».

468. «*Женился на другой жене*» — Устинье Ермолаевне Толстой (вдове капитана Ивана Толстого), рожд. Шишкиной.

— «*Новый брак деда моего объявлен был незаконным*» — это было 2 марта 1784 года.

— «*Трехлетняя ее дочь*» — Надежде Осиповне, будущей матери Пушкина (1775 — 1836) было в это время девять лет.

— «*Дед мой умер в 1807 г.*» — не совсем точно, он умер в Михайловском 12 октября 1806 года.

〈Заметка о холере〉

(стр. 474 — 477)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2377). Впервые напечатано П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, т. I, стр. 280.

474. «*Дерптский студент*» — Алексей Николаевич Вульф (1805 — 1881), сосед Пушкина по имению, сын П. А. Осиповой.

〈Программа записок〉

(стр. 479)

Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2375). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. IX, стр. 648. Программа эта написана осенью 1833 года в Болдине, когда Пушкин, вероятно, думал писать мемуары.

479. В *Кишинев* Пушкин приехал 21 сентября 1820 года из Симферополя. В Крыму он прожил три недели с семьей Раевских, проведя с ними до того более двух месяцев на Кавказе.

— *Ипсиланти* — о нем см. стр. 626 и в «*Note sur la révolution d'Ipsylanti*».

479. *Каменка* Чигиринского уезда Киевской губернии — имение Давыдовых, где бывали съезды деятелей Южного тайного общества. Сюда приехал Пушкин в середине ноября 1820 года и пробыл до конца февраля 1821 года.

— «*Фонт.*» — вероятно, первые мысли о будущей поэме «Бахчисарайский фонтан».

— «*Греческая революция*» — Об этом см. «*Note sur la révolution d'Ipsylanti*».

— *Липранди*, Иван Петрович (1790—1880)—в ту пору подполковник, приятель Пушкина по Кишиневу, оставивший о нем воспоминания; впоследствии агент тайной полиции.

〈Дневник〉

(стр. 479 — 526)

Печатается по автографу *ЛБ*. Впервые в печати стали появляться отрывки из «Дневника» в цитациях П. В. Анненкова, в его «Материалах для биографии Пушкина» 1855. Полностью впервые дневник напечатан в Собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова в изд. Брокгауза и Ефрона, 1915, т. VI. В 1923 году вышло два подробно комментированных отдельных издания «Дневника» Пушкина — в Ленинграде под ред. Б. Л. Модзалевского, в Москве под ред. В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского.

〈1833〉

479. 24 ноября. — «Катеринин день».

— *Карамзина*, Екатерина Андреевна (1780 — 1851) — вдова историографа, сводная сестра кн. П. А. Вяземского, имевшая в течение многих лет литературный салон. Карамзина была одним из ранних увлечений Пушкина - лицеиста.

— «*Видел Жуковского*». — Это была первая встреча с ним после июня 1832 года, когда Жуковский уехал за границу, где он путешествовал и лечился. *Фикельмон* — австрийский посланник в Петербурге, женатый на гр. Дарье Федоровне Тизенгаузен, дочери Елизаветы Михайловны Хитрово. О

Суццо см. в отрывках «Из Кишиневского дневника» (под 9 мая 1821 года) и в примечании к ним.

480. «Обед у Энгельгардта». — Энгельгардт, Василий Васильевич, — приятель Пушкина по кружку «Зеленая Лампа». См. послание «Энгельгардту» (1819).

— *Сухозанет*, Иван Онуфриевич (1788 — 1861) — артиллерийский генерал, открывший картечный огонь по декабристам на Сенатской площади. Боевая карьера его кончилась после подавления польского восстания, когда ему оторвало ногу. В записанных Пушкиным словах Энгельгардта — намек на педерастию Сухозанета.

— *Дамские мундиры* — введенные для придворных дам стилизованные сарафаны.

— *Салтыков*, Сергей Васильевич (а не В. С.), — петербургский богач, известный независимостью своих политических суждений и бытовых повадок, библиофил. — *Гр. Орлов*, Алексей Федорович — генерал-адъютант, впоследствии шеф жандармов. См. послание Пушкина «Орлову» («О ты, который сочел...», том I).

— *Турецкий посланник* — Мушир-Ахмет-паша, представитель Турции в России, впервые приехавший за шесть дней до записи Пушкина. А. Ф. Орлов познакомился с ним в Константинополе.

— *Яшвилъ*, князь Лев Михайлович (1768 — 1836) — начальник артиллерии I армии, при котором Сухозанет был адъютантом. *Мартынов*, Савва Михайлович (1780 — 1864) — игрок, не брезговавший шулерством. Он был дядей Мартынова, убившего на дуэли Лермонтова. *Никитин*, Павел Ефимович (1785 — 1842) — игрок-миллионер.

481. *Бринкен*, Рихард Егорович — подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, при помощи разных проделок обворывавший английский и другие магазины.

— *Графиня Штакельберг*, Аделаида Павловна (1807 — ум. 7 ноября 1833) — двоюродная сестра гр. Дарьи Федоровны Фикельмон. *Хитрово*, Елизавета Михайловна (1783 — 1839) — дочь фельдмаршала Кутузова, приятельница Пушкина.

— «*Les enfants d'Edouard*» — трагедия Казимира Делавиня

на тему об убийстве сыновей короля Эдуарда IV. Публика искала аналогии с убийством Павла I. Трагедия не была снята с репертуара и кроме Théâtre français ставилась с 1835 года в переводе в Александринском театре. *Экери* — бар. Геккерн, нидерландский посланник, с которым Пушкин, очевидно, общался еще в 1833 году. *Блай*, Джон — секретарь английского посольства.

482. Граф *Бутурлин*, Дмитрий Петрович — военный историк, отчего и имел прозвище известного военного теоретика и стратега *Жомини*. О нем см. сатирический отзыв Пушкина в послании к А. М. Горчакову (1819). «*Карта распространения России*» — приложение к книге Бутурлина «Военная история походов Россиян в XVIII ст.» (4 ч., 1819—1823).

— «*Великий князь*» — Михаил Павлович. *Александровская колонна* — колонна в память Александра I в Петербурге на Дворцовой площади. Она сооружалась по проекту Монферрана с конца 1829 года, открытие было лишь 30 августа 1834 года. От этого торжества Пушкин уехал из Петербурга. См. ниже, запись от 28 ноября 1834 года.

483. «*Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.*». — «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» была прочтена Гоголем Пушкину до отдачи ее Смирдину для напечатания в альманахе «Новоселье на 1834 г.».

— О *Нат. Кир. Загряжской* см. в примечаниях к «Table-talk». Там же подробнее о свержении Петра III. *Кн. Дашкова*, Екатерина Романовна, рожд. графиня Воронцова (1744—1810) — президент Академии Наук и Российской Академии.

— *Княгиня Кочубей*, М. В. (1779—1844), рожд. Васильчикова — жена председателя Государственного совета и Комитета министров, племянница бездетной Н. К. Загряжской, воспитавшей ее. В старости Загряжская жила в доме Кочубеев.

484. *Храповицкий*, Александр Васильевич (1749—1801) — поэт и переводчик, статс-секретарь Екатерины II, был около 1770 года генерал-аудитор-лейтенантом в штате графа К. Г. Разумовского. *Записками Храповицкого* (тогда неизданными) Пушкин пользовался для статьи о Радищеве.

484. *Будакова*, Прасковья Григорьевна — фрейлина (1752), повенчанная в 1761 году в придворной церкви с бароном С. Н. Строгановым. Известны другие побочные дети Елизаветы Петровны.

— *Мартынов*, Павел Петрович (1782—1838) — начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии, с 6 декабря 1833 года петербургский комендант.

— «4 полных генералов» — Савоини, Кайсаров, Никитин 1-й и гр. Левашов 1-й. В числе двадцати трех человек, пожалованных генерал-лейтенантами, был Василий Алексеевич *Перовский*, оренбургский военный губернатор, у которого Пушкин останавливался во время поездки на Урал осенью 1833 года.

— *Скобелев*, Иван Никитич — генерал и писатель. У него было оторвано два пальца правой руки (в 1809 году) и ампутирована левая рука (в 1831 году).

— *Гр. Бобринский*, Алексей Алексеевич (1800—1868) — внук Екатерины II, культурный и богатый человек, основатель свеклосахарного завода, организатор добычи каменного угля и проложения первых железных дорог.

— *Мятлев*, Иван Петрович — поэт, автор «Сенсаций госпожи Курдюковой дан л'Этранже».

485. *Кочубей*, князь Виктор Павлович — председатель Государственного совета и Комитета министров; *Нессельроде*, граф Карл Васильевич — вице-канцлер, министр иностранных дел.

— «15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе». — Каждый год, 14 декабря, в годовщину своего вступления на престол и подавления восстания на Сенатской площади, Николай I давал бал во дворце.

486. *Гр. Шувалова*, Текла Игнатьевна рожд. Валентинович (1801—1873) — жена графа П. Шувалова, бывшая первым браком замужем за фаворитом Екатерины II князем П. А. Зубовым. О ней см. еще в дневнике под 14 апреля 1834 года.

— *Тик*, Людвиг — знаменитый немецкий поэт, славившийся искусством чтения стихов.

486. *Кн. В. Долгорукий*—В. В. Долгоруков, исправляющий должность президента придворной конюшенной конторы. Он был сыном Е. Ф. Долгоруковой, о которой см. в «Table-talk».

— *Сухтельн* — Сухтелен, Константин Петрович — вице-президент Придворной конюшенной конторы.

— О *Блудове* см. примечание к «Программе записок».

1 8 3 4

487. «*Аничков*» — дворец, где происходили придворные балы. *Dangeau* — Филипп де-Курсильон, маркиз де-Данжо, французский придворный, оставивший мемуары о дворе Людовика XIV.

— *Безобразов*, Сергей Дмитриевич — флигель-адъютант, за которого была выдана фрейлина Л. А. Хилкова.

— *Сперанский*, Михаил Михайлович (1772 — 1839) — см. о нем выше. Пушкин говорил со Сперанским о Пугачеве, так как в это время только что кончил писать его историю; о Ермолове же — вероятно, потому, что А. П. Ермолов вместе с Сперанским намечались декабристами в члены временного правительства. Это и скрывается под пометой etc. Ср. ниже, под 3 июня 1834 г. запись Пушкина о Ермолове.

— *Вигель*, Филипп Филиппович (1786 — 1856) — член «Арзамаса», с которым Пушкин часто встречался в Кишиневе и Одессе. См. о нем во II томе стихотворение «Вигелю» (1823).

489. «*Осведомилась о Перовском...*» — Вас. Ал. Перовский, оренбургский губернатор, был адъютантом при Николае I до его царствования.

— «*Прошедший вторник*» — 23 января. О *С. В. Салтыкове* см. в записи под 28 ноября 1833 г. У него бывали вечера по вторникам.

— «*Бал у кн. Трубецкого*» — Вас. Серг., генерал, сенатор.

— *Траур по каком-то... князе* — 9/21 января умер герцог Фердинанд Вюртембергский; с 24 января при дворе был десятидневный траур.

490. *Старуха гр. Бобринская*—гр. Анна Владимировна, рожд. бар. Унгерн-Штернберг (1769—1846), мать Алексея Алекс.; Николай I звал ее «tante», так как она была замужем за сыном Екатерины II.

— *Барон д'Антес*.—Первое упоминание Пушкиным будущего его убийцы. *Маркиз де-Пина*—Эммануил Иванович, роялист, эмигрант. *Шуаны*—участники контрреволюционного восстания 1793 года. Так же называли и контрреволюционеров 1830 года.

— «*Мне возвращена моя рукопись с его замечаниями*»—рукопись «Истории Пугачева» (ныне хранится в ЛБ), была подана Николаю в декабре 1833 года и возвращена Пушкину через Жуковского 29 января 1834 года.

— *Гр. Шувалов*, Андрей Петрович—церемониймейстер, муж вышеупоминавшейся Теклы Игнатьевны. *Скарятин*—Яков Федорович, задушивший Павла I. «*Великий князь*»—Михаил Павлович.

491. *Австрийский посланник*—гр. Фикельмон.

— «*Молодая княгиня Суворова*»—кн. Любовь Васильевна Суворова-Рымникская, рожд. Ярцова (1811—1867). *Витгенштейн*, Лев Петрович (1799—1866)—старший сын фельдмаршала. «*Покойная жена его*»—Стефания Доминиковна, рожд. кн. Радзивилл (1809—1830). *Суворов*—кн. Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский (1804—1882), полковник, флигель-адъютант. *К—ва*—неизвестное лицо.

492. *Соболевский*—Сергей Александрович, приятель Пушкина, острослов, эпиграмматист, библиофил. *Вельегорский*, гр. Михаил Юрьевич (1788—1856)—о нем см. в «Table-talk» и примечание.

— *Кн. Одоевский*, Владимир Федорович (1803—1869)—писатель. *Ланская (бывшая Полетика)*—неизвестна. *Княгиня Одоевская*—Ольга Степановна, рожд. гр. Ланская (1797—1872).

— «*13 июля 1826 года*»—день казни декабристов.

493. «*Ц. н. анекдоты*»—вероятно, означает царские нескромные анекдоты, то есть касающиеся царской фамилии.

Все четыре рассказа Пушкин слышал, очевидно, накануне от Смирновой. *Княжна Туркестанова* — Варвара Ильинишна (1775—1819).

494. *Уваров*, Федор Петрович (1769—1824)— генерал-адъютант, дежуривший в ночь убийства Павла I и охранявший комнаты будущего императора Александра.

— *Гаевский*, Семен Федорович, — доктор медицины.

— Об А. И. *Галиче* см. в примечаниях к стихотворениям «К Галичу» и «Послание к Галичу», том I, и в программе автобиографии.

495. *Устрялов*, Николай Герасимович — историк, профессор Петербургского университета.

— «*Процесс Никонов*», то есть акты суда над патриархом; они не были изданы Устряловым, может быть, из-за цензурного запрещения.

— *Совершеннолетие наследника* (будущего Александра II) считалось в день его шестнадцатилетия, 17 апреля 1834 года; ввиду великого поста празднование было отложено на 22-е число, первый день Пасхи. О кн. В. В. *Долгорукове* и гр. А. П. *Шувалове* см. выше.

496. *Нарышкин*, Кирилл Александрович — президент Придворной конюшенной конторы, известный шутник. Его остроты записаны Пушкиным еще 16 и 25 апреля.

— *Графиня Полье* — Варвара Петровна, рожд. кж. Шаховская (1796—1870), с 1816 г. жена генерал-лейтенанта графа П. А. Шувалова, вторым браком за швейцарцем графом А. А. Полье, с 1836 года за принцем Бутера, неаполитанским посланником в Петербурге.

— *Кн. Мещерский*, Петр Иванович — муж Е. Н. Карамзиной.

— *Кн. Ник. Трубецкой* — вероятно, Никита Петрович (1804—1855), брат декабриста, приятель Соболевского. *Норов*, Авраам Сергеевич (1795—1869) — поэт, путешественник, впоследствии министр народного просвещения. *Кукольник*, Нестор Васильевич (1809—1868) — поэт и драматург. «*Тасс*» — «Драматическая фантазия Торквато Тассо» (СПБ 1833).

«*Рука*» — «Рука всевышнего отечество спасла», драма о Минине и Пожарском, поставленная впервые 15 января 1834 г. «*Ляпунов*» — трагедия Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский».

497. *Хомяков*, Алексей Степанович — поэт; его трагедия «Прокопий Ляпунов» не была дописана.

— *Барон Розен*, Егор Федорович — поэт, драматург и критик.

Смирнов (кам.-юнк.), Николай Михайлович (1807 — 1870) — муж А. О., рожд. Россет. *Иксуль* — барон Александр Карлович (1805 — 1880).

498. «...нашей оговоркою» — «Трое (Пушкин, Зайцевский и Свинын) объявили, что не станут участвовать в делах собрания, не зная, кто главный редактор, и удалились. Они опасались и не хотели Сенковского» — так вспоминал об этом эпизоде Н. И. Греч.

— «*Прошлое воскресенье*» — 25 марта.

499. *Брюнов* — барон Филипп Иванович Брюнов (1797 — 1875), в то время член Главного управления цензуры.

— «*S. не была*» — ср. записи от 8 апреля (*S. К.*) и от 10 апреля. Судя по тому, что в это же время Пушкин несколько раз пишет жене о своей дружбе с *Sophie Karantzine* и отшучивается на ревность жены, то и *S.* и *S. К.* в дневнике — Софья Николаевна Карамзина (1802 — 1856), старшая дочь историографа, которой Пушкин вписал в альбом в 1827 году стихотворение «В степи мирской» (см. том II).

— «*Пиковая дама*» была напечатана в мартовской книжке журнала «Библиотека для Чтения». *Кн. Наталья Петровна* — Голицына (1741 — 1837), известная под прозвищем «*princesse Moustache*» (княгиня усатая), девяностолетняя старуха, статс-дама.

— *Гр. Лаваль* — граф Иван Степанович Лаваль (1761 — 1846), в это время тайный советник, гофмейстер, член Главного управления училищ. Жена его — Александра Григорьевна, рожд. Козицкая (1772 — 1850). «*Вся семья*» — то есть три дочери с мужьями (старшая, Екатерина, жена декабриста кн. С. П. Трубецкого, была с ним в ссылке в Сибири): Зинаида — жена

австрийского посланника в Петербурге графа Лебцельтерна; Софья — жена камергера графа А. М. Борга, Александра — жена церемониймейстера графа С. О. Коссаковского. Ее назвал Пушкин *гр. Кос*.

499. *«Представлялся»* — церемония, требовавшаяся по придворному этикету.

— *Брат Паскевича* — Степан Федорович Паскевич (1785—1840), назначенный губернатором в Курск.

— *Шереметев*, Василий Александрович (1795—1862) — орловский губернский предводитель дворянства.

— *Болховской* — Я. Д. Бологовской (1798—1851), статский советник, начальник таможенного округа в Одессе.

— *«Два Корфа»* — 1) барон Модест Андреевич (1800—1876), назначенный статс-секретарем, товарищ Пушкина по лицу; 2) его брат, барон Федор Андреевич (1808—1839), камер-юнкер.

— *Вольховский*, Владимир Дмитриевич (1798—1841) — генерал-майор, участник Турецкой кампании 1828—1829 гг., товарищ Пушкина по лицу. О нем см. в стихотворении «19 октября» (1825) и в «Путешествии в Арзрум». *Тетка Н. Н. Пушкиной* — Екатерина Ивановна Загряжская.

500. *Воронцов*, граф Михаил Семенович (1782—1856) — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, бывший начальник Пушкина по Одессе, многократно осмеянный им в эпиграммах («Не знаю где, но не у нас...», «Певец Давид был ростом мал...», «Сказали раз царю...», и др. — том II); см. также «Воображаемый разговор с Александром I». *Котляревский*, Петр Степанович (1782—1851) — известный боевой генерал, покоритель Закавказья. О нем см. в эпилоге к «Кавказскому пленнику». *О. Нарышкина* — Ольга Станиславовна, рожд. графиня Потоцкая (1802—1861) — известная красавица, жена Л. А. Нарышкина, двоюродного брата графа М. С. Воронцова. *Графиня Воронцова* — Елизавета Ксавериевна (1792—1880). См. связываемые с нею стихотворения «Ангел», «Желание славы», «Талисман», «Сожженное письмо», «К морю» и др.

— *Бринкен* — см. выше, запись от 29 ноября 1833 года;

курляндское (а не финляндское) дворянство разжаловало его в солдаты, и, лишенный звания и фамилии, он был сослан Николаем в Оренбургский отдельный корпус.

500. *Уваров*, Сергей Семенович (1786—1855)—знакомый Пушкина еще по «Арзамасу», с 21 апреля 1834 года министр народного просвещения. Изображен Пушкиным в лице «наследника» в стихотворении «На выздоровление Лукулла». Ср. ниже запись в дневнике от февраля 1835 года. *Свиньин*, Павел Петрович (1787—1839)—писатель и художник, коллекционер, распродававший в это время свой «Русский музеум». О Свиньине см. сатирическую сказочку «Маленький лжец» в «Детской книжке» (стр. 112).

501. Слух о *Полевом* стоит в связи с закрытием «Московского Телеграфа» — см. выше запись от 7 апреля.

— *Граф Строганов* — Григорий Александрович (1770—1857), в это время член Государственного совета. Он назван в качестве блистательного кавалера Байроном в «Дон-Жуане» (песнь I, строфа СХІХ). Строганов был двоюродным братом Н. Н. Пушкиной и после смерти поэта — членом опекунства над его детьми.

— Статью из «Франкфуртской газеты» Пушкин переписал в дневник, думая отвечать на нее, но этого не сделал. Строганову Пушкин писал, что «объятия Лелевеля кажутся ему тяжелее ссылки в Сибирь». *Лелевель*, Иоахим (1786—1861) — польский историк, министр народного просвещения в революционном правительстве Польши. *Пулавский* — ксендз, входивший в «Патриотический клуб». Был с Лелевелем в эмиграции во Франции. *Ворцель*, граф Станислав (1800—1856) — польский политический деятель, эмигрант. *Речи* произносились 25 января 1834 года «в годовщину свержения Николая с польского престола, а также в память русского восстания 1825 года и гибели русских патриотов». Лелевель привел в своей речи две революционные сказочки, якобы написанные Пушкиным и присланные им из ссылки царю. Одна из них была басня Сегюра «Дитя, Зеркало и Река», переложенная в стихи Денисом Давыдовым («Река и Зеркало»).

503. «*Будущий бал*» — даваемый дворянством 29 апреля по случаю совершеннолетия наследника. О кн. Ек. Фед. Долгоруковой см. прим. к «Table-talk», где есть рассказы о ней и рассказы, слышанные Пушкиным от нее. О графине Шуваловой см. выше, запись от 15 декабря 1833 года.

— «*Проводил Н(аталью) Н(иколаевну) до Ижоры*». — Жена поэта с двумя детьми ехала к матери в Ярополец. *Ижоры* — первая почтовая станция по Московской дороге, в 33 верстах от Петербурга.

— «*Дворянский бал*» — о нем см. записи 14 апреля и 3 мая.

— *Граф Литта*, Юлий Помпеевич (1763—1839) — обер-камергер.

504. О К. А. Нарышкине см. запись от 17 марта 1834 г.

— Об *указе* — см. запись от 3 мая 1834 г.

— О *Суворовой* см. запись от 6 марта 1834 г. Сын ее Аркадий родился 2 октября 1834 г. Муж ее, кн. А. А. Суворов, был в Петербурге с 21 октября 1833 г. по 20 января 1834 г.

— «*Среда на святой неделе*» — 25 апреля.

— «*Праздник совершеннолетия*» — церемония присяги состоялась 22 апреля.

505. *Филарет* — московский митрополит.

— *Мердер*, Карл Карлович (р. 1788) — воспитатель наследника, генерал. Об *Аракчееве* см. запись от 8 марта 1834 г. и примечание к ней.

506. *Блудов*, Дмитрий Николаевич (1785—1864) — министр внутренних дел, о котором см. в программе автобиографических записок. *Клейнмихель*, Петр Андреевич (1794—1869) — генерал, в то время управляющий Временным департаментом военных поселений, ставленник Аракчеева. *Игнатъев*, Павел Николаевич — в то время полковник Преображенского полка и флигель-адъютант при принце Ольденбургском. «*Минувшее торжество*» — совершеннолетие и присяга наследника, см. запись от «середы на святой неделе». *Смирнова* — Александра Осиповна, о которой см. запись от 8 марта. Пушкин писал об этом и жене не раз. За ее роды опасались друзья, так как в 1832 г. она едва не умерла от

первых родов. Теперь она родила 18 июня двоих детей. Указ от 17 апреля 1834 г., ограничивающий пребывание за границей для дворян до пяти лет, а для других сословий до трех лет.

506. «Право, данное дворянству Петром III» — разрешение свободного выезда за границу.

507. 1-го мая бывали в Екатерингофе под Петербургом традиционные гулянья в память победы Петра I.

— *Графиня Хребтович*, Елена Карловна (р. 1813) — дочь Нессельроде.

— *Милорадович*, граф — петербургский военный генерал-губернатор, много сделавший для благоустройства и украшения Екатерингофа. «Надпись к воротам Екатерингофа» — стихи, может быть, самого Пушкина.

— «Гоголь читал у Дашкова свою комедию» — вероятно, пьеса «Владимир 3-й степени», дошедшая до нас лишь во фрагментах.

— «*Molière avec Tartuffe...*» — цитата из 3-й сатиры Буало, использованная Дашковым потому, что талант Гоголя часто сравнивали с мольеровским, а однофамильцем французского музыканта Ламбера был один из представителей «светского» общества в Петербурге — генерал К. О. *Ламбер*. Жену его Пушкин знал по Царскому Селу, где она жила в 1831 году. Пушкин называл ее «*Madame Tolrègue*» (от слова «толпега»). О *Лавалях* см. выше.

508. «*Лифляндское дворянство...*» — о Бринкене см. запись от 29 ноября 1833 г. Пушкин ошибся: речь идет о курляндском дворянстве.

— «*Получил я от Жуковского записочку...*» — Записка эта не сохранилась. Московским почт-директором А. Я. Булаковым, хорошо знакомым с Пушкиным, было перехвачено письмо поэта к жене от 20 и 22 апреля 1834 г., где он нашел предосудительным следующее место: «Письмо твое послал я тетке, а сам и не отнес, потому что репортуюсь большим и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с

меня картуз, и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой, с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет». В словах «я могу быть подданным, даже рабом...» и т. д. может быть невольная реминисценция слов Ломоносова: «Я... не только у вельмож, но ниже у господа моего бога дураком быть не хочу»; слова эти цитированы Пушкиным в статье «Путешествие из Москвы в Петербург», написанной приблизительно в пору писания дневника. Негодование Пушкина по поводу инцидента с перлюстрацией его писем было возбуждено до крайности: «Без политической свободы жить очень можно,— писал он жене,—без семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не в пример лучше».

509. *Видок* — начальник тайной полиции в Париже; появление в печати его мемуаров вызвало заметку Пушкина в «Литературной Газете», направленную против Булгарина. Ср. также эпиграмму «Не то беда, что ты поляк», последний стих которой:

Беда, что ты Видок Фиглярин.

— *Смирновы* — Александра Осиповна и Николай Михайлович.

— *Полетика*, Петр Иванович (1778 — 1849) — дипломат, один из членов «Арзамаса» (1815 — 1817), он общался с Пушкиным главным образом в последние годы жизни поэта. Ср. запись от 2 июня 1834 года.

— *Чертков*, Евграф Александрович — один из гвардейских офицеров, возведший Екатерину II на престол.

— *Зубов*, Платон Александрович (1767 — 1822) — последний фаворит Екатерины II.

510. *Константин* — вел. кн. Константин Павлович (1779 — 1831).

510. *Laharpe*, — Фридрих-Цезарь Лагарп (1754—1838), швейцарский государственный деятель; в 1782—1794 гг. Лагарп был воспитателем Александра I. Письма Александра I к Лагарпу опубликованы в очень небольшой части.

— Граф *Ланжерон*, Александр Федорович (1763—1831)— французский эмигрант, роялист, бывший до Воронцова новороссийским генерал-губернатором, живший одновременно с Пушкиным в Одессе; поэт встречался с Ланжероном и в 1829—1831 гг. в Петербурге. Александр I, благоволивший к Ланжерону в юности, изменил отношение к нему в конце своего царствования. Письма Александра I к Ланжерону, читанные Пушкиным в Одессе, не опубликованы.

511. *Медем*, граф Павел Иванович (1800—1854), был назначен (20 июля 1834 г.) исправляющим должность поверенного в делах в Лондоне, на смену полномочному министру (с 1812 г.) кн. Христофору Андреевичу Ливену (1774—1838).

— *Суспиции* — очевидно, искаженное французское слово *substitution*, означающее назначение одного лица на место другого.

— О *Блае* см. выше запись от 30 ноября 1833 года.

— Лорд *Каннинг Стратфорд* (1788—1880) — английский дипломат, назначенный в 1833 году великобританским послом в Петербург и не принятый Николаем I.

— *Мещерские* — вторая дочь Карамзина Екатерина Николаевна и ее муж князь Петр Иванович, о которых см. выше.

— *Красовский*, Александр Иванович (1780—1857) — цензор Петербургского цензурного комитета (1821—1828), а в 1833—1857 гг. — председатель Комитета иностранной цензуры.

— «*Великая княгиня*» — Елена Павловна (1806—1873), рожд. принцесса Вюртембергская, жена вел. кн. Михаила Павловича.

512. *Катерина Андреевна* — Карамзина; *Тайцы* — мыза под Гатчиной.

— *Давыдов* — вероятно, Дмитрий Александрович (1786—1851), приятель Вяземского, помещик и сахарозаводчик. *Киселев*, Павел Дмитриевич (1788—1872) — генерал-адъю-

тант, впоследствии министр государственных имуществ. Он был «полномочным представителем диванов княжеств Молдавии и Валахии и командующим войсками, в оных княжествах расположенными». Пушкин знал Киселева еще в юности и посвятил ему девять стихов в послании Орлову 1819 года.

— *Генерал Болховской* — Дмитрий Николаевич Бологовской (1775—1852), один из участников убийства Павла I. Пушкин, живя в Кишиневе, бывал у него очень часто (Бологовской был там бригадным командиром в дивизии М. Ф. Орлова).

— *Елиза* — Елизавета Михайловна Хитрово (1783 — 1839).

— *Нащокин* — Павел Воинович. О нем см. стр. 825.

— *Князь Кочубей*. — О нем см. запись от 14 декабря 1833 года.

514. «*Прошедший месяц был бурен*». — Пушкин месяц не вел дневника, пока происходили следующие события: 25 июня он написал Бенкендорфу, прося у царя отставки. В ответ получил извещение шефа жандармов, что отставка принята, но что просьба Пушкина о разрешении попрежнему посещать архивы отклонена Николаем, так как право это дается лишь лицам, «пользующимся особенною доверенностью начальства». Под влиянием этого холодного предупреждения, что он будет вновь в числе подозрительных лиц, получив к тому же «нагоняй» от Жуковского, Пушкин «трухнул» (как он сам писал жене) и взял обратно свою просьбу об отставке.

— *Маршал Мезон* (1771 — 1840) — генерал французской армии, в это время посол в Петербурге.

— *Арт*, Николай Федорович (1785 — 1859) — лейб-медик, один из врачей, лечивших Пушкина после его ранения на дуэли.

— *Трощинский*, Дмитрий Прокофьевич (1749—1829) — екатерининский чиновник, занимавший при Павле I должность президента Главного почтового правления. С октября 1800 г. был в отставке; возвращенный на службу после убийства Павла I, занимал должности министра уделов и министра юстиции.

515. *Открытие Александровской колонны* на Дворцовой площади в Петербурге состоялось 30 августа 1834 года.

— *«Видел А. Раевского»* — Александр Николаевич Раевский.

— *В Калугу*, вернее в Полотняный Завод Калужской губернии, Пушкин поехал к жене, которая гостила в имении деда с обоими детьми.

— *Тарутино*—село в Боровском уезде Калужской губернии. Владелец его, гр. С. П. Румянцев, в память победы, одержанной здесь в 1812 году над французскими войсками, освободил всех крестьян села Тарутина, числом 439, от крепостной зависимости, предоставив им земли. За это они должны были воздвигнуть в Тарутине памятник в честь победы 6 октября 1812 года. Памятник был открыт 25 июня 1834 года.

516. *«Нижегородская деревня»* — село Болдино, которым Пушкин стал лично управлять с весны 1834 года.

— *Управители* — Михаил Иванович Калашников, бывший управляющий Михайловским, и Осип Матвеевич Пеньковский.

— *«Я ждал всё возвращения царя...»* — Без санкции Николая I, вернувшегося в Петербург 26 ноября, книгу не решались выпустить.

— *Бутурлин*, Дмитрий Петрович.—См. запись от 30 ноября 1833 года.

— *Долгорукая* — кн. Ольга Александровна (1814—1865), дочь московского почт-директора А. Я. Булгакова.

517. *Князь М. Голицын*—Пушкин ошибся, это кн. И. Ф. Голицын, заведывавший секретным отделением канцелярии московского генерал-губернатора.

— *Лекс*, Михаил Иванович (1793—1856) — бывший чиновник канцелярии Инзова, а с 1832 года директор канцелярии министерства внутренних дел. О нем см. упоминание Пушкина в рассказе «Кирджали».

— *Салтыков*, Сергей Васильевич.—См. запись от 28 ноября 1833 года. *Н. Н.*—Наталья Николаевна Пушкина. *Ермолова-Лассаль*—Жозефина-Шарлотта, дочь генерала француз-

ской армии гр. Лассалья, жена М. А. Ермолова; *Курваль* — графиня, дочь генерала Моро.

517. *Графиня Бобринская*, Анна Владимировна. — См. запись от 26 января 1834 года.

518. *Ленский*, Адам Осипович — помощник статс-секретаря по департаменту дел Царства Польского; «*l'ambassadeur d'Autriche*» — австрийский посланник, граф Фикельмон.

519. «*Встретил я... великого князя*» — Михаила Павловича.

— S — С. Н. Карамзина или А. О. Смирнова.

— *Нординг* — Густав Нордин, секретарь шведско-норвежского посольства в Петербурге.

— *Хитрово* — Елизавета Михайловна. См. запись от 3 июня 1834 г., где она названа Ellis'ой.

— «*Великий князь*» — Михаил Павлович. Речь шла о статье в «Северной Пчеле» от 13 декабря 1834 г.

520. *Звание потомственного почетного гражданина* было учреждено в 1832 году; оно избавляло от телесных наказаний, рекрутчины и подушной подати, как и дворянство, но не давало других прав последнего.

521. *Никитенко*, Александр Васильевич (1805—1877) — профессор и цензор (с 1834 года), пропустивший в этом году четыре произведения Пушкина, но в 1835 году зарезавший несколько стихов в «Сказке о золотом петушке» и в «Андрейко».

— *Деларю*, Михаил Данилович (1811—1868) — поэт, воспитанник Царскосельского лицея.

— «*Библиотека*» *Смирдина* — журнал «Библиотека для Чтения», издававшийся А. Ф. Смирдиным. В XII книжке этого журнала был напечатан перевод Деларю из В. Гюго:

К р а с а в и ц е

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой.

И если б богом был—селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

521. *Митрополит* — Серафим (1763—1843), петербургский митрополит, поднявший в 1828 г. дело о «Гавриилиаде».

522. «*Ухарский псалом Глинки*» — вероятно, «Слова Адо-наи к мечу» (из Исаии) (1832), начинающийся так:

Сверкай, мой меч! играй, мой меч!
Лети, губи, как змей крылатый!
Пируй, гуляй в раздолье сеч!
Щиты их в прах! в осколки латы!

1 8 3 5

522. «*Выкупив бриллианты Наталии Николаевны...*» — Постоянно нуждаясь в деньгах, Пушкин закладывал бриллианты жены, что пришлось сделать сейчас же после свадьбы; другую часть бриллиантов Пушкины заложили в мае 1831 г. для переезда из Москвы в Петербург и не смогли их никогда выкупить.

— *Князь Волконский*, Петр Михайлович (1776—1852) — министр императорского двора.

523. *Великая княгиня* — Елена Павловна, о которой см. запись от 2 июня 1834 года.

— «*Записки Екатерины II*». — Пушкин в Одессе в библиотеке Воронцова списал «Записки Екатерины II», ходившие в списках, так как Николай I держал их под государственной печатью в Государственном архиве.

— *С. М. Смирнова* — Софья Михайловна, сестра Н. М. Смирнова, горбатая девушка, любительница литературы, с которой дружили Пушкин и Жуковский.

— *Свояченица Пушкина* — Екатерина Николаевна Гончарова, жившая с сестрой Александрой с осени 1834 года в Петербурге с Пушкиными. 10 января 1837 года она вышла замуж за Дантеса, будущего убийцу Пушкина. *Мартынов* —

Павел Петрович, о котором см. запись от 6 декабря 1833 года.

523. *Панин*, Виктор Никитич (1801 — 1874) — камергер, товарищ министра юстиции (при Д. В. Дашкове), был исключительно высокого роста, — ради контраста был в детском костюме; *Бобринский* — Алексей Алексеевич, о котором см. запись от 6 декабря 1833 года; *Брызгалов*, Иван Семенович (1753 — 1838) — комендант и кастелан Михайловского замка, пользовавшийся большим доверием Павла I и после его смерти продолжавший носить форму павловского времени; Брызгалов симулировал юродство и выгодно устраивал свои материальные дела.

524. «*Bertrand et Raton, ou l'art de conspirer*» — комедия Скриба, ставившаяся в Париже с конца 1833 года. Сюжет ее был заимствован из истории Дании XVIII века. *Блум* — граф Отон Вломе (1770—1849), датский посланник в России с 1804 по 1841 год.

— *Филарет* — митрополит московский. *Павский*, Герасим Петрович (1787—1863) — профессор Петербургской духовной академии, крупный филолог. Филарет написал в Синод донос, что в двух книгах Павского, «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе», есть недобросовестности и неблагонамеренности.

— *Кочетов*, Иоаким Семенович (1787 — 1854) — член Российской Академии, протоиерей собора Петропавловской крепости.

— «*Выбрал другого...*» — вместо Павского законоучителем наследника был назначен Василий Борисович Бажанов (1800—1883).

525. *Дундуков* — князь М. А. Дондуков-Корсаков, попечитель Петербургского учебного округа, председатель Цензурного комитета и (с 7 марта 1835 г.) вице-президент Академии Наук. Ср. в томе III эпиграмму «В Академии Наук», написанную на Дондукова через четыре месяца.

— *Канкрин*, граф Егор Францевич (1776—1845) — министр финансов.

526. «*Сказка о золотом петушке*» была напечатана в

книге «Библиотеки для Чтения» 1835, № 16, вышедшей в свет 1 апреля. Указанные Пушкиным три стиха появились в печати впервые.

526. О *Красовском* см. запись от 2 июня 1834 года. *Бирюков*, Александр Степанович (1772—1844) — цензор Петербургского цензурного комитета. См. о нем эпиграмму «Тимковский царствовал» (т. II, стр. 162).

Записки официального назначения

О народном воспитании

(стр. 529 — 537)

Печатается по писарской копии, исправленной и подписанной Пушкиным, сохранившейся в архиве III Отделения (ныне в ПД). Впервые опубликовано М. И. Сухомлиновым в «Историческом Вестнике». Автограф (перебеленная сводка, с поправками), хранившийся в Остафьевском архиве, опубликован П. И. Бартеневым в сборн. «Деятнадцатый век», кн. 2, М. Начальные черновые наброски записки сохранились в тетради ЛБ (№ 2368, лл. 42 об. — 49), отрывок (характеристика указа об экзаменах) — в ПД (собрание А. Ф. Онегина).

Записка написана была по прямому заданию Николая I. 30 сентября 1826 года шеф жандармов обратился к Пушкину, только что освобожденному от ссылки, со следующим письмом: «Его величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего отечества, предав вместе бессмертию имя ваше. В сей уверенности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества. Вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения. И предмет сей должен представить вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные

последствия ложной системы воспитания». Вопросы, предложенные для разработки Пушкину, ближайшим образом занимали правительство после 14 декабря и получили уже отражение в специальных записках, представленных Николаю I в 1826 году начальником южных военных поселений графом И. О. Виттом («Записка о недостатках нынешнего воспитания российского дворянства и средствах обратить оное совершенно на пользу императорской военной и гражданской службы»), попечителем Харьковского учебного округа А. А. Перовским и тайным советником А. И. Арсеньевым («Исследование коренных причин происшедшим заговорам и бунтам против престола и царства»). См. «Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной е. и. в. канцелярии», вып. XIII, СПб 1906).

Пушкин был очень смущен порученным ему делом, о чем свидетельствует его рассказ, записанный 16 сентября 1827 года в дневнике А. Н. Вульфа: «Говоря о недостатках нашего частного и общественного воспитания, Пушкин сказал: «Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро» (Л. Майков, «Пушкин», СПб 1899, стр. 176).

В начале декабря 1826 года гр. Бенкендорф представил Николаю I заметки Пушкина при следующем письме: «D'après la conversation que j'ai eue avec Pouschkin, par ordre de Votre Majesté, il vient de m'envoyer ses remarques sur l'éducation publique, que je joins ici. C'est déjà d'un homme qui revient à la raison» (Вследствие разговора, который у меня был, по приказанию вашего величества, с Пушкиным, он мне только что прислал свои заметки на общественное воспитание, которые при сем прилагаю. Заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу) («Старина и Новизна» 1903, кн. 6, стр. 5). Записка Пушкина была очень внимательно прочитана царем, испещрившим ее явно несочувственными вопросительными и восклицательными знаками; эта отрицательная оценка была сильно, однако, сглажена в письме, в котором 23 декабря 1826 года

Бенкендорф довел до сведения Пушкина, что «государь император с удовольствием изволил читать рассуждения ваши о народном воспитании», но «при сем заметить изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание».

Работая над своей запиской, Пушкин ближайшим образом пользовался советами кн. П. А. Вяземского, едва ли не единственного из его московских друзей, политический такт и опыт которого могли ему в это время импонировать.

В бумагах Вяземского сохранился самый автограф записки «О народном воспитании», и его же посредничеством легко объясняется использование в записке Пушкина материалов «Записки о древней и новой России» Карамзина (1811). Этот рукописный историко-политический трактат, несмотря на свою секретность легко доступный П. А. Вяземскому (брату жены историографа и его душеприказчику), оказал большое влияние на идеологическую эволюцию Пушкина после 14 декабря. Именно к этому документу восходит ряд политических тезисов Пушкина о природе русского самодержавия, о рядовом и служилом дворянстве, о табели о рангах Петра, о реформах первых лет царствования Александра I и пр. Полностью восходят к трактату Карамзина и суждения «Записки о народном воспитании» по поводу проведенного М. М. Сперанским «Указа об экзаменах».

«Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в снискании ученых сведений в Университетах, — писал Карамзин, — правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный Указ об экзаменах. Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государ-

ствах требовалось от чиновников только необходимого, для их службы, знания: науки инженерной — от инженера, законоведения — от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойство кислорода и всех газов. Вице-губернатор — Пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших — Римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целию... Доныне дворяне и не дворяне в гражданской службе искали у нас чинов, или денег: первое побуждение невинно, второе опасно: ибо умеренность жалованья производит в корыстолюбивых охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни других наук, для чего будут служить титулярные и коллежские советники? Лучшие, т. е. честолюбивые, возьмут отставку, худшие, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу с живого и мертвого. Уже видим и примеры. Вместо сего нового постановления надлежало бы только исполнить сказанное в Уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предьявлять свидетельство о своих знаниях. От начинающих можно всего требовать, но кто уже давно служит, с тем нельзя, по справедливости, делать новых условий для службы; он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанного законом; а вы нарушаете сей контракт государственный. И, вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя» («Записка о древней и новой России», СПб 1914, стр. 75 — 76).

531. *«Чины сделались страстию русского народа... В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет*

безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил. — Суждения эти близки наблюдениям m-ше де-Сталь в книге «Десять лет изгнания»: «Il y a grande disette, en Russie, d'hommes instruits, dans quelque genre que ce soit: les jeunes gens ne vont, pour la plupart, à l'Université que pour entrer plus vite dans l'état militaire. Les charges civiles en Russie, donnent un rang qui correspond à un grade dans l'armée; l'esprit de la nation est tourné tout entier vers la guerre; dans tout le reste, administration, économie politique, instruction publique, etc., les autres peuples de l'Europe l'emportent, jusqu'à présent, sur les Russes» («Dix années d'exil», ch. XIV).

532. *«В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное... оно кончается на 16-летнем возрасте воспитанника»*. — Суждения эти очень близки наблюдениям m-ше де-Сталь: «Toute l'ambition des bourgeois est de faire leurs fils officiers, afin qu'ils soient dans la classe privilégiée. De là vient que toute éducation est finie à quinze ans; on se précipite dans l'état militaire le plus tôt possible, et tout le reste est négligé» («Dix années d'exil», ch. XVII).

534. *«Н. Тургенев, воспитывавшийся в Геттингенском университете...»* — Тургенев, Николай Иванович (1789—1871)—один из вождей Союза Благоденствия и идеологов умеренно-либерального крыла декабристов, автор «Опыта теории налогов» (1818) и позднейших мемуаров «La Russie et les Russes» (1847). Во время восстания 14 декабря находился в отпуску за границей, откуда отказался возвратиться по вызову Следственной комиссии и заочно был осужден «в каторжную работу вечно». Упоминание Пушкина о нем связано с хлопотами Жуковского и других влиятельных друзей Н. И. Тургенева о его амнистировании. Надежды на амнистию и других декабристов очень ярко отражены в черновой редакции «Записки» Пушкина, который в непосредственную связь с этими своими ожиданиями ставит и примирение «братьев, друзей, товарищей» погибших декабристов с правительством Николая I: «Простят в душе своей необ-

ходимость, с надеждою на великодушие, на милость монарха, коего власть не ограничена никакими законами».

536. «*Политическая экономия по новейшей системе Сея и Сисмонди...*» — *Сея* (1767—1832) и *Сисмонди* (1773—1842)—передовые буржуазные экономисты, борцы с феодальной государственностью, очень популярные в кругу декабристов.

537. «*История Государства Российского*» *есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека*.— Формулировка эта повторена Пушкиным в «Отрывках из писем, мыслей и замечаниях» (1827) и перефразирована (применительно к Соути) в «Последнем из собственных Жанны д'Арк» (1837).

Некоторые из мыслей, впервые намеченных Пушкиным в «Записке о воспитании» (некоторые из них восходят, правда, к его уничтоженной автобиографии) впоследствии были развиты им в «Романе в письмах» (т. VII), в набросках о дворянстве в записях дневника.

〈Записка о Мицкевиче〉

(стр. 538)

Печатается по автографу ПД, прежде находившемуся в архиве III Отделения, среди бумаг М. Я. фон-Фока. Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в литературной газете «Ирида» от 3 июня 1918 года.

Ходатайство Пушкина, очевидно, успеха не имело, ибо Мицкевич получил разрешение на выезд из России только весной 1829 года, и притом не в Польшу, а в Германию и Италию.

Пушкин, познакомившийся с Мицкевичем в конце 1826 г. в Москве и часто встречавшийся с ним зимою 1827—1828 г. в Петербурге, вспоминал об этих встречах в стихах «Он между нами жил» (1834). К 1828 году относится его же перевод начала поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» («Сто лет минуло, как тевтон» и пр.). К 1833 году относятся переводы «Будрыс и его сыновья» и «Воевода». Об отклике

Пушкина на «Олешкевича» и «Памятник Петра Великого» Мицкевича в «Медном Всаднике» см. примечания к последнему.

Перевод:

Адам Мицкевич, профессор университета в Ковне, за принадлежность, в возрасте 17 лет, к одному литературному обществу, которое существовало в продолжение лишь нескольких месяцев, был арестован Виленскою следственною комиссией (1823). Мицкевич сознался, что был осведомлен о существовании другого литературного общества, но всегда был в неведении о цели его, которая состояла в распространении идей польского национализма. Впрочем, и это общество существовало лишь самое короткое время и было закрыто до издания указа. По истечении 7 месяцев Мицкевич был выпущен на свободу и выслан в русские губернии — до тех пор, пока государю императору благоугодно будет разрешить ему возвратиться. Он служил под начальством генерала Витта и московского генерал-губернатора. Он надеется, что, так как их отзывы для него благоприятны, правительство позволит ему возвратиться в Польшу, куда его призывают домашние обстоятельства. 7 января 1828 г.

(Записка о В. Д. Сухорукове)

(стр. 538 — 540)

Печатается по автографу *ПД* (вод. зн. «1829»). Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина 1903, т. V, стр. 415. В бумагах Пушкина, хранящихся в *ПД*, сохранилась краткая автобиография В. Д. Сухорукова (на двух листах, с вод. зн. «1828»), положенная в основание настоящей записки. В автобиографии этой раскрыты имена «двух эсаулов», принявших от В. Д. Сухорукова его материалы: «Кучеров и Кушнарев, которые были его помощниками».

Датируется записка летом 1831 года, ибо к 29 августа 1831 года относится письмо А. Х. Бенкендорфа к Пушкину, в котором шеф жандармов сообщал о передаче им записки военному министру графу А. И. Чернышеву: «Граф Черны-

шев отвечал мне на сие, что акты, о коих упоминает сотник Сухоруков, никогда не были его собственностью, ибо они собраны им из архивов войска и из других источников, по приказанию и направлению его, графа Чернышева, что акты сии, как принадлежащие к делам Комитета об устройстве войска Донского, никак не могли утратиться, но должны быть в виду начальства, и что, наконец, он находит со стороны сотника Сухорукова не только неосновательным, но даже дерзким, обременять правительство требованием того, что ему не принадлежало и принадлежать не может».

538. *Сухоруков*, Василий Дмитриевич (1795—1841) — поручик лейб-гвардии Казачьего полка, историк, издавший совместно с А. О. Корниловичем альманах «Русская Старина» (1824); осведомленный Рылеевым и Бестужевым о деятельности тайного сообщества, формально членом последнего не состоял, ввиду чего репрессии в отношении его ограничились запрещением проживать в Петербурге и подчинением «бдительному» полицейскому надзору. Пушкин познакомился с В. Д. Сухоруковым в 1829 году на Кавказе и писал о нем в пятой главе «Путешествия в Арзрум»: «Вечера проводил я с умным и любезным С., сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностью и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены». В примечаниях к «Истории Пугачева» Пушкин сослался на статью г. С(ухорукова) «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI ст.» («Соревнователь Просвещения» 1824). В марте 1835 года Пушкин пригласил В. Д. Сухорукова участвовать в «Современнике», упомянув о его «дельных, добросовестных и любопытных произведениях».

〈Материалы по изданию газеты〉

(стр. 540 — 545)

1. Записка, представленная в III Отделение. Печатается по беловому автографу (бумага с вод. зн. «1829»),

ныне находящемуся в *ПД*. Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в Собр. соч. Пушкина 1903, т. VII, стр. 405—406. Автограф черновой редакции этой записки находится в *ЛБ* (тетрадь № 2386 Б, лл. 11, 12 и 27). Впервые опубликован (частично) П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» 1855, стр. 357—358; полностью — В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. XII, стр. 535—537.

Черновая редакция записки относится, вероятно, к лету 1830 года (ошибочно этот черновик датируется обычно 1828 годом) и связана с обострением борьбы «Литературной Газеты» с «Северной Пчелой» после опубликования Пушкиным заметки о «Записках Видока». 2 мая 1830 года Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзицы или Моду или Политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто кроме «Сев. Пчелы» ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? Справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? — с Булгариным и Гречем. Пожалуйста поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он по своему обыкновению пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься». Реорганизации «Литературной Газеты» обеспечить, однако, не удалось, и Пушкин возвратился к своему проекту только через год, в пору своего пребывания в Царском Селе, когда, с одной стороны, надежды на реформаторскую деятельность Николая I, а с другой — неудачи русских войск в Польше, возможность отторжения Украины, угроза французской интервенции и призрак крестьянской революции, неожиданно напомнившей о себе кровавыми эксцессами восстания новгородских военных поселян и массовыми вспышками холерных бунтов, обусловили очень, правда, непро-

должительное, но совершенно открытое сближение Пушкина с придворными правительственными кругами.

В первых числах июня 1831 года Пушкин пытался провести свою записку о новой литературно-политической газете через управляющего III Отделением М. Я. фон-Фока, который уклонился, однако, от поддержки этого начинания. В середине же июля Пушкин свои пожелания сформулировал в письме к А. Х. Бенкендорфу следующим образом: «Если государю императору угодно будет употребить перо мое для политических статей, то постараюсь с точностью и с усердием исполнить волю его величества. У нас периодические издания не суть представители различных политических партий (которых в России и не существует)— и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее в некоторых случаях общее мнение имеет нужду быть управляемо. Ныне, когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всех нас противу польских мятежников, озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою — конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны... Пускай позволят нам, русским писателям, отражать бесстыдные и невежественные нападения иностранных газет. С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости, около которого соединил бы писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению. Правительству легко будет извлечь из них всевозможную пользу, когда бог даст мир и государю досуг будет заняться устройством успокоенного государства, ибо Россия крепко надеется на царя... Если политический журнал покажется предприятием излишним, то буду просить дозволения заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках».

Мы привели письмо Пушкина в черновой начальной ре-

дакции, более четко и откровенно раскрывающей условия его написания и общие политические установки, чем сокращенный окончательный текст. Судьба этого письма известна: Николай I и А. Х. Бенкендорф не приняли предложения Пушкина о газете и поспешили удовлетворить его второе ходатайство—о работе над историей Петра Великого. Вновь вопрос о разрешении на газету поставлен был Пушкиным весной 1832 года, причем вместо политических мотивировок на первое место выдвинуты были уже основания материально-бытового порядка: «До настоящего времени, — писал Пушкин 27 мая 1832 года А. Х. Бенкендорфу, — я относился очень небрежно к своим денежным средствам. Теперь, когда я не могу быть беспечным, не погрешая против своих обязанностей, я должен подумать о способах увеличения своих средств и прошу на это разрешения его величества. Служба, к которой он соблаговолил меня причислить, мои литературные занятия обязывают меня жить в Петербурге, а у меня нет других доходов, кроме тех, которые доставляет мне моя работа. Литературное предприятие, на которое я прошу разрешения и которое упрочило бы мою судьбу, должно было бы находиться во главе журнала, о котором Жуковский, как он сказывал мне, вам говорил» (подлинник по-французски). Весьма вероятно, что именно к этому письму и была приложена та специальная записка о газете, черновой набросок которой сделан был еще в 1830 году, а белой печатается нами выше.

Разрешение на газету было получено летом 1832 г. Однако отсутствие денежных средств, необходимых для организации издания, а также потребность в опытном сотруднике по редакционной работе обусловили обращение Пушкина к Н. И. Гречу, которого он пригласил войти соиздателем в будущую газету и оставить для этого «Северную Пчелу». Переговоры с Н. И. Гречем не увенчались, однако, успехом, и 16 сентября 1832 г. Пушкин поручил обязанности ответственного редактора «Дневника» Н. И. Тарасенко-Отрешкову. В это время Пушкин уже очень пессимистически расценивал возможности будущего издания, реализация кото-

рого вновь затянулась, отсрочена была до 1833 г., а потом отложена на неопределенное время в связи с работой над «Историей Пугачева».

2. «Что есть журнал европейский...» и пр. Печатается по автографу Государственного Литературного музея в Москве (из собрания С. А. Соболевского). Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в «Дне» 1861, № 2, стр. 49.

Набросок является, вероятно, конспектом докладной записки о «Дневнике» и наметкой плана будущего издания. Развернутое противопоставление «русского» и «европейского» журналов см. выше, в заметке «Определяйте значение слов».

3. «Дневник. Контора под ведомством Редактора...» и пр. Печатается по автографу ЛБ (тетрадь № 2373, л. 25). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884, кн. VIII, стр. 327.

⟨Программа «Современника», представленная в С.-Петербургский цензурный комитет⟩

(стр. 545)

Печатается по автографу, находящемуся в Ленинградском Историческом архиве (Дело СПб Цензурного Комитета по предложению г. министра народного просвещения о высочайшем соизволении на издание г. камер-юнкеру Пушкину журнала под названием «Современник»). Впервые опубликовано С. М. Бонди в сб. «Литературный Музеум», П. 1921, стр. 5. Записка, датируемая концом февраля — началом марта 1836 г., рассматривалась в заседании комитета от 10 марта 1836 года.

Приложения

Критические заметки на полях книг

〈Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского
«О жизни и сочинениях В. А. Озерова»〉

(стр. 549 — 557)

Впервые опубликовано Л. Н. Майковым в форме статьи в сб. «Старина и Новизна», СПб 1897, кн. I, стр. 305—323, по оригиналу, находившемуся в Остафьевском архиве. Нынешнее местонахождение подлинника, представлявшего собою оттиск статьи Вяземского из изд. 1817 г., с проложенными белыми листами (вод. зн. бумаги «1825»), неизвестно.

Статья П. А. Вяземского, вызвавшая возражения Пушкина, написана была для издания сочинений В. А. Озерова 1817 г. и перепечатывалась без перемен в 1824, 1827 и 1828 годах. Для последнего издания Вяземский предполагал ее переработать, в связи с чем, вероятно, и просил Пушкина перечитать этот очерк и высказать о нем свое мнение.

В произведениях лицейской поры Пушкин, подобно всем поэтам, связанным с «Арзамасом», подчеркивал свою высокую оценку Озерова («Городок»—1814, «Послание к Жуковскому»—1816). Но уже в «Моих замечаниях о русском театре» Пушкин говорил о «несовершенных творениях несчастного Озерова» и приписывал их успех лишь игре Катерины Семеновой (1820). Эта же мысль ожила в изве-

стных строках «Онегина»: «Там Озеров не в о л ь н ы дани народных слез, рукоплесканий, с младой Семеновой делил». В письме от 6 февраля 1823 года к Вяземскому Пушкин корил Озерова за «следование жеманным правилам французского театра», за язык, «неточный и заржавый» и, протестуя против включения Озерова в число «поэтов романтических», доказывал, что даже «Фингал» написан «по всем правилам Парнасского православия».

Об этом же упоминал Пушкин в 1827 году в набросках предисловия к «Борису Годунову» (см. стр. 75), а в заметках о народности в литературе (1826) и о драме (1830) иронизировал над попытками Озерова дать «трагедию народную» в «Дмитрии Донском» (см. стр. 169).

⟨Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе»

К. Н. Батюшкова)

(стр. 557 — 596)

Печатается по копии, сделанной Л. Н. Майковым на экземпляре «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова, ныне хранящемся в библиотеке Академии Наук. Впервые опубликованы в статье Л. Н. Майкова «Пушкин и Батюшков» (Л. Майков, «Пушкин», СПб 1899, стр. 284—317); точнее — В. Л. Комаровичем в Полном собр. соч. Пушкина 1933, т. V, стр. 870 — 895. Автограф утрачен.

Пять заметок, сделанных чернилами (см. стр. 594 — 596), по видимому относятся к концу 1817 года; карандашные — к концу 1830 года.

Принципы оценки стихов Батюшкова совпадают с принципами переработки собственных лицейских стихов: для Пушкина 20-х годов всякое стихотворение является замкнутой, единой смысловой системой, точно выверенной и не допускающей словесно-логических противоречий и разнобоя предметно-лексических планов. Отсюда — исключительное внимание к точному смыслу ряда слов (ср. замечания: «не под серпом, а под косою; ландыш растет в лугах и ро-

цах—не на пашнях засеянных»; «увенчаем в знак венчанья» и др.), критика «слишком явного смешения древних обычаев мифологии с обычаями жителя подмосковной деревни» и наконец—чуткость к возможности комической реализации метафоры: «Твой друг тебе навек отныне с рукою сердце отдает»—«Батюшков женится на Гнедиче»; видно, что в пушкинском понимании слово теряет литературно-условный характер и получает реальный смысл, прямое соотношение с предметным миром.

567. «*Последняя весна*» Батюшкова воспроизводила стихотворение Мильвуа «*La chute des feuilles*» («Падение листьев»).

570. «*Гезиод и Омир — соперники*» — перевод элегии Мильвуа «*Combat d'Homère et d'Hésiode*».

— «*Невежество непростительное*» — вместо Колхиды (Кавказа) надо было назвать Халкиду (город на острове Эвбее); ошибка была исправлена самим Батюшковым в списке погрешностей, приложенном в начале «Опытов».

— «*Противуречие*». — Пушкин отмечает, что в начале стихотворения говорится о гостеприимном мире, а в конце —

Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит,
Он с ним пристанища в Элладе не находит...
И где найдут его талант и нищета.

571. «*Подражание Ломоносову и Torrismondo*» — Пушкин указывает на вторую строку «Вечернего размышления о божием величестве» Ломоносова:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах и пр.

«*Torrismondo*» — трагедия Тассо, из которой Батюшков взял эпиграф к своему «Умирающему Тассу».

583. «*Батюшков—не виноват*» — Пушкин, повидимому, считает виновным его издателя, Н. И. Гнедича.

586. «*И амуры на часах*» — стих из стихотворения М. Н. Муравьева «Богине Невы».

588. «*И то перевод*» — Пушкин имеет в виду известную эпиграмму Экушара Лебрена — «*O la maudite compagnie*».

595. *Елизавета Алексеевна* — жена Александра I.

⟨Заметки на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Дмитрия⟩

(стр. 597 — 608)

Печатается по автографу Государственного Литературного музея в Москве. Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в изд. «Пушкин и его современники» 1913, вып. XIII, стр. 149—160.

Статья М. П. Погодина напечатана была в «Московском Вестнике» 1829, ч. III, стр. 90—126 (цензурное разрешение от 31 мая 1829 г.). Пушкин виделся осенью 1829 года в Москве с Погодиным и, судя по письму последнего к С. П. Шевыреву от 26 сентября, «целые два часа протолковал» с ним об его аргументации «в пользу Бориса». Спор этот возобновился при встрече Погодина с Пушкиным 30 апреля 1831 года, когда они провели «четыре битых часа в споре о Борисе» (запись в дневнике Погодина). Заметки Пушкина на полях «Московского Вестника» могут быть поэтому датированы 1829 или 1831 годом.

601. *Герцог Энгенский* (Энгьенский), Луи - Антуан - Анри (1772—1804) — принц французского королевского дома, эмигрант, активный участник контрреволюционного движения, схваченный по приказанию Наполеона на Баденской территории и расстрелянный в Венсене.

⟨Заметки при чтении «О государственном кредите» М. Ф. Орлова⟩

(стр. 608 — 609)

Печатается по автографу П. Д. Впервые расшифровано в 1929 г. и опубликовано П. Е. Щеголевым в «Известиях» 1930.

Книга «О государственном кредите» М. Ф. Орлова вышла, без имени автора, в Москве в 1833 году (цензурное разрешение от 23 августа 1833 г.). В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр книги, с дарственной надписью М. Ф. Орлова и с приложением 40 страниц рукописного текста, не допущенного к печати.

⟨Заметки на полях письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова⟩

(стр. 609 — 611)

Печатается по изд. Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземского, СПб 1879, т. II, стр. 218—225. Местонахождение автографа неизвестно.

Книга профессора СПб университета Н. Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории. Рассуждение, написанное на степень доктора философии Николаем Устряловым», СПб 1836 (дата цензурного разрешения — 14 сентября 1836 г.) сохранилась в библиотеке Пушкина, которому она была прислана автором при письме от 27 октября 1836 года. В начале ноября 1836 года кн. П. А. Вяземский предложил для «Современника» специальный разбор «брошюрки Устрялова», но Пушкин уклонился от публикации этой статьи, ссылаясь на то, что «цензура не осмелится ее пропустить, а Уваров сам на себя розог не принесет». Материалами своей статьи Вяземский, вероятно, воспользовался и для обращения по этому поводу к С. С. Уварову как к министру народного просвещения. Протестуя против скептического отношения Устрялова к достижениям и установкам «Истории Государства Российского», Вяземский заключал свое обращение к министру сопоставлением диссертации Устрялова с «Философическим письмом» Чаадаева, за которое только что был закрыт «Телескоп».

«Мысли г. Устрялова сбиваются на ту же теорию, которая, проповедуемая историческою оппозициею нашею, получила, наконец, практическое применение в известном письме Телескопа. Оба мнения подкрепляют друг друга и сливаются вместе. Одно различие в том, что в журнальном письме

более безумия и таланта, а в университетском рассуждении более нелепости и менее искусства».

Об отношении Пушкина к «Истории Русского Народа» Н. А. Полевого см. т. VIII, стр. 48 и 732. Приступив в 1830 году к изданию своей «Истории», Полевой взимал вперед подписную плату за 12 томов, между тем издание оборвалось на VI томе, вышедшем в свет в 1833 году. Это обстоятельство Пушкин и имел в виду, говоря о «плутовстве подписки».

Записи

Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве 1830
(стр. 612 — 616)

Печатается по автографу *П.Д.* Впервые полностью опубликовано Я. К. Гротом в газ. «Русь» 1855, № 22, стр. 1—2. В сильно сокращенной редакции, под названием «Старинные русские странности. Отрывки биографии***», было включено в Посмертное изд. соч. Пушкина 1841, т. XI, стр. 185—189 и перепечатано П. В. Анненковым в Собр. соч. Пушкина 1855, т. V, стр. 510—512, с изменением в подзаголовке «***» на «Н» и с пояснением в примечаниях, что «это рассказ П. В. Н — а, записанный Пушкиным» (стр. 535).

Нащокин, Павел Воинович (1800 — 1854) — один из ближайших друзей Пушкина. Рассказы его, записанные Пушкиным, были использованы последним для характеристики генерала В. В. Нащокина в «Заметках к «Истории Пугачева», представленных 26 января 1835 года Николаю I. В этих же заметках Пушкин, желая, вероятно, привлечь внимание царя к П. В. Нащокину, упомянул и о записи его рассказов: «отроду не читывал я ничего забавнее» (см. т. VIII, стр. 573).

Альбомные записи

(стр. 617)

1. Кн. А. М. Горчакову. Печатается по автографу в альбоме А. М. Горчакова, лицейского товарища Пушкина

(Центрархив РСФСР). Впервые опубликовано (факсимильно) в Полном собр. соч. Пушкина 1931, т. I, между стр. 496 и 497.

Запись является переводом стихов французского поэта Прадона (1632 — 1698) «*A mademoiselle Bernard*».

2. Е. А. Э н г е л ь г а р д т у. Печатается по автографу в альбоме Е. А. Энгельгардта, директора Царскосельского лицея (*ПБЛ*). Впервые опубликовано в «Отчете Публичной библиотеки за 1900 — 1901 г.», стр. 125.

3. Ч р е в о в е щ а т е л ю А. В а т т е м а р у. Печатается по автографу *ПД*. Впервые опубликовано в «Русской Художественной Газете» 1837, № 1, стр. 233.

Александр Ваттемар — французский актер, трансформатор и чревовещатель, гастролировавший в 1834 году в России.

Содержание

Литературно - критические, исторические и полемические наброски

Мои замечания об русском театре	9
⟨Заметки по поводу суждения о «Проекте вечного мира» Сен-Пьера⟩	18
Note sur la révolution d'Ipsylanti	19
⟨Note sur Penda-Déka⟩	21
⟨Заметки по русской истории XVIII в.⟩ . . .	22
⟨Начало статьи о русской прозе⟩	30
⟨Только революционная голова...⟩	32
О французской словесности	—
⟨Заметки о французских историках и поэтах⟩ .	33
⟨Причинами, замедлившими ход нашей словес- ности...⟩	34
⟨Заметки к поэме «Цыганы»⟩	36
⟨Заметка к элегии «Андрей Шенье»⟩	38
⟨Возражения на статью А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в 1824 и начале 1825 годов»⟩	—
⟨Изо всех родов сочинений самые неправдо- подобные...⟩	40
О поэзии классической и романтической . . .	41
⟨Замечания на «Анналы» Тацита⟩	46
⟨Je suppose sous un gouvernement despotique...⟩	50
⟨О народности в литературе⟩	51
⟨Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О на- правлении нашей поэзии»⟩	52
⟨Есть различная смелость...⟩	55
⟨Отрывок заметки о «Демоне»⟩	56
⟨Об альманахе «Северная Лира»⟩	57
⟨О Байроне и его подражателях⟩	59
⟨Если звание любителя отечественной литера- туры...⟩	63

〈О романах Вальтера Скотта〉	64
〈Ignorance des seigneurs Russes...〉	66
〈Наброски статей о Баратынском〉	—
〈Наброски предисловия к «Борису Годунову»〉 .	75
〈Ответ на статью в «Атенеи» об «Евгении Онегине»〉	92
〈В зрелой словесности приходит время...〉 . .	97
〈Торвальдсен, делая бюст известного человека...〉	99
〈Несколько московских литераторов...〉	—
〈Многие недовольны нашей журнальной поле- микой...〉	102
〈Заметка о публикациях Ап. в «Северной Звезде»〉	—
〈Альманашик〉	103
Детская книжка 〈1〉 Ветреный мальчик	111
〈2〉 Маленький лжец	112
〈3. Ванюша, сын приходского дьячка〉 . .	—
〈Наброски письма в редакцию «Литературной Газеты»〉	113
〈Французские критики...〉	117
〈Заметки о критике и полемике〉	118
Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений	123
〈Разговор〉	145
〈Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений»〉 . .	152
〈Проект предисловия к последним главам «Ев- гения Онегина»〉	155
〈Наброски возражений критикам языка и стиля «Евгения Онегина»〉	158
〈Заметки о ранних поэмах〉	166
〈Заметки о народной драме и о «Марфе По- саднице» М. П. Погодина〉	169
〈Об Альфреде Мюссе〉	182
〈Наброски третьей статьи об «Истории Русского Народа» Н. А. Полевого〉	185
〈Заметки о русских журналах〉	191

⟨Заметки по истории французской революции⟩	192
⟨О народном представительстве в 1789 г.⟩	197
⟨Заметки о русском дворянстве⟩	198
⟨Заметки по истории Украины⟩	202
⟨Удельные князья...⟩	207
⟨Владетельные феодалы...⟩	—
⟨Заметка о Дмитрие Самозванце⟩	208
⟨В древние времена...⟩	—
⟨Москва была освобождена...⟩	209
⟨Заметка о Моцарте и Сальери⟩	211
О новейших романах	—
⟨Всемирно известно, что французы народ самый антипоэтический...⟩	212
⟨О «Путешествии ко св. местам» А. Н. Муравьева⟩	213
⟨План издания русских песен и статьи о них⟩	215
⟨Заметка к «Графу Нулину»⟩	—
⟨Заметки о приказах⟩	216
⟨Заметки о Дельвиге⟩	217
⟨«Путешествие из Москвы в Петербург»⟩	221
О ничтожестве литературы русской	266
⟨О Байроне⟩	279
⟨Заметки при чтении «Нестора» Шлецера⟩	287
⟨Замечания на песнь о «Полку Игореде»⟩	288

Наброски статей для «Современника»

1. ⟨Об «Истории поэзии» С. П. Шевырева⟩	299
2. Путешествие В. Л. П.	301
3. ⟨«Путешествие в Сибирь» аббата Шапп д'Отроша и «Антидот» Екатерины Второй⟩	303
⟨Перечень статей, намеченных для «Современника»⟩	304
⟨Материалы для истории Петра Великого⟩	
⟨1.) Очерк введения	305
⟨2. Заметки при чтении Введения к «Деяниям Петра Великого» Голикова⟩	307
⟨3. Выписки и конспекты.⟩ 1672 — 1689	317

{4. Заметки из неизданных тетрадей} . . .	353
⟨Заметки при чтении «Описания земли Камчат- ки» С. П. Крашенинникова⟩	359
⟨План и набросок начала статьи о Камчатке⟩ .	381

**Материалы записных книжек, черновые «мысли
и замечания», выписки и анекдоты**

⟨Старинные пословицы и поговорки⟩	385
⟨Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» 1827 г.⟩	386
Богородицыны дочки	392
⟨Выписка о Поле Поттере⟩	393
⟨Выписки из Четь-Миней⟩	394
Преподобный Савва Игумен	395
⟨Материалы о соколиной охоте⟩	396
⟨Заметка по поводу слова «блудит» в сатирах Кантемира⟩	398
⟨Гастрономические сентенции⟩	—
⟨Заметка при чтении «Путевых картин» Гейне⟩ .	—
⟨Шотландская пословица⟩	399
Table-talk	—

Дневники и автобиографические записи

⟨Из лицейского дневника 1815 г.⟩	437
⟨Из Кишиневского дневника⟩	447
⟨Из записной книжки 1820—1822 гг.⟩	450
⟨Из автобиографических записок⟩	451
⟨Воображаемый разговор с Александром I⟩ .	—
⟨Из автобиографических записок⟩	454
⟨Встреча с Кюхельбекером⟩	458
⟨Программа записок⟩	459
⟨Родословная Пушкиных и Ганнибалов⟩ . . .	461
⟨Записки 1831 г.⟩	468
⟨Заметка о холере⟩	474
⟨Запись о 18 брюмера⟩	477
⟨Программа записок⟩	479
⟨Дневник⟩	—

Записки официального назначения

О народном воспитании	529
〈Записка о Мицкевиче〉	538
〈Записка о В. Д. Сухорукове〉	—
〈Материалы по изданию газеты〉	540
〈Программа «Современника», представленная в С.-Петербургский цензурный комитет〉 . .	545

Приложения

Критические заметки на полях книг

〈Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова»〉 .	549
〈Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова〉	557
〈Заметки на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия»〉	597
〈Заметки при чтении «О государственном кре- дите» М. Ф. Орлова〉	608
〈Заметки на полях письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической Русской исто- рии» (1836)〉	609

Записи

Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве 1830	612
---	-----

Альбомные записи

〈1. Кн. А. М. Горчакову〉	617
〈2. Е. А. Энгельгардту〉	—
〈3. Чревовещателю А. Ваттемару〉	—
Варианты и комментарии	619

Редактор
И. М. Рубановский.
Художественн. редакция
М. П. Сокольников.
Лит.-технич. наблюдение
В. В. Чешихина.
Технический редактор
Л. А. Фрязинова

* * *

Сдано в набор 20/VII 1936.
Подп. в печать 10/IV 1937.
Уполн. Главлита Б-9080.
Тир 20.300. Зак. т 144140.
У. а. л. 29,88. Печ. л. 26+2
вкл. Бум. 55×82-1/32.

* * *

Москва.
Гознак, Мытная, 17.

Цена Р. 7.00

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
82	8 св.	que	qua
296	1 сн.	Заслоню	Заслоняю
443	3 „	потнше	потнше!
444	14 „	Скашите	Скажите
450	5 св.	souverains	souverains,

ПУШКИН, т. IX

